475884 р
5720

ПУШКИНЪ

и

ЕГО СОВРЕМЕННИКИ.

1948 г.

Матеріалы и изслѣдованія.

Выпускъ XVII—XVIII.

Повременное изданіе Коммиссіи для изданія сочиненій Пушкина при Отдѣленіи Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

С.-Петербургъ.
Типографія Императорской Академіи Наукъ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1913.

9758
475884

475884

В. И. ЛЕНИН

БЫЛ САМЫМ АККУРАТНЫМ ЧИТАТЕЛЕМ БИБЛИОТЕКИ

Владимир Ильич, разумеется, не считал предосудительным или ниже своего достоинства быть одним из самых аккуратных абонентов библиотеки имени Г. А. Куклина. Он вполне одобрял и ценил заведенные нами „строгие" порядки, обеспечивающие правильный кругооборот книг и целость редкостных экземпляров и архивных материалов. Владимир Ильич НЕ „ЗАЧИТАЛ" НИ ОДНОЙ КНИГИ и всегда уплачивал за чтение по тарифу.

Из воспоминаний тов. Карпинского „Записки Института ЛЕНИНА" т. II, стр. 97.

Издание Куйбышевской областной библиотеки

ЕО 13578 Зак. 50 тир. 50000. Тип. КуАИ

1948 г.

ПУШКИНЪ.

IV. 16. 94/96

26.

Инв. 6780
5720
891.71.092
П91

ПУШКИНЪ

и

ЕГО СОВРЕМЕННИКИ.

БИБЛІОТЕКА
ПЕДАГОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА
Самар. Губ. Земства.
КНИГА ИЗЪ СОБРАНІЯ
П. К. СИМОНИ.

Матеріалы и изслѣдованія.

Выпускъ XVII—XVIII.

Повременное изданіе Коммиссіи для изданія сочиненій Пушкина при Отдѣленіи Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

Куйбышевская
№ 475884
Обл. Библиотека

С.-Петербургъ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1913.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Октябрь 1913 г.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Автографъ стихотворенія «Клеветникамъ Россіи». В. Е. Якушкина ..... 1— 2
Новый автографъ Пушкина. (Съ 3 снимками съ рукописи). Б. Л. Модзалевскаго ..... 3— 6
«Молитва лейбъ-гусарскихъ офицеровъ». Д. Ѳ. Кобеко ..... 7— 12
Нѣсколько сопоставленій изъ исторіи печатнаго текста стихотвореній Пушкина періода «Зеленой Лампы». В. В. Буша ..... 13— 20
По поводу стихотворенія: «Пускай увѣнчанный любовью красоты». Д. Н. Соколова ..... 21— 34
Библіографическія примѣчанія къ нѣкоторымъ произведеніямъ Пушкина. П. Н. Столпянскаго ..... 35— 44
Замѣтки о Пушкинѣ. 1. О датировкѣ стихотворенія «Къ портрету князя П. А. Вяземскаго. 2. Пушкинъ и англійскій языкъ. М. А. Цявловскаго ..... 45— 73
Къ исторіи «Гавриліады». Сообщ. Б. Л. Модзалевскій .... 74— 76
Память о Пушкинѣ въ Гурзуфѣ. (Съ 19 рис. въ текстѣ). А. Л. Бертье-Делагарда ..... 77—155
Письма О. С. Павлищевой къ мужу, Н. И. Павлищеву, въ 1835 г. Сообщ. Л. Н. Павлищевъ ..... 156—204
Ганнибалы. Новыя данныя для ихъ біографій. I. Анны Семеновны Ганнибалъ ..... 205—248
Пушкинъ и Нинонъ. А. Полякова ..... 249—264
Изъ письма П. М. де-Роберти къ Ѳ. Н. Глинкѣ 8-го Апрѣля 1831 г. А. К. Горскаго ..... 265—266
Библіографическая замѣтка о стихотвореніи Пушкина «Женихъ». (Съ 2 снимками). Дим. В. Ульянинскаго .... 267—269
Подписка на сочиненія Пушкина въ Черниговской губерніи въ 1837 году. В. Л. Модзалевскаго ..... 270—276

Автографъ стихотворенія „Клеветникамъ Россіи“ *).

Въ обширномъ архивѣ, принадлежащемъ С. А. Юрьевичу, сохранился автографъ стихотворенія «Клеветникамъ Россіи». На листѣ почтовой бумаги большого формата (водяной знакъ: «1829 г.») написано все стихотвореніе, безъ заглавія и безъ эпиграфа, занимая первую, вторую и часть третьей страницы; внизу третьей страницы помѣчено рукою прежняго владѣльца, генерала С. А. Юрьевича, одного изъ воспитателей Цесаревича Александра Николаевича: «5 сент. 1831. Царское Село» (въ одномъ углу) и «отъ В. А. Жуковскаго, Собственно-ручно А. Пушкина» (въ другомъ углу).

Текстъ автографа даетъ нѣсколько любопытныхъ первоначальныхъ варіантовъ.

Стихъ 13-й написанъ такъ:

Славянскіе-ль ручьи *(изч)* сольются въ Русскомъ морѣ

Три зачеркнутыя буквы: «изч» показываютъ, что поэтъ хотѣлъ написать слово «изчезнутъ», но только началъ его и, зачеркнувъ написанныя три буквы, написалъ дальше въ строку: «сольются», какъ и было напечатано.

---

*) Эта замѣтка Вячеслава Евгеньевича Якушкина, скончавшагося 2-го декабря 1912 г. въ Петровскомъ-Разумовскомъ, подъ Москвою, была читана имъ въ засѣданіи Коммиссіи по изданію сочиненій Пушкина 17-го февраля 1904 г.; онъ намѣренъ былъ использовать ее при печатаніи стихотворенія «Клеветникамъ Россіи» въ Академическомъ изданіи сочиненій Пушкина. *Ред.*

Стихи 31-й и 32-й были первоначально написаны такъ:

И вы грозили намъ. Чтожь это въ самомъ дѣлѣ?
Иль старый богатырь простертый на постелѣ

Въ 31-мъ стихѣ зачеркнуто первое «И», въ словѣ «грозили» зачеркнуты три послѣднія буквы и сверху надписано: «ны»; дальше зачеркнутъ весь стихъ до конца и сверху надписано: «на словахъ! Попробуйте на дѣлѣ».

Въ стихѣ 32-мъ слово «простертый» зачеркнуто и сверху надписано: «покойный». Всѣ эти поправки, принятыя печатною редакціей, *сдѣланы рукою В. А. Жуковскаго.*

Стихъ 46-й написанъ былъ такъ:

Среди знакомыхъ имъ гробовъ.

Слово «знакомыхъ» зачеркнуто, а сверху надписано: «печуждыхъ». Эта редакція и вошла въ печатный текстъ.

В. Е. Якушкинъ.

Новый автографъ Пушкина.

(Посланіе къ А. О. Орлову).

Коллекція автографовъ, принадлежащая извѣстному Тифлисскому собирателю В. Д. Корганову, въ недавнее время обогатилась цѣннымъ пріобрѣтеніемъ: автографами Пушкина и его брата Льва Сергѣевича.

Автографъ великаго поэта не былъ до настоящаго времени извѣстенъ издателямъ сочиненій Пушкина; это — посланіе къ А. О. Орлову, переписанное набѣло съ чернового отрывка, находящагося въ рукописи Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ (№ 2364, л. 54 об.), но подвергшееся новымъ исправленіямъ, которыя почти всѣ внесены были въ окончательную, бѣловую рукопись, принадлежащую нынѣ Пушкинскому Музею Императорскаго Александровскаго Лицея. Кромѣ варіантовъ, любопытныхъ для возстановленія первоначальнаго текста, рукопись даетъ точную дату стихотворенія—4-е іюля 1819 года, подтверждая слова В. Е. Якушкина, что «посланіе къ Орлову должно быть относимо къ самому началу іюля, до отъѣзда Пушкина въ деревню»[1]), куда отправился онъ, вѣроятно, 10-го іюля.—Автографъ писанъ на полулистѣ уже очень ветхой бѣлой писчей бумаги

1) Сочиненія, изданіе Имп. Академіи Наукъ, т. II, стр. 103; тамъ же, стр. 98—103,—реальный комментарій къ этой піесѣ.

съ водяными знаками (узорчатый бордюръ, гербъ съ почтовымъ рожкомъ и подъ нимъ — буквы АО) и занимаетъ всю первую страницу полулиста и половину второй. Подъ стихотвореніемъ — помѣта карандашомъ прежняго владѣльца: «Подлинникъ Пушкина». Сбоку рукописи, съ лѣвой стороны, противъ стиха «До ночи слушать радъ его» и слѣдующихъ Пушкинъ четыре раза написалъ: «О ты» и сейчасъ же смазалъ (на снимкѣ эти слова не помѣстились).

Вотъ какъ читается текстъ новаго автографа (въ прямыхъ скобкахъ — слова зачеркнутыя):

Къ Г. О...

О ты, который сочеталъ
Съ душою пылкой, откровешной
2) Любезность, разумъ просвѣщенной
1.) Хотя и Руской Генералъ;
О ты, который съ каждымъ днемъ
Вставая на воешну муку,
[Съ досадой, можетъ быть,] Усталымъ усачамъ, верьхомъ
Преподаешь [войны] Царя науку,
Но не безславишь сгоряча
[Свою воинственную] Въ бояхъ прославленную руку
Презрѣшной палкой палача;
Орловъ! ты правъ — я забываю
Свои Гусарскія мечты
И съ Саломономъ возклицаю:
Мундиръ и сабля — суеты!
На Генерала Киселева —
Не положу своихъ надеждъ;
Онъ очень милъ — о томъ ни слова
Онъ врагъ [тиранновъ] притворства и невѣждъ,
За [жирнымъ] шумнымъ, медленнымъ обѣдомъ
Я радъ сидѣть его сосѣдомъ
[Прилѣжно] До ночи слушать радъ его....
Но онъ придворный — — обѣщанья
Ему не стоятъ ничего.

Смиривъ [мятежныя] немирныя желанья[1]),
Безъ долемана, безъ усовъ
Сокроюсь[2]) съ [мирною] тайною свободой
Съ [безпечной лирой] [любовью лѣнью] цѣвницей, нѣгой и природой
Подъ сѣнью дѣдовскихъ дубровъ — —
Надъ озеромъ, въ спокойной хатѣ
Или въ травѣ густыхъ луговъ
Или холма на злачномъ скатѣ
2.) Я буду пѣть моихъ боговъ,
1.) Въ бухарской шапкѣ и въ халатѣ,
И буду ждать.... когдажъ возстанетъ
Съ одра покоя Богъ мечей,
И новой Брани [громкой] вызовъ гряметъ
Тогда покину миръ полей—
Любимецъ[3]) пламенной Беллоны,
У трона вѣрный Гражданинъ,
Орловъ! я стану подъ знамены
Твоихъ воинственныхъ дружинъ,
Въ шатрахъ, средь [боевъ] сѣчи, средь пожаровъ
Съ мечемъ и съ лирой [золотой] боевой
Рубиться буду предъ тобой
И славу пѣть твоихъ ударовъ.

1819
4 Іюля.

Автографы Льва Сергѣевича Пушкина[4]) даютъ два неизвѣстныхъ донынѣ и любопытныхъ какъ по содержанію, такъ и по формѣ образчика его стихотворныхъ упражненій, относящихся еще ко времени пребыванія его въ Благородномъ Пансіонѣ Главнаго Педагогическаго Института (съ 1819 г. — С.-Петербургскаго

---

1) Передѣлано изъ «мечтанья».

2) Передѣлано изъ «Укроюсь».

3) Слово начато было слогомъ «На...» (Наперсникъ?).

4) Они писаны въ тетради изъ голубой писчей бумаги съ водянымъ знакомъ 1818 г., съ подписью на первой страницѣ «Пушкинъ»; заполнены лишь 6 страницъ тетради, а 18 остались чистыми.

Университета), гдѣ учился онъ въ 1817—1820 гг.: это 1) посланіе къ неизвѣстному намъ М.[1]); 2) переводъ съ французскаго, а также 3) не поддающійся разбору черновой набросокъ начала стихотворенія, начинающагося словами

Къ чему холодное...
Къ чему бѣж...
Мудрецъ угрюмый и младой
Къ чему бѣжитъ очарованья
Любьви и шалости...

и, наконецъ, 4) записанныя Львомъ Пушкинымъ, вѣроятно, по памяти, 4 первыя строфы неизвѣстнаго въ автографѣ стихотворенія его брата «Стансы» Я. Н. Толстому (нач.: «Философъ ранній ты бѣжишь»), при чемъ противъ печатнаго текста (Сочиненія, изд. Имп. Академіи Наукъ, т. II, стр. 35) имѣются варіанты: въ стихѣ 5-мъ: «Ты *ръзвыя* забавы свѣта» и въ стихѣ 9-мъ: «Повѣрь, *младой мудрецъ*, придетъ» и т. д.

Вотъ стихотворенія Л. С. Пушкина (въ прямыхъ скобкахъ— зачеркнутое):

I.

Къ М.

[Куда] Ужели дней моихъ на сладостной зарѣ
Блаженство [ясное] тихое безпечности затмится
И туча грозная, сокрытая во мглѣ
Надъ юною главой моей нависнетъ и сгустится?
Ужель увяну я во цвѣтѣ [моихъ] юныхъ лѣтъ
Не знавъ утѣхъ любви, не зная наслажденій,
[Умру любя, умру] Увяну въ горести, среди изнеможеній
И юности златой [ужель] младой поблекнетъ цвѣтъ?
Нѣтъ, милой другъ, напрасенъ злобы ядъ,
Напрасно надо мной она паритъ крылами:

1) Быть можетъ къ товарищу по Пансіону Н. А. Маркевичу или Н. А. Мельгунову (Л. Н. Майковъ, Пушкинъ, стр. 15).

Ея безъ трепета [безъ страха] лукавой вижу взглядъ,
Вотще къ себѣ манитъ холодными перстами.
[Такъ] Пѣтъ, мрачной клеветы не внятенъ гласъ ничтожной
Предъ непорочною и свѣжею душой:
Она пребудитъ вѣкъ свободною и гордой
И радость ясная обнимется со мной!

1820, 18 Августа
Б. П. С. У. 1)

II.

Съ Французскаго.

Листокъ.

Куда отъ стебля листъ отпалой
Осиротѣлой и увялой
Стремишся ты? — Не знаю самъ,
Сломила буря дубъ огромной,
Я цвѣлъ въ тѣни его вѣтвей;
Съ тѣхъ поръ на холмы отъ полей
Съ [дубравы] долины тихой по горамъ
Меня несетъ Борей суровой
Иль утра тихій вѣтерокъ,
Куда и розовой листокъ,
Куда летитъ и листъ лавровый,
Куда и все уноситъ рокъ.

1821. 17 Марта.
П.Б.

Описанныя рукописи Пушкинныхъ получены были В. Д. Коргановымъ отъ наслѣдниковъ генералъ-лейтенанта Алексѣя Николаевича Астафьева; послѣдній родился въ 1807 г. и съ 1817 г. воспитывался въ Благородномъ Пансіонѣ при Главномъ Педагогическомъ Институтѣ, гдѣ товарищами его были, между прочимъ, М. И. Глинка, С. А. Соболевскій и Левъ Пушкинъ, отъ кото-

1) Т. е.: Благородный Пансіонъ Санктпетербургскаго Университета.

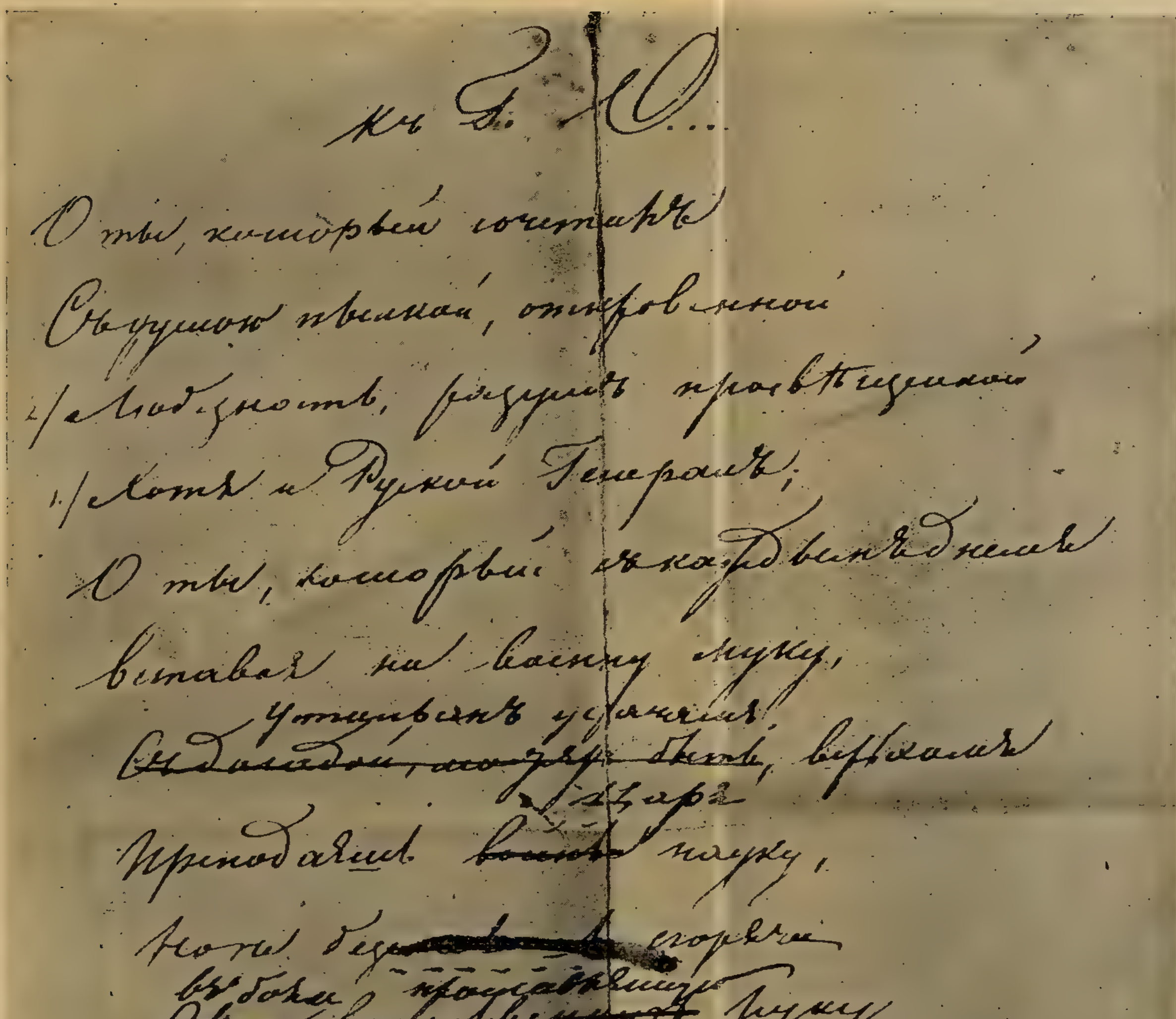
раго, конечно, и получилъ онъ описанные выше автографъ поэта и тетрадку съ его собственными стихотворными упражненіями. А. Н. Астафьевъ служилъ съ 1826 года въ л.-гв. Семеновскомъ полку, въ 1835 г. былъ пожалованъ во флигель-адъютанты, съ іюня 1839 г. былъ Комендантомъ Имп. Главной Квартиры и въ концѣ 1839 г. былъ посланъ на Кавказъ для осмотра Черноморской Береговой Линіи, которою начальствовалъ тогда извѣстный Николай Николаевичъ Раевскій — другъ обоихъ братьевъ Пушкиныхъ, изъ коихъ младшій до начала 1840 г. состоялъ при немъ адъютантомъ [1]). Въ 1856 г., будучи командующимъ 18-ой пѣхотной дивизіи, Астафьевъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты; время его смерти намъ не извѣстно [2]).

Б. Модзалевскій.

---

1) См. «Архивъ Раевскихъ», изд. П. М. Раевскаго, подъ ред. Б. Л. Модзалевскаго, т. II, С.-Пб. 1909, стр. 459—462 и др.

2) Объ А. Н. Астафьевѣ см. «Архивъ Раевскихъ», т. III, стр. 578 и др. и т. IV (по указателю).



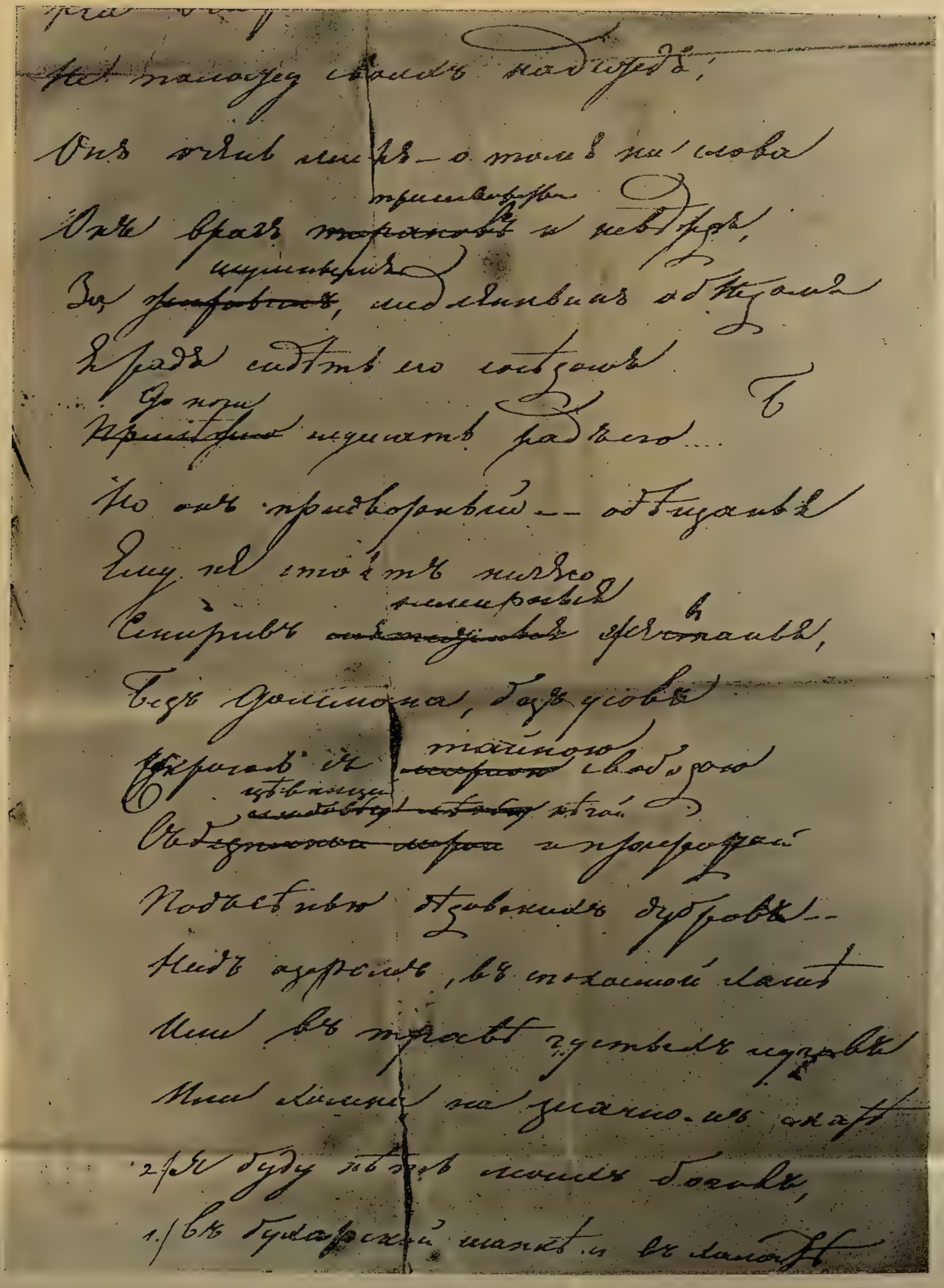
къ Ө. О...

О ты, которой сочеталъ
Съ душою пылкой, откровенной
(Любезность, разумъ просвѣщенной
(Хотя и Русской Генералъ;
О ты, которой съ каждымъ днемъ
Вставая на военну муку,
Утомленнымъ усачамъ
~~Съ досадой, ... быть~~, верхомъ
Преподаешь ~~вашу~~ царскую науку,
Но не безъ ~~...~~ сгоряча
въ боки ~~продавившую~~
~~Свою волшебную~~ руку
Придутъ плоть палкой палача;
Орловъ, ты правъ — я забываю
Свои Гусарскія мечты
И съ Соломономъ восклицаю:
Мундиръ и сабля — суеты!
На Генерала Киселева! —

Посланіе къ А. Ө. Орлову.

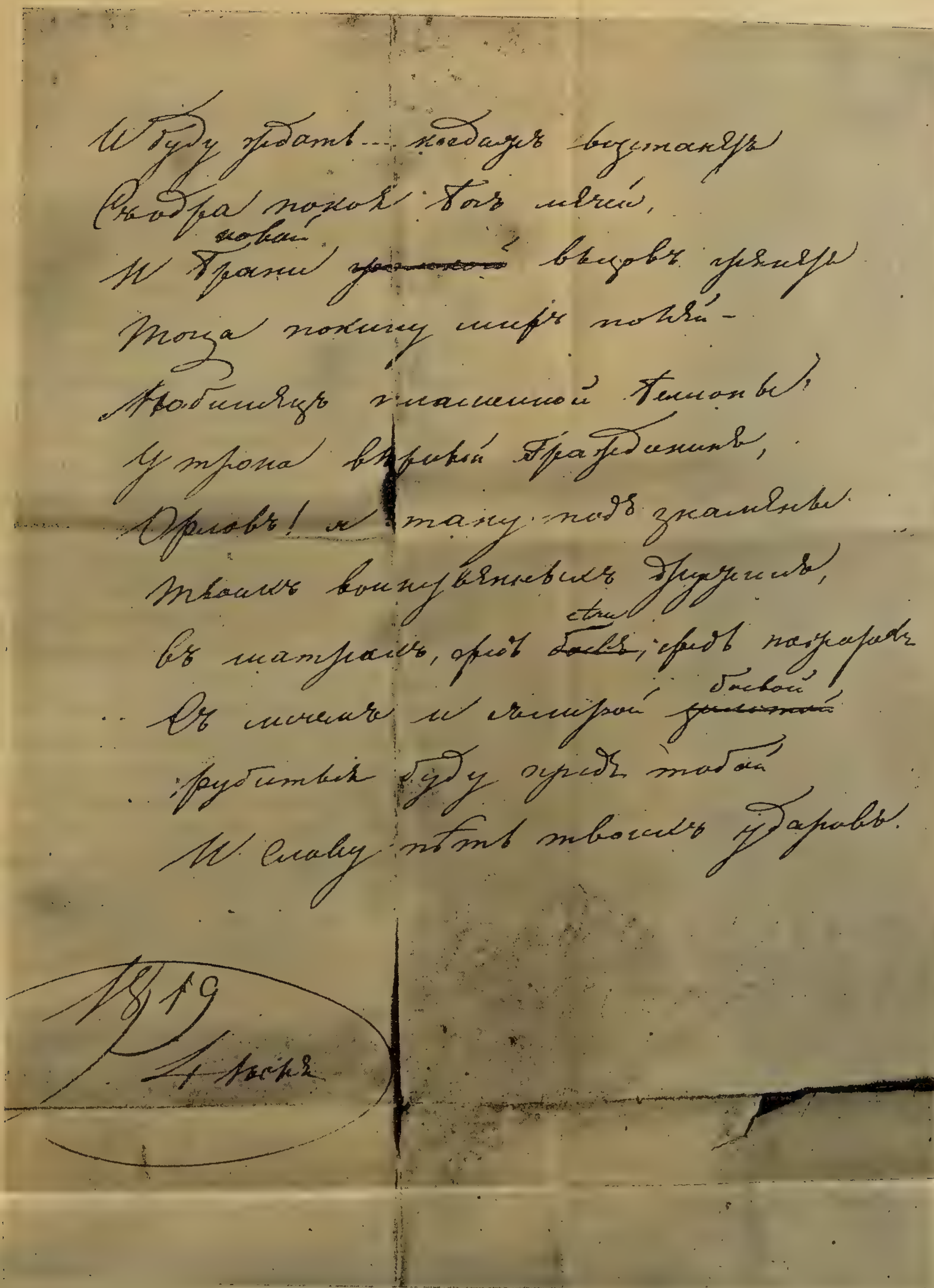
Л. 1.

135169



Посланіе къ А. Ѳ. Орлову.

Л. 1.


И буду ждать... когда возстанетъ
Съ одра покоя богъ мечей,
И брани новой вызовъ грянетъ
Тогда покину миръ полей —
Любимецъ пламенной Беллоны,
У трона върный гражданинъ,
Орловъ! я стану подъ знамены
Твоихъ воинственныхъ дружинъ,
Въ шатрахъ, средь сѣчи, средь пожаровъ
Съ мечемъ и лирой боевой
Рубиться буду предъ тобой
И славу пѣть твоихъ ударовъ.

1819
4 июня

Посланіе къ А. Ѳ. Орлову.

Л. 1. об.

„Молитва лейбъ-гусарскихъ офицеровъ“.

Въ «Библіографическихъ Запискахъ» 1858 года, № 11, помѣщена была статья за подписью И. М—къ подъ заглавіемъ: «По поводу послѣдняго изданія сочиненій А. С. Пушкина». Въ статьѣ этой, ст. 337, говорится между прочимъ, что къ 1817 году относится не напечатанное стихотвореніе Пушкина: «Молитва лейбъ-гусарскихъ офицеровъ», надѣлавшая было большихъ хлопотъ поэту. Это есть, если не ошибаюсь, первое упоминаніе о принадлежности «Молитвы» будто бы Пушкину.

Послѣ того упомянутая «Молитва» съ отмѣткою 1817 впервые напечатана была въ «Стихотвореніяхъ А. С. Пушкина», вышедшихъ въ Берлинѣ въ 1861 г. (стр. 7) и сопровождалась (стр. 228—229) слѣдующимъ примѣчаніемъ: «Пушкинъ и его товарищи, въ послѣдніе два года своего пребыванія въ Лицеѣ, сошлись весьма близко съ обществомъ офицеровъ Лейбъ-Гусарскаго полка, квартировавшаго, какъ и нынѣ, въ Царскомъ Селѣ, и посѣщали многихъ изъ нихъ весьма часто. Помянутая молитва, написанная на дежурствѣ Завадовскаго, была поднята Пашковымъ. Оскорбленный въ лицѣ своего *носа*[1]), Пашковъ вскипѣлъ благороднымъ негодованіемъ и грозилъ побить Пушкина. Завадовскій, чтобы избавить Пушкина отъ непріятности, принялъ эти стихи на себя — и дѣло грозило окончиться дуэлью. Это дошло до свѣдѣнія командира гвардейскаго корпуса князя Васильчикова, который созвалъ офицеровъ для объясненія, съ цѣлію — помирить ихъ. Все дѣло кон-

1) Избави, Господи,
. . . . . .
Кнабенау усовъ,
Пашковскихъ носовъ.

чилось тѣмъ, что на сходкѣ благоразумная партія объявила это дѣломъ дружескимъ, *пустяшнымъ*, а противная, боясь высказаться, промолчала и тѣмъ согласилась съ первой. (Сообщено Сабуровымъ)».

Наконецъ, В. П. Гаевскій въ статьѣ своей: «Пушкинъ въ Лицеѣ и лицейскія его стихотворенія» («Современникъ» 1863, стр. 392—393) перепечатывая текстъ «Молитвы» и объясненіе Сабурова, высказываетъ предположеніе, что Завадовскій принялъ на себя составленіе этой «Молитвы», будучи польщенъ упоминаніемъ о его щедрости [1]); «Молитву» же считаетъ произведеніемъ Пушкина.

Однако послѣдующіе издатели сочиненій Пушкина—Майковъ, Ефремовъ и Морозовъ — не признали «Молитву» принадлежащей Пушкину и, по нашему мнѣнію, вполнѣ правильно, такъ какъ она и не могла быть составлена Пушкинымъ.

Въ доказательство этого перечислимъ фамиліи всѣхъ упомянутыхъ въ молитвѣ офицеровъ Гусарскаго полка, расположивъ ихъ въ хронологическомъ порядкѣ поступленія въ полкъ. Списокъ этотъ составленъ по даннымъ, сообщеннымъ полковникомъ Манзеемъ въ III части «Исторіи лейбъ-гвардіи Гусарскаго Его Величества полка», С.-Пб. 1859.

Князь Любомірскій, Константинъ Савельевичъ, 10 дек. 1806—27 окт. 1817 г.
Крекшинъ, Димитрій Ивановичъ, 6 мая 1807—23 янв. 1821 г.
Баронъ Унгернъ-Штернбергъ, Отто Карловичъ, 6 мая 1807—22 янв. 1819 г.
Юшковъ, Іосифъ Ивановичъ, 29 дек. 1809—31 окт. 1821 г.
Молостовъ, Памфамиръ Христофоровичъ, 29 дек. 1811—29 янв. 1823 г.
Слатвинскій, Петръ Ивановичъ, 2 іюля 1812—11 ноября 1823 г.
Поповъ, Александръ Васпльевичъ, 21 окт. 1812—21 янв. 1827 г.
Кругликовъ, Иванъ Гавриловичъ, 16 дек. 1812 г.—14 янв. 1826 г.

---

1) Избави, Господи
. . . . . .
Завадовскаго щедрости.

Баронъ Кнабенау, Иванъ Ѳедоровичъ, 17 дек. 1815—17 окт. 1817 г.
Ховринъ, Николай Васильевичъ, 7 марта 1816—9 авг. 1819 г.
Чаадаевъ, Петръ Яковлевичъ, 5 апр. 1816—21 февр. 1821 г.
Баронъ Оффенбергъ, Ѳедоръ Петровичъ, 10 апр. 1816—11 ноября 1819 г.
Баронъ Оффенбергъ, Иванъ Петровичъ, 10 апр. 1816—29 января 1823 г.
Сабуровъ, Яковъ Ивановичъ, 10 апр. 1816—14 окт. 1819 г.
Сабуровъ, Андрей Ивановичъ, 10 апр. 1816—8 ноября 1827 г.
Сабуровъ, Александръ Ивановичъ, 10 апр. 1816—7 іюля 1826 г.
Тютчевъ, Степанъ Николаевичъ, 10 апр. 1816 г.—19 марта 1826 г.
Кавершинъ, Петръ Павловичъ, 18 авг. 1816—17 марта 1819 г.
Гротъ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, 27 окт. 1816—23 окт. 1827 г.
Микешинъ, Димитрій Алексѣевичъ, 8 ноября 1816—9 марта 1832 г.
Соломірскій, Павелъ Димитріевичъ, 6 дек. 1816—4 дек. 1839 г.
Зубовъ, Алексѣй Николаевичъ, 23 февр. 1817—18 янв. 1822 г.
Князь Салтыковъ, Иванъ Димитріевичъ, 2 іюня 1817—12 дек. 1822 г.
Пашковъ, Андрей Ивановичъ, 22 іюня 1817—27 февр. 1826 г.
Князь Барятинскій, Александръ Петровичъ, 28 іюня 1817—12 іюля 1826 г.
Ильинъ, Димитрій Васильевичъ, 22 янв. 1818—11 окт. 1823 г.
Графъ Завадовскій, Василій Петровичъ, 18 февр. 1818—18 ноября 1822 г. изъ камеръ-юнкеровъ Двора Его Величества.
Гершроссъ, Самуилъ Ѳедоровичъ, 11 марта 1818—22 іюля 1822 г.
Слѣпцовъ, Николай Сергѣевичъ, 13 апр. 1819—26 авг. 1831 г.
Рахмановъ, Николай Ѳедоровичъ, 30 окт. 1819—21 янв. 1827 г.

Изъ обзора этого списка явствуетъ, что «Молитва» гусарскихъ офицеровъ не могла быть составлена ранѣе 1819 года, когда въ полкъ поступили Слѣпцовъ и Рахмановъ и числился въ полку графъ Завадовскій, поступившій въ февралѣ 1818 года.

Стихотвореніе это, породившее неудовольствіе между офицерами, сдѣлалось извѣстнымъ командиру гвардейскаго корпуса И. В. Васильчикову, который въ недатированномъ письмѣ къ начальнику штаба князю П. М. Волконскому сообщалъ:

«Le comte Zavadofsky, officier de ce régiment, s'est permis d'écrire dans un des livres du Corps de garde du régiment des épigrammes sur la plupart de ses camarades»[1]).

1) «Русск. Арх.» 1875, XII, 405.

Такимъ образомъ, молитва вписана была Завадовскимъ въ одну изъ книгъ полковой гауптъ-вахты, а не на отдѣльномъ листкѣ, будто бы поднятомъ Пашковымъ.

И. В. Васильчиковъ назначенъ былъ командиромъ гвардейскаго корпуса 29-го сентября 1817 года, а въ это время Пушкина, покинувшаго Лицей, не было въ Царскомъ-Селѣ. Извѣстно, что Пушкинъ изъ числа показанныхъ въ спискѣ офицеровъ, находился въ особенно пріятельскихъ отношеніяхъ къ Каверину; памятникомъ этого осталась надпись поэта къ портрету Каверина. Чрезъ нѣкоторое время между пріятелями произошла размолвка. Каверинъ обидѣлся за отзывъ о немъ въ какомъ то стихотвореніи Пушкина, и послѣдній вынужденъ былъ написать извинительное къ Каверину посланіе:

Забудь, любезный мой Каверинъ,
Минутной рѣзвости нескромные стихи...

Комментаторы лицейскихъ стихотвореній Пушкина находили объясненіе этихъ его выраженій въ слѣдующемъ стихѣ «Молитвы»:

Избави, Господи...
Любомірскаго чванства,
Каверина пьянства.

Но, такъ какъ несомнѣнно, что «Молитва» не принадлежала Пушкину, то для объясненія его посланія къ Каверину необходимо предположить, что имъ написаны были какіе-то до насъ не дошедшіе «нескромные стихи». Думать надлежитъ, что размолвка пріятелей продолжалась не долго, и добрыя ихъ отношенія возстановились, такъ какъ Пушкинъ упоминаетъ въ «Евгеніи Онѣгинѣ» I гл., строфа XVI) о пирушкахъ съ Каверинымъ въ ресторанѣ Талона.

Димитрій Кобеко.

Нѣсколько сопоставленій изъ исторіи печатнаго текста стихотвореній Пушкина періода „Зеленой Лампы".

Въ произведеніяхъ Пушкина въ періодъ зеленой Лампы (1817—1820 г.) мы найдемъ много вольнолюбивыхъ мыслей, найдемъ также извѣстную долю фривольности. То и другое послужило причиной ссылки Пушкина на югъ и надолго лишило публику удовольствія читать его произведенія въ полномъ видѣ. Цензура дѣлала крупныя урѣзки по соображеніямъ политическаго и религіозно-нравственнаго характера. Теперь въ произведеніяхъ 1817—1820 г. заполнены почти всѣ пропуски.

Мнѣ кажется небезынтересно сопоставить редакціи печатнаго текста въ отдѣльныхъ изданіяхъ сочиненій Пушкина. Наиболѣе сильнымъ измѣненіямъ подверглись слѣдующія произведенія 1817—20 г.: «Деревня», «Къ Чаадаеву», «Къ Энгельгардту», «Вольность».

Печатный текстъ этихъ стихотвореній я прослѣжу по слѣдующимъ изданіямъ: 1826, 1829 и 1832 г.; 1855 (Анненкова), 1859 и 1870 г. (Геннади), 1880 и 1882 (Ефремова), 1887 г. (подъ ред. Морозова—Литературнаго Фонда), 1903 (Морозова и Ефремова) изд. Академіи Наукъ и изд. Брокгауза-Ефрона подъ ред. С. А. Венгерова.

Первыя 34 строки стихотворенія «*Деревня*» печатаются одинаково въ изданіяхъ 1826, 1829 и 1855 г., за исключеніемъ 5-го стиха: «Я промѣнялъ порочный кругъ царей»: слово «царей» было замѣнено словомъ «цирцей» въ изданіяхъ 1826, 1829, 1855 и 1859 гг. Неспорченнымъ 5-й стихъ появляется лишь въ изд. 1870 г. (Генн.). Вторая часть стихотворенія (съ 35-го стиха) совсѣмъ не печаталась или замѣнялась многоточіемъ вплоть до 1855 г. (Анненк.— вкл.). Она начинаетъ появляться лишь въ изд. 1859 г. (Генн.).

Вотъ редакціи отдѣльныхъ изданій:

I — редакція изд. 1859 г.; II — редакція изд. 1870 г. и слѣд.

I II Но мысль ужасная здѣсь душу омрачаетъ
I II Среди цвѣтущихъ нивъ и горъ
I II Другъ человѣчества печально замѣчаетъ
I II Вездѣ невѣжества губительный позоръ.
I II Не видя слезъ, не внемля стона
I II На пагубу людей избранное судьбой
I . . . . . .
II Здѣсь барство дикое, безъ чувства, безъ закона,
II Присвоило себѣ насильственной лозой
II И трудъ, и собственность и время земледѣльца;
II Склоняясь на чуждый плугъ, покоряя бичамъ,
II Здѣсь рабство тощее влачится по браздамъ
II Неумолимаго владѣльца.
II Здѣсь тягостный яремъ до гроба всѣ влекутъ
II Надеждъ и склонностей въ душѣ питать не смѣя,
II Здѣсь дѣвы юныя цвѣтутъ
II Для прихоти развратнаго злодѣя
II Опора милая старѣющихъ отцовъ,
II Младые сыновья, товарищи трудовъ
II Изъ хижины родной идутъ собою множить
II Дворовыя толпы измученныхъ рабовъ.
I II О еслибъ голосъ мой успѣлъ сердца тревожить
I II Почто въ груди моей горитъ безплодный жаръ
I II И не данъ мнѣ судьбой витійства грозный даръ?

I Увижу ль я, друзья . . . . . .
II Увижу ль я, друзья, народъ неугнетенный
II И рабство падшее по манію царя,
II И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
II Взойдетъ ли наконецъ прекрасная заря?

Приведенная таблица наглядно показываетъ измѣненія, допущенныя отдѣльными изданіями.

Стихотвореніе «*Къ Чаадаеву*» въ собраніи сочиненій появляется впервые въ изд. 1855 г. и печатается впослѣдствіи со слѣдующими измѣненіями:

1	I II III V VI[1]	Любви, надежды, тихой славы
	IV	Любви, надежды, гордой славы
2	I II III V VI	Недолго нѣжилъ насъ обманъ
	IV	Недолго тѣшилъ насъ обманъ
3	I II III IV V VI	Исчезли юныя забавы
4	I II III IV V VI	Какъ дымъ, какъ утренній туманъ
5	I II IV V VI	Но въ насъ кипятъ еще желанья
	III	Но въ насъ горятъ еще желанья
6	II	. . . . .
	III IV V VI	Подъ гнетомъ власти роковой
7	I II III IV V VI	Нетерпѣливою душой
8	I II	Мы ждемъ съ томленьемъ упованья
	III V VI	Отчизны внемлемъ упованья
	IV	Отчизны внемлемъ призыванья
9	IV V VI	Минуты вольности святой
	I	Подруги сердцу дорогой
10	I IV V VI	Какъ ждетъ любовникъ молодой

1) I — редакція изд. 1855 г. (Анн.).
II — » » 1859 г. (Генн.).
III — » » 1870 г. (»).
IV — » » 1880 г. (Ефр.).
V — » » 1882 г. (»).
VI — » » 1903 г. п. ред. Ефремова, Морозова; Ак. Н.
Арабскія цифры означаютъ порядокъ строкъ.

11	I					VI	Минуты тайнаго свиданья
				IV	V		Минуты сладкаго свиданья
12	I	II	III		V	VI	Пока надеждою горимъ
				IV			Пока свободою горимъ
13	I	II	III	IV	V	VI	Пока сердца для чести живы
14	I	II	III	IV	V	VI	Мой другъ отчизнѣ посвятимъ
15	I	II	III		V	VI	Души прекрасные порывы
				IV			Души высокіе порывы
	II						. . . . .
	II						. . . . .
	II						. . . . .
16	II						. . . . .
17				IV	V	VI	Товарищъ, вѣрь взойдетъ она
18				IV	V	VI	Заря плѣнительнаго счастья
19				IV	V	VI	Россія вспрянетъ ото сна
				IV			II
					V		II на обломкахъ . . . . .
						VI	И на обломкахъ самовластья
20						VI	Напишетъ наши имена.

Интересно сопоставить редакціи конца стихотворенія «*Къ Энгельгардту*» въ послѣднихъ изданіяхъ.

I	—	IV[1])	Пріѣду я.
I	—	IV	Въ началѣ мрачномъ октября:
I	—	IV	Съ тобою пить мы будемъ снова,
I	—	IV	Открытымъ сердцемъ говоря
I	—	IV	На счетъ глупца вельможи злова
I	—	IV	На счетъ холопа записнова
II			На счетъ . . . . .
III			На счетъ небеснаго . . . . .
		IV	На счетъ небеснаго царя
		IV	А иногда на счетъ земнова.

---

1) I — редакція изд. 1859 г. (Генн.) указана въ изд. 1855 г.
II — » » 1870 г. (»).
III — » » 1880 г. (Ефр.).
IV — » » 1882 г. (»).

Ода «*Вольность*», какъ извѣстно, отсутствуетъ въ изданіяхъ 1826, 1829, 1838, 1855, 1859 и 1870 гг. Въ изданіи 1880 г. появляется лишь небольшой отрывокъ. Слѣдующая схема наглядно и подробно показываетъ появленіе на свѣтъ отдѣльныхъ частей этой оды, доставившей Пушкину много непріятностей.

1	II III IV V VI[1])	Бѣги сокройся отъ очей
2	II III IV V VI	Цитеры слабая Царица!
3	II	Гдѣ ты, гдѣ ты
	IV V	Гдѣ ты, гдѣ ты гроза
	VI	Гдѣ ты, гдѣ ты гроза Царей
4	VI	Свободы гордая Пѣвица
	II III IV V	Свободы грозная Пѣвица
5	II	Сорви съ главы моей вѣнокъ
	III IV V VI	Приди, сорви съ меня вѣнокъ
6	II III IV V VI	Разбей изнѣженную лиру
7	II III IV V	Хочу воспѣть я Вольность міру
	VI	Хочу воспѣть свободу міру
8	II III IV V	поразить порокъ
	VI	На тронахъ поразить порокъ.
9	II III IV V VI	Открой мнѣ благородный слѣдъ
10	II III IV V VI	Того возвышеннаго Галла
11	II III IV V VI	Кому сама средь славныхъ бѣдъ
12	II III IV V VI	Ты гимны смѣлые внушала
13	II III IV V	Любимцы вѣтреной судьбы
	VI	Питомцы вѣтреной судьбы
14	II III IV V VI	Тираны міра! трепещите!
15	II III IV V VI	А вы мужайтесь и внемлите
16	II III IV V VI	Возстаньте падшіе рабы!
17	II III IV V VI	Увы, куда ни брошу взоръ
18	II III IV V VI	Вездѣ бичи, вездѣ желѣзы
19	II III IV V VI	Законовъ гибельный позоръ

1) I — редакція изд. 1880 г. (Ефр.).
II — » » 1882 г. (»).
III — » » 1887 г. (Мор.).
IV — » » 1903 г. (Ефр.).
V — » » 1903 г. (Мор.).
VI — » » 1905 г. (Акад. Наукъ) и 1906 (С. А. Венгерова).

20	II III IV V VI	Неволи немощныя слезы.
21	II III IV V VI	Вездѣ неправедная власть
22	II III IV V VI	Въ сгущенной мглѣ предразсужденій
23	III IV V	Повсюду рабства грозный геній
	VI	Возсѣла Рабства грозный Геній
24	II III IV V	II къ славѣ роковая страсть
	VI	И Славы роковая Страсть
25	II III IV	Лишь тамъ
	V	Лишь тамъ надъ . . . . . главой
	VI	Лишь тамъ надъ Царскою главой
26	II III IV V	Неслышимо людей стенанье
	VI	Народовъ не легло страданье
27	II III IV V VI	Гдѣ крѣпко съ вольностью святой
28	II III IV V VI	Законовъ мощныхъ сочетанье;
29	II III IV V VI	Гдѣ всѣмъ простертъ ихъ твердый щитъ
30	II III IV V VI	Гдѣ сжатый вѣрными руками
31	II III IV V VI	Гражданъ надъ равными главами
32	II III IV V VI	Ихъ мечъ безъ выбора скользитъ
33	II III IV V VI	И преступленье съ высока
34	II III IV V VI	Сражаетъ праведнымъ размахомъ
35	II III IV V VI	Гдѣ не подкупна ихъ рука
36	II	Ни алчной скупостью, ни страхомъ
	III IV	[Многоточіе и примѣч.: «пропущено 8 строкъ»]
	V	Ни къ злату алчностью, ни страхомъ!
	VI	Ни алчной скупостью ни страхомъ
37	V	. . . . .
38	V	. . . . .
39	V	. . . . .
	VI	Владыки! вамъ вѣнецъ и тронъ
	VI	Даетъ законъ—а не Природа—
	VI	Стоите выше вы народа
40	V VI	По вѣчный выше васъ законъ
41	V VI	И горе, горе племенамъ
42	V	Гдѣ онъ блюденъ неосторожно
	VI	Гдѣ дремлетъ онъ неосторожно
43	V	Гдѣ . . . . .
	VI	Гдѣ иль Народу иль Царямъ
44	V VI	Закономъ властвовать возможно!
45	II III IV V VI	Тебя въ свидѣтели зову
46	II III IV V VI	О мученикъ ошибокъ славныхъ

47 II III IV V VI За предковъ въ шумѣ бурь недавнихъ
48 II III IV V VI Сложившій Царскую главу
49 I II III IV V VI Восходитъ къ смерти Людовикъ
50 I II III IV V VI Въ виду безмолвнаго потомства
51 I II III IV V Челомъ развѣнчаннымъ пришикъ
51 VI Главой развѣнчанной пришикъ
52 I II III IV V VI Къ кровавой плахѣ Вѣроломства
53 I II III IV V VI Молчитъ законъ—Народъ молчитъ
54 I II III IV V VI Падетъ преступная сѣкира
55 I II III IV V И самовластная порфира
55 VI И се злодѣйская порфира
56 I II III IV V VI На Галлахъ скованныхъ лежитъ
57 III IV V VI Самовластительный законъ
58 III IV V Тебя Твой родъ я ненавижу
58 VI Тебя Твой тронъ я ненавижу
59 III IV V VI Твою погибель, смерть дѣтей
60 III IV V Съ свирѣпой радостью я вижу
60 VI Съ жестокой радостію вижу
61 III IV V VI Читаютъ на твоемъ челѣ
62 III IV V VI Печать проклятія Народы
63 III IV V Ты ужасъ неба, срамъ природы
63 VI Ты ужасъ міра стыдъ Природы
64 III IV V VI Упрекъ ты Богу на землѣ
65 III IV V Когда.....
65 VI Когда на мрачную Неву
66 III IV V VI Звѣзда полуночи сверкаетъ
67 III IV V VI II беззаботную главу
68 III IV V Спокойно сонъ къ себѣ склоняетъ
68 VI Спокойный сонъ отягощаетъ
69 III IV V VI Глядитъ задумчивой пѣвецъ
70 III IV V На грозный спящій средь тумана
70 VI На грозно спящій средь тумана
71 III IV V VI Пустынный памятникъ тирана
72 III IV V VI Забвенно брошенный дворецъ
73 III IV V Онъ слышитъ Кліи страшный гласъ
73 VI И слышетъ Кліи страшный гласъ
74 III IV V Надъ сими мрачными стѣнами
74 VI За сими страшными стѣнами
75 III IV V VI Калигулы послѣдній часъ
76 III IV V VI Онъ видитъ живо предъ очами

III IV [Многоточіе и примѣч.: «Пропущено 20 стиховъ»]
V . . . . . .
V . . . . . .
77 V . . . . . .
78 V . . . . . .
79 VI Онъ видитъ — въ лентахъ и звѣздахъ
80 VI Виномъ и злобой упоенны
VI Идутъ убійцы потаенны
VI На лицахъ дерзость въ сердцѣ страхъ
81 V VI Молчитъ невѣрной часовой
82 V Опущенъ тихо мостъ подъемный
VI Опущенъ молча мостъ подъемный
83 V VI Врата отверзты въ тьмѣ ночной
84 V VI Рукой предательства наемной
85 V VI О стыдъ! о ужасъ нашихъ дней
86 V VI Какъ звѣри вторглись янычары!...
87 V VI Падутъ безславные удары
88 V VI Погибъ увѣнчанный злодѣй
89 V . . . . . .
VI И днесь учитеся Цари
90 VI Ни наказанья ни награды
91 VI Ни кровъ темницъ, ни олтари
92 VI Не вѣрныя для васъ ограды
93 VI Склонитесь первые главой
94 VI Подъ сѣнь надежную закона
95 VI И стануть вѣчной стражей трона
96 VI Народовъ вольность и покой.

Влад. Бушъ.

По поводу стихотворенія: „Пускай увѣнчанный любовью красоты“.

Это стихотвореніе, составляющее новость III-го тома Академическаго изданія сочиненій Пушкина (стр. 216; прим. стр. 389), отнесено редакціею къ 1824 году «потому, что именно въ эту пору поэтъ, внезапно перенесенный съ юга на сѣверъ, долженъ былъ особенно чувствовать тяжесть „часовъ томительной разлуки“ съ милыми сердцу». По существу вполнѣ присоединяясь къ мнѣнію П. О. Морозова, я замѣчу только, что соотвѣтственно содержанію стихотворенія слѣдовало-бы поставить: «съ милою», если уже избѣгать назвать имя графини (впослѣдствіи княгини) Елизаветы Ксаверьевны Воронцовой.

Дѣйствительно, чтобы назвать это имя послѣ статьи М. О. Гершензона: «Пушкинъ и графиня Воронцова»[1]), въ которой онъ отрицаетъ возможность относить къ этому лицу какое-либо изъ стихотвореній Пушкина, гдѣ рѣчь идетъ о раздѣленной любви, необходимо вновь пересмотрѣть этотъ вопросъ. Г. Гершензонъ полагаетъ[2]), что по поводу отношеній Пушкина къ графинѣ намъ извѣстны только слѣдующія данныя: 1) запись имени «Элиза» въ такъ-называемомъ Донъ-Жуанскомъ спискѣ Пушкина, 2) отмѣтка его въ тетради противъ I и II строфъ 3-ей главы Евгенія Онѣгина (подъ 8 февраля 1824 г.): «soupé chez C. E. V.» (comtesse Elisabeth Voronzov). Впрочемъ далѣе[3]) онъ признаетъ еще третій фактъ: подарокъ перстня графиней

---

1) «Вѣстникъ Европы» 1909, № 2; перепеч. въ сборникѣ «Образы прошлаго», М. 1912.

2) Тамъ-же, стр. 531.

3) Тамъ-же, стр. 536.

Воронцовою Пушкину. В. П. Гаевскій въ своемъ изслѣдованіи «о перстнѣ Пушкина»[1]) сообщаетъ, что въ сохранявшейся у него запискѣ И. С. Тургенева, составлявшей «свидѣтельство» къ перстню на Пушкинской выставкѣ, сказано: «.....перстень этотъ былъ подаренъ Пушкину въ Одессѣ княгинею Воронцовой. Онъ носилъ почти постоянно этотъ перстень (по поводу котораго написалъ свое стихотвореніе «Талисманъ»[2]).....». Это доставляетъ намъ (въ «Талисманѣ») показаніе самого Пушкина, что «волшебница» его любила.

Свидѣтельство сестры Пушкина, Ольги Сергѣевны, записанное Анненковымъ[3]): «Сестра поэта, О. С. Павлищева, говорила намъ, что когда приходило письмо изъ Одессы съ печатью, изукрашенною точно такими-же кабалистическими знаками, какіе находились на перстнѣ ея брата, послѣдній запирался въ своей комнатѣ, никуда не выходилъ и никого не принималъ къ себѣ»,—опровергается слѣдующимъ образомъ: «Есть-ли малѣйшая вѣроятность, что графиня Воронцова имѣла два одинаковыхъ перстня съ *древне-еврейскою* надписью: «Симха, сынъ почтеннаго раббн Іосифа старца, да будетъ его память благословенна», или что прежде, чѣмъ дарить перстень Пушкину, она заказала себѣ дубликатъ?»[4]).

Прежде, чѣмъ возражать на это по существу, я замѣчу, что для надписи на перстнѣ г. Гаевскій даетъ болѣе вѣрную редакцію перевода, опирающуюся на авторитетъ двухъ извѣстныхъ ученыхъ-гебраистовъ — д-ра А. Я. Гаркави и проф. Д. А. Хвольсона (старшаго): «Симха, сынъ пресвятѣйшаго Іосифа старца, да будетъ его память благословенна», при чемъ первый поясняетъ,

---

1) «Вѣстн. Евр.» 1888, № 2, стр. 534. Объ этомъ изслѣдованіи В. П. Гаевскаго М. О. Гершензонъ не упоминаетъ, а также не разсматриваетъ стихотворенія «Талисманъ».

2) На листкѣ съ окончаніемъ «Талисмана» Пушкинъ сдѣлалъ 5 сургучныхъ оттисковъ перстня (В. И. Срезневскій, «Пушкинская коллекція А. А. Майковой» — «Пушкинъ и его совр.», вып. IV, стр. 9).

3) Пушкинъ въ Александровскую эпоху — «Вѣстн. Евр.» 1874, № 2, стр. 526.

4) Указ. ст. М. О. Гершензона, стр. 536—7.

что почеркъ надписи (полукурсивными или раввинскими буквами) и слово «старца» указываютъ на крымско-караимское происхожденіе перстня, а второй прибавляетъ, что надпись была вырѣзана въ концѣ XVIII-го или въ началѣ XIX-го вѣка[1]). Поэтому выраженіе «древне-еврейскій», подчеркнутое г. Гершензономъ, не только палеографически ошибочно, но и не имѣетъ значенія въ смыслѣ указанія на рѣдкость перстня или затруднительность изготовленія дубликата въ Одессѣ въ тѣ времена.

Трудно допустить, что разсказъ Ольги Сергѣевны Анненкову есть ея измышленіе; основаній для такого предположенія я не знаю. Поэтому или надо указать фактическое, а не гипотетическое опроверженіе ея показанію, или считаться съ нимъ, какъ съ фактомъ[2]) и искать ему объясненія, какъ могъ у дарительницы оказаться дубликатъ, на существованіе котораго къ тому-же указываютъ стихи 9—10 «Сожженаго письма»:

Ужъ перстня вѣрнаго утратя впечатлѣнье,
Растопленный сургучъ кипитъ.....

Изъ разсматриваемаго разсказа видно, что печать служила для Пушкина признакомъ, отъ кого пришло письмо: стало-быть она была условнымъ знакомъ — можетъ быть для обоихъ корреспондентовъ, не вскрывать письма при свидѣтеляхъ[3]). Кромѣ

---

1) «Вѣстн. Европы» 1888, № 2, стр. 536—537.

2) Такъ какъ Анненковъ писалъ (1873) при жизни княгини Воронцовой († 1880), то онъ не называетъ ея имени. Вотъ почему допустима возможность, что отнесеніе къ ней записи 5 сентября 1824: «u. l. d....» и «Сожженаго письма» было сдѣлано имъ со словъ сестры поэта, разсказъ которой помѣщенъ имъ между указаніями на то и другое.

3) Противъ подобнаго соображенія г. Гершензонъ выдвигаетъ вопросъ: «какъ могла графиня сговориться съ Пушкинымъ о перепискѣ, разъ она, уѣзжая изъ Одессы, еще вовсе и не знала, что больше не застанетъ его въ Одессѣ?» Отвѣчаю: во 1-хъ, они могли обмѣниваться тайными записками и въ Одессѣ (какъ было ранѣе съ г-жею Ризничъ); во 2-хъ, ссора съ гр. Воронцовымъ была въ маѣ, и 25-го мая, не менѣе трехъ недѣль до отъѣзда графини, Пушкинъ пишетъ къ Казначееву о своемъ желаніи отставки и отъѣзда. (Переписка, томъ I, Акад. изд., стр. 109). Второе предположеніе—болѣе вѣроятно, какъ будетъ указано ниже.

того, подарить (счастливому) поклоннику *свой* перстень и получить отъ него взамѣнъ дублетъ могло имѣть цѣлью: 1) скрыть фактъ подарка отъ близкихъ и 2) совершить съ нимъ символическое обрученіе въ «залогъ любви», въ знакъ «вѣрности»[1]). Вотъ въ какомъ смыслѣ перстень, запечатавшій сожженое письмо, могъ получить эпитетъ «вѣрнаго».

Въ Одессѣ не трудно было найти и сердоликъ (камень, изъ котораго былъ сдѣланъ перстень)[2]), и рѣзчика-еврея, даже караима, который сумѣлъ-бы достаточно точно скопировать надпись.

В. П. Гаевскій полагалъ, что и графиня, и Пушкинъ вѣрили въ таинственную силу перстня[3]). Сомнѣваюсь въ этомъ. Первой, при ея положеніи въ Одессѣ, не трудно было узнать переводъ надписи, и удивительно было-бы, если бы она не попыталась это сдѣлать[4]), а мистифицировать Пушкина она, особенно при обстоятельствахъ даренія перстня «въ дни гоненья», конечно, не могла имѣть въ виду. Суевѣрность поэта засвидѣтельствована многими и имъ самимъ; но въ отношеніи перстня была скорѣе симуляція суевѣрія, чтобы не называть истинной причины привязанности къ нему. Изъ словъ его въ «Талисманѣ» видно ясно, что онъ называетъ перстень талисманомъ не болѣе серьезно, чѣмъ его

---

1) Обѣщаніе, соотвѣтствующее словамъ («Желаніе славы», ст. 13—14):

Другую, какъ меня, скажи, любить не будешь?
Ты никогда меня не позабудешь?

2) О перстнѣ Пушкина, стр. 533. Въ тѣ времена сердоликъ былъ очень обычнымъ матеріаломъ для разныхъ мелкихъ вещей: дамскихъ печатей, рѣзныхъ перстней, даже колецъ; его розоватый цвѣтъ могъ считаться знакомъ, что онъ «любовью данъ».

3) Тамъ-же, стр. 523.

4) При канцеляріи графа М. С. Воронцова, въ вѣдѣніи котораго былъ и Крымъ съ его татарами и караимами, состоялъ чиновникъ-оріенталистъ. Кромѣ того, «полу-милордъ», онъ въ Новороссіи (какъ впослѣдствіи и на Кавказѣ) заботился о научномъ изученіи ввѣреннаго ему края, любилъ собирать вокругъ себя ученыхъ, которыхъ приглашалъ къ себѣ и представлялъ графинѣ. Даже въ чиновники своей канцеляріи онъ подбиралъ людей образованныхъ, которымъ иногда давалъ порученія научнаго характера (одному, напримѣръ, описаніе Бахчисарайскаго некрополя, другому — собираніе греческихъ древностей въ Бессарабіи). Эпитетъ «полу-невѣжды» былъ однимъ изъ наиболѣе незаслуженныхъ въ извѣстной эпиграммѣ.

дарительницу — волшебницею: вѣдь заключительные стихи приписываютъ «Талисману» очень простыя, волшебныя только по названію свойства: сохранить отъ измѣны *ей*, отъ забвенія *ея* и только; это просто — «залогъ любви», знакъ памяти отъ возлюбленной. Все стихотвореніе написано въ шутливомъ тонѣ[1]); соотвѣтственно ему героиня наряжена волшебницею и татаркою: «И поклонниковъ *Пророка*», а дѣйствіе перенесено на южный берегъ Крыма:

Тамъ, гдѣ море вѣчно плещетъ
На пустынныя скалы,
. . . . . .
Гдѣ въ гаремахъ наслаждаясь
Дни проводитъ мусульманъ. . .

Весьма возможно, что *поводъ* къ такому перенесенію могло подать поэту извѣстное ему крымское происхожденіе перстня, хотя, конечно, цѣлью было замаскировать лицо дарительницы.

Отрывокъ о талисманѣ:

Въ пещерѣ тайной, въ день гоненья,
Читалъ я сладостный Коранъ,
Внезапно Ангелъ Утѣшенья,
Влетѣвъ, принесъ мнѣ талисманъ.
. . . . . .

(Акад. изд., т. III, стр. 285, прим. стр. 465) отнесенъ П. О. Морозовымъ, вслѣдъ за г. Лернеромъ, къ 1824 году. Толкованіе ихъ, что «день гоненья» есть указаніе на положеніе Пушкина въ Одессѣ лѣтомъ 1824 года, неоспоримо, но эти слова еще не опредѣляютъ времени написанія отрывка, который

---

1) «Талисманъ» написанъ въ 1827 году, отдѣленномъ отъ «Сожженаго письма» промежуткомъ, на который падаютъ мелкія увлеченія Осиповою («Признаніе»), Керномъ и короткое, но болѣе сильное — С. Ѳ. Пушкиною. Возвращеніе къ прежней склонности въ 1827 г. носило уже иной, спокойный характеръ: здѣсь поэтъ вовсе не говоритъ о своихъ чувствахъ къ ней,— наоборотъ, «волшебница», ласкаясь, упрашиваетъ его не пренебречь ея подаркомъ.

въ тетради № 2370, л. 68 об. помѣщается подъ стихами изъ «Евгенія Онѣгина»:

Я жилъ тогда въ Одессѣ пыльной

и былъ написанъ, повидимому, по поводу воспоминаній объ Одесскомъ пребываніи поэта непосредственно послѣ этихъ стиховъ. Здѣсь, правда, дарительница талисмана является въ видѣ Ангела Утѣшенія, но все-же нѣтъ того страстнаго лиризма, какой характеренъ для стихотвореній разсматриваемаго цикла времени съ весны 1824 по январь 1825. Я отмѣчу, что въ черновикѣ отрывокъ начинался: «у брега водъ», что «въ день» поставлено вмѣсто зачеркнутаго «въ ночь», и что талисманъ первоначально былъ названъ «тайнымъ». По поводу «пещеры тайной» укажу на отрывокъ:

Пріютъ любви, онъ вѣчно полнъ
Прохлады сумрачной и влажной,
Въ немъ никогда стѣсненныхъ волнъ
Не умолкаетъ шумъ протяжный

(Акад. изд., т. III, стр. 206, прим. стр. 370), въ которомъ вмѣсто «пріютъ любви» стояло первоначально «пещера дикая», вмѣсто 3 ст. было: «Въ ней плещутъ волны и всегда», а первая редакція черновика была:

Есть у моря подъ скалой
Уединенная пещера
Обитель нѣги, въ лѣтній зной
Она прохладной темнотой
Полна. . . . . .

Мѣсто двухъ редакцій отрывка—на оборотѣ 3-го листа и въ началѣ 6-го тетради № 2370, между первымъ письмомъ къ Казначееву и концомъ письма Татьяны, довольно точно указываетъ время: конецъ мая 1824 г. или самое начало іюня. Едва-ли мо-

жетъ быть сомнѣніе въ томъ, что «тайная пещера у брега водъ» и «уединенная пещера у моря, обитель нѣги, пріютъ любви» — одно и то-же мѣсто, гдѣ ночью конца мая или самаго начала іюня 1824 г. поэтъ получилъ тайный подарокъ, перстень-«талисманъ».

Поводомъ назвать «талисманомъ» знакъ памяти, «залогъ любви» (а не вслѣдствіе вѣры въ его волшебную силу) могъ, дѣйствительно, быть романъ популярнаго тогда Вальтеръ-Скотта[1]); прибавлю, что не только графиня Воронцова, но и Пушкинъ не нуждался тогда въ русскомъ переводѣ и, вѣроятно, предпочиталъ читать его въ подлинникѣ[2]).

Отрывокъ:

Морей наперсникъ окрыленный

(Акад. изд., т. III, прим., стр. 481) по мѣсту въ тетради об. 7-го листа, стоитъ между только-что разсмотрѣннымъ отрывкомъ и вторымъ письмомъ къ Казначееву,— слѣдовательно, написанъ въ первой половинѣ іюня 1824 г., т. е., какъ разъ при отъѣздѣ графини Воронцовой съ больною дочерью и въ сопровожденіи мужа въ Крымъ. «Западное дыханіе» въ черновикѣ соотвѣтствуетъ направленію отъ Одессы къ Крыму.

Форма отрывка навѣяна началомъ III-ей оды 1-ой книги одъ Горація, несомнѣнно извѣстной Пушкину — она упомянута въ посланіи А. Л. Давыдову, написанномъ въ Одессѣ и — въ началѣ того-же 1824 года. Цитирую соотвѣтствующіе отрывку стихи ея по русскому изданію 1823 года, которымъ могъ пользоваться Пушкинъ[3]):

---

1) Какъ полагаетъ В. П. Гаевскій («О перстнѣ П.», стр. 523).

2) Въ письмѣ А. А. Бестужеву, писанномъ въ іюнѣ 1825 г. (Переписка, т. I, Акад. изд., № 168), онъ оба раза пишетъ фамилію этого писателя латинскимъ шрифтомъ.

3) Q. H. Flaccі opera. E recensione pr. cel. Buhle cum commentario, ex Janio desumpto. Mosquae, typis Cesareae Universitatis, 1823.

Sic te Diva potens Cypri,
Sic fratres Helenae, lucida sidera,
Ventorumque regat pater,
Obstrictis aliis, praeter Japyga.
Navis, quae tibi creditum
Debes Virgilium, finibus Atticis
Reddas incolumem, praecor
Et serves animae dimidium meae.

Въ комментаріи къ этой одѣ (стр. 142) pater (ventorum) пояснено: «Эолъ», Japyx — «западный вѣтеръ». Если подставить эти глоссы и принять во вниманіе зачеркнутыя въ черновикѣ: «западнымъ (дыханьемъ)» и «молю», то сходство будетъ еще болѣе яснымъ, такъ-что черновикъ можно назвать вольнымъ переводомъ 3—8 стиховъ оды Горація.

Въ этомъ отрывкѣ, равно какъ и въ предыдущемъ обращаетъ на себя вниманіе характерный пріемъ: въ черновой редакціи больше личныхъ переживаній, которыя при отдѣлкѣ поэтъ стремится замаскировать, такъ-сказать «зашифровать»; подобнымъ-же образомъ освобождалъ себя онъ и отъ чужихъ вліяній, такъ-что окончательная редакція, напримѣръ, послѣдняго отрывка напоминаетъ античный прообразъ почти только общими пріемами, каковы вычурность перваго стиха и обращеніе къ кораблю и вѣтру.

Вслѣдъ за многими другими я отношу къ разсматриваемому циклу стихотвореній и «Желаніе славы». Цитированные выше стихи 13—14 соотвѣтствуютъ предпослѣднему «Талисмана», а послѣдній:

Въ саду, во тьмѣ ночной, въ минуту разлученья

напоминаетъ «ночь гоненья» въ отрывкѣ о талисманѣ. Вѣроятно, «пещера дикая» была искуственнымъ гротомъ въ какомъ-то саду около Одессы[1]).

---

1) По изслѣдованію П. Е. Щеголева (въ статьѣ: «А. Ризничъ въ поэзіи Пушкина», которую цитирую по второму изданію въ книгѣ того-же автора «Пушкинъ», С.-Пб. 1912, стр. 209—210), черновикъ этой пьесы относится къ декабрю 1823; окончательная редакція помѣчена 7-мъ іюля 1825 г.

Какъ указалъ П. О. Морозовъ[1]), съ послѣднимъ стихотвореніемъ не согласованъ отрывокъ «Все кончено, межъ нами связи нѣтъ», но рѣшающее въ этомъ смыслѣ значеніе имѣетъ указаніе П. Е. Щеголева[2]), что онъ написанъ на одномъ листѣ и выше письма къ Бестужеву отъ 8-го февраля 1824 г.—стало-быть, относится ко дню, подъ которымъ отмѣчено: soupé chez C(omtesse) E(lisabeth) V(oronzov).

«Ангелъ» принято относить къ тому-же циклу; такъ-какъ эта пьеса посвящена чувствамъ «Демона», т. е. А. Н. Раевскаго, а не Пушкина, то съ новымъ стихотвореніемъ она не имѣетъ точекъ соприкосновенія. Не имѣетъ ихъ и стихотвореніе «Ненастный день потухъ», родственное «Талисману» развитіемъ темы: «гдѣ луна теплѣе блещетъ».

Послѣдняя пьеса разобрана П. Е. Щеголевымъ[3]) и потому я укажу только одно его-же замѣчаніе, всего значенія котораго онъ или не предусмотрѣлъ, или не находилъ нужнымъ излагать въ цитированномъ мѣстѣ:

10. Вотъ *время*: по горѣ теперь идетъ она
Къ брегамъ, потопленнымъ шумящими волнами
Тамъ, подъ *завѣтными* скалами,
Теперь она сидитъ, печальна и одна
(курсивы г. Щеголева).

«Въ Италіи», замѣчаетъ г. Щеголевъ, для Пушкина не было завѣтныхъ» скалъ. Рѣчь идетъ, очевидно, объ Одессѣ, а подъ скалами нужно разумѣть не скалы горъ, а «*скалы гротовъ*» (курсивъ мой). Это, дѣйствительно, «пещера у брега водъ», «у моря подъ скалой», «гдѣ льются вѣчныя струи», «Въ ней плещутъ волны — и всегда Не умолкаетъ шумъ протяжный», «пещера тайная», «гдѣ море вѣчно плещетъ на пустынныя скалы». Повтореніе слова «одна» и послѣдующіе за выписанными стихи показываютъ, что тамъ

1) Акад. изд., т. III прим., стр. 368.
2) Цит. кн., стр. 208.
3) Цит. кн., стр. 205.

происходили свиданія: вѣдь это — «пріютъ любви», «обитель нѣги», гдѣ съ книгою въ рукахъ («читалъ я. . .») поэтъ ожидалъ ея прихода въ опредѣленное время («вотъ *время*»).

Выше было упомянуто о «Сожженомъ письмѣ», написанномъ въ январѣ 1825 г., по поводу доставляемаго имъ указанія на дублетъ перстня; оно указываетъ также на послѣднее извѣстное намъ «тайное письмо», и имъ заканчивается первый періодъ разсматриваемаго цикла стихотвореній[1]); послѣ двухлѣтняго промежутка за нимъ слѣдуетъ періодъ 1827 года (или 1827—1830, если, слѣдуя Анненкову, относить сюда-же и «Разставанье», — что̀ весьма вѣроятно).

По времени на первый періодъ падаетъ «Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ», помѣченный 26-мъ сентября 1824 г.; по четыре стиха (9—12) изъ него находятся въ тетради № 2370, л. 2 об., т. е. между первымъ письмомъ къ Казначееву и эпиграммою «Неловкій льстецъ. . . .»,— стало-быть, начато было оно скорѣе всего въ маѣ (совершенно параллельно строфамъ XXXII и XXXIII третьей главы «Евгенія Онѣгина», также перенесеннымъ съ мая на сентябрь). Поэтому не могу присоединиться къ мнѣнію П. Е. Щеголева и П. О. Морозова, что реплика поэта — ст. 137—175 относится къ М. Н. Раевской[2]). Къ невѣстѣ блестящаго князя С. Г. Волконскаго (помолвка ихъ приблизительно совпала съ окончаніемъ пьесы) никакъ не подходятъ ни стихи 152—153:

Тамъ сердце ихъ поймет̀ъ одно
И то съ печальнымъ содраганьемъ,

ни ст. 162 въ черновой редакціи, такъ-какъ со стороны ея Пушкинъ взаимностью никогда не пользовался. Мнѣ кажется недопустимымъ, чтобы въ періодъ страстнаго увлеченія графиней

---

1) Если не заканчивать его датою окончательной отдѣлки «Желанія славы», 7-мъ іюля 1825 г.

2) П. Е. Щеголевъ, «Пушкинъ», стр. 146; Акад. изд., т. III, прим., стр. 409.

Воронцовою и переписки съ нею Пушкинъ могъ посвящать другой стихи, проникнутые такимъ горячимъ чувствомъ. Ст. 172—175 могутъ казаться противорѣчащими, но въ черновикѣ было:

Нѣтъ, *наши бренныя созданья*,
Какъ божеству, не нужны ей,—

т. е., она отвергла не любовь поэта, а просьбы его дозволить воспѣвать ее открыто,—это отвѣтъ на зачеркнутые стихи въ вопросѣ Книгопродавца:

Назвали-бъ сѣверной Кориной
При плескахъ радостныхъ Молвы?

«Шумъ чудесный» въ черновикѣ 159 ст. указываетъ не на Крымъ, а на «пріютъ любви», на пещеру, гдѣ былъ врученъ талисманъ:

Тамъ никогда стѣсненныхъ волнъ
Не умолкаетъ *шумъ протяжный*,

а въ черновикѣ:

Обитель нѣги, въ лѣтній зной
Она прохладной темнотой
Полна...

Въ «Разговорѣ...» ст. 159—162 первоначально были:

Тамъ, тамъ, гдѣ тѣнь, гдѣ шумъ чудесный,
Гдѣ льются вѣчныя струи
Я находилъ огонь небесный,
Томимый сладостью любви.

Эти прямыя указанія черновика зашифрованы въ окончательной редакціи, а ст. 159—160 даже въ передѣланномъ видѣ не были напечатаны авторомъ. Характерно и запоздавшее желаніе поэта 1824 годъ замѣнить 1823-мъ: въ отношеніи М. Н. Раевской (и кого-бы то ни было еще) такая замѣна ничего-бы не достигла и только въ отношеніи графини Воронцовой она замаскировала-бы

истину (какъ это достигнуто, повидимому, для стих. «Ненастный день потухъ»). Что ст. 162 прямо указываетъ на раздѣленную любовь, показалось автору слишкомъ ясно и потому онъ передѣлалъ въ: «Сгорая жаждою»; но ст. 148 былъ спасенъ, по отзыву самого поэта, его красотою [1]).

Новое стихотвореніе по тону страстной тоски вполнѣ подходитъ подъ пьесы перваго періода разсматриваемаго цикла и особенно близко къ «Сожженому письму». Съ послѣднимъ его сближаетъ указаніе на «тайныя письма» и на медальонъ («въ завѣтномъ золотѣ»), въ которомъ хранились сначала письма, а потомъ ихъ пепелъ:

. . . . . Пепелъ милый
. . . . . .
Останься ввѣкъ со мной на горестной груди,

при чемъ въ черновикѣ вмѣсто послѣдняго стиха были три слѣдующихъ:

Приди, приди ко мнѣ на горестную грудь
Близъ сердца моего останься, незабудь
Слова извѣтныя, слова души прекрасной.

Ясно, что эти письма отъ того-же лица, письма съ перстневой печатью, тѣ самыя, о которыхъ разсказывала Анненкову сестра поэта. Поэтому «красота» и «возлюбленная моя» относятся несомнѣнно къ графинѣ Воронцовой. Вмѣсто «даръ возлюбленной» стояло первоначально «даръ любви»; это выраженіе напоминаетъ въ «Талисманѣ» ст. 12:

Онъ тебѣ любовью данъ

---

1) Обращаетъ на себя вниманіе письмо къ «chère Elleнora», написанное, судя по мѣсту — тетр. № 2382, л. 68 об. — л. 67, въ концѣ января 1830 г. и гдѣ есть мѣсто, указывающее на привязанность поэта времени 1823—4 гг.: «vous m'avez dit un mot à que je tâchais de ne pas croire pendant 7 ans.... c'est à vous que je dois d'avoir connu tout ce que l'amour a de plus convertus [?] et de plus doux». Имя Elleнora вымышленное и есть скорѣе «зашифрованное» другое, какимъ могло быть Elisabeth. Можетъ-быть автобіографическія черты вошли и въ описаніе любви Ибрагима къ графинѣ Леноръ (Eléonore) въ «Арапѣ Петра Великаго».

и указывать прежде всего на перстень, но прибавленіе «ни единый», по сопоставленію со ст. 2:

Въ завѣтномъ золотѣ хранитъ ея черты

указываетъ на портретъ-миніатюру, хранившійся въ медальонѣ. Изъ «Сожженаго письма» мы знаемъ, что съ нѣкотораго времени письма стали сжигаться и въ медальонъ ссыпался ихъ пепелъ. Судя по этому, трудно полагать, чтобы онъ присыпался къ портрету; скорѣе всего, что сожженію подвергся съ первыми письмами и онъ.

Множественное число слова «письма» показываетъ, что ихъ было получено не менѣе двухъ до написанія новаго стихотворенія. Воронцовы были въ Крыму, когда Пушкинъ былъ высланъ въ Михайловское (куда пріѣхалъ 9-го августа). Въ письмѣ отъ 21-го того-же мѣсяца изъ имѣнія матери графини подъ мѣст. Бѣлою Церковью А. Н.-Раевскій сообщаетъ поэту о сочувствіи, которое «Татьяна», т. е. графиня Воронцова, поручила передать по поводу его ссылки. Вѣроятно, она только-что пріѣхала и не тотчасъ могла написать «тайное письмо», а изъ Крыма совсѣмъ не могла, не зная, куда будетъ направленъ Пушкинъ. Если поэтъ, по пути заѣзжавшій къ двумъ пріятелямъ, доѣхалъ до Михайловскаго въ десять дней (столько-же прошло донесеніе Воронцова изъ Симферополя до Петербурга отъ 12-го іюля), то весьма правдоподобно, что письмо графини, посланное черезъ нѣсколько дней послѣ письма Раевскаго, отъ Бѣлой Церкви, которая къ Михайловскому ближе Одессы, дошло 5-го сентября, подъ которымъ отмѣчено: «u. l. d.»; четвертая буква по мнѣнію г. Гершензона похожа на R[1]), почему онъ полагаетъ, что это — упомянутое выше письмо Раевскаго; но для послѣдняго 15 дней слишкомъ большой срокъ, да и не извѣстно случая, чтобы Пушкинъ отмѣчалъ

1) «Вѣстн. Евр.» 1909 г., февр., стр. 537. П. Е. Щеголевъ («Пушкинъ», стр. 176, подстр. примѣч.) полагаетъ, что сначала было написано Pr., потомъ покрыто буквою V и затѣмъ вычеркнуто. Pr. могло-бы означать Princesse, но этотъ титулъ графиня получила послѣ смерти Пушкина.

полученіе совсѣмъ не секретныхъ писемъ друзей подобнымъ образомъ и, вдобавокъ, потомъ тщательно зачеркивалъ инициалъ имени. Наоборотъ, полученіе записки отъ г-жи Ризничъ отмѣчено аналогичнымъ способомъ: «n. b. d. M. R.» (тетр. № 2369 л. 30 об.). Анненковъ, какъ упомянуто, безъ объясненій утверждалъ, что это было одно изъ «тайныхъ писемъ». Скорѣе четвертая буква была Е и вычеркнута была тогда-же, когда послѣдовало требованіе о сжиганіи писемъ.

Послѣднія были «наградою долгой муки» — стало-быть, получались не часто, да и разстояніе не допускало частаго обмѣна ими. Поэтому едва-ли мы ошибемся, если за самый ранній срокъ для новаго стихотворенія примемъ начало октября. Самымъ-же позднимъ срокомъ надо считать декабрь, ибо въ январѣ письма уже сжигались.

Д. Соколовъ.

Библіографическія примѣчанія къ нѣкоторымъ произведеніямъ Пушкина.

А. И. Незеленовъ въ своемъ изслѣдованіи «Николай Ивановичъ Новиковъ, издатель журналовъ 1769—1785 гг.», разбирая журналъ «Покоящійся Трудолюбецъ», указываетъ (стр. 390—391), что въ этомъ журналѣ помѣщено стихотвореніе «Письмо къ другу», которое «едва ли не должно признать самымъ сильнымъ и смѣлымъ изъ всего, что когда-либо появлялось въ нашей печати 18-го вѣка о крѣпостномъ правѣ». Затѣмъ А. И. Незеленовъ приводитъ нѣкоторыя выдержки изъ этого стихотворенія. Перепечатываемъ это стихотвореніе цѣликомъ («Покоящійся Трудолюбецъ» 1784 г., часть IV, стр. 224—230):

Письмо
Къ другу.

Разставшися съ тобой, мой другъ я слезы лью,
Твою судьбу виню, виню и часть мою:
Почто она съ тобой жить вмѣстѣ запрещаетъ,
Твой другъ веселія прямаго не вкушаетъ.
Въ пріятной тишинѣ межъ сельскихъ всѣхъ забавъ
Я чувствую, что мой перемѣнился нравъ;
И той веселости ни искры не осталось,
Котора при тебѣ въ душѣ моей раждалась;
Унылость нѣкую я чувствую въ себѣ,
Къ тебѣ стремится духъ и мысль моя къ тебѣ!
Съ тобою будучи, коль часто я вѣщала:
Что сельска жизнь меня плѣняла, восхищала,

Уединеніе казалось раемъ мнѣ:
Но, ахъ! мой другъ, то все такъ было, какъ во снѣ,
Хотя спокойствіе повсюду обрѣтаю:
Но мысленно отсель по граду прелетаю.
Межъ шуму, межъ суетъ ищу тебя, мой другъ;
Мнѣ кажется, что твой обеспокоенъ слухъ
Вѣстями ложными и злобной клеветою,
Ты жизнь должна вести не сходную съ тобою;
Сіе мучительно, увы! и горько мнѣ.
Ахъ! для чего со мной въ пріятной тишинѣ
И въ сельской простотѣ ты дни не раздѣляешь?
Судьба, не ты меня утѣхи сей лишаешь.
Но чтобы горести сердечны уменьшать,
И сладость дружества въ разлукѣ намъ вкушать,
Тебѣ всѣ чувствія мои и размышленье,
Дѣла, заботы всѣ, печали, утѣшенье
Я стану сообщать, да въ душу я твою
Движенія души и сердца излію.

Утро.

Когда уже взойдетъ Аврора въ небеса
И освѣтитъ поля, луга, цвѣты, лѣса,
По рощамъ и кустамъ хоръ птички воспѣваютъ,
Зефиры рѣзвые съ листочками играютъ;
Оставя тучные и мягкіе луга
Когда пастухъ стада пригонитъ на брега,
Пока источникъ водъ ихъ жажду утоляетъ,
Пастухъ съ пастушками рѣзвясь въ свирель играетъ,
Какъ пахарь утомясь свой оставляетъ плугъ,
И сномъ и лѣностью твой отягченный другъ,
Едва глаза мои, едва я отверзаю,
Вокругъ себя лишь тьму едину осязаю,
Изъ рукъ Морфеевыхъ стремлюсь убѣгнуть я
Темницей кажется мнѣ храмина моя:
Бѣгу въ поля; но зной въ поляхъ меня встрѣчаетъ,
Мнѣ мнится вся меня природа уличаетъ,
Что сонъ меня лишилъ узрѣть ея красы;
Въ прохладны утренни пріятные часы

Усталость чувствуя иль паче томность лѣни,
Я въ рощу ухожу искать древесной тѣни;
Вездѣ встрѣчаются природы красоты,
Кустарники, лужки, прекрасные цвѣты;
Прелестны бабочки вокругъ цвѣтовъ вiются,
Прозрачные струи по камушкамъ лiются;
Журчаніе ручья и тихой шумъ ключей
Упынье сладкое родитъ въ душѣ моей,
Прелестный голосъ птицъ и легкое парханье
Приводитъ грудь мою и сердце въ трепетанье;
Открыта предо мной натуры всей краса.
О вы пресвѣтлыя и чисты небеса!
Въ восторгѣ вонію, повергнувшись на землю,
Все то, что я ни зрю, чему я нынѣ внемлю,
Приводитъ разумъ мой и самый духъ въ восторгъ.
Творецъ вселенной всей, О Ты, великій Богъ!
Колико ты премудръ и смертнымъ непонятенъ!
О естьли стонъ тебѣ и гласъ мой будетъ внятенъ!
Внемли моленіе и приклони твой слухъ;
Небесной красоты наполнился мой духъ;
Я чувствую но что? сказать я не умѣю.
Едва взпрать могу, едва дышать я смѣю.
Другія чувства всѣ и мысли потуша,
Мнѣ мнится, въ небеса паритъ моя душа;
Божественны тогда я сладости вкушаю:
Колико милосердъ къ намъ Богъ! въ слезахъ вѣщаю,
Но мы не чувствуемъ всѣхъ милостей его,
Не чувствуемъ, увы! и счастья своего;
Для насъ дары свои природа истощаетъ,
И кажется она съ пріятностью вѣщаетъ:
Придите смертные и наслаждайтесь днесь,
Для васъ раждаю я все то, что зрите здѣсь;
Для васъ вседневный пиръ, для васъ приготовляю,
Зелены по землѣ ковры я разстилаю;
Для обоняніа раждаю вамъ цвѣты,
Для прохлажденія деревья и кусты;
Подъ тѣнью ихъ листовъ отъ дневна жарка зною,
Я вамъ прохладу дамъ и ими васъ укрою;
Се класы желтые въ поляхъ для васъ цвѣтутъ;
Вамъ пищу сладкую поля сіи дадутъ;

Источники, ключи и самы быстры рѣки
Для васъ съ стремленіемъ текутъ, о человѣки!
Природа такъ гласитъ: но мы не внемля ей,
Единой слѣдуемъ развратности своей;
Не токмо благости ея не разумѣемъ,
И благодарны быть едва ли мы умѣемъ.
Я думаю, мой другъ, чѣмъ лучше наша часть;
Тѣмъ больше почитать мы должны вышню власть,
Ту власть, которая отъ сама перва вѣка:
Источникъ милостей лиетъ на человѣка:
Воззримъ на тварей всѣхъ, на птичекъ, на звѣрей,
Сколь много ниже насъ тѣ участью своей;
Они величества Творца не разумѣютъ;
Но благодарны быть творцу они умѣютъ.
Едва свѣтило дня взойдетъ на небеса,
Услышишь крикъ звѣрей и птичекъ голоса,
Которыми восходъ Авроры прославляютъ;
Древа съ почтеніемъ вершины преклоняютъ
Благоуханіе цвѣточки въ воздухъ льютъ,
Зефиры со листковъ вечерню росу пьютъ;
Все съ солнцемъ оживетъ, все Бога величаетъ;
Единый человѣкъ сего не примѣчаетъ:
Порядокъ естества перемѣняетъ онъ
Въ темницѣ затворясь, отягощенный сномъ,
Онъ позже всѣхъ творцу моленіе приноситъ,
Хотя онъ больше всѣхъ его щедроты носитъ.
Я размышляя такъ, изъ рощи выхожу
Съ сердечной горестью на поселянъ гляжу;
Они работою и зноемъ утомленны,
Присутствіемъ моимъ бываютъ ободрены,
Трудяся для себя, но болѣе для насъ,
Отдохновенія едва-ль имѣютъ часъ:
Кровавой потъ они трудяся проливаютъ,
И пищу нужную для насъ приготовляютъ
Для нашей роскоши, для прихоти своей;
Мы мучимъ не стыдясь подобныхъ намъ людей;
Съ презрѣньемъ нѣкоимъ на ихъ труды взираемъ,
Гордяся лѣностью, ихъ силы изнуряемъ;
Не помнимъ и того, что на одинъ конецъ
Равно готовитъ всѣхъ и насъ и ихъ Творецъ.

Какъ роскошь я мою трудомъ ихъ измѣряю;
Почтенье къ нимъ храню, къ себѣ его теряю.
Не ужъ то будетъ вѣкъ одна для нихъ чреда
Для пользы нашей жить, а намъ для ихъ вреда?
Не можетъ быть того! Творецъ сіе исправитъ
Унизитъ гордость въ насъ, ихъ выше насъ поставитъ.

Узнавши сколь бѣдна предъ нашею ихъ часть
Стараюсь уменьшить мою надъ ними власть;
Вхожу въ заботы ихъ, о пользѣ ихъ радѣю,
Люблю какъ братьевъ ихъ, и какъ друзей жалѣю.
Не всѣмъ ли братьями законъ велитъ намъ быть?
Не всѣхъ ли Богъ велитъ равно съ собой любить?
Но гордость сей законъ въ сердцахъ у насъ затмила,
И смертныхъ въ разныя степени раздѣлила.
О гордость! корень зла и всѣхъ грѣховъ вина,
Причина варварства и рабства ты одна!

О другъ мой, чувства всѣ тебѣ мои извѣстны.
Разсудка моего хотя границы тѣсны;
Но замѣняетъ то сердечна доброта,
Ты знаешь для меня вся пышность есть мечта:
Не умствовать хочу, но чувствамъ предаюся,
Имъ слѣдуя всегда единыхъ ихъ держуся;
Они велятъ мнѣ всѣхъ людей съ собой равнять,
Забывъ степени всѣ природы гласъ внимать.
Твоя душа тиха, чувствительна, незлобна!
О есть ли бы моя твоей была подобна!
Моихъ бы поселянъ вѣкъ счастливѣе былъ....
Но полно размышлять, ужъ полдень наступилъ.

Особѣ, доставившей сіе письмо, издатели симъ свидѣтельствуютъ свою чувствительнѣйшую благодарность.

При чтеніи этого стихотворенія невольно приходитъ на память извѣстное стихотвореніе Пушкина «Деревня». По своему построенію эти два стихотворенія имѣютъ большое сходство: прежде

всего у нихъ одинаковый размѣръ — шестистопный ямбъ; далѣе, какъ «Посланіе къ другу» 1784, такъ и «Деревня» Пушкина дѣлятся на двѣ неравныя части: первая, большая представляетъ изъ себя описаніе деревни, деревенской природы и отношенія къ нимъ автора, во второй, — меньшей по размѣру — неизвѣстный авторъ XVIII вѣка и Пушкинъ высказываютъ свое отношеніе къ крѣпостному праву.

Въ «Вѣстникѣ Европы» 1802 г., часть II, стр. 154—155, имѣются слѣдующія строки въ письмѣ къ издателю «Моя Исповѣдь»:

«По главнымъ моимъ предметомъ были женщины, которыхъ лестное вниманіе открывало мнѣ обширное поле дѣятельности. Здѣсь не могу удержаться отъ нѣкоторыхъ философическихъ разсужденій. *Влюбленность* — извините новое слово: она выражаетъ вещь — влюбленность, говорю, есть самое благодѣтельное изобрѣтеніе для свѣта, который безъ нее походилъ бы на монастырь Латранскій. Но съ нею молодые люди напрекраснѣйшимъ образомъ занимаютъ пустоту жизни. Открывая глаза, знаешь, о чемъ думать; являясь въ обществахъ, знаешь, кого искать глазами, все имѣетъ цѣль свою. Правда, что мужья иногда досадуютъ, что жены иногда дурачатся отъ ревности; но мы заняты — а это главное! Съ одной стороны искусство нравиться, съ другой искусство притворяться и самого себя обманывать, не даютъ засыпать сердцу..... Система моя въ любви была самая надежная: я тиранилъ женщинъ то холодностію, то ревностію; являлся не прежде десяти часовъ вечера на *любовное дежурство*, садился на *оттоманъ*, зѣвалъ, пилъ Гофмановы капли или начиналъ хвалить другую женщину; тайная досада, упреки, слезы веселили меня недѣль шесть, иногда гораздо долѣе; наконецъ слѣдовалъ разрывъ связи — и новый миртовый вѣнокъ падалъ мнѣ на голову».

Герой разсказа Карамзина «Моя Исповѣдь» является, на нашъ взглядъ, первою печатною попыткою намѣтить тотъ типъ русской дѣйствительности, который впослѣдствіи получилъ такое блестящее выраженіе въ «Евгеніи Онѣгинѣ». Приведенный

нами отрывокъ изъ этого разсказа нашелъ отраженіе въ главѣ первой «Евгенія Онѣгина», въ строфахъ VIII, IX, X, XI и XII, со стиха:

«Но въ чемъ онъ истинный былъ геній,
Что зналъ онъ тверже всѣхъ наукъ. . .»

Въ 18-й части «Сына Отечества» за 1814 г., на стр. 124 и слѣд., была помѣщена статья П. П. Свиньина, въ которой послѣдній описывалъ свое посѣщеніе Академической выставки художествъ. По обыкновенію того времени описанію выставки предшествовало вступленіе, въ которомъ Свиньинъ, разсказывая, какъ онъ, идя въ Академію Художествъ, остановился на берегу Невы и предался размышленіямъ, помѣстилъ слѣдующія строки:

«Что было на этомъ мѣстѣ до построенія С.-Петербурга?—Можетъ быть, сосновая роща, сырой, дремучій боръ или тонкое болото, поросшее мхомъ и брусникою — ближе къ берегу лачуга рыбака, кругомъ которой развѣшены были мережи, невода, и весь грубый снарядъ скуднаго промысла. Сюда, можетъ быть, съ трудомъ пробирался охотникъ, какой-нибудь длинновласый Финъ

За ланью быстрой и рогатой,
Прицѣлясь къ ней стрѣлой пернатой.

Здѣсь все было безмолвно. Рѣдко человѣческій голосъ пробуждалъ молчаніе пустыни дикой, мрачной, безмолвной. А нынѣ? Я взглянулъ невольно на Троицкій мостъ, потомъ на хижину Великаго Монарха, къ которой по справедливости можно примѣнить извѣстный стихъ:

Souvent un faible gland recèle un chêne immense!

И воображеніе мое представило мнѣ Петра, который въ первый разъ обозрѣвалъ берега дикой Невы, нынѣ столь прекрасные!—Изъ крѣпости *Нюсканцъ* еще гремѣли Шведскія пушки, устье Невы еще было покрыто непріятелемъ, и частые ружейные выстрѣлы раздавались по берегамъ, когда великая мысль родилась въ умѣ великаго человѣка. «Здѣсь будетъ

городъ, сказалъ онъ, чудо свѣта. Сюда призову всѣ художества, всѣ искуства. Здѣсь художества, искусства, гражданскія установленія и законы побѣдятъ самую природу». Сказалъ — и Петербургъ возникъ изъ дикаго болота».

Этотъ отрывокъ необходимо отмѣчать въ примѣчаніи къ поэмѣ Пушкина «Мѣдный Всадникъ».

Въ «Сѣверной Пчелѣ» 1832 года, въ № 115, 117 и 140, были помѣщены замѣтки о пріѣхавшемъ въ С.-Петербургъ декламаторѣ-импровизаторѣ Лангеншварцѣ; вотъ послѣдняя замѣтка, принадлежащая перу Греча въ его письмахъ въ Дерптъ («Сѣв. Пч.» 1832, № 140, отъ 21 іюня):

«Къ числу достойныхъ вниманія явленій въ здѣшней столицѣ принадлежатъ Нѣмецкія импровизаціи г. Лангеншварца, изумившаго здѣшнюю просвѣщенную публику своимъ необыкновеннымъ талантомъ. Г. Лангеншварцъ, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати пяти, родомъ изъ Рёдельгейма близъ Франкфурта на Майнѣ, пріятной наружности, образованный науками и обращеніемъ въ свѣтѣ, всегда удивлялъ друзей и товарищей своихъ легкостью, съ какою писалъ стихи, и, по совѣту ихъ, вздумалъ образовать въ себѣ даръ импровизаціи. Самый блистательный успѣхъ увѣнчалъ его начальные опыты. Онъ предпринялъ путешествіе по Германіи, и вездѣ принимаемъ былъ съ самымъ лестнымъ одобреніемъ: свидѣтельствомъ тому служатъ многіе Германскіе Журналы, въ коихъ статьи объ импровизаціяхъ его написаны и подписаны извѣстными Литераторами.— Здѣсь, въ С.-Петербургѣ, импровизировалъ онъ однажды, публично, въ кругу просвѣщеннѣйшей части публики, и извлекъ общія рукоплесканія. До начатія импровизаціи, каждый изъ зрителей могъ написать, на приготовленныхъ къ тому билетахъ, какую угодно тему. Г. Л., бывшій между тѣмъ въ другой комнатѣ, вошелъ въ собраніе и поднесъ свернутые билеты дамамъ, украшавшимъ первый рядъ креселъ, прося ихъ вынуть нѣсколько задачъ. Вынули пять билетовъ. Л. развернулъ ихъ, прочиталъ въ слухъ и избралъ первый попавшійся ему: *изверженіе Везувія*. Собравшись съ духомъ въ продолженіе двухъ или трехъ минутъ, онъ произнесъ наизусть лирическое стихотвореніе, въ четверостопныхъ ямбическихъ стихахъ съ рѳмами—преисполненное пінтическихъ движеній и очарова-

тельныхъ картинъ. Тутъ не было никакихъ эпизодовъ или отступленій, для выигрыша времени: онъ говорилъ объ одномъ и томъ же предметѣ и всѣ подробности тѣсно связывались съ цѣлымъ. Сначала казалось, что онъ не довѣряетъ себѣ и робѣетъ; но съ третьей или четвертой строфы восторгъ воспламенилъ Поэта, и стихи полились быстрою рѣкою; онъ сошелъ съ эстрады, оглушенный громкими единодушными рукоплесканіями. Для второй импровизаціи, коей предметомъ назначилъ онъ привѣтствіе присутствующимъ дамамъ, заданы были ему публикою слова: *перекрестный огонь* (Kreuzfeuer), *ночь и правда*. Онъ написалъ въ двѣнадцать минутъ три привѣтствія на сіи слова, при звукахъ флигеля *), на которомъ играла молодая виртуозка, дѣвица Габлеръ, — написалъ безъ остановки, безъ помарки и до истеченія урочнаго времени. Письменныя его импровизаціи затруднительнѣе изустныхъ: въ послѣднихъ можно иное загладить въ жару декламаціи, но за то первыя болѣе приносятъ ему чести: нельзя обвинить его въ выдержкахъ изъ другихъ стихотворцевъ. — Третьимъ опытомъ его было сочиненіе трехъ стихотвореній на заданныя слова *(остроуміе, нѣтъ, бомба)* при безпрерывныхъ помѣхахъ. Г. Лангешварцъ, имѣя передъ собою три листа бумаги, по требованію каждаго изъ зрителей, переставалъ писать одно стихотвореніе и непосредственно принимался продолжать другое; его заставляли отвѣчать на вопросы, перемѣнять карандаши, снимать со свѣчи, садиться на другой стулъ. Въ короткое время три стихотворенія были кончены, и въ теченіе работы онъ успѣлъ сосчитать, что его прерывали ровно тридцать два раза. Въ заключеніе произнесъ онъ (также на заданную тему) комическій разговоръ между Австрійцемъ и Саксонцемъ, съ соблюденіемъ ихъ нарѣчій, въ стихахъ, и кончилъ оный прекраснымъ привѣтствіемъ публикѣ и благодареніемъ Россіи за гостепріимство. — Блистательный успѣхъ Г. Л. былъ поводомъ тому, что онъ имѣлъ счастіе импровизировать при Высочайшемъ Дворѣ, предъ Ихъ Императорскими Величествами, Великимъ Княземъ Цесаревичемъ Наслѣдникомъ Престола и Великими Княжнами. Великая Княжна Марія Николаевна изволила задать ему тему: *сравненіе Музыки съ Живописью*. Потомъ, по желанію бывшаго при томъ Вице-Адмирала И. Ф. Крузенштерна, онъ описалъ стихами *смерть Кука* и, по предложенію В. А. Жуковскаго, сочинилъ три Аполога на слова: *жизнь, смерть и безсмертіе*. Опыты его заслужили вниманіе и благоволеніе Августѣйшихъ Слушателей. — Г. Лангешварцъ удаляется на лѣто въ деревню,

*) Т. е. рояля.

чтобы отдохнуть отъ утомительныхъ импровизацій и безпрерывныхъ приглашеній и заняться чѣмъ-нибудь важнѣйшимъ».

Припомнимъ импровизатора въ «Египетскихъ Ночахъ» (1835). Объ импровизаторѣ Джустиніани см. замѣтку Б. Л. Модзалевскаго въ «Извѣстіяхъ Отдѣленія Русскаго языка и словесности» 1902 г., т. VII, кн. 4, стр. 113—115.

П. Столпянскій.

Замѣтки о Пушкинѣ.

I. О датировкѣ стихотворенія «Къ портрету князя П. А. Вяземскаго».

3 іюля 1822 года князь П. А. Вяземскій изъ Остафьева послалъ А. И. Тургеневу въ Петербургъ два своихъ, гравированныхъ К. Я. Аоанасьевымъ портрета, съ просьбой отдать ихъ Карамзинымъ[1]). По полученіи ихъ, Тургеневъ 7 іюля просилъ Вяземскаго прислать еще[2]). 27 іюля Вяземскій пишетъ Тургеневу: «Вотъ тебѣ еще мои харп. Да куда же ты раздаешь ихъ?»[3]), а 27 сентября въ письмѣ къ Тургеневу приводитъ надпись въ стихахъ И. И. Дмитріева къ этому портрету[4]). Изъ всего этого видно, что портретъ Вяземскаго былъ лѣтомъ 1822 года новостью. Къ этому портрету Пушкинымъ написаны стихп:

Судьба свои дары явить желала въ немъ,
Въ счастливомъ баловнѣ соединивъ ошибкой
Богатство, знатный родъ съ возвышеннымъ умомъ
И простодушіе съ язвительной улыбкой.

Объ этомъ четверостишіи В. Е. Якушкинъ во II т. Акад. изд. сочиненій Пушкина говоритъ: «Въ изданіяхъ 1826 г. и 1829 г. четверостишіе напечатано безъ указанія года. Анненковъ отнесъ его къ 1821 г. на основаніи рукописи, и пьеса эта такъ и печатается подъ 1821 г. Только П. О. Морозовъ въ изданіи 1903 г.

---

1) «Остафьевскій Архивъ», т. II, стр. 270.
2) ibid. стр. 271.
3) ibid. стр. 272.
4) ibid. стр. 274.

перенесъ ее въ 1820 г., что́ принято и нами: рукопись Публичной Библіотеки опредѣленно указываетъ именно на 1820 г. (впереди «Кавказскій Плѣнникъ», сзади — «Черная шаль»), рукопись Румянцовскаго Музея тоже приводитъ къ 1820 г.: четверостишіе написано на одномъ листѣ съ концомъ элегіи («Увы, зачѣмъ она блистаетъ»), имѣющей помѣту: «1820» годъ[1]).

Эти, казалось бы столь неоспоримыя, основанія теряютъ всю свою силу, такъ какъ не могъ же Пушкинъ въ 1820 г. сочинить надпись къ портрету, который появился въ 1822 г. Принадлежность надписи къ 1822 г. служитъ прекраснымъ подтвержденіемъ мнѣнія П. Е. Щеголева о шаткости основаній датировать произведенія Пушкина по ихъ положенію въ тетрадяхъ[2]). Вопросъ о хронологіи тетради № 2367, въ которой находится интересующая насъ надпись въ почти бѣловомъ видѣ, г. Щеголевъ обѣщаетъ разобрать въ особой статьѣ, мы же сдѣлаемъ одно замѣчаніе о записной книгѣ Пушкина (пожертвованной въ Имп. Публичную Библіотеку Н. И. Тарасенко-Отрѣшковымъ), въ которой находятся черновые наброски этой надписи. Обычно эту тетрадь называютъ «записной книгой 1820—21 г.», между тѣмъ, какъ въ ней есть черновики произведеній 1822 г. На лл. 60, 60 об. и 65 находятся черновые наброски посланія къ Я. Н. Толстому (со словъ «И разгорались наши споры»)[3]). Посланіе это («Горишь ли ты, лампада наша»), имѣющееся въ бѣловомъ видѣ въ письмѣ къ Толстому отъ 26 сентября 1822 г., конечно и сочинено около этого времени[4]). Затѣмъ на л. 58

---

1) Сочиненія А. С. Пушкина. Изд. И. А. Н., т. II, стр. 343 примѣчаній. Н. О. Лернеръ («Труды и дни», 2-ое изд., стр. 60) тоже говоритъ, что Морозовымъ это стихотвореніе» вполнѣ правильно отнесено къ 1820 г., такъ какъ находится въ записной книжкѣ передъ «Черной шалью». П. А. Ефремовъ въ изд. Суворина датируетъ эту надпись 1821 г. (См. т. VIII, стр. 172).

2) П. Е. Щеголевъ. Изъ разысканій въ области біографіи и текста Пушкина — «Пушкинъ и его совр.», вып. XIV, прим. на стр. 79—81.

3) Пушкинъ. Сочиненіе и письма, изд. «Просвѣщ.», ред. О. О. Морозова, т. VIII, стр. 427; Л. Майковъ, «Матеріалы», стр. 165.

4) См. Переписка Пушкина, Академическое изданіе, т. I, стр. 52—54.

находится черновикъ стихотворенія 1822 г. «Узникъ»[1]). Наконецъ, на л. 64 есть дата «22 іюня 1822 г.»[2]). Изъ всего этого видно, что Пушкинъ обращался къ этой записной книгѣ и въ 1822 году, когда и написалъ черновые наброски надписи къ портрету Вяземскаго на остававшихся чистыми концахъ страницъ 28 и 30[3]), почему эти наброски и попали между черновиками «Кавказскаго Плѣнника» и «Черной шалью».

Надпись къ портрету кн. Вяземскаго (безъ подписи и съ заглавіемъ: «Къ портрету***») напечатана была впервые въ «Полярной Звѣздѣ» на 1824 г., цензурованной Бирюковымъ 20 декабря 1823 г.[4]). Такимъ образомъ, интересующее насъ четверостишіе могло быть написано и въ 1823 г., но за 1822 г. говоритъ, во-первыхъ то, что въ записной книгѣ Имп. Публичной Библіотеки нѣтъ ничего, что можно было бы отнести къ 1823 г., а во-вторыхъ, предположеніе г. Щеголева, что занесеніе бѣлового текста надписи въ числѣ другихъ стихотвореній въ тетрадь Румянцовскаго Музея № 2367 относится къ 1822 году.

---

1) Нужно, однако, замѣтить, что стих. «Узникъ» датируется 1822 годомъ только, кажется, потому, что и въ письмахъ Пушкина 1822 г., какъ и въ этомъ стихотвореніи, выражается желаніе освобожденія (Пушкинъ, Соч., ред. Морозова, т. I, стр. 626).

2) «Сборникъ снимковъ съ автографовъ русскихъ дѣятелей», изд. ред. «Русская Старина» и Ѳ. К. Опочинина, С.-Пб. 1873, стр. 28, № 62. Дата эта, можетъ быть, относится къ черновику стих. «Къ иностранкѣ», находящемуся на стр. 63 об. Снимокъ съ этой страницы, а также со стр. 58, 25, 3 и 4 имѣются въ названномъ сборникѣ автографовъ.

3) Пушкинъ, Акад. изд. соч., т. II, стр. 419, 421 и 343.

4) Портретъ Вяземскаго былъ приложенъ къ 1-ой ч. (а не ко 2-ой, какъ говоритъ г. Саитовъ въ прим. ко II тому «Ост. Арх.», стр. 547),—имѣющей цензурную дату 20 марта 1824 г. — «Собранія новыхъ русскихъ сочиненій и переводовъ въ стихахъ», какъ значится на обложкѣ; на заглавномъ листѣ книга эта называется: «Собраніе новыхъ русскихъ стихотвореній, вышедшихъ въ свѣтъ съ 1821 по 1823 годъ, служащее дополненіемъ къ собранію образцовыхъ русскихъ сочиненій и переводовъ». Ч. I, С.-Пб. Въ тип. Имп. Россійской Академіи, 1824 г.

II. Пушкинъ и англійскій языкъ.

Одною изъ особенностей художественнаго генія Пушкина справедливо считаютъ способность его «перевоплощаться», быть «поэтомъ — эхо», на всякій звукъ рождающимъ свой откликъ. Эта многогранность, эта «сверхпространственность и сверхвременность его духа», какъ говоритъ г. Айхенвальдъ, не могли не поразить еще современниковъ поэта. Гнѣдичъ, напримѣръ, въ 1832 г. привѣтствовалъ появленіе въ свѣтъ «Сказки о Царѣ Салтанѣ» посланіемъ, начинавшимся словами: «Пушкинъ Протей, гибкимъ твоимъ языкомъ и волшебствомъ твоихъ пѣснопѣній...[1]). Княгиня З. Волконская въ письмѣ къ Пушкину такъ его охарактеризовала: «tantôt sauvage, tantôt européen; tantôt Schakespear et Byron, tantôt Arioste, Anacréon, mais toujours Russe, passe du lyrique au dramatique, des chants doux, amoureux, simples, parfois rudes, Romantiques ou mordants, au ton grave et naïf de la sévère histoire»[2]).

Съ 1826 года, когда были написаны эти строки, много писалось и говорилось о «поэтическомъ универсализмѣ» Пушкина. Вспомнимъ извѣстную рѣчь Достоевскаго (при открытіи памятника Пушкину въ Москвѣ въ 1880 г.), который въ этой способности Пушкина перевоплощаться, или, какъ онъ говорилъ, быть «всечеловѣкомъ», видѣлъ черту глубоко національную. Наконецъ, въ послѣднее время Ю. Айхенвальдъ въ своей книгѣ «Пушкинъ» восторженно и красиво говоритъ: «Сторукій богатырь духа, Пушкинъ въ своемъ пламенномъ любопытствѣ полный звуковъ и смятенія, объемлетъ все, всѣхъ видитъ и слышитъ, каждому отвѣчаетъ.... Не зная границъ и предѣловъ, не зная далекаго и прошлаго, вѣчно настоящій, всюду сущій, всегда современный,

---

1) Переписка Пушкина, Академическое изданіе, т. I., № 675. Дальше это изданіе обозначается: Переписка.

2) Переписка, т. I, № 227.

онъ въ своей сверхпространственности и сверхвременности переносится изъ страны въ страну, изъ вѣка въ вѣкъ, и нѣтъ для него иноземнаго и чужого»[1]). Дѣйствительно, діапазонъ Пушкинскаго творчества необычайно великъ. Народная поэзія славянъ, въ частности русскій народный эпосъ и лирика, древній греческій (Анакреонъ, Сафо) и римскій (Горацій, Ювеналъ, Апулей) міръ, Библія и Коранъ, персидскій поэтъ Гафизъ и житія русскихъ святыхъ — вотъ мотивы Пушкинскихъ произведеній, указывающіе на его многообразіе. Но, конечно, въ гораздо большей степени Пушкинъ обращался къ западно-европейскому міру, къ литературамъ французской, англійской, итальянской, нѣмецкой и португальской. Изъ нихъ первое мѣсто и хронологически, и по размѣрамъ занимаетъ французская литература. Въ лицейскій періодъ, а затѣмъ и въ петербургскій, до ссылки на югъ, французское вліяніе въ творчествѣ Пушкина царитъ нераздѣльно. Въ это время Пушкинъ, можно сказать, на три четверти французъ, что объясняется и характеромъ воспитанія, и литературной традиціей. Съ переѣздомъ на югъ начинается знакомство съ англійской литературой (главнымъ образомъ съ Байрономъ)[2]), которое съ теченіемъ времени все крѣпнетъ, не ослабѣвая до конца жизни Пушкина и порой вытѣсняя французское вліяніе. Несмотря на то, что о вліяніи французской литературы на творчество Пушкина написано немало, П. Е. Щеголевъ считаетъ возможнымъ сказать, что «къ сожалѣнію, вопросъ о степени и характерѣ вліянія французской эротической поэзіи на Пушкина до сихъ поръ, можно сказать, не былъ подвергнутъ научному изученію, и дѣло, въ сущности, не пошло дальше аналогій и сопоставленій, по большей части любительскаго характера»[3]).

---

1) Ю. Айхенвальдъ, «Пушкинъ», стр. 3.

2) О томъ, что Пушкинъ зналъ изъ Байрона еще въ Петербургѣ, до ссылки на югъ, у насъ рѣчь дальше.

3) П. Е. Щеголевъ, «Изъ разысканій въ области біографіи и текста Пушкина» въ изд. «Пушкинъ и его современники», вып. XIV, стр. 98. Дальше эта работа называется: «Щеголевъ».

Если въ такомъ состояніи находится вопросъ о вліяніи французской поэзіи на Пушкина, то еще болѣе печально обстоитъ дѣло съ англійской литературой. Казалось бы, что прежде, чѣмъ говорить о вліяніи того или другого англійскаго писателя на Пушкина, нужно было бы вполнѣ опредѣленно рѣшить вопросъ, когда Пушкинъ изучилъ англійскій языкъ такъ, чтобы свободно читать на немъ, а потомъ уже говорить о подражаніяхъ, заимствованіяхъ, переводахъ изъ англійской литературы. Въ дѣйствительности же мы въ этомъ вопросѣ встрѣчаемся съ большой разноголосицей среди біографовъ и комментаторовъ Пушкина. Вотъ доказательства. Анненковъ въ своихъ «Матеріалахъ для біографіи Пушкина и оцѣнки его произведеній» говоритъ, что Пушкинъ на югѣ успѣлъ выучиться по-англійски и по-итальянски и много читалъ на обоихъ языкахъ»[1]). Тотъ же Анненковъ въ книгѣ «Пушкинъ въ Александровскую эпоху» говоритъ, что «подъ руководствомъ Екатерины Николаевны Раевской и подъ руководствомъ ея сестры, впослѣдствіи княгини Волконской, принялся Пушкинъ на Кавказѣ за изученіе англійскаго языка, основанія котораго зналъ и прежде». Книга, которую они выбрали для практическихъ упражненій, была «Сочиненія Байрона»[2]). Бартеневъ[3]) утверждаетъ (на основаніи словъ Чаадаева, какъ онъ самъ говоритъ въ сноскѣ), что Пушкинъ «началъ знакомство съ Байрономъ еще въ Петербургѣ, гдѣ учился по-англійски и бралъ для того у Чаадаева книжку Газлитта «Разсказы за Столомъ» [Hazlitt Table-talk]». Въ другомъ мѣстѣ этой же статьи Бартеневъ, говоря о пребываніи Пушкина въ Гурзуфѣ, пишетъ: «Пушкинъ продолжалъ въ Гурзуфѣ учиться по-англійски съ помощью Раевскаго сына»[4]). Незеленовъ, больше другихъ склонный видѣть вліяніе Байрона на Пушкина, очевидно, основываясь на

1) Указанное соч. въ изд. 1855 г., стр. 95.

2) П. Анненковъ, «Пушкинъ въ Александровскую эпоху», изд. 1874 г., стр. 151.

3) «Пушкинъ въ Южной Россіи» въ «Русскомъ Архивѣ» 1866 г., кн. VIII—IX, стр. 1140.

4) Op. cit., стр. 1115.

только что цитированныхъ указаніяхъ Анненкова и Бартенева, говоритъ буквально только, что «Пушкинъ принялся, увлекшись геніемъ Байрона, и за изученіе англійскаго языка»[1]). Л. Н. Майковъ (въ статьѣ своего сборника «Пушкинъ»: «Изъ сношеній Пушкина съ Н. Н. Раевскимъ») говоритъ объ этомъ не столь категорично: «Едва ли не черезъ Н. Н. Раевскаго и его сестеръ Пушкинъ впервые познакомился съ Байрономъ. Есть положительныя свидѣтельства (Майковъ ссылается на Анненкова и Бартенева), что подъ ихъ руководствомъ началъ онъ учиться англійскому языку»[2]). Н. Ѳ. Сумцовъ, говоря о шотландской балладѣ, послужившей источникомъ «Шотландской пѣсни» Пушкина («Воронъ къ ворону летитъ», стихотвореніе 1828 г.), допускаетъ возможность знакомства Пушкина съ этой балладой еще въ 1822 году, «такъ какъ въ это время онъ уже зналъ англійскій языкъ»[3]). Въ противоположность всѣмъ этимъ изслѣдователямъ, для которыхъ знаніе Пушкинымъ еще на югѣ англійскаго языка фактъ несомнѣнный, г. Сиповскій отказывается видѣть вліяніе «Корсара» на «Кавказскаго Плѣнника», потому что «во время созданія поэмы «Кавказскій Плѣнникъ» (августъ 1820 г. — февраль 1821 г.) Пушкинъ только приступалъ къ изученію

---

1) А. Незеленовъ. А. С. Пушкинъ въ его поэзіи, С.-Пб. 1882, стр. 68.

2) Л. Майковъ. Пушкинъ, стр. 140—141.

3) Нужно же г. Сумцову знаніе Пушкинымъ этой баллады еще въ 1822 году для того, чтобы утверждать, что стихи въ «Пѣсни о вѣщемъ Олегѣ» «.... на холмѣ, у брега Днѣпра, лежатъ благородныя кости; ихъ моютъ дожди, засыпаетъ ихъ пыль, и вѣтеръ волнуетъ надъ ними ковыль» «возникли подъ вліяніемъ заключительныхъ стиховъ шотландской баллады: «На его (рыцаря) бѣлыя кости, когда онѣ будутъ обглоданы, вѣчно будетъ дуть вѣтеръ». Оставивъ въ сторонѣ вопросъ о томъ, могъ ли Пушкинъ знать еще въ Кишиневѣ въ 1822 году шотландскую балладу изъ сборника Чайльда, нужно признать это сопоставленіе г. Сумцова крайне натянутымъ. Неужели Пушкинъ не могъ написать стиховъ о костяхъ коня Олега, нисколько не думая объ обглоданныхъ воронами костяхъ рыцаря баллады? Точно также мы считаемъ необоснованнымъ утвержденіе г. Сумцова, что стихотвореніе Пушкина «Я помню чудное мгновенье» (1825 г.) написано подъ вліяніемъ стихотворенія Вордсворта. См. Н. Ѳ. Сумцовъ. Пушкинъ. Изслѣдованія, Харьковъ. 1900 г., стр. 259—261 и 229—235.

англійскаго языка», и потому не могъ читать «Корсара»[1]). Акад. Н. П. Дашкевичъ по интересующему насъ вопросу пишетъ: «Значительнымъ препятствіемъ къ полному усвоенію Пушкинымъ поэзіи Байрона являлось долго плохое знакомство нашего поэта съ англійскимъ языкомъ, которымъ Пушкинъ началъ заниматься довольно поздно. На первыхъ порахъ онъ читалъ Байрона во французскихъ и русскихъ переводахъ. Онъ плохо зналъ англійскій языкъ еще и въ сентябрѣ 1825 года»[2]). Подробнѣе остановился на этомъ Алексѣй Н. Веселовскій, который, отмѣтивъ, что «изученіе Пушкинымъ англійскаго языка иногда усиливалось, иногда ослабѣвало и вѣроятно распадалось на нѣсколько періодовъ», и что «основы языка Пушкинъ, по словамъ его сестры, зналъ будто бы очень рано», утверждаетъ, что «на Кавказѣ въ 1820 г. началась первая серьезная работа» Пушкина надъ англійскимъ языкомъ, но тутъ же г. Веселовскій говоритъ, что Пушкинъ въ 1825 г. жалуется на неудобство учиться по-англійски, а затѣмъ приводитъ указаніе въ «Московскомъ Телеграфѣ» 1829 г. «какъ будто сдѣланное близкимъ къ поэту лицомъ» (слова г. Веселовскаго), что «*въ послѣдніе годы* Пушкинъ захотѣлъ читать Байрона и Шекспира въ подлинникѣ и черезъ четыре мѣсяца читалъ ихъ по-англійски, какъ на своемъ родномъ языкѣ». Приведя это весьма цѣнное указаніе, А. Н. Веселовскій удивляется, печатаетъ курсивомъ слова: «*въ послѣдніе годы*(?)» и ставитъ знакъ вопроса[3]). Но удивляться здѣсь нечему, потому что, во-первыхъ, «серьезная работа» началась не на Кавказѣ, а въ Гурзуфѣ, а во-вторыхъ и «серьезной»-то ее назвать нельзя. Наконецъ, Н. О. Лернеръ говоритъ: «вѣдь извѣстно, что въ то время (августъ—сентябрь 1820 г. М. Ц.) Пушкинъ еще совсѣмъ не

---

1) В. В. Сиповскій. Пушкинъ, С.-Пб. 1907 г., стр. 493 прим.

2) Акад. Н. П. Дашкевичъ. «Отголоски увлеченія Байрономъ въ поэзіи Пушкина» во II т. «Собранія сочиненій Пушкина» подъ ред. Венгерова, изд. Брокгаузъ-Ефронъ, стр. 428. Дальше это изд. обозначается: «Пушкинъ. Венгеровъ».

3) Алексѣй Н. Веселовскій. «Этюды и характеристика», 3-ье изд., стр. 640.

зналъ по-англійски, а о Байронѣ имѣлъ только общее представленіе изъ бесѣдъ хотя бы съ тѣмъ же княземъ Вяземскимъ»[1]).

Въ 1901 году въ «Русскомъ Архивѣ» (№ 6) В. В. Каллашъ помѣстилъ замѣтку: «Пушкинъ и англійскій языкъ», гдѣ говоритъ, что «вопросъ объ изученіи великимъ поэтомъ англійскаго языка является характернымъ образчикомъ того, какъ еще много въ біографическихъ свѣдѣніяхъ о Пушкинѣ сбивчиваго, неяснаго и противорѣчиваго». Самъ г. Каллашъ не вошелъ въ подробное разсмотрѣніе этихъ «сбивчивыхъ, неясныхъ и противорѣчивыхъ» свѣдѣній и ограничился лишь тѣмъ, что привелъ нѣсколько современныхъ Пушкину свидѣтельствъ по этому вопросу[2]). Замѣтка г. Каллаша заключается такими словами: «Всѣ эти разнорѣчивыя данныя можно примирить, кажется, слѣдующимъ образомъ: въ молодые годы Пушкинъ зналъ англійскій языкъ, но слабо (такъ же, какъ и нѣмецкій); не безъ труда и съ чужою помощью (напримѣръ, Раевскихъ) онъ могъ однако разбираться даже въ Байронѣ, хотя былъ не доволенъ своими знаніями, хотѣлъ въ Михайловскомъ ихъ пополнить, чего, вѣроятно, впослѣдствіи и достигъ». Намъ кажется, что на основаніи имѣющихся у насъ данныхъ, мы можемъ это мнѣніе г. Каллаша вывести изъ области предположеній и утверждать, какъ о фактѣ несомнѣнномъ, что *Пушкинъ до 1828 года самостоятельно по-англійски читать не могъ, и что только съ этого года, и притомъ не «вѣроятно», а несомнѣнно, онъ свободно читаетъ по-англійски.*

---

1) Примѣчаніе г. Лернера къ стих. «Погасло дневное свѣтило» — Пушкинъ, Венгеровъ, т. II, стр. 550. Тутъ у г. Лернера неточность: Пушкинъ не могъ «бесѣдовать» съ княземъ Вяземскимъ. Объ этомъ дальше.

2) В. В. Каллашъ приводитъ свидѣтельства: отца поэта, самого поэта (письмо 1825 г.), Ек. Ник. Раевской-Орловой и анонимныхъ авторовъ въ «Московскомъ Телеграфѣ» 1829 г., «Дамскомъ Журналѣ» 1833 г. и «Живописномъ Обозрѣніи» 1837 г. Всѣ эти свидѣтельства приведены дальше въ нашей работѣ. Интересно отмѣтить, что ни одинъ изъ вышецитированныхъ мною авторовъ ни словомъ не упомянулъ о замѣткѣ г. Каллаша.

Объ изученіи Пушкинымъ англійскаго языка въ дѣтствѣ у насъ есть свидѣтельство отца поэта. Сергѣй Львовичъ въ своихъ «Замѣчаніяхъ на такъ названную біографію Ал. Сер. Пушкина, помѣщенную въ «Портретной и біографической Галлереѣ» говоритъ между прочимъ: «Въ зрѣломъ возрастѣ, прибавляетъ біографъ, онъ (А. С. Пушкинъ) выучился по-англійски. Опять ошибка. Вступивъ въ Лицей, онъ уже этотъ языкъ зналъ, какъ знаютъ всѣ дѣти, съ которыми дома говорятъ на этомъ языкѣ»[1]). Поправкой къ этому заявленію С. Л. служатъ слова сестры поэта, которая говорила, что «когда для нея наняли англичанку миссъ Белли, то Пушкинъ учился по-англійски, но плохо, а по-нѣмецки и вовсе не учился»[2]). Къ этому нужно добавить, что въ Лицеѣ англійскій языкъ не преподавался[3]).

Выше мы привели указаніе Бартенева, сдѣланное имъ со словъ П. Я. Чаадаева, что Пушкинъ началъ знакомство съ Байрономъ еще въ Петербургѣ, гдѣ учился будто бы по-англійски, для чего бралъ у Чаадаева книжку Газлитта «Разсказы за столомъ» (Hazlitt. Table-Talk). Сочиненіе William'a Hazlitt'a

---

1) «Замѣчанія» напечатаны, какъ особое приложеніе, къ «Отечественнымъ Запискамъ» 1841 г., т. XV. Цитиров. мѣсто на стр. II.

2) Анненковъ. Матеріалы, изд. 1855 г., стр. 12—13. Что приводимое мѣсто написано на основаніи словъ О. С., видно изъ примѣчаній на 1 и 14 страницахъ. Объ этой гувернанткѣ у Павлищева въ «Воспоминаніяхъ объ А. С. Пушкинѣ» М. 1890 г., стр. 16, 18 и 36. Въ письмѣ Н. О. Пушкиной къ дочери (отъ 4 января 1835 г.) есть упоминаніе о миссъ Huntter. Это, по словамъ Л. Павлищева, «англичанка — старая наставница Александра Серг. и Ольги Серг.: обучала ихъ англійской словесности». Едва-ли она обучала А. С. англійской словесности, когда онъ и англійскому-то языку учился плохо. Вѣроятно, миссъ Huntter обучала словесности Ольгу Серг., когда Ал. С. жилъ уже въ Лицеѣ. Л. Н. Майковъ сомнѣвается въ томъ, что Пушкинъ читалъ Мильтона въ бытность свою въ Лицеѣ, и утверждаетъ, что объ этомъ писателѣ онъ узналъ изъ «Кандида» Вольтера. См. Пушкинъ, Акад. изд. I², 127 стр. прим. Замѣтимъ еще, что въ библіотекѣ Пушкина сочиненія Мильтона имѣются лишь въ изд. 1824 и 1829 гг. [«Пушкинъ и его совр.», вып. IX—X, №№ 1175 и 1176. Мильтонъ (на англ. яз.) въ изд. «s. a.» (№ 1173), 1836 г. (№ 1174) и 1835 г. (№ 1176) не разрѣзанъ. Дальше это описаніе библіотеки Пушкина обозначается: «Модзалевскій. Описаніе»].

3) См. Селезневъ. Историческій очеркъ Имп. Александровскаго Лицея, 11, стр. 85—88.

«Tae-Table»: or, original essays, Paris. 1825, въ 2-хъ томахъ, имѣется въ библіотекѣ Пушкина («съ продольными, по полю отмѣтками карандашомъ»). Судя по описанію Б. Л. Модзалевскаго[1]) и словарю Querard'a, это изданіе 1825 г. является первымъ, а потому брать его у Чаадаева еще до мая 1820 г. Пушкинъ не могъ. Какъ извѣстно, въ черновыхъ бумагахъ Пушкина есть собраніе анекдотовъ о разныхъ историческихъ лицахъ и событіяхъ подъ общимъ заглавіемъ «Table-Talk»; они записывались въ разное время на отдѣльныхъ листкахъ разныхъ форматовъ, но, судя по клеймамъ на бумагѣ (1830, 1831 и 1834 гг.), относятся къ 30-мъ годамъ[2]). Въ это же время, вѣроятно, Пушкинъ и читалъ это сочиненіе (по экземпляру, сохранившемуся въ его библіотекѣ?). Такимъ образомъ приходится предположить, что Чаадаевъ спуталъ время, когда Пушкинъ бралъ у него эту книгу. За то чрезвычайно цѣнно свидѣтельство Чаадаева, что Пушкинъ еще въ Петербургѣ началъ знакомство съ Байрономъ.

Еще 31 января 1819 года И. И. Козловъ, отмѣтивъ въ своемъ дневникѣ: «много читалъ Байрона», пишетъ восторженную характеристику этого поэта. Подъ 14 февраля 1819 г. въ томъ же дневникѣ записано: «Пришелъ Жуковскій. Мы вмѣстѣ читали Child-Harold.» 11 марта: «Читалъ съ Жуковскимъ «Гяура»... Я много занимаюсь англійскимъ языкомъ». 13 іюля: «Я занимаюсь моимъ переводомъ «Bride of Abydos». 20 іюля: «Жуковскій прибылъ изъ Павловска. Я ему читалъ переводъ «Bride of Abydos»[3]). 5 августа этого же года А. И. Тургеневъ пишетъ князю П. А. Вяземскому въ Варшаву, что Блудовъ прислалъ Жуковскому «Мазепу» Байрона[4]), а 13 августа, что Жуковскій хочетъ

---

1) Модзалевскій. Описаніе, № 974.

2) У г. Лернера — «около 1830 г. П. начинаетъ записывать Анекдоты». См. «Труды и дни», 2-ое изд., стр. 231.

3) «Старина и Новизна», кн. XI, стр. 40—41, гдѣ къ сожалѣнію лишь выдержки изъ дневника Козлова. Если не ошибаемся, эти записи Козлова являются первыми по времени упоминаніями о Байронѣ въ русской литературѣ.

4) «Остафьевскій Архивъ», т. I. 31 августа Козловъ отмѣчаетъ въ дневникѣ: «Жуковскій прислалъ (изъ Павловска) «Мазепу».

выкрасть лучшее изъ «Манфреда»[1]). Изъ всего этого видно, что Пушкинъ долженъ былъ слышать о Байронѣ прежде всего отъ Жуковскаго и Тургенева[2]). Другимъ источникомъ свѣдѣній о Байронѣ для Пушкина служили письма князя П. А. Вяземскаго изъ Варшавы къ А. И. Тургеневу. 11 октября князь П. А. Вяземскій восторженно пишетъ: «Я все это время купаюсь въ пучинѣ поэзіи: читаю и перечитываю лорда Байрона, разумѣется въ блѣдныхъ выпискахъ французскихъ. Что за скала, изъ коей бьетъ море поэзіи. Какъ Жуковскій не черпаетъ тутъ жизни, коей стало бы на цѣлое поколѣніе поэтовъ. Безъ сомнѣнія, если рѣшусь когда-нибудь чему учиться, то примусь за англійскій языкъ единственно для Байрона. Знаешь ли ты его «Пилигрима», четвертая пѣснь? Я не утерплю и вѣрно, хотя для себя, переведу съ французскаго нѣсколько строфъ, разумѣется, сперва прозою; и думаю, не составить ли маленькую статью о немъ, гдѣ могъ бы я перебрать лучшія его мѣста, а болѣе бросить перчатку старой, изношенной шлюхѣ—нашей поэзіи, которая никакъ не идетъ языку нашему? Но какъ Жуковскому, знающему языкъ англичанъ, а еще тверже языкъ Байрона, какъ ему не броситься на эту добычу. Я умеръ бы на ней. Племянникъ читаетъ ли по-англійски? Кто въ Россіи читаетъ по-англійски и пишетъ по-русски? Давайте мнѣ его сюда. Я за каждый стихъ Байрона заплачу ему жизнью своею»[3]). Свое

---

1) Въ дневникѣ Козлова подъ 26 декабря 1819 г.: «Жуковскій принесъ въ подарокъ «Манфреда» и 3 и 4 пѣснь «Чайльдъ-Гарольда» (у меня есть 1-ая и 2-ая)». Op. cit., 42. На основаніи этихъ записей записку Жуковскаго къ А. И. Тургеневу безъ даты (CXCIV) можно датировать началомъ 1820 г. См. Письма Жуковскаго къ А. И. Тургеневу, М. 1895 г., стр. 309.

2) Съ Козловымъ Пушкинъ, кажется, не былъ знакомъ до 1827 г. По крайней мѣрѣ князь П. А. Вяземскій 9 іюля 1827 г. пишетъ Козлову: «Понимаю вполнѣ, съ какимъ вы удовольствіемъ познакомились съ Пушкинымъ и компаніей, т. е. Евгеніемъ Онѣгинымъ и Борисомъ Годуновымъ» (см. «Рус. Арх.» 1886 г. № 2, стр. 186).

3) «Ост. Арх.», т. I, стр. 326—327. «Влюбилъ въ Байрона» Вяземскаго польскій поэтъ Моравскій (см. письмо В-го къ А. И. Тургеневу отъ 25 октября 1819 г.), съ которымъ Вяземскій былъ очень друженъ (см. Собр. сочин. кн. П. А. Вяземскаго, т. I, стр. 7) и басню котораго «Круговая порука» (ibid., т. III, стр. 175) перевелъ съ польскаго.

обѣщаніе перевести съ французскаго нѣсколько строфъ изъ «Чайльдъ-Гарольда» князь Вяземскій, вопреки своему обыкновенію, исполнилъ, и въ письмѣ отъ 17 октября мы читаемъ прозаическій переводъ отрывковъ изъ IV-ой пѣсни этой поэмы. Вяземскимъ переведены прозою въ такомъ порядкѣ строфы: CLXXIX, CLXXX, CLXXXIV, CLXXVIII, CXXX, CXXXI, CXXI, CXXIV. Переводъ заключается такой тирадой: «Что за туманъ поэтическій? Ныряй въ него и освѣжай чувства, опаленныя знойною пылью земли. Что ваши торжественныя оды, ваши холодныя поэмы? Что весь этотъ языкъ условный, симметрія словъ, выраженій, понятій? Капля, которую поглощаетъ океанъ лазурный, но иногда и мрачный, какъ лице небесъ, въ нихъ отражающееся [1])». Кромѣ переведенныхъ имъ лирическихъ мѣстъ изъ IV-ой пѣсни «Чайльдъ-Гарольда», князю Вяземскому очень нравилась прощальная пѣснь Гарольда изъ I-ой пѣсни, и 10-ую строфу ея онъ дважды цитируетъ въ своихъ письмахъ по-французски [2]). Въ отвѣтъ на письмо князя Вяземскаго отъ 17 октября съ переводомъ изъ Байрона А. И. Тургеневъ отвѣчаетъ: «Ты проповѣдуешь намъ Байрона, котораго мы все лѣто читали... Жуковскій имъ бредитъ и имъ питается. Въ планахъ его много переводовъ изъ Байрона. Я нагрѣваюсь имъ и недавно купилъ полное изданіе въ семи томахъ. Четвертая пѣснь «Пилигрима» и моя любимая» [3]). Пушкинъ, уже слыхавшій о Байронѣ отъ А. И. Тургенева и Жуковскаго, не могъ не заинтересоваться послѣ этихъ писемъ князя Вяземскаго, которыя онъ

---

1) «Ост. Арх.», т. I, стр. 330—332.

2) Вяземскій цитируетъ мѣста изъ нея въ письмахъ отъ 25 октября и 15 ноября («Ост. Арх.», т. I, стр. 338 и 353). Г. Саитовъ ошибается, считая эти цитаты взятыми изъ IV-ой пѣсни «Чайльдъ-Гарольда» (см. «Ост. Арх.», т. I, стр. 652 и 659): первая фраза дѣйствительно взята изъ IV-ой пѣсни, но остальное — изъ прощальной пѣсни Чайльдъ-Гарольда.

3) «Ост. Арх.», т. I, стр. 334. См. еще стр. 335—336 и 343. Тотъ же А. И. Тургеневъ въ письмѣ къ И. И. Дмитріеву (6 января 1820 г.) пишетъ, что «Батюшковъ ему пишетъ, что итальянцы переводятъ поэмы Байрона и читаютъ ихъ съ жадностью: слѣдовательно, то же явленіе, что и у насъ на Невѣ, гдѣ Жуковскій дремлетъ надъ Байрономъ, и на Вислѣ, гдѣ Вяземскій бредитъ о Байронѣ» («Русск. Арх.» 1867 г., стр. 652—653).

конечно читалъ, англійскимъ поэтомъ и могъ даже дѣлать попытки читать его по-англійски, но на первыхъ порахъ дальше попытокъ дѣло вѣроятно не пошло. Мы по крайней мѣрѣ не имѣемъ ни малѣйшихъ указаній на знакомство Пушкина съ Байрономъ еще въ этотъ періодъ его жизни (до ссылки на югъ) ни въ письмахъ, ни въ его произведеніяхъ. Да и самый образъ жизни Пушкина въ это время, бурный и безпорядочный, меньше всего способствовалъ какимъ-либо серьезнымъ занятіямъ [1]).

Высланный въ началѣ мая 1820 г. подъ видомъ «перевода по службѣ» изъ Петербурга въ Екатеринославъ, Пушкинъ встрѣчается здѣсь съ Раевскими, съ которыми онъ былъ знакомъ еще по Петербургу [2]) и съ ними отправляется на Кавказъ, куда ѣхалъ лѣчиться генералъ Раевскій съ младшимъ сыномъ Николаемъ и двумя дочерьми Марьей и Софьей. Прибывъ 6 іюня [3]) на минеральныя воды, Пушкинъ съ Раевскими 5 августа [4]) покидаетъ Пятигорскъ и 17 или 18 августа пріѣзжаетъ въ Гурзуфъ [5]). Въ

1) Въ библіотекѣ Пушкина есть книга Pollock'a: «Cours de Langue Anglaise ou nouvelle méthode pour apprendre promptement à parler et écrire correctement l'Anglais...», St.-Pétersbourg. 1817 г. Можетъ быть, по ней хотѣлъ учиться англійскому языку Пушкинъ, но въ ней «замѣтокъ нѣтъ; разрѣзано только въ нѣсколькихъ мѣстахъ, безъ системы». См. Модзалевскій. Описаніе, № 1272.

2) П. Е. Щеголевъ въ своей статьѣ о любви Пушкина къ М. Н. Раевской-Волконской говоритъ, что «остается открытымъ вопросъ, былъ ли вхожъ Пушкинъ въ семью Раевскихъ еще въ Петербургѣ и не познакомился ли онъ съ Марьей Раевской еще до своей высылки» (Щеголевъ, стр. 184). Но вѣдь М. О. Гершензонъ въ статьѣ «Семья декабристовъ» («Былое» 1906, X, стр. 302) говоритъ, что встрѣча въ Екатеринославѣ Пушкина съ Раевскими едва-ли была случайной. Раевскіе, безъ сомнѣнія, знали, что въ Екатеринославѣ найдутъ Пушкина: 7 мая одна изъ дочерей, Екатерина Николаевна, посылая изъ Петербурга письмо брату Александру въ Кіевъ, объясняетъ въ P. S., почему оно идетъ почтою: «мама забыла послать его съ Пушкинымъ». Изъ этихъ словъ ясно видно, что «Пушкинъ былъ вхожъ въ семью Раевскихъ еще въ Петербургѣ». Вопросъ, слѣдовательно, только въ томъ, видѣлъ ли Пушкинъ М. Н. Раевскую въ Петербургѣ.

3) Е. Г. Вейденбаумъ, «Пушкинъ на Кавказѣ въ 1820 г.».—Пушкинъ, Венгеровъ, т. II, стр. 19.

4) Ibid.

5) О хронологическихъ датахъ этой поѣздки г. Лернеръ споритъ съ М. О. Гершензономъ [Труды и дни II., стр. 484]. Мы слѣдуемъ за В. Я. Брюсовымъ. См. Пушкинъ, Венгеровъ, т. II, стр. 96 и 98 пр.

Гурзуфѣ семейство Раевскихъ увеличилось женой генерала и двумя ихъ дочерьми Екатериной, самой старшей и 16-ти лѣтней Еленой. Съ этимъ пребываніемъ Пушкина съ Раевскимъ на Кавказѣ и въ Крыму преданіе связываетъ знакомство его съ Байрономъ. Какъ мы уже видѣли, Анненковъ утверждаетъ, что Пушкинъ подъ руководствомъ Екатерины Николаевны Раевской, а также и Марьи Николаевны принялся *на Кавказѣ* за изученіе англійскаго языка. Это указаніе невѣрно, такъ какъ Екатерины Николаевны на Кавказѣ не было, и заниматься съ ней Пушкинъ могъ только въ Гурзуфѣ. Но что гораздо важнѣе,— сама Екатерина Николаевна Раевская-Орлова рѣшительно опровергла это сообщеніе Анненкова и по существу, такъ сказать. Я. К. Гротъ въ книгѣ «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники» пишетъ между прочимъ, что ему часто приходилось разговаривать съ Екатериной Николаевной о Пушкинѣ и продолжаетъ: «Не касаясь нѣкоторыхъ неточностей, замѣченныхъ Екатериной Николаевной въ разсказахъ біографовъ Пушкина, упомяну только о двухъ любопытныхъ обстоятельствахъ, не совсѣмъ согласныхъ съ ходячими преданіями, и еще разъ показывающихъ, какъ иногда «дѣлается исторія», какъ по канвѣ иногда самыхъ простыхъ случайностей выводятся впослѣдствіи затѣйливые узоры. Екатерина Николаевна рѣшительно отвергаетъ недавно напечатанное свѣдѣніе, будто Пушкинъ учился тамъ (въ Гурзуфѣ) подъ ея руководствомъ англійскому языку. Ей было въ то время 23 года, а Пушкину 21, и одинъ этотъ возрастъ, по тогдашнимъ строгимъ понятіямъ о приличіи, могъ служить достаточнымъ препятствіемъ къ такому сближенію. По ея замѣчанію все дѣло могло состоять развѣ только въ томъ, что Пушкинъ съ помощью брата Николая въ Гурзуфѣ читалъ Байрона, и когда они не понимали какого-нибудь слова, то, не имѣя лексикона, посылали наверхъ къ Екатеринѣ Николаевнѣ за справкой[1]). Бартеневъ, пользовавшійся указа-

1) Я. Гротъ. Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники, 2-ое изд. 1899 г., стр. 52—53.

ніями М. Н. Раевской-Волконской, тоже говоритъ о занятіяхъ Пушкина съ Н. Н. Раевскимъ только въ Гурзуфѣ [1]). Поэтому, основываясь на этомъ сообщеніи Бартенева, а также имѣя въ виду поправку утвержденія Анненкова, сдѣланную Екатериной Николаевной Орловой, мы можемъ вполнѣ опредѣленно утверждать, что, во-первыхъ, Пушкинъ учился англійскому языку по сочиненіямъ Байрона только въ Гурзуфѣ, а во-вторыхъ, что главнымъ учителемъ его въ этихъ занятіяхъ былъ Н. Н. Раевскій. Что Пушкинъ только въ Гурзуфѣ приступилъ къ чтенію Байрона, можно подкрѣпить еще слѣдующимъ соображеніемъ. Мицкевичъ въ некрологѣ Пушкина (въ газетѣ «Le Globe» 1837 г.), основываясь, вѣроятно, на словахъ самого Пушкина, говоритъ, что по прочтеніи «Корсара» Байрона Пушкинъ почувствовалъ себя поэтомъ [2]). Это выраженіе нельзя, конечно, понимать буквально, такъ какъ Пушкинъ поэтическое призваніе въ себѣ сознавалъ и

---

1) Цитированное выше мѣсто изъ статьи Бартенева «Пушкинъ въ южной Россіи»—«Р. А.» 1866 г., стр. 1115. Тутъ же Бартеневъ говоритъ, что «стыдливая, серьезная и скромная Елена Николаевна, хорошо зная англійскій языкъ, переводила Байрона и Вальтеръ-Скотта по-французски, но втихомолку уничтожала свои переводы. Братъ (Н. Н.) сказалъ о томъ Пушкину, который сталъ подбирать подъ окнами клочки изорванныхъ бумагъ и обнаружилъ тайну. Онъ восхищался этими переводами, увѣряя, что они чрезвычайно вѣрны». Въ послѣднемъ можно усомниться, такъ какъ едва ли Пушкинъ могъ судить о вѣрности переводовъ, самъ въ то время только что приступивъ къ изученію англійскаго языка. Но Пушкинъ могъ восхищаться этими переводами уже по одному тому, что онъ былъ влюбленъ тогда въ эту переводчицу. По указанію Бартенева стих. «Увы, зачѣмъ она блистаетъ» относится къ Еленѣ Никол. Раевской. Къ ней же вѣроятно относится стих. «О дѣва-роза, я въ оковахъ» (См. Пушкинъ, Акад. изд., II, стр. 351—352). Наконецъ, въ «Гавріліадѣ» Пушкинъ вспоминаетъ Елену и проситъ Гавріила придать его очамъ очарованье и повѣдать тайну понравиться ей. Все это, конечно, нисколько не опровергаетъ П. Е. Щеголева, доказывающаго, что въ это же время Пушкинъ любилъ сестру ея Марью Николаевну. Можетъ быть, фраза княгини М. Н. Волконской въ ея «Запискахъ», что Пушкинъ, «въ качествѣ поэта, считалъ своимъ долгомъ быть влюбленнымъ во всѣхъ хорошенькихъ женщинъ и молодыхъ дѣвушекъ, которыхъ встрѣчалъ», намекаетъ прежде всего на влюбленность Пушкина въ сестру ея Елену?

2) Переводъ статьи Мицкевича (съ пропусками) первоначально былъ помѣщенъ въ статьѣ князя П. Вяземскаго «Мицкевичъ о Пушкинѣ» [См. Собр. соч. Вяземскаго, т. VII, 310—317], потомъ полностью въ «Мірѣ Божьемъ» 1899 г., № 5 и въ сборникѣ «Пушкинъ», изд. журн. «Жизнь» 1899 г.

раньше, и еще, напримѣръ, въ 1815 году (стих. «Мечтатель») писалъ: «дана мнѣ лира отъ боговъ, поэту даръ безцѣнный» и въ другомъ стихотвореніи этого же года («Батюшкову») говорилъ: «поэтомъ я возросъ». Но, конечно, несомнѣнно, Байронъ не могъ не поразить Пушкина, до сихъ поръ питавшагося легкой поэзіей французовъ во главѣ съ Парни, яркостью своего письма, оригинальностью своихъ героевъ и тѣмъ романтическимъ свѣтомъ, въ какомъ они представлены въ поэмахъ англійскаго поэта. Поэзія Байрона открывала передъ Пушкинымъ новые широкіе горизонты поэтическаго творчества, и это онъ и выразилъ въ словахъ, сказанныхъ Мицкевичу.

Если допустить, что Пушкинъ еще на Кавказѣ прочиталъ съ помощью Н. Н. Раевскаго «Корсара», то насъ не можетъ не поразить тотъ фактъ, что Пушкинъ именно на Кавказѣ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ почти ничего не написалъ. Написанное Пушкинымъ на Кавказѣ ограничивается лишь эпилогомъ къ «Руслану и Людмилѣ»[1]). Такое отсутствіе вдохновенія — фактъ исключительный въ жизни нашего поэта. Въ эпилогѣ къ «Руслану и Людмилѣ» Пушкинъ это и отмѣтилъ, говоря:

Душа, какъ прежде, каждый часъ
Полна томительною думой—
Но огнь поэзіи погасъ.
Пищу напрасно впечатлѣній:
Она прошла, пора стиховъ,
Пора любви, веселыхъ сновъ,
Пора сердечныхъ вдохновеній!
Восторговъ краткій день протекъ—
И скрылась отъ меня навѣкъ
Богиня тихихъ пѣснопѣній.

Въ черновыхъ тетрадяхъ Пушкина текстъ эпилога имѣется въ двухъ видахъ: черновомъ, помѣченномъ: «15 іюня 1820 г.

1) На Кавказѣ же, а можетъ быть и въ Гурзуфѣ, написаны Пушкинымъ не дошедшія до насъ его «замѣчанія на Черноморскихъ и Донскихъ казаковъ», о которыхъ онъ говоритъ въ письмѣ къ брату отъ 24 сентября 1820 г. (Переписка, т. I, № 16, стр. 20). См. еще о добавленіяхъ къ VI п. «Руслана и Людмилы» въ т. II Акад. изд. сочиненій Пушкина, стр. 292—294 примѣчаній.

Кавказъ», и бѣловомъ, помѣченномъ: «Кавказъ 26 іюля 1820», и оба текста по содержанію не отличаются отъ приведенныхъ стиховъ окончательной (3-ей) редакціи[1]). Эти, такъ настойчиво повторяемыя признанія Пушкина въ томъ, что онъ «напрасно пищетъ впечатлѣній», что «пора стиховъ прошла», и отъ него «навѣкъ скрылась богиня тихихъ пѣснопѣній», невозможно примирить, допустивъ, что онъ писалъ эти строки, читая Байрона, съ его же собственнымъ признаніемъ, что «прочитавъ Байрона, онъ почувствовалъ себя поэтомъ». Пушкинъ, говоря эту фразу Мицкевичу, именно и имѣлъ въ виду вдохновеніе, которое посѣтило его въ Гурзуфѣ, гдѣ онъ читалъ съ помощью Раевскаго Байрона, послѣ продолжительнаго періода, когда онъ ничего не писалъ на Кавказѣ[2]). Этому нашему утвержденію, что Пушкинъ лишь въ Гурзуфѣ приступилъ къ чтенію Байрона, не противорѣчитъ и тотъ фактъ, что еще во время переѣзда моремъ изъ Ѳеодосіи въ Гурзуфъ Пушкинъ, по его собственнымъ словамъ, написалъ элегію

---

1) Черновой набросокъ начала «Эпилога» написанъ еще въ Петербургѣ. См. Акад. изд. сочиненій Пушкина, т. II, стр. 265—268, гдѣ дважды повторяется опечатка, что эпилогъ конченъ «въ Каменкѣ» (стр. 264 и 265).

2) Н. О. Лернеръ (на стр. 57 «Трудовъ и дней Пушкина», 2-ое изд.) говоритъ, что «Кавказскій Плѣнникъ» начатъ лѣтомъ на Кавказѣ и ссылается на т. VIII, стр. 383 и 385 сочиненій Пушкина подъ ред. Ефремова. На стр. 383 у Ефремова сказано голословно, что поэма начата «около августа 1820 г.», а на стр. 385 ничего нѣтъ о времени созданія поэмы. Тутъ же г. Лернеръ приводитъ предположеніе В. Ѳ. Боцяновскаго, что «Кав. Плѣн.» былъ написанъ еще до пріѣзда Пушкина въ Каменку и вѣроятнѣе всего—во время непродолжительнаго путешествія Пушкина съ Раевскими по Кубани и Кавказу. Такъ думалъ въ 1902 г. г. Боцяновскій, опубликовавшій Чегодаевскій списокъ «Кавк. Пл.» (въ сборникѣ «Памяти Л. Н. Майкова»), но въ 1905 г. вышелъ т. II Акад. изд. сочиненій Пушкина, гдѣ находится описаніе страницъ записной книги Пушкина съ первоначальнымъ текстомъ «Кав. Пл.» и транскрипція этого текста. Изъ этого описанія видно, что текстъ Чегодаевскаго списка *позднѣе* приведеннаго В. Е. Якушкинымъ. (Чегодаевскій списокъ позднѣе и музейнаго (тетрадь № 2365 Рум. Муз.): см. т. II Ак. изд., стр. 446 примѣч.) Поэтому странно теперь ссылаться на списокъ Чегодаева для опредѣленія времени созданія «Кав. Пл.». На основаніи записной книжки И. Публ. Библ. г. Якушкинъ говоритъ, что «принялся Пушкинъ за поэму въ Гурзуфѣ, сейчасъ же по пріѣздѣ съ Кавказа, въ концѣ августа (вѣроятно, 24-го числа)». См. Ак. изд., т. II, стр. 480. Наконецъ, г. Лернеръ еще ссылается на стр. 1119 «Р. А.» 1866 г., но тамъ сказано, что «кажется... тамъ же (т. е. въ Гурзуфѣ) занялся Пушкинъ и набросалъ первые отрывки новой поэмы «Кавк. Плѣнникъ».

«Погасло дневное свѣтило», являющуюся «подражаніемъ Байрону», какъ онъ ее назвалъ въ изд. «Стихотвореній» 1826 г.[1]). На вопросъ Тургенева, читалъ ли Вяземскій «Черное море» Пушкина[2]), послѣдній пишетъ: «Не только читалъ Пушкина, но съ ума сошелъ отъ его стиховъ. Что за шельма. Не я ли наговорилъ ему эту Байроническизну: «Но только не къ брегамъ печальнымъ туманной родины моей». Мнѣ жаль, что въ этой элегіи дѣло о любви одной. Зачѣмъ не упомянуть о другихъ неудачахъ сердца? Тутъ было, гдѣ поразгуляться»[3]). Въ словахъ: «не я ли наговорилъ ему эту Байроническизну: «Но только не къ брегамъ...» Вяземскій намекаетъ, конечно, на свои письма, отрывки изъ которыхъ выше нами приведены, отъ 11, 17, 25 октября и 15 ноября 1819 г., гдѣ онъ восторгался Байрономъ и приводилъ свой переводъ изъ «Чайльдъ-Гарольда». Въ числѣ строфъ, переведенныхъ тогда Вяземскимъ, какъ мы уже указали, была и CLXXIX изъ IV-ой пѣсни «Ч.-Г.», а 10-ую строфу изъ «Прощальной пѣсни» Чайльдъ-Гарольда онъ дважды цитировалъ. Нѣкоторыя мѣста элегіи Пушкина, какъ уже отмѣтилъ г. Лернеръ, имѣютъ сходство именно съ этими строфами, а потому элегію «Погасло дневное свѣтило» можно разсматривать, какъ отзвукъ того, что узналъ изъ Байрона Пушкинъ еще въ Петербургѣ[4]).

---

1) Стихотвореніе «Погасло дневное свѣтило» появилось первоначально въ «С. О.» № 46, 1820 г. подъ заглавіемъ «Элегія» безъ имени автора и съ помѣтою «Черное море 1820 сентябрь». Въ изд. «Стихотвореній» 1826 г. заглавіе «Элегія» было откинуто, а въ оглавленіи стихотвореніе названо «Подражаніемъ Байрону».

2) «Ост. Арх.», т. II, стр. 104.

3) «Ост. Арх.», т. II, стр. 107.

4) Очень вѣроятно предположеніе г. Лернера, что Пушкину могъ быть извѣстенъ въ рукописи переводъ Батюшкова изъ IV-ой пѣсни «Ч.-Г.», но г. Лернеръ ошибается, когда говоритъ, что о Байронѣ Пушкинъ имѣлъ представленіе изъ «бесѣдъ съ Вяземскимъ». Какъ мы видѣли, съ Байрономъ Вяземскій познакомился лишь въ октябрѣ 1819 г. въ Варшавѣ, а съ Пушкинымъ онъ увидѣлся лишь въ 1826 году. Еще проще объясняется байроническій характеръ элегіи Пушкина, если мы обратимъ вниманіе на то, что въ «Сынѣ Отечества» элегія помѣчена сентябремъ, то-есть временемъ, когда Пушкинъ былъ уже въ Гурзуфѣ и могъ прочесть съ Раевскимъ и по-англійски, если не всего «Чайльдъ-Гарольда», то отрывки изъ него. Насколько «байронична» была редакція элегіи на кораблѣ мы не знаемъ, такъ какъ она до насъ не дошла.

Теперь, кажется, устранены всѣ возможныя возраженія противъ нашего утвержденія, что только въ Гурзуфѣ Пушкинъ приступилъ къ чтенію Байрона на англійскомъ языкѣ. Но занятія и здѣсь были очень непродолжительны. Пріѣхавъ въ Гурзуфъ числа 17—18 августа, Пушкинъ около 6 сентября[1]) уже выѣхалъ оттуда съ генераломъ Раевскимъ въ Бахчисарай. Если къ этому прибавить, что въ эти 3 недѣли въ Гурзуфѣ писался «Кавказскій Плѣнникъ», лирическія стихотворенія: элегія «Погасло дневное свѣтило», «Увы, зачѣмъ она блистаетъ», «Чаадаеву» («Къ чему холодныя сомнѣнья»), «Мнѣ васъ не жаль...» и «О дѣвароза, я въ оковахъ»[2]) и перечитывался Вольтеръ, сочиненія котораго Пушкинъ отыскалъ въ старинной библіотекѣ дома, то и здѣсь занятія англійскимъ языкомъ нельзя назвать «серьезной работой».

Вышеприведеннымъ указаніемъ Анненкова исчерпываются доказательства въ пользу того мнѣнія, что Пушкинъ уже на югѣ выучился англійскому языку. Если же не ограничиться принятіемъ на вѣру этого голословнаго утвержденія и обратиться за разъясненіемъ вопроса къ самому Пушкину, къ его письмамъ и сочиненіямъ, то придется признать, что у насъ положительно нѣтъ никакихъ серьезныхъ основаній утверждать, что Пушкинъ до 1828 года читалъ въ подлинникѣ англійскихъ писателей (кромѣ трехнедѣльнаго пребыванія въ Гурзуфѣ). При чтеніи писемъ и сочиненій Пушкина обращаетъ на себя вниманіе тотъ фактъ, что до 1828 г. Пушкинъ почти не употребляетъ ни англійскихъ словъ, ни англійскихъ выраженій, тогда какъ съ 1828 г. англійскія слова и выраженія у Пушкина (правда, не очень часто) попадаются.

До 1828 г. въ письмахъ мы, кромѣ собственныхъ именъ, англійскихъ словъ не встрѣтили[3]). То же самое наблюдается и

---

1) Такъ у В. Я. Брюсова (Пушкинъ. Венгеровъ, т. II, стр. 8), который говоритъ, что уже 8 сентября Гераковъ повстрѣчалъ Раевскаго въ Симферополѣ.

2) Впрочемъ, нужно замѣтить, что хронологія этихъ произведеній спорна.

3) Нужно замѣтить, что Пушкинъ часто дѣлаетъ ошибки. Такъ въ письмѣ отъ 19 февраля 1825 г. онъ пишетъ: «Edimboorg review», въ письмѣ № 168 — «Moor», тутъ же и Walter-Skott и Walter-Scott.

въ сочиненіяхъ Пушкина за это время [1]). Къ этому нужно еще добавить слѣдующее. Въ тетради, принадлежавшей графу Каннисту и теперь, кажется, утерянной [2]), судя по описанію ея Л. Н. Майкова, стих. «Погасло дневное свѣтило» (въ редакціи, измѣненной по сравненію съ текстомъ «Сына Отечества» 1820 г. и сходной съ текстомъ «Стихотвореній» изд. 1826 г., кромѣ одного стиха, тутъ же исправленнаго, какъ и въ «Стихотвореніяхъ» 1826 г.) имѣло эпиграфъ: «Good night, my native land. Bygon». Эпиграфъ этотъ зачеркнутъ [3]). Онъ представляетъ собою измѣненный стихъ изъ «Чайльдъ-Гарольда» (пѣснь I, 1 и 10 строфы прощальной пѣсни Чайльдъ-Гарольда), который читается: «My native Land, Good Night». Эта перестановка словъ говоритъ за то, что стихъ приведенъ на память, а не списанъ съ

---

1) Такія выраженія, какъ «dandy» (IV строфа I гл. «Е. О.»), «roast-beef» (XVI стр. ibid.), «beef-steaks» (XXXVII стр. ibid.), «Poor-Yorick» (XXXVII стр. II гл. «Е. О.») и «Goddam» (варіантъ стиха «Неужто вправду я влюбленъ» въ «Графѣ Нулинѣ» см. Пушкинъ. Ефремовъ т. VIII, стр. 413) конечно не могутъ доказывать знанія Пушкинымъ англійскаго языка.

2) См. П. Щеголевъ, стр. 89, 1-ое прим.

3) Текстъ привожу по Якушкину, который не видалъ тетради Каннпста. [Ак. изд., II, 319]. У Майкова же въ «Матеріалахъ» (стр. 63) эпиграфъ въ такомъ видѣ: «*Goodnight*, my native land», а въ описаніи «Автографы Пушкина, принадлежащіе графу П. П. Каннисту» (въ «Сборникѣ Отд. Русск. яз. и слов. И. А. Н., т. LXIV, № 5, стр. 6) въ другомъ: «*Good nigth*, my native land». Наконецъ, Ефремовъ говоритъ, что въ рукописи Каннпста эпиграфъ написанъ: «*Goodnigth*, my native land»! Итакъ, мы имѣемъ три «варіанта» этого эпиграфа и какъ на самомъ дѣлѣ было написано въ тетради, остается пока тайной. П. О. Морозовъ (Соч. Пушк., изд. «Просв.», т. I, 570—571) говоритъ: «Въ тетради, съ которой печаталось изданіе 1826 г., стихотвореніе имѣло, *по словамъ П. В. Анненкова*, заглавіе «Черное море» и эпиграфъ изъ пѣсни Чайльдъ-Гарольда: «Good night, my native land». Но въ печати, какъ заглавіе, такъ и эпиграфъ были отброшены, и только въ оглавленіи поставлено: «Подражаніе Байрону». Тутъ явная путаница. То, что приписываетъ Морозовъ Анненкову, говоритъ Майковъ, и не о тетради, съ которой печаталось изданіе 1826 г., а о тетради графа Каннпста, Анненковъ же говоритъ буквально слѣдующее: «Въ тетради, съ которой печатались стихотворенія 1826, и о которой мы уже говорили, пьеса названа была просто: Черное море. Пушкинъ зачеркнулъ заглавіе и написалъ вмѣсто его: Подражаніе Байрону» (Анненковъ, Матеріалы, изд. 1855 г., стр. 74). Такимъ образомъ, Анненковъ объ эпиграфѣ ничего не говоритъ, потому что его въ этой тетради (копія тетради Каннпста) уже не было.

книги. Прощальную пѣснь Чайльдъ-Гарольда Пушкинъ читалъ въ Гурзуфѣ съ Раевскимъ, а можетъ быть еще и въ Петербургѣ, и при своей изумительной памяти могъ написать черезъ 5 лѣтъ этотъ стихъ, нѣсколько измѣнивъ его [1]).

Съ 1828 г. англійскія слова, какъ мы уже сказали, попадаются и въ письмахъ, и въ сочиненіяхъ Пушкина. Одно изъ стихотвореній этого года носитъ заглавіе «To Dawe, esq[r]», черновой набросокъ этого же года «Увы, языкъ любви болтливой» имѣетъ внизу помѣту: «9 мая 1828 г., on day» [2]); delicacy of gentleman (письмо въ ноябрѣ 1829 г. № 393 акад. изд. перев.); spleen (письмо отъ 10 февраля 1831 г., № 522); заглавіемъ своего собранія анекдотовъ беретъ: «Table-Talk»; «high life» и «fashionable talks» (Замѣчанія о «Графѣ Нулинѣ», см. Пушкинъ, Венгер. т. V, стр. 422—423); въ письмѣ отъ 11 іюня 1831 г. (№ 548) цитируетъ: «A horse, a horse! my Kingdom for a horse»; the sack («Литературныя замѣтки. IV. Шейлокъ, Анджело и Фальстафъ Шекспира. См. Пушкинъ, Венгер., т. V, стр. 246); въ припискѣ 1836 г. къ стих. «Пора, мой другъ, пора...»: «юность не имѣетъ нужды въ at home» (Пушкинъ, Ефремовъ, т. VII, стр. 666).

Но, конечно, гораздо важнѣе, чѣмъ эти отдѣльныя выраженія, тотъ фактъ, что опять-таки лишь съ 1828 г. появляются у Пушкина переводы, вольныя подражанія и эпиграфы изъ англійскихъ писателей. Къ 1828 г. (до отъѣзда въ Малинники) относится «Шотландская пѣсня» («Воронъ къ ворону летитъ») [3]), взятая Пушкинымъ изъ сборника англійскихъ и шотландскихъ балладъ Чайльда [4]). На листѣ 70 тетради № 2371 надъ посвя-

1) Не извѣстно, къ какому времени относится хранящаяся въ Имп. Публ. Библ. тетрадь съ переписаннымъ (съ поправками) текстомъ I-ой главы «Евгенія Онѣгина». На л. 2-мъ ея имѣется эпиграфъ: «Nothing is such an ennemy to accuracy of judgement as a coarse discrimination. Burke». (См. «Отчетъ И. П. Б. за 1884», стр. 130).

2) Слова: «on day» не имѣютъ смысла. Если Пушкинъ хотѣлъ сказать «днемъ», то нужно бы: «by day».

3) У Лернера (стр. 182) отнесено къ 1828 г. Изъ письма Пушкина къ Дельвигу (№ 372) видно, что пѣсня написана еще въ Петербургѣ.

4) Н. Сумцовъ. Пушкинъ. Изслѣдованія, 259—260.

щеніемъ «Полтавы», помѣченномъ тутъ же: «27 окт. 1828 Малинники», находится англійская фраза: «J (have) love this sweet name»[1]). На оборотѣ этого л. (70) идетъ выписка въ шесть стиховъ изъ «Мазепы» Байрона, начиная со стиха «[Until] a day more dark and drear» и эпиграфъ къ «Полтавѣ»[2]). Какъ видно изъ листка, найденнаго И. А. Шляпкинымъ, Пушкинъ хотѣлъ перевести половину этой строфы стихами: «То было вскорѣ послѣ боя...», но переводъ остался не оконченнымъ, только въ видѣ подготовительнаго черняка: «Власть и слава измѣнили, подобно людямъ, ихъ суетнымъ поклонникамъ, перешли на сторону торжествующаго царя»[3]). Черновой набросокъ 1829 г. «Еще одной высокой важной пѣсни» представляетъ собою переводъ начальныхъ 32-хъ стиховъ «Гимна пенатамъ» Роберта Саути[4]). Стихотвореніе 1830 г. «Сонетъ» является свободной переработкой сонета Вордсворта, первый стихъ котораго и взятъ эпиграфомъ: «Scorn not the sonnet, critic»[5]); «Пѣсня» («Пью за здравіе Мери»)— отдаленное подражаніе пѣснѣ Барри Корнуолла[6]), первый стихъ которой взятъ эпиграфомъ: «Here's a health to thee, Mary»[7]), точно также и стих. «Я здѣсь Инезилья» (эпиграфъ: «Inesilla! I am here»)— подражаніе «Серенадѣ» того же Корнуолла[8]). Переводомъ 26 стиховъ I части поэмы Саути «Madoc» является — Мѣдокъ («Попутный вѣетъ вѣтръ»[9]). Пушкинскій «Пиръ во время чумы» представляетъ близкій переводъ 4-ой сцены 1-го дѣйствія драматической поэмы Вильсона «Чумный городъ» («The City of the Plague») и т. д. и т. д.

Этихъ примѣровъ, намъ кажется, достаточно, чтобы убѣдиться

1) «Пушкинъ и его совр.», вып. XIV, фотогр. снимки.

2) Т. е. предшествующіе три стиха. Описаніе рукописей Пушкина, Якушкина, — «Р. С.» 1884 г. іюль, стр. 48.

3) Пушкинъ, Морозовъ, т. III, стр. 643.

4) Пушкинъ, Морозовъ, т. II, стр. 479.

5) Н. Сумцовъ. Пушкинъ, 90—98.

6) Пушкинъ, Морозовъ, т. II, 513.

7) Дословный переводъ у Анненкова въ «Матеріалахъ».

8) Пушкинъ, Морозовъ, т. II, стр. 514.

9) Пушкинъ, Морозовъ, т. II, 516—517.

въ томъ, что съ 1828 г. у Пушкина проявляется пристальный интересъ къ англійской литературѣ, находящійся въ тѣсной связи съ его знаніемъ англійскаго языка. Но наличность всѣхъ этихъ переводовъ и подражаній съ англійскаго только съ 1828 года еще, конечно, сама по себѣ не служитъ достаточнымъ основаніемъ утверждать, что до 1828 г. Пушкинъ не зналъ англійскаго языка. Это доказательство косвенное, и надо искать прямыхъ. Самое важное изъ этихъ прямыхъ доказательствъ — это, конечно, слова самого Пушкина въ письмѣ къ князю П. А. Вяземскому [1]) первой половины сентября 1825 года. Вотъ что, между прочимъ, пишетъ Пушкинъ: «Что за чудо Донъ-Жуанъ. Я знаю только 5 первыхъ пѣсенъ; прочитавъ первыя 2 [въ Гурзуфѣ? *М. Ц.*], я сказалъ тотчасъ Раевскому, что это chef-d'oeuvre Байрона, и очень обрадовался послѣ, увидя, что W. Scott моего мнѣнія. Мнѣ нуженъ англійскій языкъ — и вотъ одна изъ невыгодъ моей ссылки: не имѣю способовъ учиться, пока пора. Грѣхъ гонителямъ моимъ».

Въ письмахъ къ брату изъ Михайловскаго Пушкинъ очень часто проситъ прислать ему книги. Такъ, въ письмѣ (отъ 14-го марта 1825 г.) проситъ прислать «Conversations de Byron» [2]), «Memoire de Fouché», Талію, Старину, да Sismondi (Litterature), да Schlegel (Dramaturgie), если есть у Saint-Florent» [3]); наконецъ, въ письмѣ 22—23/IV 25 г. . . .: «Фуше, Oeuvres dramatiques de Schiller, Schlegel, Don Juan (послѣднія

---

1) Переписка, № 207.

2) Это, вѣроятно, книга: Medwin. Conversation de lord Byron, ou Memorial d'un séjour à Pise auprès de lord Byron; contenant des anecdotes curieuses sur le noble lord, publiées en français avec des notes. Par A. P. (Pichot), auteur de l'Essai sur le caractère et le génie de lord Byron, Paris, Ladvocat, 1824. 2 Vol. Другой переводъ этой же книги Medwin'a принадлежитъ Amédée Théod. Davescès de Pontès, Paris. 1824. 2 Vol. См. Querard. Указываемыхъ книгъ въ библіотекѣ Пушкина нѣтъ.

3) Акад. Н. Дашкевичъ («Пушкинъ въ ряду великихъ поэтовъ новаго времени», в. I, Кіевъ. 1900, стр. 160 прим.) счелъ англійскую фразу въ концѣ этого письма принадлежащей самому поэту. Въ акад. изд. переписки разъяснено это недоразумѣніе: эта англійская фраза приписана Анной Николаевной Вульфъ, а не Пушкинымъ: Переписка, акад. изд., т. I, стр. 191.

6-ая и пр. пѣсни), новое Walt. Scott, Сибирской Вѣстникъ весь—и все это черезъ Saint-Florent. . .». Какъ видимъ, *все* на французскомъ языкѣ. Въ письмѣ къ А. Н. Вульфъ отъ 21 іюля 1825 г. (№ 177) Пушкинъ проситъ прислать «послѣднее изданіе» Байрона, а 8 декабря 1825 (№ 223) благодаритъ Кернъ за присылку этого изданія. По мнѣнію А. Н. Веселовскаго, это изданіе было французскимъ[1]).

Можно-ли говорить послѣ этого, что Пушкинъ на югѣ читалъ по-англійски, а пріѣхавъ въ Михайловское, забылъ англійскій языкъ? Можно ли допустить, что, прочитавъ хотя бы только пять пѣсенъ Донъ-Жуана (на самомъ дѣлѣ, Пушкинъ прочиталъ изъ Байрона гораздо больше) по-англійски, Пушкинъ вдругъ забылъ англійскій языкъ? Несомнѣнно, Пушкинъ и на югѣ, какъ и въ Михайловскомъ, читалъ Байрона и другихъ англійскихъ писателей (Шекспира, Томаса Мура, Вальтеръ-Скотта) *во французскихъ переводахъ*.

Уже въ 1819 г. вышли первые два тома избранныхъ сочиненій Байрона на французскомъ языкѣ[2]). Въ 1821 г., говоритъ А. Н. Веселовскій, парижскій кружокъ, главными дѣятелями котораго являлись Альфредъ де-Виньи и Викторъ Гюго («Société des bonnes lettres») задался цѣлью читать и объяснять Байрона. Во французскихъ журналахъ романтическаго направленія печатались переводы изъ Байрона и этюды о немъ. Пропагандисткой

---

1) «Этюды и характеристики», 534. Вѣроятно, это изданіе было или четвертое (въ 8-ми томахъ, 1822—25 гг., Парижъ) или пятое (въ 12-ти томахъ, 1822 г., при 10 добавочныхъ 1824 года). Ни одного изъ этихъ изданій въ библіотекѣ Пушкина не сохранилось.

2) А. Веселовскій, «Этюды и характеристики», 393. Это первое изданіе Байрона на франц. яз. въ 10 томахъ, 1819—21 гг., въ переводѣ Amédée Pichot, Парижъ. — Второе изданіе вышло въ 1820—22 гг., въ пяти томахъ, въ переводѣ A. Pichot и E. de Galle. Къ сожалѣнію, А. Н. Веселовскій не указываетъ подробно содержанія этого неполнаго изданія Байрона. Онъ говоритъ, что первые два тома перваго изданія заключали «главнымъ образомъ восточныя поэмы, кромѣ того, «Манфреда», отрывки изъ «Гарольда» и т. д.». Въ библіотекахъ Румянцовскаго и Историческаго Музеевъ вышеозначенныхъ изданій не имѣется.

произведеній Байрона во Франціи являлась г-жа Сталь»[1]). Изъ этихъ французскихъ источниковъ и черпалъ до 1828 г. свои свѣдѣнія о Байронѣ и его произведеніяхъ Пушкинъ[2]).

Что Пушкинъ долгое время не зналъ англійскаго языка, было извѣстно современникамъ поэта. А. А. Бестужевъ 3-го марта 1825 г. пишетъ Пушкину: «...не дай Богъ судить о Бейронѣ по его переводамъ: это лордъ въ Жуковскаго пудрѣ... Скажу о себѣ: я съ жаждою глотаю Англинскую литературу и душой благодаренъ Англинскому языку: онъ научилъ меня мыслить, онъ обратилъ меня къ природѣ, — это неистощимый источникъ! Я готовъ даже сказать: il n'y a point de salut hors la littérature anglaise. Если можешь, учись ему. Ты будешь заплоченъ сторицею за труды»[3]). Мы уже видѣли, что Пушкинъ, какъ бы въ отвѣтъ на это предложеніе Бестужева заняться англійскимъ языкомъ, жаловался князю П. А. Вяземскому на невозможность этихъ занятій въ Михайловскомъ. Только въ 1828 г., въ Петербургѣ, Пушкинъ засѣлъ за изученіе англійскаго языка. 11-го августа этого года П. А. Мухановъ пишетъ изъ Петербурга М. П. Погодину, между прочимъ, слѣдующее: «Пушкинъ учится англійскому языку, а остальное время проводитъ на дачахъ»[4]). Въ слѣдующемъ, 1829-мъ году, въ «Московскомъ Телеграфѣ» (№ 11, іюнь), въ замѣткѣ хвалебнаго характера о «Стихотвореніяхъ А. Пушкина», ч. I, С.-Пб. 1829, есть такое мѣсто: «Въ послѣдніе годы Пушкинъ выучился Англійскому языку — кто повѣритъ тому? — въ четыре мѣсяца. Онъ хотѣлъ читать Байрона и Шекспира въ подлинникѣ и черезъ четыре мѣсяца читалъ

---

1) «Этюды и характеристики», стр. 398.

2) Опредѣлить, что именно и когда читалъ Пушкинъ изъ англійскихъ писателей на французскомъ языкѣ, — выходитъ за предѣлы нашей задачи и можетъ быть темой особыхъ разысканій.

3) Переписка, т. I, стр. 188.

4) См. Барсуковъ. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. II, стр. 185. У Барсукова дата не приведена и мною взята съ подлинника, хранящагося въ Румянцовскомъ Музеѣ.

ихъ по-Англійски, какъ на своемъ родномъ языкѣ»[1]). Уже А. Н. Веселовскій замѣтилъ, что это указаніе «какъ будто сдѣлано близкимъ поэту лицомъ»[2]). Дѣйствительно, на это намекаетъ указаніе на опредѣленный срокъ — четыре мѣсяца. Основываясь на приведенныхъ словахъ П. А. Муханова, эти четыре мѣсяца надо помѣстить въ 1828 годъ[3]). Съ того же года, какъ мы видѣли, и идутъ слѣды знакомства Пушкина съ англійскимъ языкомъ.

Кромѣ свидѣтельствъ П. А. Муханова и анонима въ «Московскомъ Телеграфѣ», у насъ есть цѣнное указаніе С. П. Шевырева по интересующему насъ вопросу. Шевыревъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Пушкинѣ говоритъ: «Шекспира (а равно Гете и Шиллера) Пушкинъ не читалъ въ подлинникѣ, а во французскомъ старомъ переводѣ, поправленномъ Гизо, но понималъ его геніально. По-англійски онъ выучился гораздо позже, въ С.-Петербургѣ, и читалъ Вордсворта»[4]). Это свидѣтельство Шевырева особенно цѣнно, такъ какъ онъ во время пребыванія Пушкина въ Москвѣ по пріѣздѣ изъ Михайловскаго (осень 1826 г.) часто разговаривалъ съ нимъ о Шекспирѣ и, конечно, отъ самого Пушкина слыхалъ, какъ и что онъ читалъ изъ англійскаго поэта. На это указываетъ и то, что Шевыревъ знаетъ, въ какомъ переводѣ Пушкинъ читалъ Шекспира[5]).

---

1) «Моск. Телегр.», № 11, іюнь, примѣчаніе на стр. 390. Примѣчаніе это сдѣлано при словахъ: «Живая, пламенная душа его, глубокая проницательность ума, необыкновенная способность и ненасытимое стремленіе его къ ученію оправдываютъ Русскую поговорку, что человѣкъ можетъ, по крайней мѣрѣ, нравственно расти не по годамъ, а по часамъ».

2) «Этюды и характеристики», стр. 640.

3) Какіе именно мѣсяцы, сказать трудно. Если считать, что въ августѣ, когда писалъ П. А. Мухановъ о занятіяхъ Пушкина, онъ заканчивалъ свое изученіе англійскаго языка, то начало его придется на апрѣль; если же въ августѣ Пушкинъ только что приступилъ, то изученіе закончилось лишь въ декабрѣ, но въ ночь на 20-е октября Пушкинъ выѣхалъ изъ Петербурга въ Малинники, а потому вѣрнѣе эти четыре мѣсяца помѣстить между апрѣлемъ и октябремъ.

4) Л. Майковъ. Пушкинъ, стр. 330.

5) На основаніи этого показанія Шевырева, намъ кажется, можно утверждать, что и на югѣ, въ Одессѣ, какъ и въ Михайловскомъ, Пушкинъ читалъ Шекспира на французскомъ языкѣ См. извѣстное письмо Пушкина къ князю Вяземскому отъ первой половины марта 1824 года.

Н. А. Полевой, желая укорить Пушкина заднимъ числомъ въ незнаніи англійскаго языка, говоритъ, что Пушкинъ «юный, ограниченный во всѣхъ отношеніяхъ и особенно по образованію своему», вдохновлялся Байрономъ и пересказывалъ его съ французскаго перевода прозою, — «литографическіе эстампы съ прекраснѣйшихъ произведеній живописи»[1]).

Почти черезъ мѣсяцъ тотъ же упрекъ, но въ иной, болѣе ехидной формѣ, повторилъ Ѳаддей Булгаринъ, который писалъ: «А по моему мнѣнію, Пушкинъ есть только слѣдствіе вѣка и поэзіи Байронической, но самъ онъ оригиналенъ, а не подражатель. Скажу болѣе (однако жъ, не въ укоръ Поэту), Пушкинъ не читалъ даже въ подлинникѣ произведеній Байрона и знаетъ ихъ только по французскимъ переводамъ прозою. Пушкинъ даже не могъ постигнуть всѣхъ красотъ Нѣмецкой Поэзіи, ибо онъ не столь силенъ въ Нѣмецкомъ языкѣ, чтобъ понимать красоты піитическаго языка». У послѣдняго слова сноска такого содержанія: «Можетъ быть, А. С. Пушкинъ теперь и понимаетъ совершенно Байрона и Гете въ подлинникѣ, но когда онъ началъ писать, онъ не зналъ на столько ни Англійскаго, ни Нѣмецкаго языка, чтобы понимать высшую поэзію. Это всѣмъ извѣстно»[2]).

Наконецъ, анонимный авторъ замѣтки о Пушкинѣ въ «Живописномъ Обозрѣніи» 1837 года говоритъ: «Вообще Пушкинъ обладалъ необычайными умственными способностями. Уже во время славы своей онъ выучился, живя въ деревнѣ, Латинскому языку, котораго почти не зналъ, вышедши изъ Лицея. Потомъ, въ Петербургѣ, изучилъ онъ Англійскій языкъ въ нѣсколько мѣсяцевъ, такъ что могъ читать поэтовъ. Французскій зналъ

---

1) «Московскій Телеграфъ» 1833 г., № 1 (ценз. разрѣш. 4-го января), стр. 136. Статья не подписана, но, по всѣмъ признакамъ, принадлежитъ Полевому.

2) «Сынъ Отечества и Сѣверный Архивъ» 1833 г., т. 33, № 6, 11 февраля (Подпись: Ѳ. Б.). Цитирую по Зелинскому: «Русская критическая литература о произведеніяхъ А. С. Пушкина», Ч. III, изд. 3-ье, М. 1907, стр. 177. Это мѣсто статьи Булгарина цитируется въ «Дамскомъ Журналѣ» 1833 г., № 12, ч. XLI, стр. 187, откуда эту цитату взялъ В. В. Каллашъ, не упоминая объ ея авторѣ.

онъ въ совершенствѣ. «Только съ Нѣмецкимъ не могу я сладить!» сказалъ онъ однажды. «Выучусь ему, и опять все забуду: это случалось уже не разъ»[1]). Изъ этихъ словъ видно, что авторъ лично зналъ Пушкина и говоритъ не съ чужихъ словъ[2]).

Такимъ образомъ и эти свидѣтельства подтверждаютъ наше мнѣніе, что лишь съ 1828 года Пушкинъ читалъ англійскихъ писателей въ подлинникѣ[3]).

Мстиславъ Цявловскій.

Москва.

---

1) «Живописное Обозрѣніе» 1837 г., т. III, 10 листъ, стр. 80. Эту цитату привелъ В. В. Каллашъ.

2) Авторъ этой замѣтки — К. П. Полевой, какъ указалъ Г. Н. Геннади въ книгѣ: «Приложенія къ сочиненіямъ А. С. Пушкина, изданнымъ Я. А. Исаковымъ», С.-Пб. 1860, стр. 160. Поэтому можно утверждать, что и авторомъ замѣтки о «Стихотвореніяхъ» Пушкина въ «Моск. Телегр.» 1829 г., № 11, откуда выше взята цитата, является онъ же.

3) Послѣ того, какъ эта замѣтка была уже написана, вышелъ въ свѣтъ III томъ Сочиненій Пушкина, изд. Имп. Акад. Наукъ подъ ред. П. О. Морозова, гдѣ на стр. 190 примѣчаній помѣщенъ «буквальный» переводъ Пушкина начальныхъ стиховъ «Гяура» Байрона на французскій языкъ, относящійся къ 1821 году. Какъ уже замѣтилъ П. О. Морозовъ, переводъ этотъ неточенъ, что лишній разъ подтверждаетъ справедливость доказываемаго нами, что въ это время Пушкинъ еще не владѣлъ свободно англійскимъ языкомъ.

Къ исторіи „Гавриліады“.

Въ дополненіе къ документамъ, опубликованнымъ въ XV книгѣ «Старины и Новизны» (С.-Пб. 1911, стр. 184—213) и касающимся «Гавриліады», помѣщаемъ еще два новыхъ документа, касающихся В. Ф. Митькова, не вошедшихъ въ опубликованное дѣло Архива Собственной Его Величества Канцеляріи, и извлеченныхъ изъ дѣла, разысканнаго, по нашей просьбѣ, Ѳедоромъ Михайловичемъ Морозовымъ въ Архивѣ Канцеляріи Митрополита С.-Петербургскаго. Дѣло это заключаетъ въ себѣ, кромѣ печатаемыхъ ниже двухъ новыхъ документовъ, еще подлинники тѣхъ 2-хъ отношеній Н. Н. Муравьева (отъ 30-го іюня за № 24, съ приложеніемъ, и 31-го іюля за № 29) къ Митрополиту Серафиму, которыя напечатаны въ «Старинѣ и Новизнѣ» по «отпускамъ», и имѣетъ слѣдующія надписи на обложкѣ:

«*Секретно.* № 99; по Архиву № 977. Канцеляріи Новгородскаго и С.-Петербургскаго митрополита по ———— Епархіи Дѣло о рукописи, составленной отставнымъ штабсъ капитаномъ Митьковымъ, противной ученію православной церкви. Начал. 29 мая. Конч. 2 іюля 1828 г.; на 6 листахъ».

Вотъ эти документы:

I.

получ. 29-го мая 1828 г.

Прошеніе и поема * отправлена къ Его Превосходительству 1828-го/мая 29-го д. съ курьеромъ его [1]).

Секретно.

Высокопреосвященнѣйшій Владыко

Милостивый Государь и Архипастырь!

Вникнувъ въ предметъ письма ко мнѣ Вашего Высокопреосвященства, отъ 28-го сего мая [2]), имѣю честь отозваться, что если Вамъ, Высокопреосвященнѣйшій Владыко! угодно будетъ доставить ко мнѣ упоминаемыя въ томъ письмѣ и прошеніе и нечестивую поэму, то, по долгу моему, непремѣнно дать онымъ бумагамъ надлежащее движеніе; но въ Секретный Комитетъ вносить ихъ, полагаю, излишнимъ; ибо здѣсь въ поэмѣ не расколъ, а безбожіе!

Съ совершеннымъ почтеніемъ и таковою же преданностію, имѣю честь быть

Вашего Высокопреосвященства
покорнѣйшій слуга
Николай Муравьевъ.

№ 21.

«29» Мая 1828.

Его Высокопреосвященству Серафиму,
Митрополиту Новгородскому
и С.-Петербургскому въ собственныя руки.

---

* Гавриліяда.

1) Помѣта эта сдѣлана рукою Митрополита Серафима. *Б. М.*

2) Письмо это см. въ «Старинѣ и Новизнѣ», вып. XV, стр. 188—189. Н. Н. Муравьеву Митрополитъ Серафимъ отвѣтилъ 29-го мая (тамъ-же стр. 189—190).

II.

получ. 2-го Іюл. 1828 г.[1]).

Секретно.

Ваше Высокопреосвященство

Милостивый Архипастырь!

По дошедшей до Вашего Высокопреосвященства прозбѣ отъ дворовыхъ людей г. Митькова, Г. Главнокомандующій въ С.-Петербургѣ и Кронштатѣ Графъ Петръ Александровичъ Толстой обявилъ мнѣ Высочайшую волю, дабы я въ присудствіи Вашего Высокопреосвященства изслѣдовалъ дѣло сіе и привелъ въ ясность.

Имѣя честь довести о семъ до свѣденія вашего, Милостивый Архипастырь! покорнѣйше прошу назначить день и часъ, когда я могу явится къ Вашему Высокопреосвященству[2]) для приведенія въ исполненіе Высочайшей Воли?

съ совершеннымъ почитаніемъ и таковой же преданностію честь имѣю быть:

Вашего Высокопреосвященства
Покорнѣйшимъ слугою
Павелъ Г. Кутузовъ.

«2» Іюля 1828 года.

Его Высокопреосвященству
Митрополиту Серафиму
Новгород: С.-П: бургскому.

Сообщ. Б. Модзалевскій.

---

1) Помѣтка рукою Митрополита Серафима.

2) Голенищевъ-Кутузовъ допрашивалъ Митькова и его дворовыхъ людей, у Митрополита Серафима, 4-го іюля («Старина и Новизна», кн. XV, стр. 193—195).

Память о Пушкинѣ въ Гурзуфѣ.

Велѣніемъ судьбы величайшій русскій поэтъ, неожиданно для самого себя, попалъ на Южный берегъ Крыма, въ Гурзуфъ. Онъ пробылъ тамъ всего три недѣли, но считалъ это время счастливѣйшими минутами своей жизни. Его мечта вновь увидѣть полуденный берегъ не сбылась, но онъ его никогда не забывалъ, часто вспоминая въ пламенныхъ строфахъ. Расцвѣтъ молодости, упоеніе любви, обаяніе самаго края содѣйствовали восхищенію поэта, осыпавшаго русскую жемчужину брильянтами своего вдохновенія, болѣе цѣнными, чѣмъ сама жемчужина: разныя мѣропріятія на пользу края, старанія властей, усилія его жителей менѣе дали Южному берегу Крыма, чѣмъ поэзія Пушкина. Послѣ нея, какъ бы низко ни цѣнить этотъ край, но все же по слову поэта онъ сталъ и навсегда останется

Волшебный край, очей отрада...

Какъ ни мало мы склонны помнить нашихъ великихъ людей и быть имъ благодарными, но все же вдохновенныя строфы поэта не прошли безслѣдно на Южномъ берегу. Въ Гурзуфѣ показываютъ домъ одного владѣльца, а въ немъ комнату Пушкина; въ паркѣ имѣнія — его кипарисъ и платанъ; подальше его именемъ зовутъ скалу и пещеру на берегу моря. Въ мѣру поэта все это, конечно, ничтожно; самый Гурзуфъ слѣдовало бы звать Пушкинымъ, а бывшему владѣльцу имѣнія (Губонину), усердно возобновлявшему и отстраивавшему его на новый ладъ, всего прямѣе было бы воздвигнуть памятникъ поэту; да и въ Ялтѣ, столицѣ Южнаго берега, это давно должное дѣло.

Все это такъ, но когда я оглядываюсь на свою далекую молодость и на Гурзуфъ того времени, всего болѣе любимый и чаще посѣщаемый мною на Южномъ берегу Крыма, то не могу припомнить, чтобы тамъ произносилось имя Пушкина въ связи съ чѣмъ бы то ни было, а обожалъ его я и тогда, плывя противъ теченія, въ которомъ столпы литературы оцѣнивали поэта дешевле пары сапогъ. Впервые я былъ въ Гурзуфѣ въ 1861 г., потомъ—въ концѣ 1860-хъ годовъ, но эти посѣщенія случайны и коротки, да въ то время большой молодости я могъ и не обратить на это вниманія. Во вторую половину 1870-хъ годовъ бывалъ я тамъ каждогодно, не разъ и по долгу заспживался, гулялъ, осматривая все, часто пользовался, подъ самымъ платаномъ Пушкина, еще державшимся барскимъ гостепріимствомъ, оказываемымъ рѣдкимъ посѣтителямъ, но и тогда не помню намека на Пушкина. Въ 1874 году мнѣ пришлось, идя на пароходѣ отъ Ялты до Севастополя, бесѣдовать съ тогдашнимъ владѣльцемъ Гурзуфа И. И. Фундуклеемъ. Говорили всего болѣе именно о Гурзуфѣ же; въ него старикъ-хозяинъ и самъ былъ влюбленъ, а потому охотно пояснялъ и выставлялъ всѣ его прелести и выгоды, прошлыя и настоящія; говорилъ о его первыхъ владѣльцахъ Ришелье и Воронцовѣ, конечно, не премнулъ бы назвать и Пушкина, лично ему знакомаго,—но о немъ не было и помина[1]). Возможно ли, чтобы

1) Тогда еще свѣжи были разсказы о желаніи Государя Александра II пріобрѣсти Гурзуфъ для свадебнаго подарка Вел. Кн. Маріи Александровнѣ, вышедшей замужъ за герцога Эдинбургскаго въ 1874 году; это и было поводомъ къ длинной и оживленной бесѣдѣ. Фундуклей подтвердилъ справедливость слуховъ и очень живо разсказалъ о своемъ представленіи Государю въ Ливадіи, при чемъ вмѣсто назначенія цѣны имѣнію, чего пожелалъ Государь, высказалъ, что онъ богатъ и одинокъ, а племянницы, его наслѣдницы, не терпятъ Гурзуфа, и что онъ будетъ осчастливленъ, если Государь соизволитъ милостиво принять это имѣніе въ даръ, но продать его не можетъ. Государь смѣялся, благодарилъ Фундуклея, но на такомъ условіи не принялъ Гурзуфа. Онъ искренно обидѣлся, когда кто то изъ пароходныхъ спутниковъ намекнулъ, что не было ли все это съ его стороны просто искуснымъ ходомъ для избѣжанія прямого отказа Государю. Съ забавнымъ остроуміемъ разсказывая о нелюбви къ Гурзуфу своихъ племянницъ, Фундуклей особенно старался показать неосновательность этого и потому всячески выставлялъ всѣ хорошія стороны имѣнія. Самъ онъ, увѣряя,

отсутствіе памяти о поэтѣ въ Гурзуфѣ въ моихъ воспоминаніяхъ было слѣдствіемъ только моей забывчивости или случайности? Не думаю. Какъ бы то ни было, но мнѣ показалось стоющимъ постараться опредѣлить, что въ теперешнихъ наименованіяхъ въ Гурзуфѣ, связанныхъ съ именемъ Пушкина, сохранилось отъ его времени, а что составляетъ новѣйшее, благодарное приношеніе его памяти. Мнѣ думалось, что при этомъ возможно будетъ открыть какія-либо черты обстановки изъ жизни Пушкина въ Гурзуфѣ или изъ его поѣздки по Крыму, а ничто не можетъ быть слишкомъ мелкимъ въ познаніи величайшаго сына Русской земли. Такого рода изслѣдованіе и представляется здѣсь.

Для намѣченной цѣли въ нашемъ распоряженіи имѣется весь кругъ старыхъ путешествій, воспоминаній, изслѣдованій, путеводителей; къ нему и обратимся.

Завоеваніе Крыма ввело эту страну въ обиходъ ученыхъ и путешественниковъ. Ихъ работы начались еще при Екатеринѣ (Габлицъ, Палласъ и др.), продолжались и послѣ (Кларкъ, Сумароковъ, Рёльи, Парротъ и т. д.). Это теченіе, пріостановленное войнами Наполеона, по ихъ окончаніи вновь усиливается, на этотъ разъ съ цѣлями не только учеными, но и политическими — узнанія и возможнаго обезсиленія возвысившейся Россіи. Оно примѣтно развилось со времени генералъ-губернаторства графа Воронцова. Его извѣстность въ Европѣ, особенно у англичанъ, громадное личное состояніе и такія же затраты именно въ Крыму, всемѣрныя старанія привлечь вниманіе къ Южному берегу Крыма и населить его имѣли большое значеніе. Многое было сдѣлано, еще болѣе и разносторонне писано; почти все это

что никогда не рѣшится продать Гурзуфъ и даже о томъ не думалъ, все же цѣнилъ его не менѣе милліона. Послѣ его смерти, въ августѣ 1880 года, наслѣдницы поспѣшили продать имѣніе во что бы ни стало, — и въ маѣ 1881 г. его купилъ П. І. Губонинъ, всего за двѣсти пятьдесятъ тысячъ, при чемъ, по разсказамъ, тамъ оказалось движимаго имущества—вина, серебра и проч.—болѣе, чѣмъ на сто тысячъ.

свидѣтельствуетъ и по настоящему вопросу. Давно собирая литературу, прикосновенную съ Крымомъ, тщательно пересмотрѣлъ я всѣ показанія, — думаю, ничего не пропустивъ. Прежде всего представлю говоренное до Крымской войны, — сначала иностранное, а потомъ русское, разумѣется писанное послѣ пребыванія Пушкина въ Гурзуфѣ.

Изобиліе иностранцевъ, посвятившихъ свой трудъ Крыму, — гораздо большее, чѣмъ можно было ожидать; не указывая писавшихъ о Крымѣ, но молчащихъ почему бы то ни было о Гурзуфѣ, находимъ работы (въ скобкахъ — годъ пребыванія въ Крыму): Гендерсона (1822)[1]; Ляйэля (1822)[2]; Джонса (1823)[3]; Іегера (1825)[4]; Вебстера (1827)[5]; Бруннера (1831)[6]; Бэра (1832)[7]; Дюбуа (1833)[8]; марш. Мармона (1834)[9]; Сентъ-Совёра (1836)[10]; Олифанта (1852)[11]. Конечно, иностранцы не могли понимать, даже знать имя Пушкина, но они были въ Гурзуфѣ, а многіе изъ нихъ останавливались тамъ; описывали нерѣдко всякіе пустяки; упоминали имена владѣльцевъ, даже управляющихъ или проводниковъ; приводили разныя сказки и побасенки: могли бы разсказать что-либо и о Пушкинѣ. Подробно излагать сказанное ими вокругъ Гурзуфа нѣтъ надобности; довольно замѣтить, что ни у кого изъ нихъ нѣтъ и малѣйшаго намека на память тамъ о поэтѣ.

Къ русскимъ авторамъ того же времени приписаны польскіе, лифляндскій нѣмецъ и даже первый путеводитель, писанный французомъ, потому что всѣ они имѣли возможность быть

---

1) Henderson, Biblical researches and travels in Russia, London. 1826, 362.
2) Lyall, Travels in Russia, Crimea etc., London. 1825, I, 326.
3) Jones, Travels in... Russia etc., London. 1827, II, 279.
4) Jäger, Reise v. St.-Petersb. in die Krim, Leipzig. 1830, 59.
5) Webster, Travels through the Crimea etc., London. 1830, I, 64.
6) Brunner, Ausflug über Constantinopel nach Taurien, St. Gallen. 1833, 215.
7) Behr, Meine Reise durch Schlesien... der Krimm, Leipzig. 1834, I, 207.
8) Dubois de Montpéreux, Voyage autour du Caucase etc., Paris. 1843, VI, 36.
9) M-le duc de Raguse, Voyage... en Crimée, Paris, 1837. I, 309.
10) St. Sauveur, Excursion en Crimée, Paris, 1837. 11.
11) Oliphant, The Russian shores of the Black sea, London. 1853, 236.

вполнѣ освѣдомленными о всемъ. Вотъ списокъ всѣхъ, также опуская не бывшихъ въ Гурзуфѣ: Муравьевъ-Апостолъ (1820)[1]; Туманскій (1824)[2]; Олизаръ (1824)[3]; Щербининъ (1825)[4]; Грибоѣдовъ (1825)[5]; Свиньинъ (1825)[6]; Качковскій (1825)[7]; Андрей Муравьевъ (1825)[8]; Монтандонъ (1833)[9]; Корфъ (1834)[10]; Сафоновъ (1837)[11]; Юрьевичъ (1837)[12]; П-я И-ъ (1837)[13]; Демидовъ (1837)[14]; (А + В) К (1838)[15]; Нѣсколько словъ о Крымѣ (1840)[16]; Бартеневъ (1843)[17]; Хоецкій (1844)[18]; Сементовскій (1847)[19]; Домбровскій (1850)[20]; Новосельскій (1853)[21]; Вильнёвъ (1853)[22]; Ѳедоровъ (1855)[23]; Петцольдъ (1855)[24]. О всѣхъ, безъ исключенія, должно сказать

1) М. Муравьевъ-Апостолъ, Путешествіе по Тавридѣ въ 1820 г., С.-Пб. 1823, 153.

2) В. Туманскій, Стихотворенія и письма, С.-Пб. 1912, 264—5.

3) Olizar, Pamiętniki, Lwow, 1892, 170.

4) М. Щербининъ, Воспоминанія — «Русск. Арх.» 1892, № 11, 286.

5) Смирновъ, Черновыя тетради Грибоѣдова, ст. 2—«Русск. Слово» 1858, V, 23.

6) П. Свиньинъ, Знакомства и встрѣчи на южномъ берегу Тавриды — «Отеч. Зап.» 1825, № 66, 125.

7) Kaczkowski, Dziennik podróży do Krymu, Warsz., 1829, IV, 57.

8) А. Муравьевъ, Таврида, стихотв., Москва, 1827, 56.

9) Montandon, Guide du Voyageur en Crimée, Odessa, 1834, 136.

10) Корфъ, Пребываніе въ Крыму — «Сынъ Отеч.» 1834, № 4, 254.

11) С. Сафоновъ, Описаніе пребыванія Императорской фамиліи въ Крыму, Одесса, 1840, 35.

12) С. Юрьевичъ, Дорожныя письма — «Русскій Архивъ» 1887, № 6, 188.

13) П-я И-ъ, Прогулки по Крыму — «Библ. для Чт.» 1837, т. 24, 73.

14) Demidoff, Voyage dans la Russie mérid., Paris, 1840, 577.

15) (А + В)К., Очеркъ южнаго берега Крыма — «Одесскій Альманахъ» на 1839, 274.

16) Нѣсколько словъ о Крымѣ — «Сынъ Отеч.» 1840 г., т. VI, ноябрь — дек., 465; тоже «Маякъ» 1840, № 10, 123.

17) Бартеневъ, Жизнь въ Крыму — «Русск. Арх.» 1899, № 8, 576.

18) Chojecki, Wspomnienia z podróży po Krymie, Warsch., 1845, 261.

19) Сементовскій, Путешественникъ (Южн. берегъ Крыма), С.-Пб. 1847, 47.

20) Домбровскій, Обозрѣніе южнаго берега Крыма — «Новороссійскій Календарь» на 1851 г., 19.

21) Nowosielski, Stepy, morze u góry, Wilno, 1854, II, 247.

22) De Villeneuve, Album de la Tauride, Paris, 1853, 22.

23) Ѳедоровъ, Крымъ съ Севастополемъ и проч., С.-Пб., 1855, 297.

24) Petzhold, Reise im westlichen und südlichen europ. Russland, Leipzig, 1864, S. 299.

то же, что и выше: ни у кого нѣтъ самомалѣйшаго указанія на какую-либо память о Пушкинѣ въ Гурзуфѣ. Положимъ, иностранцы не знали, не любопытствовали, но допустимо ли такъ же думать о своихъ? Для нѣкоторыхъ возможно еще предположить, что это—писатели офиціальные и имъ Пушкинъ могъ казаться, какъ бы отреченнымъ[1]), но я попрошу обратить вниманіе на приведенныя имена и остановлюсь на нѣкоторыхъ.

М. И. Муравьевъ-Апостолъ былъ въ Гурзуфѣ черезъ мѣсяцъ послѣ Раевскихъ и Пушкина, жилъ тамъ и далъ самое подробное описаніе дома; допустимъ, что для него Пушкинъ былъ тогда просто лишь многообѣщающимъ юношей, но вѣдь тамъ же жили Раевскіе, съ которыми онъ только что встрѣчался у А. М. Бороздина (см. далѣе); объ этой встрѣчѣ Муравьевъ упоминаетъ, и можно было бы ожидать, что онъ, останавливаясь въ Гурзуфѣ въ томъ же домѣ, гдѣ только что жили Раевскіе, вновь о нихъ вспомнитъ.

В. И. Туманскій—пріятель Пушкина, близкій съ нимъ по Одессѣ, конечно знавшій о немъ все, прикосновенное къ Воронцову. И онъ, и графъ Олизаръ, пушкинскій крестникъ по стихамъ и знакомецъ, какъ гости Воронцова, прожили долго въ Гурзуфѣ, лѣтомъ 1824 года, именно въ томъ же единственномъ домѣ, гдѣ жилъ и Пушкинъ съ Раевскими. Съ ними долженъ былъ быть и Пушкинъ, о чемъ писалъ князю П. А. Вяземскому[2]), но вмѣсто

---

1) С. С. Уваровъ, напр., не допускалъ возможности сношеній служащихъ съ людьми столь вреднаго образа мыслей, какъ Пушкинъ («Русск. Стар.» 1880, т. 28, 538).

2) Письмо 20-го декабря 1823 года: «Что если бы ты заѣхалъ къ намъ на Югъ нынче весной. Мы бы провели лѣто въ Крыму, куда собирается пропасть дѣльнаго народа женщинъ и мущинъ». Поѣздка, о которой здѣсь говорится, положившая начало многимъ подобнымъ-же въ слѣдующіе годы, образовалась по такому поводу. Въ маѣ 1823 года Воронцовъ былъ назначенъ Новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ, но уже и нѣсколько ранѣе (съ 1821 г.) онъ началъ скупать земли въ Крыму, особенно на Южномъ берегу, тогда совершенно пустынномъ, безъ сомнѣнія подъ вліяніемъ герцога Ришелье, перваго обратившаго вниманіе на этотъ край и цѣнившаго его выше французской Ривьеры.

поѣздки въ Крымъ у него возникла распря съ Воронцовымъ, и до сихъ поръ столь мало и плохо освѣщенная, почти не понятная; во время ея Пушкинъ написалъ эпиграмму, превосходящую все писанное въ такомъ же родѣ, тѣмъ болѣе жестокую, что каждое

Въ концѣ 1822 года Воронцовъ купилъ имѣніе въ Гурзуфѣ, гдѣ домъ оказался почти не обитаемымъ (объ этомъ далѣе), и его пришлось перестраивать, чѣмъ и занимались въ 1823 году, но окружающимъ Воронцовыхъ заранѣе было извѣстно, что въ слѣдующемъ году тамъ будетъ праздноваться новоселье. Званыхъ было много, а между ними предполагалъ быть и Пушкинъ. Неполученіе приглашенія, на которое Пушкинъ вправѣ былъ разсчитывать, какъ постоянный посѣтитель дома Воронцова, можетъ быть, прибавило свою долю къ его раздраженію и обидѣ.

Поѣздка предполагалась съ половины мая, но болѣзнь дочери Воронцовыхъ заставила отложить ее. Вигель, приглашенный и не поѣхавшій, указываетъ отъѣздъ всѣхъ изъ Одессы въ половинѣ іюня, но изъ сравненія съ дальнѣйшими его объясненіями кажется, что это было нѣсколько позже (Записки, ч. VI, 167, 173—4). Туманскій, участникъ поѣздки, первое письмо изъ Гурзуфа писалъ 28-го іюня (Стихотвор. и письма, 264); а К. Я. Булгаковъ получилъ письмо отъ Воронцова изъ Крыма 4-го іюля, значитъ, посланное тоже около 28-го (Письма К. Булгакова—«Русск. Арх.» 1903, № 5, 63). Для этой поѣздки Грейгъ, главный командиръ Черноморскаго флота, большой пріятель и замѣститель Воронцова, далъ свою яхту «Утѣху» (командиръ Василій Ивановичъ Румянцовъ). О ихъ плаваніи и ѣздѣ до Гурзуфа разсказалъ графъ Олизаръ (Pamiętniki, 167—169), приглашенный по знакомству съ графиней Браницкой, встрѣтившейся у нея съ Воронцовыми. Отсюда хорошо видно, съ какими трудностями происходили и какъ продолжительны были тогда такія поѣздки, даже и для избраннаго общества генералъ-губернатора: изъ Одессы въ Гурзуфъ они добрались едва на десятый день. Въ Гурзуфѣ приглашенные оставались около мѣсяца (Туманскій, Стихотв., 264), а Воронцовъ пробылъ въ Крыму до половины октября (Вигель, Записки, 184, 186, 189; Письма Булгакова — «Русск. Арх.» 1903, № 5, 72). Олизаръ эту поѣздку, въ которую онъ попалъ вслѣдствіе отказа руки М. Н. Раевской и предполагаемой ея помолвки съ другимъ, относитъ къ 1823 году (Pamiętniki, 166), но это несомнѣнная ошибка. Помолвка М. Н. Раевской состоялась только осенью 1824 года (Письмо князя С. Г. Волконскаго къ Пушкину объ этомъ, отъ 18-го октября 1824 г.), а въ началѣ этого года Олизаръ былъ еще въ Кіевѣ и, хотя самъ не говоритъ, вѣроятно считался въ числѣ польскихъ депутатовъ, заключавшихъ условіе съ Южнымъ Союзомъ въ 1824 году («Былое» 1906, май, 249). Графъ Бутурлинъ встрѣчаетъ Олизара въ Одессѣ въ 1824 г. (Записки — «Русск. Арх.» 1897, № 5, 24). Свиньинъ, лѣтомъ 1825 года, пишетъ, что графъ Олизаръ пріѣхалъ провести вторую зиму въ Крыму. Наконецъ и Воронцовъ поѣхалъ въ Крымъ въ 1823 году только 17-го августа, одинъ (Лонгиновъ, Путев. письма — «Русск. Арх.» 1905, № 12, 5), да и принять гостей въ Крыму онъ тогда не могъ, по непригодности дома.

въ ней слово имѣло долю правдивости[1]). Этотъ ударъ бича, навсегда захлестнувшій Воронцова, раздался какъ разъ передъ самой поѣздкой, а когда всѣ гостили въ Гурзуфѣ, послѣдовала и высылка поэта въ Михайловское. Можно не сомнѣваться, что вслѣдствіе всего этого въ ту пору имя Пушкина было и на умѣ, и на языкѣ у всѣхъ приглашенныхъ полу-милорда. Какое же дать объясненіе тому, что при такихъ условіяхъ, въ задушевныхъ письмахъ къ сестрѣ изъ Гурзуфа (Тумапскаго), въ воспоминаніяхъ о далекомъ прошломъ (Олизара), имя Пушкина само собой не пришло имъ на умъ въ томъ домѣ, гдѣ будто бы сохранялась память о немъ, обставленная легендами?

Для Олизара это даже поразительно. Безумно влюбленный

---

1) Знаменитая эпиграмма, если и не была записана, то безъ сомнѣнія была сказана Пушкинымъ и всѣми повторяема въ редакціи: «Полу-милордъ, полукупецъ», и т. д.. Послѣ нея полу-милордомъ обычно стали звать Воронцова въ письмахъ и самъ Пушкинъ (29-го ноября 1824), и его друзья (Алексѣевъ, 30-го октября 1826 г.). Лѣтъ пятьдесятъ слишкомъ тому назадъ, когда память о Воронцовѣ была совсѣмъ свѣжей въ Одессѣ, я впервые слышалъ тамъ эту эпиграмму именно и только въ такой редакціи, въ городской библіотекѣ, въ обществѣ, въ офицерскихъ кругахъ. Въ иной редакціи, написанной самимъ Пушкинымъ, много позже и даже безъ какого-либо видимаго повода, въ письмѣ къ князю Вяземскому (10-го окт. 1824 г.), представляется явная попытка смягчить эпиграмму, спрятать львиные когти; цѣли эта редакція «Полу-герой, полу-невѣжда» и т. д., достигаетъ: эпиграмма потеряла всю свою ѣдкость, всѣ жгучія противоположенія, осталась лишь одна брань. Понятно и побужденіе къ этому. Въ распрѣ съ Воронцовымъ не всѣ одобряли Пушкина, не только, напр., люди очень распространеннаго круга Булгакова («Русск. Арх.» 1903 г., № 5, 64—65), но и самый близкій другъ Пушкина — князь Вяземскій, еще ранѣе упрашивавшій его быть осторожнѣе (Письма, мартъ—апрѣль 1824): «Теперешняя ссылка твоя лучше всякаго мѣста». Самъ Пушкинъ, незадолго до совершеннаго разрыва съ Воронцовымъ, писалъ (Казначееву, 25-го мая и въ началѣ іюня), что дорожитъ его мнѣніемъ, не желалъ бы имѣть другого начальника, слишкомъ уважаетъ его и полагалъ, что Воронцовъ, какъ умный человѣкъ сумѣетъ именно его сдѣлать неправымъ въ общественномъ мнѣніи. Онъ не могъ не чувствовать тогда, что ударилъ больнѣе, чѣмъ слѣдовало; понятно его желаніе для Вяземскаго смягчить эпиграмму, но это не помогло. Поэтъ не могъ учесть все значеніе своего генія и ошибся дважды: общественное мнѣніе, уже и тогда мстившее Воронцову, высыпавъ на него всѣ шишки, какъ писалъ Дельвигъ (28-го сентября 1824), въ будущемъ на него же сложило всю вину, а эпиграмма, забытая въ смягченной редакціи, но общеизвѣстная въ грозной, первоначальной, обезсмертила полу-милорда.

въ М. Н. Раевскую, онъ уѣхалъ изъ Кіева; случайно попавъ въ Крымъ, прожилъ тамъ почти два года, сначала въ томъ же домѣ, гдѣ жила его Беатриче всего четыре года тому назадъ, а потомъ въ своемъ имѣніи, нарочно устроенномъ тутъ же, по сосѣдству. Онъ увѣряетъ, что купилъ землю — пустырь, поселился и обстраивался тамъ въ надеждѣ дождаться посѣщенія М. Н. Раевской, и что обязанъ ей многимъ, а также знакомствомъ съ Пушкинымъ и дружбою Мицкевича; не смотря на то, — все же никакой памяти ни Раевской ни Пушкина въ Гурзуфѣ онъ не указываетъ.

Слѣдующій, 1825 годъ былъ особенно обиленъ посѣщеніями. Грибоѣдовъ даже заинтересовался въ Гурзуфѣ и видомъ изъ дома и, тогда еще очень рѣдкими въ Крыму, кипарисами; можетъ быть онъ уже зналъ и письмо о нихъ Пушкина, хотя оно и было напечатано нѣсколькими мѣсяцами позже, но, возможно, ранѣе ходило по рукамъ. А. Н. Муравьевъ встрѣчался съ Грибоѣдовымъ тутъ же; онъ написалъ цѣлую книжку стиховъ на темы: Ялта, Аю-дагъ, Кучукъ-Ламбатъ, а въ примѣчаніяхъ къ нимъ указалъ и Гурзуфъ. Въ то же лѣто былъ тамъ и Свиньинъ, довольно много написавшій о Гурзуфѣ. Всѣ они очень прикосновенны литературѣ, къ тому же знакомцы Пушкина, но все же о немъ не обмолвились [1]).

Монтандонъ написалъ первый путеводитель по Крыму, по своему времени очень хорошій, на французскомъ языкѣ, но собранный, очевидно, Русскими. Этотъ путеводитель наполненъ всяческими подробностями и эпиграфъ къ нему подобранъ изъ «Бахчисарайскаго Фонтана» (по-русски: «Волшебный край, очей отрада»), но о памяти Пушкина гдѣ-либо — ни звука [2]).

---

1) Въ томъ же году былъ и Мицкевичъ, между 17-мъ августа и 15-мъ октября (Aër, Mickiewicz w Odessie, Warsz., 1898, стр. 35, 40), но тогда онъ не зналъ лично Пушкина, да и описанія его поѣздки, имъ же сдѣланнаго, я не знаю, а потому его и не указываю.

2) Это тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что авторъ поднесъ свой «Guide» Пушкину сейчасъ же по выходѣ книги, съ надписью: «à Monsieur Pouchkine l'hommage de l'auteur. Odessa 3 Avril 1834». (См. Б. Л. Модзалевскій, Библіотека А. С. Пушкина, С.-Пб. 1910, стр. 292 — 293).

Ю. Н. Бартеневъ, нѣсколько мѣсяцевъ жившій на Южномъ берегу Крыма, будучи въ Симферополѣ, выслушивалъ отъ тамошняго сторожила, доктора Ланга, длинные и невѣроятные разсказы, особенно о Пушкинѣ, который будто-бы долго жилъ въ Симферополѣ, отъ разскащика узналъ легенду о Бахчисарайскомъ Фонтанѣ, по его побужденію много разъ туда ѣздилъ и тутъ же, въ Симферополѣ, писалъ эту поэму. При всемъ томъ о памяти Пушкина въ Гузуфѣ они не упомянули.

Наконецъ, уже почти передъ самой Крымской войной Домбровскій, чиновникъ-переводчикъ въ Симферополѣ, превосходно знавшій Крымъ и мѣстные языки, свѣдущій и много писавшій о Крымѣ, составилъ въ 1850 году «Обозрѣніе Южнаго берега Крыма», очень обстоятельное, изобилующее всякими мелкими свѣдѣніями,—въ томъ числѣ и о Гурзуфѣ, но о Пушкинѣ и онъ молчитъ.

Всѣ приведенные источники, иностранные и русскіе, еще разъ повторю, не даютъ ни малѣйшаго намека на существованіе какой бы то ни было памяти о Пушкинѣ, съ чѣмъ-либо связанной въ Гурзуфѣ, и даже въ такихъ случаяхъ, въ которыхъ сообщеніе подобныхъ свѣдѣній само собою напрашивалось. Здѣсь возможно только одно объясненіе: ничего никто не записалъ, потому что никакой тамъ памяти и не существовало.

Прошла гроза Крымской войны; устроились и улучшились пути въ Крымъ; съ 1861 года туда стала ѣздить, почти ежегодно, Императорская семья; вліяніе Воронцова исчезло безслѣдно; самая цензура стала много менѣе привязчива, да и Пушкинъ уже не былъ ея бѣльмомъ. Посыпались въ изобиліи всяческія описанія,—особенно путеводители по Крыму. Надо замѣтить, что именно въ подобныхъ изданіяхъ и мѣсто всяческимъ разсказамъ, тѣмъ болѣе въ настоящемъ случаѣ, когда все это писалось мѣстными людьми, хорошо знавшими положеніе вещей. Остановлюсь на главномъ, такъ какъ все остальное — простая компиляція, не дающая ни бо́льшаго, ни иного. Пропущу первые

путеводители официальнаго типа (барона Штакельберга 1858 г., Министерства Внутреннихъ Дѣлъ 1861 г.).

Въ 1866 году Мурзакевичъ, давно и хорошо знавшій Крымъ, тогда секретарь ученаго Общества Исторій и Древностей (позже его вице-президентъ), напечаталъ «Путеуказатель» — и даже съ эпиграфомъ изъ Пушкина [1]).

Въ слѣдующемъ году была издана въ Симферополѣ очень хорошая, обстоятельная «Памятная книжка», съ весьма подробными описаніями всѣхъ мѣстъ Южнаго берега и, конечно, Гурзуфа также [2]).

Въ томъ же году Кондараки, мѣстный житель, очень много писавшій о Крымѣ, тоже далъ родъ путеводителя [3]).

Въ 1872 году появились столь извѣстные «Очерки Крыма». Ихъ авторъ — Е. Л. Марковъ, много ѣздившій по Крыму и хорошо его знавшій; въ нихъ дано очень красивое описаніе Гурзуфа [4]).

Нѣсколько позже, въ 1875 году, были собраны Ливановымъ въ одно мѣсто описанія разныхъ крымскихъ мѣстъ, дополненныя описаніями Южнаго берега съ Гурзуфомъ [5]).

Все это силы — вполнѣ достаточныя, но ни у кого изъ нихъ нѣтъ намека на Пушкина или на память его въ Гурзуфѣ.

Немного раньше, съ 1871 года, начали издаваться столь долго державшіеся, много распространенные и послужившіе образцомъ «Путеводители» Сосногоровой (Таненбергъ, по мужу Славичъ) и Караулова, знающихъ и образованныхъ мѣстныхъ дѣятелей (послѣдній — археологъ, писавшій и по исторіи русской лите-

---

1) Мурзакевичъ, Путеуказатель Южнаго берега Крыма, Одесса. 1866, стр. 42.

2) Ханацкій, Памятная книжка Таврической губерніи, Симферополь. 1867, стр. 57.

3) Кондараки, Подробное описаніе Южнаго берега Крыма, Николаевъ. 1867, стр. 137.

4) Марковъ, Очерки Крыма, С.-Пб. 1872, стр. 366.

5) Ливановъ, Путеводитель по Крыму, Москва. 1875, стр. 19.

ратуры). Въ первомъ и слѣдующихъ двухъ изданіяхъ этого путеводителя (1871, 1874 и 1880 гг.) уже упоминается имя Пушкина; при описаніи Гурзуфа и дома владѣльца здѣсь указно, что тутъ жилъ Пушкинъ въ 1820 году, въ семействѣ генерала Раевскаго, но — ни слова болѣе.

Итакъ, и при новыхъ благопріятныхъ условіяхъ наиболѣе свѣдущіе и знающіе мѣстныя условія, въ сочиненіяхъ, именно къ тому предназначенныхъ, ни малѣйшаго указанія на сохраненіе памяти о Пушкинѣ не нашли, очевидно потому, что на мѣстѣ ничего о ней и не слышали. Сейчасъ будетъ показано, какъ были бы цѣнны для нихъ эти свѣдѣнія, потому что, при появленіи таковыхъ, всѣ они стали повторять ихъ въ точности.

Приведеннымъ достаточно доказывается полное отсутствіе воспоминаній о Пушкинѣ и связи съ чѣмъ-либо его имени на мѣстѣ, въ Гурзуфѣ. Совсѣмъ иначе къ этому отнеслись не свѣдущіе въ крымскихъ дѣлахъ, но хорошо знавшіе Пушкина, любившіе его и увлекавшіеся имъ. Они сочли невозможнымъ думать, что въ Гурзуфѣ не сохранилась память о поэтѣ, и постарались ее возсоздать отъ разума.

Въ слѣдующемъ послѣ смерти Пушкина году появилась цѣлая поэма, въ которой ведется разговоръ между демоническимъ путешественникомъ и проводникомъ, старымъ Татариномъ; послѣдній, философствуя въ высокихъ предѣлахъ знаній и чувствъ, подъ конецъ увѣряетъ, что много ѣздилъ съ необычайнымъ человѣкомъ (Пушкинымъ), забираясь съ нимъ въ горныя трущобы и къ скаламъ Аю-дага, ведя «душевную и умную бесѣду»; онъ слышалъ его импровизаціи, увлекался ими, хотя и «не понималъ»[1]). Намѣреніе автора было самое доброе, любовь къ великому поэту несомнѣнна, но идея изобразить невѣжественнаго Татарина, едва знавшаго нѣсколько словъ по-русски, философомъ, къ тому же понимающимъ поэзію Пушкина и увлекаю-

1) А. И. Подолинскій, Переѣздъ черезъ Яйлу по Южному берегу Тавриды — «Современникъ» 1838 г., № 3.

щимся ею, показалась столь удивительной, что и вся поэма не заслужила повтореній.

Бо́льшій успѣхъ имѣли письма Евгеніи Туръ (графини Саліасъ)[1]. Она увѣряла, что Пушкинъ будто бы провелъ цѣлое лѣто въ Гурзуфѣ, и что тамъ любой Татаринъ покажетъ кипарисъ, о которомъ онъ говорилъ. Мало того, ей даже передавали поэтическое повѣрье Татаръ: соловей пѣлъ надъ головой поэта, когда онъ сидѣлъ подъ кипарисомъ, а потомъ и безъ него, замолкнувъ лишь съ его смертью. Здѣсь тоже полудикіе Татары, между которыми тогда лишь въ видѣ рѣдкости кое-кто умѣлъ сказать понѣсколько русскихъ словъ, не только читали письмо Пушкина къ барону Дельвигу, но даже и соловья, очень сторожкую птицу, поющую въ концѣ лѣта и сидящую подлѣ дома, сумѣли изобрѣсти[2]. Какъ ни была изумительна эта выдумка Московской чувствительной дамы, но распространеніе она получила большое[3]. П. И. Бартеневъ и въ самомъ дѣлѣ повѣрилъ существованію у мѣстныхъ Татаръ такой нелѣпицы[4], а съ него и Некрасовъ повторилъ Московскую побасенку въ своей мелодраматической поэмѣ

---

1) Евг. Туръ, Крымскія письма — «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1853 г., 29-го сентября, № 214, письмо 5-ое. Всѣхъ писемъ десять. Вотъ ихъ перечень, такъ какъ неточное указаніе П. И. Бартенева, а съ него и Н. А. Некрасова вовлекло моихъ друзей, которымъ приношу и извиненіе, и благодарность, въ весьма продолжительныя и безплодные розыски: 1852 года, № 254, письмо 1; № 257, письмо 2; 1853 года, № 203, письмо 3; № 209, письмо 4; № 214, письмо 5; № 234, письмо 6; № 241, письмо 7; № 255, письмо 8; № 261, письмо 9; № 266, письмо 10.

2) Еще и лѣтъ тридцать тому назадъ понимающихъ по-русски почти не находилось въ татарскихъ деревняхъ (перемѣну сдѣлала воинская повинность), а во время Пушкина, безъ особыхъ проводниковъ-переводчиковъ, никто не рѣшался ѣздить (напр., Муравьевъ-Апостолъ — см. Путешествіе по Тавридѣ въ 1820 году, стр. 124).

3) Она даже и не оригинальна. Лѣтъ за десять передъ тѣмъ то же самое было напечатано В. Пассекомъ, въ той же Москвѣ и въ очень распространенной книгѣ (Очерки Россіи, 1840, II, стр. 170); у него соловей пѣлъ во время пребыванія Пушкина въ Бахчисараѣ, а въ обыкновенное время его тамъ будто бы не слышно. Въ дѣйствительности соловьевъ вездѣ въ горномъ Крыму очень много, но поютъ они, какъ и вездѣ, только весной.

4) Бартеневъ, Пушкинъ въ Южной Россіи—«Русск. Арх.» 1866, стр. 1118.

«Русскія женщины», получившей въ свое время громкую извѣстность и повсюду распространенной [1]). И въ дѣтскія повѣсти попала эта сказочка, дополненная и разукрашенная [2]).

Наступилъ 1880 годъ. Въ Москвѣ, 6-го іюня, открыли памятникъ Пушкину, что отразилось во многихъ мѣстахъ, а также и на Южномъ берегу Крыма. Кружокъ тогдашнихъ мѣстныхъ дѣятелей нашелъ, что это событіе должно ознаменовать чѣмъ-либо. Слова Бартенева и особенно Некрасова, увѣрявшаго что имъ не вымышлено ни одного слова, дали Ялтинцамъ и книги въ руки. Надѣлали дощечекъ съ подобающими надписями и прибили ихъ въ Гурзуфѣ; начали съ кипариса, выбравъ его подальше отъ дома, чтобы посѣтители не мѣшали хозяевамъ; если былъ кипарисъ, то почему не быть и другому дереву тѣхъ же временъ— отмѣтили и большой платанъ; поэтъ жилъ въ домѣ, значитъ въ какой-либо комнатѣ его — стали указывать и ее [3]). Въ это время княгиня Горчакова лѣчилась въ Крыму, въ Сакахъ, и, пріѣхавъ отдыхать въ Артекъ, посѣтила сосѣдній Гурзуфъ; вслѣдъ за тѣмъ она издала въ Москвѣ свои воспоминанія,— и въ нихъ впервые было напечатано о такихъ памятникахъ пребыванія Пушкина въ Гурзуфѣ [4]). Что это извѣстіе было дѣйствительно новостью для знающихъ Южный берегъ, можно судить по тому, что путеводители, нѣсколько изданій которыхъ передъ тѣмъ ничего подобнаго не знали, какъ указано выше, въ послѣдующихъ изданіяхъ немедленно же перепечатали въ точности слова княгини Горчаковой [5]). Все это упрочилось временемъ, а понемногу явились до-

---

1) Н. Некрасовъ, Русскія женщины — «Современникъ» 1873 г., № 1, стр. 231—234, примѣч. 7-е.

2) Чистяковъ, Поэтъ и соловей, Блескъ и тьма, VI.

3) Говорю по воспоминанію, но почти такъ же и у Щепетова: Гурзуфъ, Одесса. 1890, стр. 22—23, особенно 26.

4) Княгиня Е. Горчакова, Воспоминанія о Крымѣ, Москва. 1881, стр. 164 — 165.

5) Карауловъ и Сосногорова, Путеводитель по Крыму, 4-е изд., Одесса. 1883, стр. 105; Кондараки, Новый путеводитель по Крыму, Москва. 1885, стр. 130. Не указываю нѣсколькихъ болѣе мелкихъ путеводителей, поступившихъ совершенно такъ же.

полненія, поясненія и утвержденія относительно дома и разныхъ мѣстъ вокругъ Гурзуфа, столь же лишенныя какого-либо основанія, какъ и вышеупомянутыя; доискиваться и указывать авторовъ послѣднихъ излишне.

Изъ разсказаннаго видно, что единственное фактическое указаніе для воспоминаній о Пушкинѣ въ Гурзуфѣ дано имъ самимъ въ письмѣ къ Дельвигу (декабрь 1824 г.), хотя и не приложимое къ точному мѣсту: «Въ двухъ шагахъ отъ дома росъ молодой кипарисъ». Все остальное есть литературная амплификація, сдѣланная пріѣзжими, отразившаяся обратно въ Гурзуфъ и тамъ выдаваемая за сохраненную мѣстною памятью. Да и въ самомъ дѣлѣ, какъ могли сохраниться воспоминанія, къ чему-либо точно пріуроченныя, въ нежиломъ, заброшенномъ домѣ, переходившемъ изъ рукъ въ руки, какъ будетъ показано далѣе, покинутомъ на сторожей Татаръ, съ трудомъ кое что понимавшихъ по-русски. Тѣмъ болѣе это мудрено допустить для памяти о молодомъ человѣкѣ, прожившемъ всего двѣ-три недѣли и тогда не только Татарамъ но и Русскимъ очень мало извѣстномъ. Не Татаринъ, а образованный Русскій,— врачъ Рудыковскій, ѣздившій съ Раевскими, самъ разсказываетъ, что, познакомившись съ нѣкіимъ молодымъ человѣкомъ, занятымъ неумѣстнымъ дѣломъ писанія стиховъ, и услышавъ, что его зовутъ Пушкинымъ, тутъ же прибавилъ: фамилія незнакомая [1]). Ни малѣйшей памяти у тѣхъ же Татаръ не сохранилось о дѣйствительно и подолгу имъ знакомыхъ и любимыхъ владѣльцахъ, къ тому же генералъ-губернаторахъ, о великихъ князьяхъ или даже государяхъ, не разъ бывавшихъ въ этомъ домѣ. Первый владѣлецъ Гурзуфа, строитель дома, герцогъ Ришелье, пользовался рѣдкой любовью Татаръ вообще, гурзуфскихъ въ особенности. Стемпковскій увѣряетъ, что «Таврическіе Татары преданы были ему, какъ отцу; не переставали жалѣть о немъ» [2]). Положимъ, это слова любимаго адъютанта, но

1) Бартеневъ, Пушкинъ въ Южной Россіи—«Русск. Арх.» 1866, стр. 1102.

2) Стемпковскій, О трудахъ Дюка Ришелье — «Зап. Од. Общ. Ист. и Др.», т. X, стр. 401.

Муравьевъ-Апостолъ, вовсе независимый и даже не знавшій лично Ришелье, много позже его времени и именно въ Гурзуфѣ разсказываетъ: «Я не знаю человѣка, который бы оставилъ въ чужомъ краю щастливѣйшую по себѣ память. Татары съ умиленіемъ произносятъ имя Ришелье... Мы по немъ пропадаемъ, говорилъ мнѣ Гурзуфскій староста»[1]); и въ такомъ родѣ еще цѣлая страница. И вотъ даже объ этомъ крупнѣйшемъ для Гурзуфа человѣкѣ не сохранилось ни малѣйшей памяти. У народа очень часто память весьма коротка и своеобразна.

Мнѣ показалось недостаточнымъ кончить эти замѣтки простымъ отрицаніемъ; думалось, что если не прямой слѣдъ поэта, то все же хотя бы нѣкоторую внѣшнюю обстановку его времени можно возстановить; изъ разысканій въ этомъ направленіи получилось кое что, представляющее положительную сторону. Однако, для ясности, приходится начать съ высылки поэта на югъ Россіи.

Пушкинъ ѣздилъ на Кавказъ и въ Крымъ съ семьею Раевскихъ въ 1820 году. Это путешествіе и отношенія поэта къ Раевскимъ имѣли такое рѣшительное значеніе въ его жизни и творчествѣ, что выясненіе даже мелочныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ поѣздки завлекательно. Разсматривалось все это множество разъ, но и понынѣ еще многое остается въ туманѣ. Къ настоящему вопросу это относится лишь косвенно, но нѣсколько замѣчаній могутъ, какъ мнѣ кажется, посодѣйствовать уясненію этой поѣздки.

Высланный къ Инзову въ самомъ началѣ мая, Пушкинъ выѣхалъ изъ Петербурга 6-го[2]). Въ это время Раевская, съ двумя

---

1) Муравьевъ-Апостолъ, Путешествіе по Тавридѣ, С.-Пб., стр. 123, 155.

2) Подорожная и прогоны ему выданы 5-го мая: П. Бартеневъ, Пушкинъ въ Южн. Россіи — «Русск. Арх.» 1866, стр. 1099; К. П. П., Алекс. Серг. Пушкинъ—«Русск. Стар.» 1879, № 7, стр. 388; Н. О. Лернеръ, Труды и дни Пушкина, стр. 55.

старшими дочерьми,— была въ Петербургѣ, и одна изъ послѣднихъ въ тотъ же день писала отцу, какъ обыкновенно, почтой[1]), но она же въ письмѣ къ брату отъ 8-го прибавила, что отправляетъ письмо почтой потому, что мать забыла его послать съ Пушкинымъ[2]). Изъ этихъ писемъ Ек. Ник. Раевской заключали о знакомствѣ Пушкина съ Раевскими еще въ Петербургѣ[3]), но также думали, что просто хотѣли послать письмо «съ оказіей» и ничего болѣе[4]). Кажется, что это не такъ. Въ далекой молодости и мнѣ доводилось дѣлать большіе концы, именно съ юга на сѣверъ и обратно, на почтовыхъ, служа «оказіей», да и самому пользоваться ею же. Дѣлалось это изъ желанія избѣжать волокиты казенной почты и ея непорядливости, имѣя въ виду или важность письма, или его отношеніе къ везущему; по этому самому «оказіей» бывали не кто ни попало, а знакомыя и вѣрныя руки. Если думали послать письмо съ Пушкинымъ, то это значитъ, что онъ былъ вхожъ въ домъ Раевскихъ, хотя, можетъ быть, и не считался тамъ коротко знакомымъ. Такая мысль естественна, зная его дружескія, какъ бы обязанныя отношенія къ младшему Раевскому, не бывшему тогда въ Петербургѣ; да и само построеніе реченія письма Екатерины Николаевны Раевской явно относится къ знакомому лицу; къ тому же эти слова говорятъ гораздо болѣе, чѣмъ просто о знакомствѣ. Они показываютъ, что Пушкинъ не только былъ знакомъ съ Раевскими, но и посѣтилъ ихъ передъ отъѣздомъ, такъ какъ невозможно допустить, чтобы дамы вздумали разыскивать незнакомаго имъ, спѣшно высылаемаго молодого человѣка, для передачи ему письма съ порученіемъ отвезти его тоже къ незнакомымъ людямъ. Гораздо вѣроятнѣе думать, что Пушкинъ счелъ долгомъ быть у нихъ, предложивъ свои услуги для испол-

---

1) М. Гершензонъ, Сѣверная любовь — «Вѣстн. Евр.» 1908, № 1, стр. 298; «Архивъ Раевскихъ», подъ ред. Б. Л. Модзалевскаго, т. I, стр. 577: число въ письмѣ Н. Н. Раевскаго старшаго.

2) М. Гершензонъ, Семья декабристовъ — «Былое» 1906, № 10, стр. 302.

3) И. Лобода, Пушкинъ и Раевскіе, Соч. Пушкина, ред. Венгерова, т. II, стр. 104.

4) М. Гершензонъ, Сѣверн. любовь — «Вѣстн. Евр.» 1908, стр. 276.

ненія порученій, если таковыя будутъ, т. е., сдѣлалъ то самое, что всѣ дѣлали, да и теперь дѣлаютъ, уѣзжая куда-либо. Затѣмъ, есть здѣсь еще одна сторона, на которую не обратили вниманія. Письмо могло быть дано только ѣдущему въ тотъ городъ, гдѣ жили тѣ, кому оно назначено, т. е., въ Кіевъ, гдѣ были остальные Раевскіе, при чемъ для передачи письма приходилось съ ними видѣться. Едва ли послѣдняго можно было требовать отъ незнакомаго человѣка, а тѣмъ болѣе заставить его свернуть въ сторону только для передачи такого письма, что въ настоящемъ случаѣ оказывалось необходимымъ.

Поѣздки на почтовыхъ, на перекладныхъ теперь забыты, но старикамъ онѣ еще очень памятны. Это было вовсе не легкое дѣло, а съ непривычки и въ большомъ количествѣ даже и прямо нестерпимое; поэтому тогда всѣ отлично знали свои пути, всячески стремясь ихъ сокращать, да и мудрое начальство—выдачей прогоновъ, а почтовыя станціи — прямыми указаніями, давали безошибочно должное направленіе. Такое для Пушкина было: Могилевъ, Черниговъ, Нѣжинъ, Кременчугъ, Екатеринославъ, всего 1577 верстъ [1]). Кіевъ отъ этого пути лежитъ въ сторонѣ, и чтобы въ него заѣхать, приходилось сдѣлать крюкъ болѣе полутораста верстъ. Такіе разсчеты теперь могутъ показаться пустяками, но смѣю увѣрить, что тогда ихъ таковыми не считали и, не смотря на зеленую молодость и естественную беззаботность, едва ли нашлись бы охотники тратить время и деньги, ломая себѣ бока на полуторастахъ верстахъ, для передачи письма незнакомымъ отъ незнакомыхъ; да никто и не рѣшился бы попросить о такомъ одолженіи чужого человѣка, тѣмъ болѣе, что дѣло вовсе не шло о письмѣ чрезвычайной важности: его вѣдь потомъ отправили почтой. Во всякомъ случаѣ, изъ всего этого неизбѣжный выводъ тотъ, что Пушкинъ не только зналъ Раевскихъ въ Петербургѣ, но направлялся ими или ихъ общими знакомыми въ сторону отъ

---

1) Всѣ разстоянія, здѣсь и далѣе, даны по старымъ «Дорожникамъ» и картамъ 1808, 1812 и 1824 годовъ.

прямого пути, конечно, съ какими-либо цѣлями. Позволительно думать, что таковыми и было намѣреніе, познакомивъ поэта съ самимъ Раевскимъ, отправить его съ нимъ на Кавказъ и въ Крымъ. Друзья и покровители, отведшіе отъ Пушкина бо́льшую долю административной грозы, на томъ не остановились и постарались доставить ему возможность развлечься, поѣздивъ по югу Россіи и повидавъ новыя, привлекательныя страны. Это зналъ или подозрѣвалъ и самъ Пушкинъ, которому о томъ говорилъ Карамзинъ, прощаясь [1]),— слѣдовательно, встрѣча Пушкина съ Раевскими въ Екатеринославѣ и ихъ предложеніе совмѣстной поѣздки не были простой, неожиданной случайностью. К. Я. Булгаковъ еще 7-го мая писалъ, что Пушкинъ вчера уѣхалъ въ Крымъ; да и Карамзинъ тогда же зналъ во всѣхъ подробностяхъ, что все это дѣло устроено, и также писалъ, 15-го мая, князю Вяземскому, изъ Петербурга, о томъ, что Пушкинъ благополучно поѣхалъ въ Крымъ, мѣсяцевъ на пять, и что ему дали на дорогу тысячу рублей, по тогдашнему немалую сумму [2]). Никакого нѣтъ основанія эти одинаковыя письма разныхъ лицъ толковать не въ ихъ прямомъ смыслѣ, почитая чѣмъ то общимъ, указующимъ не точное мѣсто поѣздки ими обозначаемое,— Крымъ, а лишь вообще югъ Россіи и Инзова, къ которому Пушкинъ былъ посланъ оффиціально [3]). Да и образъ дѣйствій Инзова указываетъ то же самое. Къ нему посылаютъ опальнаго чиновника, а онъ черезъ недѣлю даетъ ему отпускъ именно такой, какъ говорилъ Карамзинъ, т. е., на четыре-пять мѣсяцевъ. Правда, Инзовъ былъ добрый и хорошій человѣкъ, но все же объяснить столь необычное въ чиновничьемъ мірѣ теченіе вещей можно только даннымъ изъ Петербурга направленіемъ, на что и указываетъ письмо Карамзина, заранѣе знавшаго весь будущій ходъ дѣла. Обыкновенно говорятъ, что тогда Пушкинъ былъ посланъ въ ссылку, въ

---

1) Лернеръ, Труды и дни, стр. 55.
2) Лернеръ, Труды и дни, стр. 54, 55; Бартеневъ, Пушкинъ, стр. 11, 12.
3) Гершензонъ, Сѣверная любовь — «Вѣстн. Евр.» 1908, № 1, стр. 278.

изгнаніе; конечно, поѣздка была подневольной, но позволительно думать, что и ссылка Пушкина была совсѣмъ особаго рода.

Уже замѣчено, что ѣзда на почтовыхъ была не легкимъ дѣломъ, да и быстрота этой ѣзды, кромѣ исключительныхъ случаевъ (проѣздъ высочайшихъ особъ, фельдъегерей) была не велика, примѣняя современную мѣру. Съ выносливостью молодости, безостановочной ѣздой днемъ и ночью, хорошими «на водку» ямщикамъ, можно было проѣзжать въ среднемъ, на дальнихъ разстояніяхъ, до двухсотъ верстъ въ сутки или очень немногимъ болѣе, и то при благопріятныхъ условіяхъ сухихъ дорогъ или саннаго пути. Такая ѣзда на колесахъ и на перекладныхъ была тяжко утомительна, особенно ночью, но, останавливаясь для ночного отдыха, нельзя было разсчитывать на проѣздъ болѣе полутораста верстъ въ сутки. Говорю о временахъ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка, но думаю, что порядки къ этой порѣ нисколько не измѣнились съ пушкинскихъ временъ. Высланный изъ Одессы въ Михайловское въ 1824 году, Пушкинъ проѣзжаетъ около 1650 верстъ (Одесса, Николаевъ, Кременчугъ, Черниговъ, Витебскъ, Псковъ) въ теченіе одиннадцати дней (съ 30-го іюля по 9-е августа)[1], т. е., въ среднемъ дѣлаетъ около 150 верстъ въ сутки[2]. Судя по этому примѣру, нѣтъ вѣроятія полагать, что онъ же, ѣдучи впервые изъ Петербурга въ дальнюю дорогу, особенно налегалъ на быстроту и ѣхалъ

---

1) Лернеръ, Труды и дни, стр. 101—102.

2) Вигель въ 1823 году, лѣтомъ, изъ Петербурга въ Москву ѣдетъ, даже въ дилижансѣ, трое съ половиной сутокъ, т. е. по 205 верстъ; онъ же отъ Симферополя до Одессы въ экипажѣ, а не на перекладной, безостановочно, лѣтомъ, ѣдетъ болѣе двухъ съ половиной сутокъ 427 верстъ, т. е. около 160 верстъ; экстра-почта шла отъ Петербурга до Одессы (1660 верстъ) восемь сутокъ, т. е., по 207 верстъ, обыкновенная почта — двѣ недѣли (Записки, VI, стр. 74, VII, стр. 213 — 214; К. Булгаковъ, Письма — «Русск. Архивъ» 1903, № 1, стр. 59). Ришелье въ 1809 г., какъ генералъ-губернаторъ, изъ Одессы въ Петербургъ ѣдетъ десять дней и ночей (C. de Rochechouart, Souvenirs, стр. 122). Такихъ примѣровъ можно указать очень много, но я привожу возможно подходящіе по времени и мѣсту.

скорѣе; онъ не добровольно покидалъ все, имъ любимое, да и привычки къ подобной ѣздѣ у него не было; можно, слѣдовательно, считать, что онъ и тогда проѣзжалъ не болѣе 120 — 150 верстъ въ сутки, а въ такомъ случаѣ въ Кіевѣ (1250 верстъ) онъ могъ быть на восьмой-десятый день, т. е., около 14-15-го мая, а затѣмъ въ Екатеринославѣ (480 верстъ) еще черезъ три-четыре дня, т. е. около 17-19-го мая. Вспомнивъ, что и Раевскіе изъ Кіева выѣзжали 19-го мая [1]), значитъ, только немногимъ позже возможнаго пріѣзда туда Пушкина, надобно будетъ признать, что въ Кіевъ онъ вовсе не заѣзжалъ, такъ какъ не былъ у Раевскихъ,—быть можетъ, именно потому, что его забыли снабдить письмомъ изъ Петербурга. Предполагая же ѣзду прямой дорогой въ Екатеринославъ, пріѣхать туда Пушкинъ могъ на десятый-двѣнадцатый день, т. е., около 16 — 18-го мая. Воспоминанія «Предводителя дворянства» также указываютъ время пріѣзда Пушкина въ Екатеринославъ въ половинѣ мая [2]). Надо думать, по такимъ же соображеніямъ и г. Побѣдоносцевъ опредѣлялъ его пріѣздъ туда 16-17-го мая, какъ нѣчто несомнѣнное [3]).

Въ тѣ дни, когда Пушкинъ только что добрался до Екатеринослава, у Раевскихъ въ Кіевѣ, вѣроятно, получались неизвѣстныя намъ просьбы и указанія, а по нимъ сложилась мысль взять Пушкина съ собой на Кавказъ и въ Крымъ [4]). Судя по

---

1) П. Бартеневъ, Пушкинъ въ Южной Россіи — «Русск. Арх.» 1866, стр. 1102; «Архивъ Раевскихъ», подъ ред. Б. Л. Модзалевскаго, т. I, стр. 517.

2) Письмо изъ Бахмута — «Новое Время» 1899 г., 22-го марта, № 8285, стр. 3.

3) К. П. П., А. С. Пушкинъ — «Русск. Старина» 1879, іюнь, стр. 388; безъ указанія источника.

4) Предполагается, что вначалѣ Раевскій старшій и самъ не зналъ, поѣдетъ-ли въ Крымъ (М. Гершензонъ, Сѣверная любовь—«Вѣстн. Евр.» 1908, № 1, стр. 278, 302), но приводимыя письма не даютъ какого-либо повода такъ думать («Архивъ Раевскихъ», I, стр. 516, 524). Напротивъ, ясно, что эта поѣздка была давно рѣшена и — безповоротно: она замѣняла Италію, куда врачи считали необходимымъ послать Ек. Ник. Раевскую (Письмо Раевскаго младш. — «Арх. Раевскихъ», т. I, стр. 219). Сомнѣнія Раевскаго старшаго касались лишь сборовъ и времени отъѣзда въ Крымъ его жены со старшими дочерьми.

разсказамъ Маріи Николаевны Волконской[1]) и смыслу письма самого Раевскаго старшаго, можно думать, что весь ихъ поѣздъ состоялъ изъ двухъ каретъ и экипажа съ прислугой и кухней. Въ одной каретѣ ѣхали двѣ младшія дочери съ гувернанткой, няней и компаньонкой, а въ другой,—конечно, также на четыре мѣста,—могли помѣщаться самъ Раевскій, его сынъ, врачъ Рудыковскій и, впослѣдствіи, Пушкинъ. Такой поѣздъ ни въ какомъ

---

1) П. Бартеневъ, Пушкинъ въ Южн. Россіи — «Русск. Арх.» 1866, 1103. Сообщенія М. Н. Волконской объ этой поѣздкѣ дѣлались много позже, послѣ всей тягости Сибирской ссылки; во время же самой поѣздки на Кавказъ и въ Крымъ разсказчица была почти дѣвочкой; едва ли въ такихъ условіяхъ у нея могли сохраниться вѣрныя воспоминанія о разныхъ мелочахъ.

Годъ рожденія М. Н. Раевской (Волконской) указывается различно, между 1803 и 1808 годами, а между тѣмъ его близкое опредѣленіе было бы весьма желательно, въ виду отношеній къ ней Пушкина. Точное указаніе этого года, казалось, можно бы найти въ послужномъ спискѣ Раевскаго старшаго, но поиски въ этомъ направленіи были безплодны: тамъ нашлись лишь имена его дѣтей безъ указанія времени ихъ рожденія, кромѣ старшаго сына. Зять М. Н. Раевской, М. Ѳ. Орловъ, точно указалъ лишь день ея рожденія — 1-е апрѣля (Гершензонъ, Семья декабристовъ — «Былое» 1906, № 11, стр. 176); въ этотъ день празднуютъ Маріи Египетской. Въ «Архивѣ Раевскихъ» годъ рожденія ея показанъ и въ 1807, и въ 1805 годахъ (I, 43 и II, родосл. табл.). Письма Раевскаго старшаго, могшія указать время рожденія его дѣтей, имѣютъ числа мѣсяцевъ, но ихъ года опредѣляются часто по соображенію, да и именъ дѣтей они не даютъ, а потому и ихъ указанія не имѣютъ рѣшающаго значенія. Повидимому, даже сама Марія Николаевна и наиболѣе близкія къ ней лица не знали достовѣрно этого года. Марія Николаевна въ своихъ Запискахъ писала, что ей въ августѣ 1820 года было пятнадцать лѣтъ (можно понимать и пятнадцатый, и пятнадцать слишкомъ), значитъ она родилась въ 1805 или 1806 годахъ (Записки княгини М. Н. Волконской, 22), а въ день новаго 1827 года она же говорила, что ей только что минулъ двадцать одинъ годъ, значитъ, родилась она именно въ 1805 году (Записки, стр. 30); эти показанія сходны, но она же замѣчаетъ, что ея мужъ, князь С. Г. Волконскій, былъ старше на двадцать лѣтъ, а онъ родился въ 1788 году (Записки, стр. 4, 116) и слѣдовательно М. Н. родилась около 1808 года. Сынъ Маріи Николаевны, князь М. С. Волконской, издатель ея Записокъ, говоритъ тоже не вполнѣ опредѣленно, что его мать умерла 10-го августа 1863 года, пятидесяти шести лѣтъ (Записки, стр. XI, 120), значитъ она родилась въ 1807 или 1808 году. Если признать годомъ рожденія 1805 г., то разность ея лѣтъ съ мужемъ будетъ около семнадцати, а не двадцати, да въ такомъ случаѣ и въ 1821 году, когда съ ней познакомился Олизаръ, вскорѣ послѣ поѣздки съ Пушкинымъ на Кавказъ и въ Крымъ, ей было бы почти семнадцать лѣтъ,—возрастъ, къ которому едва ли можетъ подходить опредѣленіе Олизара, говорившаго, что тогда она была еще непривлекатель-

случаѣ не могъ передвигаться съ большой быстротой; къ тому же Раевскій, желая заѣхать въ свое имѣніе, а дочерямъ дать возможность побывать у дяди въ Каменкѣ, съ самаго начала поѣхалъ изъ Кіева не прямымъ, а кружнымъ путемъ — на Смѣлу и Елисаветградъ, а затѣмъ и во всю дорогу часто останавливался, давая отдыхъ всѣмъ и посѣщая боевыхъ товарищей и власти. Выѣхавъ изъ Кіева 19-го мая[1]), они всѣ пріѣхали на Горячія Воды (Пятигорскъ) 5-го іюня[2]), т. е., разстояніе въ 1690 верстъ

нымъ смуглымъ подросткомъ (Olizar, Pamiętniki, 155—156 — «Marja była w onąporę nepociągającym jeszcze wyrostkiem, płci bardzo smoglawie»). Лишь значительно позже — по смыслу разсказа года черезъ два-три — изъ непригожаго ребенка («niekształtnego dziecka») она превратилась въ красавицу дѣвицу. Впрочемъ, оцѣнка красоты дѣло неопредѣленное и вслѣдъ за увлеченіемъ Олизара, въ концѣ 1824 года, Туманскій писалъ: «Марія, идеалъ Пушкинской Черкешенки, дурна собой..., но очень привлекательна остротою разговоровъ и нѣжностью обращенія» (Стихотворенія и письма, 271). Ея сестру Софью Николаевну, бывшую только годомъ моложе, Олизаръ уже и прямо называетъ ребенкомъ. Такимъ образомъ, 1805 годъ кажется мало вѣроятнымъ. Если годомъ рожденія счесть 1807 или 1808, то въ Гурзуфѣ, въ августѣ 1820 года, ей было всего тринадцать съ половиной или двѣнадцать съ половиной лѣтъ, и трудно себѣ представить влюбленность поэта въ такого ребенка, да еще и «непривлекательнаго, непригожаго». Однако, эта влюбленность, давно указываемая въ литературѣ, настоятельно представлена П. Е. Щеголевымъ («Пушкинъ и его современники», XIV). Покойный маринистъ И. К. Айвазовскій также упорно ее отстаивалъ, какъ я не разъ отъ него слышалъ, пересказывая это, какъ утвержденіе Н. Н. Раевскаго младшаго. Впрочемъ, можетъ быть, начавшись почти шалостью (вродѣ Адели Давыдовой), эта влюбленность развивалась годами и только много позже Крыма она явилась въ сознаніи поэта, какъ

Одно сокровище, святыня,
Одна любовь души моей.

Въ «Русскихъ Портретахъ», изданіи Великаго Князя Николая Михаиловича, годомъ рожденія показанъ 1804 (II, № 160) и 1806 (IV, № 131); послѣднее, до нѣкоторой степени, примиряетъ вышесказанное, но тамъ и рожденіе ея младшей сестры показано въ томъ же 1806 году, что̀ не совмѣстимо.

1) Бартеневъ, Пушкинъ въ Южн. Россіи — «Русск. Арх.» 1866, 1102, показаніе Рудыковскаго; Гершензонъ, Сѣверн. любовь — «Вѣстн. Евр.» 1908, № 1, 298, письмо самого Раевскаго; «Архивъ Раевскихъ», I, 517, оно же.

2) Е. Г. Вейденбаумъ, Пушкинъ на Кавказѣ — Соч. Пушкина, ред. Венгерова, II, 19; Раевскій писалъ старшей дочери 7-го іюня: «другой день на водахъ». Подобное же письмо Раевскаго младшаго, отъ 6-го іюня («со вчерашняго дня на водахъ») — въ «Архивѣ Раевскихъ», I, 219.

(по пути Раевскихъ) проѣхали въ восемнадцать съ лишкомъ дней, а это даетъ въ среднемъ всего около девяноста верстъ въ сутки[1]). Такимъ образомъ, Раевскій младшій не безосновательно въ письмѣ къ матери говорилъ, что никогда путешествіе не было столь медленнымъ[2]). Это мнѣніе объясняется не только медленностью ѣзды, но и нетерпѣливостью его юности; въ дѣйствительности это была довольно обычная скорость, въ тѣ времена, для дальнихъ переѣздовъ съ женщинами и дѣтьми. Вспоминаю долгую поѣздку въ дѣтскіе годы, числа которой записаны: выходитъ почти то же самое (1600 верстъ въ девятнадцать дней). Я позволилъ себѣ нѣсколько распространиться о старой почтовой ѣздѣ, потому что теперь это дѣло основательно позабыто, такъ что и разсчеты дѣлаются прямо невыполнимые[3]).

---

1) Возвращаясь, они проѣхали 645 верстъ, отъ Пятигорска до Тамани, никуда не заѣзжая, въ восемь дней, т. е. ѣхали еще медленнѣе, но это объясняется военнымъ конвоемъ съ орудіями, сопровождавшимъ ихъ мѣстами.

2) «Архивъ Раевскихъ», т. I, 219.

3) Обычная скорость ѣзды Пушкина показана выше; онъ же въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, вызванный изъ Михайловскаго въ 1826 году самимъ Государемъ, проѣхалъ отъ Пскова до Москвы, 752 версты, нѣсколько болѣе чѣмъ въ трое съ половиною сутокъ, т. е., проѣзжалъ около 210 верстъ въ сутки. Даже и такую не особенную быстроту Анненковъ счелъ «молніеобразной», потому что она была, дѣйствительно, больше обыкновенной, что объясняется сопровожденіемъ фельдъегеря (Лернеръ, Труды и дни, 140; его-же, Послѣ ссылки въ Москвѣ, Соч. Пушкина, ред. Венгерова, III, 337). Обратно, изъ Москвы въ Михайловское, Пушкинъ ѣхалъ уже восемь дней, т. е., менѣе ста верстъ въ сутки (Письмо Соболевскому, Переписка, I, 380). Полагаютъ, что Пушкинъ въ Москву выѣхалъ позже, чѣмъ показываетъ Анненковъ, такъ что въ пути былъ трое сутокъ и даже нѣсколько менѣе, но и тогда быстрота ѣзды будетъ не болѣе 250 верстъ въ сутки (Лернеръ, Изъ неизданныхъ матер. — «Русск. Стар.» 1908, № 10 — 12, 117 — 118; его-же, Труды и дни, 453). Однако, это новое указаніе времени проѣзда не кажется вѣроятнымъ. Пушкинъ выѣхалъ изъ Михайловскаго въ ночь 3-го сентября, утромъ 4-го онъ былъ въ Псковѣ у губернатора, передавшаго ему письмо Дибича. Въ тотъ же день губернаторъ донесъ Дибичу объ отъѣздѣ Пушкина, да и самъ Пушкинъ это подтверждаетъ письмомъ того же 4-го числа къ Осиповой, гдѣ говорится о письмѣ Дибича и назначается пріѣздъ въ Москву 8-го, т. е., все и впередъ хорошо разсчитывая. Ясно, что второе донесеніе губернатора своему ближайшему начальству о томъ, что Пушкинъ «по явкѣ ко мнѣ сего 5-го сентября отправленъ при донесеніи моемъ» къ тому же Дибичу,—на чемъ основано новое соображеніе,—заключаетъ

Если эту среднюю скорость ѣзды Раевскихъ примѣнить къ началу ихъ путешествія, къ разстоянію между Кіевомъ и Екатеринославомъ, то можно счесть, что эту часть пути (600 верстъ, какъ ѣхали Раевскіе, а не ближайшею дорогой) они проѣхали дней въ семь и были въ Екатеринославѣ около 26-го мая вечеромъ, разыскавъ тамъ Пушкина. Г. Гершензонъ указалъ новый источникъ опредѣленія времени въ ихъ поѣздкѣ — письмо самого Раевскаго [1]), сдѣлавъ и выводы изъ этого письма, но въ его разсчетъ приходится ввести довольно значительныя поправки. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что въ письмѣ Раевскаго есть только два числа: дня выѣзда изъ Кіева и ночевки въ Смѣлѣ, все же остальное заключаетъ въ себѣ почти поденное описаніе разныхъ событій ихъ поѣздки, но безъ чиселъ, отчасти замѣняемыхъ указаніями ночевокъ. Эти описанія, особенно вначалѣ,

---

въ себѣ явную канцелярскую описку въ числѣ, такъ какъ нѣтъ сомнѣнія, что Пушкинъ былъ у губернатора еще 4-го и не сталъ бы сидѣть безъ дѣла болѣе сутокъ во Псковѣ, да и предаться бѣшеной скачкѣ тоже не думалъ, а разсчитывалъ ѣхать, какъ обыкновенно, но вѣроятно безостановочно, не ночуя. Въ фельдъегерскомъ смыслѣ такая ѣзда вовсе не была скорой и очевидно зависѣла отъ усмотрѣнія Пушкина, а не отъ фельдъегеря, который самъ никогда не осмѣлился бы на такую медленность. Это доказываетъ, что фельдъегерь дѣйствительно сопровождалъ Пушкина, находясь въ его распоряженіи, а не везъ его по своему усмотрѣнію. Какъ ѣздили въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло было въ рукахъ фельдъегеря, видно, напр., по разсказу Олизара: его, арестованнаго въ 1826 году по дѣлу декабристовъ, фельдъегерь везъ изъ Кіева въ Петербургъ менѣе трехъ сутокъ, т. е., со скоростью 420 верстъ въ сутки (Olizar, Pamiętniki, 214), правда, — саннымъ путемъ. Однажды въ молодости мнѣ пришлось немного проѣхать съ нагнавшимъ меня фельдъегеремъ, хотя это и строго запрещалось; не смотря на большую привычку и юныя силы, я не могъ выдержать болѣе двухъ перегоновъ и поѣхалъ одинъ. Во время коронованія Александра II въ Москвѣ мнѣ приходилось слышать разсказы того самого фельдъегеря Подгорнаго, который, везя въ 1827 г. Кюхельбекера, разводилъ съ нимъ Пушкина. Изъ желѣза сбитый николаевецъ, сѣдой, но еще полный силъ, вспоминая старину, говорилъ про неимовѣрныя, безпрерывныя поѣздки временъ 1825—56 годовъ изъ Петербурга въ Персію, Турцію, Польшу, Венгрію, Сибирь, Крымъ и страшныя въ этихъ случаяхъ требованія начальства, разсчитывавшаго ѣзду не только по часамъ, но даже по минутамъ, жестоко наказывая за опозданіе; скорость ѣзды бывала болѣе 350 и даже 400 верстъ въ сутки.

1) М. Гершензонъ, Сѣверная любовь — «Вѣстн. Европы» 1908, № 1, 298. То же письмо — въ «Архивѣ Раевскихъ», т. I, стр. 516 — 525.

когда Раевскій посѣщалъ родныхъ и свои имѣнія, настолько не полны, что поденно прослѣдить ихъ путь отъ Кіева до Екатеринослава невозможно. Отъ Екатеринослава до конца указанія сдѣланы полнѣе, и такъ какъ день пріѣзда на Горячія Воды извѣстенъ въ точности,— 5-е іюня, то, слѣдя обратно, можно составить такой путевикъ:

Екатеринославъ.....			28 мая	веч. ночлегъ.
Путь къ Маріуполю...	281	верстъ	29 »	ѣзда ночью.
Таганрогъ.....	126	»	30 »	ночлегъ.
Ростовъ-Аксай.....	84	»	31 »	»
Новочеркаскъ, Аксай..	52	»	1 іюня	»
Къ Ставрополю.....	52	»	2 »	ѣзда ночью.
Ставрополь, Сабля....	470	»	3 »	ночлегъ.
Георгіевскъ.....	40	»	4 »	»
Горячія Воды.....	35	»	5 »	»

По среднимъ цифрамъ Раевскіе были въ Екатеринославѣ 26-го мая, а по разсчету изъ письма 28-го мая; разница такъ мала, что можно признавать любое изъ этихъ чиселъ. Конечно, разсчетъ изъ указаній письма, казалось, долженъ бы быть вѣрнѣе, но въ немъ приходится допустить два раза безостановочную ѣзду ночью и переѣзды въ сутки до 235 верстъ и даже болѣе; первое можетъ объясняться вѣроятною невозможностью найти мѣсто для ночлега на маленькихъ, жалкихъ степныхъ станціяхъ, а послѣднее возможно потому, что ѣзда здѣсь была по ровнымъ степнымъ дорогамъ подъ Маріуполемъ и Ставрополемъ и при условіи заготовленія лошадей за нѣсколько дней впередъ. Воспоминаніе Предводителя дворянства[1]) о времени отъѣзда Пушкина изъ Екатеринослава, принятое въ основу разсчета г. Гершензона, должно счесть ошибочнымъ: не могъ Пушкинъ выѣхать изъ этого города 4-5-го іюня, потому что 5-го онъ уже былъ

1) Письмо изъ Бахмута — «Новое Время» 1899, 22-го марта, № 8. 285, стр. 3.

на Горячихъ Водахъ. Кромѣ того, г. Гершензонъ допускаетъ [1]), что Раевскіе менѣе, чѣмъ въ однѣ сутки, проѣхали отъ Екатеринослава до Таганрога — 407 верстъ,— быстрота, которой рѣдко достигали даже Высочайшія особы и фельдъегеря, ѣдучи въ легкихъ экипажахъ и безъ счета загоняя лошадей [2]). Впрочемъ, и по письму Раевскаго явно, что это разстояніе они проѣхали не менѣе, какъ въ два дня (а можетъ быть и въ три), въ Екатеринославѣ, передъ отъѣздомъ, позавтракали и сейчасъ за Маріуполемъ, въ 300 верстахъ, имъ опять приготовили завтракъ; конечно, это не могло быть въ одинъ день.

Итакъ, Пушкинъ, пріѣхавъ въ Екатеринославъ 16-18-го мая, выѣхалъ изъ него 26 - 28-го, т. е., пробылъ въ немъ всего около десяти дней. Старыя книги почтовыхъ станцій Екатеринославской губерніи, если только онѣ сохранились, могутъ рѣшить вопросъ съ еще большей точностью, — но поиски этого источника мнѣ недоступны.

По вопросу о томъ, какъ и почему Пушкинъ уѣхалъ изъ Екатеринослава, обычно представляется, что, найденный тамъ Раевскимъ младшимъ какъ бы случайно, онъ неожиданно былъ взятъ имъ съ собой, на Кавказъ; едва ли такое представленіе вѣроятно. Выше уже говорено, что поѣздка Пушкина на Кавказъ и въ Крымъ, по всѣмъ видимостямъ, была рѣшена еще въ Петербургѣ; то же оказывается и здѣсь: Екатеринославъ лежалъ на прямомъ пути Раевскихъ, — слѣдовательно, чтобы заѣхать туда, не требовалось никакихъ просьбъ младшаго Раевскаго. Да и встрѣча его съ Пушкинымъ также не была случайностью, основанною лишь на пріязни молодыхъ людей; это видно изъ того, что,

---

1) М. Гершензонъ, Сѣверная любовь — «Вѣстн. Европы» 1908, № 1, 279.

2) Булгаковъ, Письма—«Русск. Арх.» 1902, № 1, 87: фельдъегерь изъ Царскаго въ Москву съ извѣстіемъ о взятіи Варшавы въ 43 часа; № 2, 315—317: Государь изъ Москвы въ Петербургъ (750 верстъ) въ 1832 году, по хорошей дорогѣ, въ 44 часа, т. е. 408 в. въ сутки; № 4, 610—тоже въ 1833 году, 47½ часовъ; № 4, 580, Вел. Кн. Михаилъ Павловичъ тотъ же путь въ 46 часовъ, т. е. по 390 верстъ въ сутки, считалъ чрезвычайнымъ и т. под.

пріѣхавъ въ Екатеринославъ, не молодой Раевскій, а генералъ Раевскій, какъ писалъ самъ Пушкинъ, искалъ его и нашелъ: значитъ, зналъ, гдѣ онъ. Можно думать, что если и не было предварительнаго уговора съ самимъ Пушкинымъ, то таковой былъ съ его друзьями, и никакой неожиданности для Раевскихъ,—да думаю даже и для Пушкина,—эта поѣздка не представляла и не зависѣла отъ случайной просьбы младшаго Раевскаго. Это соображеніе, мнѣ кажется, достаточно твердо указано всѣмъ положеніемъ вещей, приведеннымъ выше, и оно же вполнѣ подтверждается первымъ за всю дорогу письмомъ младшаго Раевскаго къ матери, съ Горячихъ Водъ. Говоря въ этомъ письмѣ о хорошемъ обществѣ, въ которомъ онъ вращается, Раевскій могъ и долженъ былъ указывать только лицъ, извѣстныхъ матери,—и онъ называетъ брата, Фурнье и Пушкина,—послѣдняго столь же просто, одной фамиліей, какъ и первыхъ двухъ, безъ малѣйшихъ объясненій, неизбѣжныхъ и необходимыхъ, если бы къ нимъ попалъ непредвидѣнно какой то молодой человѣкъ, незнакомый ни матери, ни сестрамъ. Очевидно, что въ послѣднемъ случаѣ Раевскій младшій долженъ былъ бы пояснить, кто такой Пушкинъ и почему онъ очутился съ ними, но объ этомъ онъ такъ же умалчиваетъ, какъ и его отецъ въ длинномъ и подробномъ письмѣ къ своей дочери, описывая весь путь и все случившееся во время его[1]).

Дальнѣйшей поѣздки Раевскихъ, не относящейся къ Крыму, я не буду касаться, но ихъ возвращеніе съ водъ въ его Крымской части надобно просмотрѣть. Для этого находятся положительныя указанія въ Запискахъ Г. В. Геракова[2]). Это самодовольный, ограниченный писатель, но съ хорошимъ образованіемъ и очень широкимъ кругомъ знакомствъ, стихоплетъ и любимецъ гвардейскихъ офицеровъ,—по опредѣленію К. Я. Булгакова[3]).

---

1) «Архивъ Раевскихъ», подъ ред. Б. Л. Модзалевскаго, т. I, стр. 219, 516—525.

2) Г. Гераковъ, Путевыя Записки и Продолженіе ихъ, ч. I, стр. 99, 100, 103, 104, 117, 119.

3) Письма К. Булгакова — «Русск. Арх.» 1902 г., № 7, стр. 429.

Его Записки, давно извѣстныя крымовѣдамъ, имѣютъ не мало значенія, опредѣляя разныя мелочи и отношенія въ жизни многихъ лицъ тогдашняго мѣстнаго правящаго кружка, а такъ какъ онѣ писаны въ видѣ дневника, то даютъ и точныя числа. Недавно ихъ привлекли и для опредѣленія времени пребыванія Пушкина на Кавказѣ и въ Крыму. Собственно Пушкина онъ называетъ всего два раза — подъ 2-мъ августа, говоря о встрѣчахъ съ нимъ на Горячихъ Водахъ, но далѣе онъ часто говоритъ о Раевскихъ, а съ ними приходится видѣть и Пушкина[1]). Передъ самымъ Южнымъ берегомъ Крыма Гераковъ встрѣчается съ Раевскими въ Ѳеодосіи, у жившаго тамъ въ отставкѣ бывшаго градоначальника С. Б. Броневскаго, о посѣщеніи котораго говоритъ и Пушкинъ въ письмѣ къ брату; это было 17-го августа[2]). Гераковъ не захотѣлъ ѣхать на Южный берегъ, испугавшись утомительнаго и труднаго путешествія, а потому направился въ Симферополь, гдѣ и прожилъ довольно долго, вновь встрѣчаясь съ Раевскими, по возвращеніи ихъ изъ Гурзуфа. Раевскіе же отбыли изъ Ѳеодосіи моремъ,—не извѣстно

---

1) Выше уже упомянуто, что Раевскіе пріѣхали въ Пятигорскъ 5-го іюня; уѣхали они оттуда 5 — 6-го августа (Гераковъ, Путевыя Записки, 101, 103; также и Е. Вейденбаумъ, Пушкинъ на Кавказѣ, Соч. Пушкина ред. Венгерова, т. II, 19). Это время опредѣляетъ и самъ Пушкинъ въ письмѣ къ брату: «Два мѣсяца жилъ я на Кавказѣ». Отрицаніе этихъ чиселъ не имѣетъ основанія (В. Я. Брюсовъ, Пушкинъ въ Крыму, Соч. Пушкина, ред. Венгерова, т. II, 89).

2) Гераковъ, Путевыя Записки, I, 123. Издавая письма Пушкина, его слова о Броневскомъ приводятъ въ обидной для памяти хорошаго человѣка редакціи: «Онъ не умный человѣкъ, но имѣетъ большія свѣдѣнія о Крымѣ..., сторонѣ важной и запрещенной...» (Соч. Пушкина, Переписка, изд. Академіи Наукъ, I, 21). Пушкинъ, конечно, не постѣснился бы и прямо назвать глупца настоящимъ именемъ, а такъ изложенное выходитъ не безъ странности, особенно въ виду ранѣе имъ сказанной похвалы тому же Броневскому, узнать умъ котораго Пушкинъ не имѣлъ и времени. Кажется, что редакція «не ученый» вмѣсто «не умный», и «запущенной» вмѣсто не имѣющей смысла: «запрещенной» должна быть вѣрнѣе (Пушк., изд. Суворина, 1887, 95). Желчный Вигель также очень хвалилъ Броневскаго (Записки, ч. VII, 166). Сем. Богд. Броневскій числился братомъ 3-ей степени въ Ѳеодосійской масонской ложѣ du Jourdain Tableau de la grande loge Astrée pour l'an 58 $^{18}/_{19}$, (т. е. 18 $^{18}/_{19}$, 95).

въ точности, когда именно, но въ Ѳеодосіи имъ нечего было дѣлать, и всего вѣроятнѣе, что они уѣхали въ тотъ же день или на другой. Хотя эти соображенія и вѣроятны, но не настолько несомнѣнны, чтобы не допускать иныхъ домысловъ, такъ что нѣкоторые предполагаютъ пріѣздъ Пушкина въ Гурзуфъ и въ концѣ августа[1]). Казалось возможнымъ выяснить это, прибѣгнувъ къ неиспользованному источнику. Г. Бартеневъ, со словъ княгини М. Н. Волконской, указалъ[2]), что изъ Ѳеодосіи они всѣ отплыли на бригѣ, и хотя ея дѣтскія воспоминанія очень не надежны, но выдумать морское названіе судна она не могла. Такое судно, судя лишь по названію, могло быть и купеческое, но это почти невѣроятно, и надо предполагать, что оно было военное, а на военныхъ судахъ ведутся вахтенные журналы, въ которыхъ точно прописано, куда и когда ходило судно и даже записываются перевозимые имъ пассажиры. Названія везшаго ихъ брига княгиня Марія Николаевна не дала, но тогда въ Черноморскомъ флотѣ такихъ судовъ было очень мало, — не болѣе двухъ-трехъ[3]) и, слѣдовательно, не трудно пересмотрѣть вахтенные журналы ихъ всѣхъ; оставалось найти послѣдніе. Къ сожалѣнію, старательнѣйшіе, въ теченіе цѣлаго года, поиски, замедлившіе окончаніе этой статьи, до сихъ поръ были безуспѣшны. Изъ Черноморскихъ архивовъ всѣ старыя дѣла были отправлены въ Петербургъ, но тамъ ихъ также не оказалось, такъ что съ этой стороны ничего не нашлось. По тому же вопросу проѣзда Раевскихъ въ Крыму, по моей просьбѣ, дѣлалъ розыски въ старыхъ дѣлахъ съ гораздо бо́льшимъ успѣхомъ Предсѣдатель Таврической Ученой Коммиссіи А. И. Маркевичъ, которому и приношу глубочайшую благодарность. Просматривая время выдачи подорожныхъ, онъ нашелъ, въ дѣлѣ «О путешествіи знатныхъ особъ по Таврической губерніи», предписаніе

---

1) Н. Лернеръ, Труды и дни, 57, 484.
2) П. Бартеневъ, Пушкинъ въ Южной Россіи, стр. 111з и 1103, 2 примѣч.
3) Кажется, брига «Меркурій», «Пегасъ» и «Мингрелія».

губернатора Баранова Ѳеодосійскому исправнику, отъ 17-го августа, о томъ, чтобы онъ явился къ генералу Раевскому, «и если онъ изъявитъ желаніе отправиться на Южный берегъ, распорядился о безостановочномъ проѣздѣ и заготовленіи потребнаго числа лошадей, для чего командировать особаго чиновника, а буде отправится ранѣе въ Симферополь, равномѣрно оказывать всякое содѣйствіе». Въ отвѣтъ исправникъ доносилъ губернатору, 20-го августа, о полученномъ имъ вѣрномъ извѣстіи о томъ, что «Его Высокопревосходительство изволилъ отправиться изъ Ѳеодосіи на брандвахтѣ моремъ до Севастополя»[1]). Этотъ отвѣтъ исправника писанъ изъ деревни Азаматъ, откуда около 60 верстъ до Ѳеодосіи, — значитъ, требовалось время для полученія имъ предписанія губернатора, посылки въ Ѳеодосію, узнанія положенія дѣла тамъ и полученія оттуда извѣстія; на все это надобно болѣе сутокъ и, слѣдовательно, Раевскій выѣхалъ изъ Ѳеодосіи не позже вечера 18-го августа (и не ранѣе 17-го), на суднѣ, исполнявшимъ обязанности брандвахты, т. е., несомнѣнно военномъ; оказывается, что въ этомъ княгиня Марія Николаевна Волконская не ошиблась. Должно быть командиръ брига получилъ приказаніе отъ А. П. Ермолова, въ распоряженіи котораго была Керченская флотилія, или, вѣрнѣе, отъ начальника этой флотиліи — капитанъ-лейтенантъ Патаніоти, вѣроятно, являвшагося Раевскому при его проѣздѣ черезъ Керчь[2]). Перевезли ихъ всѣхъ не въ Севастополь, конечно, а въ Гурзуфъ. Это плаваніе началось подъ вечеръ, такъ что Пушкинъ видѣлъ закатъ солнца на морѣ передъ собой и тогда же, на палубѣ этого брига, создалъ

---

1) Напечатано въ «Извѣстіяхъ Таврической Ученой Архивной Коммиссіи», № 47, протоколы, стр. 25. По этой замѣткѣ Н. О. Лернеръ представилъ «Хронологію пребыванія Пушкина въ Крыму», въ статьѣ, помѣщенной въ «Русск. Старинѣ» 1912, кн. 4, любезно имъ сообщенной мнѣ въ корректурѣ. Выводы подобны, но я сохранилъ уже давно написанное, потому что здѣсь все изложено подробнѣе.

2) Г. Гераковъ, Путевыя Записки, I, 118. Нѣсколько позже, съ 1826 г., эта флотилія была въ распоряженіи Керченскаго градоначальника (Вигель, Записки, ч. VII, 98). Вообще, она должна была обслуживать Восточное побережье Чернаго моря и Закавказье.

элегію «Погасло дневное свѣтило». Погода стояла тихая и въ эту пору года всего вѣроятнѣе, что они шли легкимъ береговымъ бризомъ, держась очень близко къ берегу, имѣя его въ виду, не закрытымъ парусами, почему капитанъ и показывалъ Пушкину Чатырдагъ. Въ Гурзуфѣ они были на разсвѣтѣ, а такъ какъ ходу отъ Ѳеодосіи, при такихъ условіяхъ, часовъ десять-двѣнадцать, то, слѣдовательно, изъ нея вышли они часовъ въ пять вечера. Изъ всего сказаннаго можно заключить, что Раевскіе съ Пушкинымъ были на берегу въ Гурзуфѣ не позже утра 19-го или 18-го августа.

Въ старину, въ Черноморскомъ флотѣ часто печатали рисунки военныхъ судовъ. Не знаю, былъ-ли сдѣланъ рисунокъ того неизвѣстнаго брига, на которомъ плылъ Пушкинъ, но тогда конструкція судовъ очень мало мѣнялась, сохраняясь въ неизмѣнномъ видѣ десятки лѣтъ, а потому, чтобы дать представленіе, о томъ, на чемъ они плыли, рѣшаюсь представить рисунокъ брига «Персей», построеннаго въ 1839 году[1]).

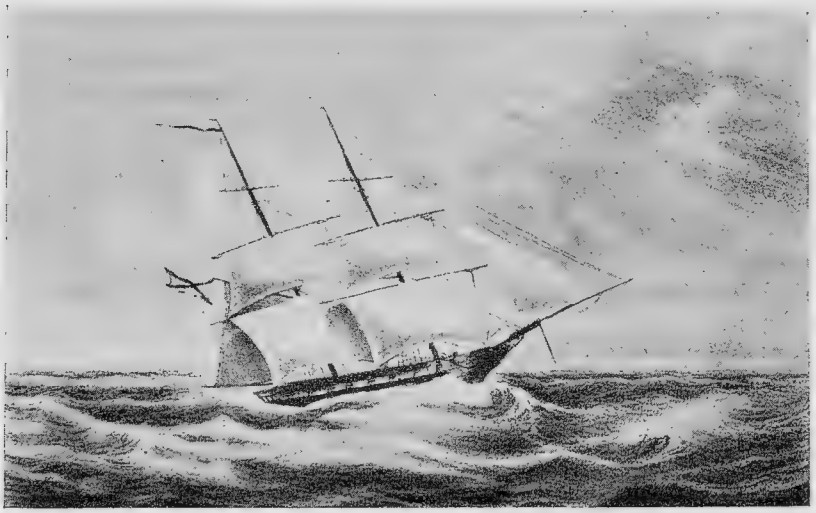


Рис. 1.

1) Рисунокъ по литографіи изъ книги А. Голенищева-Кутузова: «О судахъ Черноморскаго флота, построенныхъ со времени вступленія на престолъ Государя Императора Николая Павловича», С.-Пб. 1844, 128.

Чтобы не возвращаться къ вопросамъ времени поѣздки, скажу тутъ же и о возвращеніи изъ Крыма Пушкина и Раевскихъ.

Отъѣздъ поэта изъ Гурзуфа опредѣляется довольно вѣроятно тѣмъ же Гераковымъ. Встрѣчу съ Раевскимъ старшимъ онъ указываетъ въ Симферополѣ 8-го сентября, а такъ какъ въ этомъ маленькомъ городкѣ онъ, живя долго и зная всѣхъ, со всѣми видѣлся ежедневно, часто посѣщая домъ, въ которомъ остановился Раевскій (домъ химика Де-Серра), а ранѣе о немъ не упоминаетъ, называя его и Ланжерона пріѣзжими, то, значитъ, онъ и пріѣхалъ въ этотъ самый день[1]). Изъ Гурзуфа старшій Раевскій и Пушкинъ выѣхали одни, безъ дамъ; проѣхавъ по тропамъ западной части берега верхомъ, они черезъ горы проѣхали въ мѣстности, называемой Мердвень (Лѣстница), затѣмъ посѣтили Георгіевскій монастырь и осмотрѣли Бахчисарай; этотъ путь указанъ самимъ Пушкинымъ. Повидимому, они не заѣзжали въ Севастополь, хотя это и не удлиняло ихъ пути, а проѣхали прямо изъ монастыря въ Бахчисарай; можетъ быть Раевскій не захотѣлъ утомляться непзбѣжными посѣщеніями морскихъ властей; какъ бы то ни было, у Пушкина ни о флотѣ, ни о Севастополѣ нѣтъ и намека. Путь отъ Гурзуфа до Георгіевскаго монастыря, а тѣмъ болѣе до Севастополя, — около восьмидесяти верстъ; верхомъ его едва ли можно было сдѣлать на дрянныхъ татарскихъ лошадяхъ; затѣмъ остается еще шестьдесятъ верстъ до Симферополя, что, съ осмотромъ Бахчисарая, также заняло не менѣе дня; можно, слѣдовательно, полагать, что изъ Гурзуфа путешественники выѣхали 4-го или не позже утра 5-го, если были въ Симферополѣ 8-го сентября. Пушкинъ писалъ, что пробылъ на Южномъ берегу три недѣли; отъ 18-го августа до 5-го сентября будетъ восемнадцать дней, т. е., весьма близко къ его показанію и даже совершенно точно, если къ Южному берегу онъ присчиталъ и время проѣзда въ горахъ, до Симфе-

1) Г. Гераковъ, Путевыя Записки, I, 156, 158.

рополя. Остальная семья Раевскихъ пріѣхала изъ Гурзуфа инымъ путемъ; причины этого понятны и объясняются состояніемъ путей Южнаго берега Крыма: между Симферополемъ и Гурзуфомъ и тогда возможно было проѣхать въ экипажѣ, хотя и очень дурной дорогой, по старинному, исконному пути, русломъ рѣчки Алмы и переваломъ на Алушту, Кебитъ-богазомъ, между Чатырдагомъ и Бабуганъ-яйлою; или даже долиной Салгира и переваломъ на Таушанъ-базаръ, гдѣ возможная экипажная дорога была уже продѣлана войсками въ самомъ началѣ XIX вѣка[1]). Западнѣе же Гурзуфа, въ сторону Севастополя, проѣздя по берегу былъ возможенъ только верхомъ, да и то очень утомительный и не безопасный: тамъ, случалось, теряли лошадей и вьюки[2]). Императоръ Николай I, вспоминая въ 1837 году Южный берегъ, какимъ онъ его видѣлъ въ первый разъ въ 1816 году, говорилъ, что «тогда не иначе можно было ѣздить, какъ только верхомъ, на привычныхъ лошадяхъ и не рѣдко съ опасностью, черезъ горы»[3]). Понятно, что женщины съ дѣвочками и обиліемъ прислуги и вещей не рѣшились предпринять такой путь, на верховыхъ лошадяхъ съ татарскими сѣдлами, и возвратились въ Симферополь старой дорогой. Всего вѣроятнѣе, что онѣ всѣ проѣхали изъ Гурзуфа гостить въ имѣніе своего родственника А. М. Бороздина, находившееся верстахъ въ пятнадцати отъ Симферополя, откуда они и наѣзжали въ этотъ городъ, гдѣ тотъ же Гераковъ впервые видѣлъ одну Е. Н. Раевскую 17-го сентября[4]). Совершенно невозможно думать по времени, что они успѣли проѣхать въ Бахчисарай черезъ Симферополь, на встрѣчу Раевскому съ Пушкинымъ. Изъ письма послѣдняго ясно, что въ Бахчисараѣ онъ былъ только съ однимъ Раевскимъ.

---

1) P. Pallas, Reise in die südl. St., II, 182.

2) С. Броневскій, Опис. Южнаго берега Крыма, 77. Суворовъ въ этихъ мѣстахъ «въ горахъ упалъ, больно расшибъ грудь, колѣно и чуть не вышибъ зубы» («Русск. Арх.» 1866, № 7, 967).

3) С. Юрьевичъ, Дорожныя письма — «Русск. Архивъ» 1887 г., № 6, 185.

4) Г. Гераковъ, Путевыя Записки, II, 12.

Годами двумя позже онъ писалъ въ строфахъ «Бахчисарайскаго Фонтана»:

И по дворцу летучей тѣнью
Мелькала дѣва предо мной!

но это была мечта поэта, какъ то имъ же и поясняется далѣе, а не дѣйствительность: женская часть семьи Раевскаго посѣтила Бахчисарай позже, когда не только Пушкина, но и Раевскаго старшаго не было въ Крыму.

Когда именно выѣхалъ Пушкинъ изъ Симферополя, — остается неопредѣленнымъ. Со словъ княгини М. Н. Волконской полагаютъ, что онъ провожалъ ихъ семейство до Каменки, но Екатерина Николаевна Орлова думала, что Пушкинъ съ ними доѣхалъ только до Симферополя или Перекопа[1]). Память безъ сомнѣнія измѣнила имъ обѣимъ, а это и здѣсь показываетъ, съ какою осторожностью можно полагаться на воспоминанія о давно прошломъ и, можетъ быть, опредѣляетъ малость значенія Пушкина для нихъ въ ту пору. Далѣе будетъ показано, какъ долго еще пробыли Раевскіе въ Крыму, а о Пушкинѣ Таврическій губернаторъ Барановъ писалъ, что онъ былъ у него съ Раевскимъ старшимъ, и что онъ его отправилъ, больного лихорадкой, въ Бессарабію[2]), а это безъ сомнѣнія указываетъ, что Пушкинъ уѣхалъ одинъ, безъ кого-либо изъ Раевскихъ. Въ Кишиневѣ онъ былъ уже 21-го сентября[3]); туда отъ Симферополя 617 верстъ, и доѣхать Пушкинъ могъ дней въ пять-шесть, безъ торопливости, — слѣдовательно, воз-

---

1) П. Бартеневъ, Пушкинъ въ Южной Россіи, 1121; Лобода, Пушкинъ и Раевскіе, Соч. Пушкина, ред. Венгерова, II, 108; Н. Лернеръ, Труды и дни, 59 — 60.

2) Н. Лернеръ, Труды и дни, 60.

3) Н. Лернеръ, Труды и дни, 59—60; И. П. Липранди, Изъ дневн.—«Русск. Арх.» 1866, 1263; А. Яцимирскій, Пушкинъ въ Бессарабіи, Соч. Пушкина, ред. Венг., II, 162. Не только нельзя допустить, что семейство встрѣчало Раевскаго въ Бахчисараѣ, но и того, что Пушкинъ больной оставался тамъ до 20-го сентября, или что онъ путешествовалъ въ Крыму болѣе двухъ мѣсяцевъ: онъ пробылъ тамъ не болѣе трехъ недѣль (В. Брюсовъ, Пушкинъ въ Крыму, Соч. Пушкина, ред. Венг., II, 99, 100—101).

можно было бы его видѣть въ Симферополѣ до 15-го сентября. Но это не кажется вѣроятнымъ: если бы онъ пробылъ такъ долго въ этомъ городѣ, съ 8-го по 15-е, то навѣрно помянулъ бы его чѣмъ-либо, а на это нѣтъ у него и намека ни въ стихахъ, ни въ прозѣ. Всего вѣроятнѣе думать, что Пушкинъ уѣхалъ изъ Симферополя немедленно по пріѣздѣ туда съ Южнаго берега, т. е. около 8-9-го сентября, и что у Баранова онъ былъ съ Раевскимъ именно для полученія подорожной. Будучи больнымъ, онъ не спѣшилъ въ дорогѣ, вездѣ отдыхая, особенно въ Одессѣ, гдѣ его, конечно, захватила жизнь большого, веселаго города. Во всякомъ случаѣ нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что Пушкинъ простился съ женской половиной семьи Раевскихъ еще въ Гурзуфѣ и больше въ Крыму съ ними не видѣлся. Послѣ него, какъ бы на его мѣсто, туда пріѣхалъ А. Н. Раевскій [1]).

Раевскій старшій также уѣхалъ вскорѣ послѣ Пушкина. Къ нему былъ посланъ изъ Кіева, еще 12-го августа, жандармъ Черниковъ, съ самонужнѣйшими бумагами [2]). Отъ Кіева до Симферополя 789 верстъ, и жандармъ могъ пріѣхать дня въ четыре, значитъ въ Кіевѣ хорошо знали, когда именно будетъ Раевскій въ Крыму. Обратно же этому жандарму выдали подорожную только 15-го сентября. Конечно, не ради самонужнѣйшихъ бумагъ продержалъ Раевскій жандарма у себя цѣлый мѣсяцъ, и если послѣдній уѣхалъ позже 15-го сентября (день выдачи подорожной не значитъ и день отъѣзда), то это съ очевидностью показываетъ, что около того же времени уѣзжалъ и Раевскій старшій, которому жандармъ служилъ курьеромъ. Гераковъ видѣлъ Раевскаго старшаго послѣдній разъ въ Симферополѣ

---

1) М. Гершензонъ, Семья декабристовъ — «Былое» 1906, № 10, 303. М. О. Орловъ отвѣчаетъ на письмо Алекс. Ник. Раевскаго, полученное изъ Крыма. Всѣ эти вопросы о времени проѣзда всѣхъ могли бы точно рѣшаться книгами почтовыхъ станцій; къ сожалѣнію, онѣ уничтожены, какъ сообщилъ намъ А. И. Маркевичъ.

2) «Извѣстія Таврической Ученой Архивной Коммиссіи», т. 47, протоколы, стр. 26.

17-го сентября[1]), а 19-го онъ же видѣлъ всю семью Раевскихъ, но безъ генерала, въ Бахчисараѣ: значитъ, старшій Раевскій уѣхалъ между 17-мъ и 19-мъ.

Оставшіяся въ Крыму Раевскія занялись посѣщеніемъ Бахчисарая и Севастополя. Въ Бахчисараѣ ихъ видѣлъ 19-го и 20-го тотъ же Гераковъ, — только Раевскую со всѣми дочерьми; генерала же съ ними, конечно, не было, а то Гераковъ не премину̀лъ бы сказать именно о немъ, какъ и вездѣ это дѣлалъ, соблюдая чинопочитаніе. И. М. Муравьевъ-Апостолъ тогда же засталъ Раевскихъ въ имѣніи Бороздина, гдѣ пробылъ четыре дня,— конечно, тоже безъ самого генерала и безъ Пушкина[2]).

Эти выводы, сдѣланные въ бо́льшей части по извѣстнымъ до

---

1) Гераковъ, Путевыя Записки, II, 12.

2) Гераковъ, Путевыя Записки, II, 24, 29; И. М. Муравьевъ-Апостолъ, Путешествіе по Таврид̀ѣ въ 1820 г., 47, 48. Число имъ не обозначено точно, но таково по вѣроятному подсчету его пути: изъ Одессы Муравьевъ выѣхалъ 11-го сентября (стр. 1); въ дер. Сабли́ проѣхалъ, не заѣзжая въ Симферополь; оттуда прямо въ Севастополь, гдѣ оставался нѣсколько дней, и былъ тамъ еще въ самомъ концѣ сентября (стр. 93). Эта деревня А. М. Бороздина, бывшаго Таврическаго губернатора (въ 1807—1816 гг.), называлась Саблы́, а не Са́бля; она существуетъ и до сихъ поръ, но въ иномъ владѣніи. Названіе деревни — татарское, значитъ — рукоять или вообще вещь съ ручкой (отсюда и оружіе — са́бля), а также развѣтвленіе дороги,— соотвѣтственно чему, вѣроятно, и названа.

Очень любопытное и подробное описаніе и деревни Саблы́, и ея хозяина А. М. Бороздина, и тамошнихъ деревенскихъ порядковъ дано въ статьѣ французскаго журнала 1830 г. «Le Mercure de France au XIX siècle» — «Voyage inédit en Russie. Le général Borosdin», p. 436—437. Авторъ не названъ, но сказано, что это дипломатъ, проведшій нѣсколько лѣтъ на востокѣ и приготовляющій изданіе новыхъ путешествій въ Россію и Грузію. Судя по этому и по указываемымъ въ статьѣ знакомствамъ съ эмигрантами, поселившимися на югѣ Россіи, съ кружкомъ декабристовъ, съ Ермоловымъ и Грибоѣдовымъ,— его другомъ, можно полагать, что этимъ авторомъ былъ Гамба, французскій консулъ въ Тифлисѣ, не задолго до того издавшій «Voyage dans la Russie méridionale», Paris. 1826. Онъ посѣтилъ Саблы́ въ лѣто или осень 1824 года и въ числѣ посѣтителей видѣлъ тамъ «Михаила Орлова съ женой и свояченицей, дѣвицей Раевской, вскорѣ вышедшей замужъ за несчастнаго князя Сергѣя Волконскаго». Кажется, посѣщеніе Маріей Николаевной Крыма въ этомъ году, а можетъ быть даже Южнаго берега, не указывалось.

сихъ поръ матеріаламъ, подтверждаются и новыми находками. Поиски А. И. Маркевича, о которыхъ говорено выше, дали совершенно опредѣленныя указанія. Не отыскалось время выдачи Барановымъ подорожной Пушкину, но нашлась подорожная, выданная адмираломъ Грейгомъ, 2-го октября 1820 года, на проѣздъ изъ Севастополя въ Симферополь «г. генерала-отъ-кавалеріи Раевскаго супругѣ, съ будущимъ, изъ почтовыхъ по 12 лошадей». А на этой подорожной оказалась еще болѣе любопытная помѣта: «Записка въ Казначейство о выдачѣ подорожной до Кіева на 8 лошадей, № 3567, 5-го октября 1820 г.». Отсюда слѣдуетъ, что Раевскія изъ Бахчисарая или изъ Сабловъ проѣхали до Севастополя и возвратились въ Симферополь. Изъ Крыма же онѣ уѣхали много позже Пушкина,—не ранѣе 5-го октября, въ двухъ экипажахъ, а по почтовымъ правиламъ въ нихъ могло быть не болѣе восьми-десяти ѣдущихъ (осенью): вѣроятно, сама Раевская съ четырьмя дочерьми, англичанка, компаньонка, няня, прислуга и, можетъ быть, кто либо-изъ сыновей. Выдача подорожной Раевской ясно показываетъ, что генерала Раевскаго уже не было въ Крыму. Тотъ же вездѣсущій Гераковъ подтверждаетъ и это: въ Кіевъ онъ пріѣхалъ 15-го октября, у Раевскихъ бывалъ весьма часто, но только 22-го октября называетъ онъ С. А. Раевскую пріѣзжей; и дѣйствительно, отъ Симферополя онѣ должны были ѣхать не менѣе десяти дней, да можетъ быть еще и отдыхали или заѣзжали куда-нибудь.

Выше замѣчено, что у Пушкина не встрѣчается какого-либо указанія на Симферополь, а это противорѣчитъ обычному, весьма распространенному пониманію его словъ о Салгирѣ — рѣчкѣ, протекающей въ этомъ городѣ; но упоминаемые Пушкинымъ «брега веселые Салгира» относятъ къ Симферополю лишь по недоразумѣнію. Дѣло тутъ въ томъ, что у крымскихъ татаръ, да кажется и вообще въ тюркскихъ языкахъ, слово «салгиръ» идетъ въ значеніи не собственнаго имени, а нарицательнаго, въ смыслѣ вообще горной рѣчки или сухорѣчья; поэтому это слово

русскіе рабочіе, пришлые въ Крымъ, отчетливо понявшіе въ чемъ дѣло, примѣняютъ ко всякому оврагу, употребляютъ его даже во множественномъ числѣ, говоря, напр.: «всѣ салгиры пересохли» или: «свалили мусоръ въ салгиры» и т. под.; такимъ образомъ, «салгировъ» очень много въ горномъ Крыму, — они оказываются повсюду; въ томъ числѣ такъ называли и называютъ горный потокъ, протекающій черезъ Гурзуфъ, собственное имя котораго въ верховьяхъ—Аунда, а внизу—Сюнарпутанъ [1]). Разумѣется, что теперь, видя въ Гурзуфѣ берега этой рѣчки, обдѣланные въ каменные набережныя и застроенные церковью, многочисленными домами, большими гостинницами, украшенные фонтанами и цвѣтниками, странно слышать приложеніе къ нимъ Пушкинскаго эпитета, но ихъ слѣдуетъ вспомнить такими, какими они были въ то время и даже еще не такъ давно, — лѣтъ тридцать тому назадъ,— и тогда не будетъ сомнѣнія въ томъ, что именно здѣсь лежатъ воспѣтые поэтомъ берега рѣчки. При немъ здѣсь не было ни одной постройки, даже деревенскія татарскія хаты не спускались внизъ; а паркъ владѣльца Гурзуфа доходилъ только до рѣчки, прихотливо извивавшейся между кустовъ и деревьевъ, по зеленымъ лужайкамъ (по татарски—чапрамъ). Вотъ видъ Гурзуфа, сдѣланный очень хорошимъ рисовальщикомъ, съ того мѣста, гдѣ нѣсколько позже былъ построенъ домъ Ришелье [2]).

---

1) Аунда—слово, котораго значеніе изъ мѣстныхъ говоровъ не объясняется; съ подобнымъ окончаніемъ много названій разныхъ урочищъ на Южномъ берегу Крыма, также не вразумительныхъ. Сюнарпутанъ или Шюнарпутанъ — по мѣстному, греческому нарѣчію, значитъ снѣговой воды рѣчка, изъ новогреческаго — Χιονόνερον и ποτάμι.

2) Этотъ рисунокъ, значительно уменьшенный (почти въ три раза),— съ литографіи изъ очень рѣдкаго альбома: «Ch. Kügelgen, Vues pittoresques de la Crimée», St. Pétersb. 1827, pl. 7. Альбомъ былъ повторенъ въ Москвѣ, въ 1833 г., подъ заглавіемъ «Новое живописное путешествіе по Крыму», безъ имени автора; столь же рѣдокъ, какъ и первый. Рисунки для этихъ альбомовъ дѣланы Кюгельгеномъ въ 1805—6 году, о чемъ подробно сказано мною въ «Зап. Од. Общ. Ист. и Др.», т. XXVIII, 48.

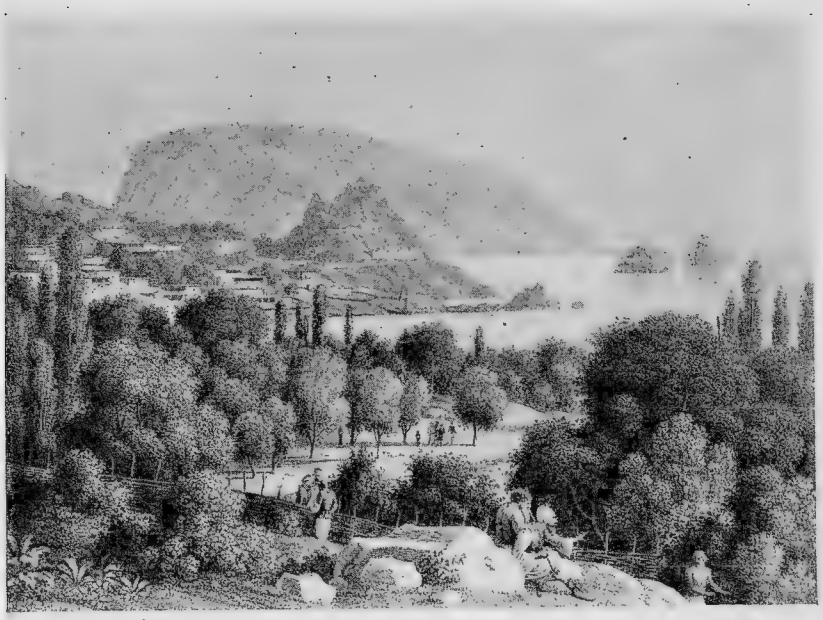


Рис. 2.

Впрочемъ, и самъ Пушкинъ рѣшаетъ этотъ вопросъ вполнѣ ясно и точно, и только недостаточное знакомство съ Крымомъ толкователей поэта было причиной указанія Салгира по географической картѣ. Мы видимъ, что, напримѣръ, все «Желаніе» поэта цѣликомъ проникнуто горами и моремъ, югомъ; онъ говоритъ о краѣ,

Гдѣ весело шумятъ и блещутъ воды
И мирные ласкаютъ берега,
Гдѣ на холмы, подъ лавровые своды,
Не смѣютъ лечь угрюмые снѣга.
. . . . . .
Въ тѣни оливъ уснувшія стада,
Вокругъ домовъ рѣшетки винограда,
. . . . . .
И моря шумъ, и говоръ водопада,
И средь валовъ бѣгущія суда...

Послѣ такого опредѣленнаго описанія онъ спрашиваетъ себя, съ сомнѣніемъ:

Приду ли вновь . . . . . .
. . . . . .
На берегахъ веселаго Салгира
Воспоминать души моей мечты?
. . . . . .
И тамъ, гдѣ миртъ шумитъ надъ тихой урной,
Увижу ль вновь, сквозь темные лѣса,
И своды скалъ, и моря блескъ лазурной,
И ясныя, какъ радость, небеса?

Еще нагляднѣе въ концѣ «Бахчисарайскаго Фонтана»: тамъ не только картина Южнаго берега, но прямо и точно мѣстность, — именно окрестъ Гурзуфа:

О, скоро васъ увижу вновь,
Брега веселые Салгира.
Приду на склонъ приморскихъ горъ,
Воспоминаній тайныхъ полный,
И вновь Таврическія волны
Обрадуютъ мой жадный взоръ.

И наконецъ, все завершая,

. . . . . зеленѣющая влага
Предъ нимъ и блещетъ и шумитъ
Вокругъ утесовъ Аю-дага. . . .

Хотя и безъ указанія Салгира, но очевидно для тѣхъ же мѣстъ и элегія «Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда», а въ ней:

. . . . . дремлетъ нѣжный миртъ и темный кипарисъ
И сладостно шумятъ Таврическія волны.

Можно и еще указать подобное же, но и такъ есть ли малѣйшее сомнѣніе? Вездѣ Салгиръ поэта поставленъ въ самую

тѣсную, неразрывную связь съ моремъ, виноградомъ, оливами, миртомъ, лавромъ и кипарисомъ. Всего этого въ Симферополѣ, на берегахъ Салгира нашихъ географій, никогда не бывало и быть не можетъ, по климатическимъ условіямъ[1]). Любимой надеждой поэта было «увидѣть опять полуденный берегъ, горы, сады, море»; да и потомъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, когда Пушкинъ вспоминалъ Крымъ, то «прелесть неизъяснимую» для него имѣли «полуденный берегъ и Бахчисарай», а не Симферополь, который онъ едва ли и примѣтилъ. Еще одна черта: всѣ эти «салгиры» Южнаго берега значительную часть года бываютъ безводны, особенно къ концу лѣта, когда былъ Пушкинъ, и мы видимъ, что онъ съ чутьемъ художественной правды восхищается берегами рѣчки, но молчитъ о ея водахъ, а тутъ ли не мѣсто было звучнымъ строфамъ?...

Возвращусь къ описанію пребыванія Раевскихъ въ Гурзуфѣ. Военный бригъ высадилъ тамъ генерала съ младшими дочерьми, сыномъ и Пушкинымъ, а на берегу ихъ встрѣтила С. А. Раевская со старшими дочерьми. Всѣ они помѣстились въ домѣ, не задолго до того построенномъ тогдашнимъ владѣльцемъ Гурзуфа, герцогомъ Ришелье. Невольно спрашивается, почему они выбрали это мѣсто, на основѣ какихъ отношеній? П. И. Бартеневъ пояснялъ это тѣмъ, что Ришелье предложилъ дачу на лѣтнее время генералу Раевскому, какъ своему товарищу по военной службѣ[2]). Объясненіе весьма простое, но не состоятельное. Конечно, Ришелье и Раевскій оба носили мундиръ русскихъ генераловъ, но товарищами они не были ни по воспитанію, ни по прохожденію службы; единственное время, когда они могли

---

1) Такое замѣчаніе было сдѣлано г. Ласковскимъ еще въ 1900 году («Изв. Тавр. Уч. Арх. Ком.», № 31, 95), но безъ объясненія, и Салгиръ указанъ не въ рѣчкѣ Гурзуфа, а по сосѣдству, къ востоку, въ одномъ изъ пустынныхъ и безводныхъ сухорѣчій, гдѣ любоваться нечѣмъ. Однако, указанія Пушкинскаго Салгира въ Симферополѣ продолжаются (В. Брюсовъ, Пушкинъ въ Крыму, Соч. Пушкина, ред. Венг., II, 99).

2) П. Бартеневъ, Пушкинъ въ Южн. Россіи — «Руск. Арх.» 1866, 1115.

бы встрѣчаться на военномъ поприщѣ, — Турецкая война 1806—1812 года,—ихъ не сблизило. Ришелье не ходилъ далѣе Измаила и тамъ скоро заболѣлъ, такъ что въ концѣ 1806 года уже возвратился въ Одессу, а Раевскій только съ 1810 года пріѣхалъ изъ Финляндіи и былъ все время на среднемъ Дунаѣ. Кажется, они и знакомы даже не были другъ съ другомъ, если судить по тому, что въ ихъ перепискахъ ихъ имена не встрѣчаются даже случайно. Во всякомъ случаѣ, во время поѣздки Раевскихъ въ Крымъ, въ 1820 году, списываться съ Ришелье, бывшимъ уже давно (съ осени 1814 года) внѣ Россіи, едва ли было удобно. Ришелье, противъ своей воли попавъ въ министры, часто думалъ о возвращеніи въ Россію, именно въ Гурзуфъ, а выйдя въ отставку въ самомъ концѣ 1818 г., готовился къ этому, имѣя разрѣшеніе Государя и всѣхъ увѣдомляя о томъ, и лишь по политическимъ причинамъ отлагая пріѣздъ на 1820 годъ. Съ весны этого года онъ попалъ вторично въ министры и увѣрялъ, что горюетъ о невозможности пріѣзда на югъ Россіи болѣе кого-либо [1]). Въ эту пору, когда онъ кипѣлъ въ государственныхъ дѣлахъ, при крайне тяжелой обстановкѣ, Раевскому не приходилось заводить съ нимъ переписку по такимъ пустякамъ. Впрочемъ, можно утверждать, что и сами Раевскіе, уже будучи на Кавказѣ, еще не знали, гдѣ они будутъ жить въ Крыму. Въ ту пору слово «Крымъ» было лишь общимъ мѣстомъ въ ихъ перепискѣ. Это внѣ сомнѣнія явствуетъ изъ письма Раевскаго младшаго къ матери съ Кавказа, отъ 6-го іюня 1820 г. Онъ надѣется, что мать со старшими сестрами остановятся въ Кучукъ-Ламбатѣ, и поучаетъ ихъ тому, что разныя другія мѣста въ Крыму, какъ то Судакъ, Кафа, Балаклава не годятся, имѣя совсѣмъ иныя климатическія условія. Кучукъ-Ламбатъ принадлежалъ тогда тому же ихъ родственнику А. М.

---

1) Герцогъ А. Э. Ришелье — «Сборн. Имп. Русск. Ист. Общ.», т. 54, 530, 531, 533, 537. Выйдя вторично въ отставку, онъ еще передъ самой смертью (10-го мая 1822) писалъ, что пріѣдетъ въ Крымъ (стр. 627).

Бороздину, о которомъ говорено выше, оставшемуся жить въ Крыму послѣ выхода въ отставку, почему на его имѣніе и ссылается Раевскій младшій, но не могу указать, откуда онъ самъ могъ почерпнуть столь правильныя свѣдѣнія о Крымскихъ мѣстахъ, неизвѣстныя матери и, судя по смыслу, отцу [1]). Можно съ увѣренностью сказать, что мысль о помощи Бороздина, какъ родственника, въ выборѣ мѣста въ самомъ Крыму, руководила ими всѣми и заранѣе этотъ выборъ не былъ и не могъ быть сдѣланъ. Возможно, что и вся поѣздка въ Крымъ вызвана была именно пребываніемъ тамъ Бороздина [2]).

Въ основу всего дальнѣйшаго надобно замѣтить, что нынѣ существующій домъ владѣльца въ Гурзуфѣ не только стоитъ на своемъ первоначальномъ мѣстѣ, но и сохранился въ своихъ главныхъ чертахъ,— въ обводахъ своего плана снаружи. Это съ полною несомнѣнностью утверждается какъ всяческими свидѣтельствами, такъ и непрерывною послѣдовательностью его рисунковъ. Въ немъ именно и прожилъ Пушкинъ съ Раевскими, но для выясненія той весьма простой причины, по которой они всѣ въ немъ поселились, надобно показать, чѣмъ было это владѣніе Ришелье, а при этомъ выяснятся и судьбы этого дома, и образъ жизни въ немъ Раевскихъ и Пушкина.

Въ первые годы занятія Крыма его Южный берегъ оставался совершенно неизвѣстнымъ и почти недоступнымъ. Даже Потемкинъ никогда тамъ не былъ и едва ли имѣлъ о немъ какое-либо понятіе, потому что, отводя себѣ земли въ малопригодной, но имъ прославленной Байдарской долинѣ или въ Судакѣ, охотно раздавая помѣстья иностранцамъ въ лучшихъ частяхъ пустыннаго Южнаго берега (напр., принцу де-Линю — Партенитъ, а принцу Нассау-Зигену — Марсанду), самъ ничѣмъ

---

1) «Архивъ Раевскихъ», т. I, 220.

2) Бороздинъ былъ женатъ на единоутробной сестрѣ Раевскаго старшаго— С. Л. Давыдовой.

тамъ не завладѣлъ[1]). Нѣсколько лѣтъ позже на этотъ берегъ уже кое-кто пробирался, идя по слѣдамъ греческихъ выходцевъ, поселенцевъ Балаклавы, державшихъ караулы по Южному берегу, въ видѣ пограничной стражи, и расхватавшихъ

---

1) П. Бартеневъ (Пушкинъ въ Южной Россіи — «Русск. Арх.» 1866, 1116) замѣчаетъ, что вблизи Гурзуфа находится имѣніе Артекъ, «опустѣлая и нѣкогда великолѣпная дача Потемкина», и что это наводило Пушкина на разговоры о Потемкинѣ съ Раевскимъ (родственникомъ Потемкина), а отсюда получилось и знакомство Пушкина съ новою Русскою исторіей. Уже и Скальковскій ошибочно думалъ, что Гурзуфъ и Алупка принадлежали нѣкогда Потемкину-Таврическому (Опытъ статистическаго описанія Новороссійскаго края, Одесса. 1853, II, 112, 128), но безъ малѣйшаго основанія, а сложное построеніе Бартенева основано просто на обмолвкѣ, происшедшей отъ сходства фамилій. Во время Пушкина Артекъ (по татарски — перепелка) былъ татарскимъ пустыремъ и ничѣмъ болѣе. Въ 1824 году эту землю и сосѣдніе участки скупилъ графъ Олизаръ (около 200 десят.), заплативъ за первый участокъ, около полудесятины, всего два рубля (Pamiętniki, 173 — 4). Всю землю онъ назвалъ Кардіятриконъ (сердечное лѣкарство), во избавленіе отъ своей неудачной любви къ М. Н. Раевской, и сталъ тамъ строиться; названіе подѣйствовало и года черезъ полтора онъ забылъ и любовь, и имѣніе, уѣхавъ изъ Крыма. Въ 1834 году Артекъ былъ проданъ Татьянѣ Борисовнѣ Потемкиной («Гостилицкая», рожд. княжна Голицына, называемая въ шутку Имп. Николаемъ I — митрополитомъ: Письма князя А. Н. Голицына — «Русск. Арх.» 1905 г., № 11, 414). Ею были сдѣланы разныя культурныя улучшенія и небольшія простенькія постройки, межъ ними и маленькая домовая церковь. Въ 1837 году она принимала въ Артекѣ всю Императорскую фамилію, но до какого-либо великолѣпія дѣло тамъ никогда не доходило. Теперь это имѣніе принадлежитъ г. Первушину.

Обмолвка Бартенева, конечно, случайна, но поближе къ намъ то же утвержденіе становится не только несомнѣнностью, но и получаетъ распространительное толкованіе. Теперь прямо утверждаютъ, что Гурзуфъ первоначально принадлежалъ Потемкину («Россія», т. XIV, 763). Другой авторъ, тоже изъ новыхъ, говоритъ: «При занятіи Крыма русскими, бо́льшая часть Гурзуфскихъ владѣній, въ числѣ другихъ лучшихъ мѣстъ Крыма, оказалась принадлежащей свѣтлѣйшему князю Потемкину. Послѣ Потемкина имѣніе переходитъ отъ одного вельможи къ другому и, наконецъ, попадаетъ, въ руки къ богатому мужичку Губонину..... Вельможи владѣли и наслаждались въ немъ сами....» (Чеглокъ, Красавица Таврида, Москва. 1910, 247). Какъ владѣли вельможи, начавшіе покупать эти забытыя и заброшенныя земли, показано дальше, а какъ владѣлъ Губонинъ и его преемники, хорошо говорится на слѣдующей страницѣ того-же сочиненія. Еще новѣе не только Гурзуфъ, но и всѣ окрестности Аю-дага утверждаются во владѣніи Потемкина: онъ не только владѣлъ всѣмъ, но была тутъ его любимая дача, на которой онъ часто жилъ (Орловская, Крымъ, Москва. 1911, стр. 200). Такъ пишется исторія...

его почти весь, какъ безъ призора и втупе лежащій. Его большіе куски они подносили въ подарокъ своимъ командирамъ; изъ нихъ, напр., Ревельоти владѣлъ Форосомъ, Мухалаткой, Кикинеизомъ, Симеизомъ, частью Алупки, Оріандой и Ливадіей. Изъ примѣтныхъ лицъ едва ли не первый былъ губернаторъ А. М. Бороздинъ, осѣвшій поближе къ Симферополю, въ восточной сторонѣ Южнаго берега, въ Кучукъ-Ламбатѣ. Надо думать, что именно онъ указалъ эти мѣста Ришелье, которому подчинили Крымъ съ 15-го марта 1805 года, и который, понимая значеніе моря, горъ и тепла, увлекся этимъ берегомъ и пріобрѣлъ въ Гурзуфѣ, въ 1808 году, довольно обширный садъ со старой хатой и нѣсколькими участками земли, продававшійся съ публичнаго торга, послѣ смерти какого то бездѣтнаго Татарина, за 4.000 рублей ассигнаціями, тогда равнявшимся 8.000 франковъ[1]). Вскорѣ послѣ того, объѣзжая край, онъ проѣхалъ въ сентябрѣ того же года весь Южный берегъ съ большою свитой, въ которой былъ и губернаторъ, А. М. Бороздинъ. У послѣдняго въ Кучукъ-Ламбатѣ они останавливались въ палаткахъ, за неимѣ-

1) C. de Rochechouart, Souvenirs, 103, 109, 114. Кастельно, тоже близкій человѣкъ къ Ришелье, пишетъ, что за землю было заплачено 6.000 фр. (Essai sur l'histoire de la Nouvelle Russie, 1820, t. III, 226). Участокъ земли былъ довольно большой, если судить по словамъ маршала Мармона, конечно, знавшаго все отъ Воронцова, только что тогда продавшаго это имѣніе; въ немъ было 140 десятинъ и ихъ купилъ Ришелье будто бы за 3.000 фр., — около 3.000 рублей. Тамъ было израсходовано на постройки и садовыя работы 20.000 руб. (Voyage de duc de Raguse, Paris. 1837, I, 369). Въ то же время и Дюбуа повторяетъ, что имѣніе было куплено за 3.000 фр. (Dubois-de-Montpéreux, Voyage autour du Caucase, 1843, VI, 36). Разумѣется, показаніе Рошешуара наиболѣе достовѣрно; впрочемъ, путаница показаній всего вѣроятнѣе происходитъ отъ колебанія курса ассигнаціоннаго рубля; въ 1812 году этотъ рубль равенъ франку (Сборн. Русск. Истор. Общ., т. 54; Зап. Сикара, 359). Имѣніе послѣ смерти Ришелье (въ 1822 г.) перешло, по завѣщанію, къ его адъютанту, И. А. Стемпковскому, который говорилъ, что эта земля приносила Герцогу менѣе тысячи франковъ (рублей) въ годъ дохода. Въ началѣ 1823 г. онъ продалъ имѣніе графу М. С. Воронцову (Rochechouart, op. c., 506), потому что содержаніе его находилъ себѣ не по средствамъ; продажная цѣна была, кажется, 25.000 рублей. Воронцовъ продалъ домъ съ садомъ и только съ сорока десятинами, въ 1834 или 1835 году, И. И. Фундуклею, за 100.000 рублей (Voyage du duc de Raguse, I, 370). Это недурной образчикъ возрастанія цѣнности земельныхъ угодій на Южномъ берегу Крыма.

ніемъ иного помѣщенія; оттуда Ришилье, проѣхавъ въ Гурзуфъ, торжественно заложилъ тамъ свой будущій домъ [1]). По словамъ его адъютанта и свойственника графа Рошешуара [2]), планъ дома былъ составленъ искуснымъ архитекторомъ въ Одессѣ, въ греческомъ стилѣ [3]). Постройка шла очень медленно, да и трудно было ее ускорить въ пустынномъ краѣ, тѣмъ болѣе, что и личныя средства Ришелье были очень малы. Бороздинъ также нѣсколько лѣтъ строилъ свой домъ въ Кучукъ-Ламбатѣ и, вѣроятно, не по недостатку средствъ. Слѣдить за постройкой въ Гурзуфѣ въ 1809 году пріѣзжалъ Рошешуаръ, а въ 1810 былъ самъ Ришелье и прожилъ тамъ осенью довольно долго. Въ слѣдующемъ году домъ считался совершенно оконченнымъ, какъ утверждаетъ Рошешуаръ, такъ что осенью 1811 года въ немъ справляли новоселье, при совершенно особыхъ обстоятельствахъ [4]).

Въ 1811 году врачи послали Марію Антоновну Нарышкину на лѣто въ Одессу, для пользованія морскими купаньями ея маленькой дочери Софьи. Ни для кого не были тайной ея отношенія къ Александру I,—и потому за ней всячески ухаживали въ Одессѣ всѣ, начиная съ самого Ришелье, тѣмъ болѣе, что это была очень молодая и красивая женщина. Она пріѣхала въ маѣ съ большою свитой, а въ началѣ сентября, для завершенія лѣченія дочери и еще больше для увеселенія ихъ обѣихъ, ей устроили поѣздку въ Крымъ, очень заботившую и безпокоившую Александра I, по причинѣ неизбѣжности верховой ѣзды въ горахъ. Ришелье уѣхалъ изъ Одессы впередъ, желая самъ вездѣ и все заготовить. По его побужденію, конечно, Севастополь и Балаклава встрѣчали посѣтительницу почти съ царскими почестями, устраивая празднества

---

1) C. de Rochechouart, op. c., 90, 103, 109.

2) Ришелье былъ женатъ на его двоюродной сестрѣ, хотя и весьма неудачно; оставилъ ему почти все свое, очень не большое состояніе, пріобрѣтенное въ послѣдніе годы во Франціи; все бывшее въ Россіи, еще меньшее, оставлено было Стемпковскому.

3) C. de Rochechouart, op. c., 115.

4) C. de Rochechouart, op. c., 127, 142, 149. Герцогъ Ришелье, — Сборн. Имп. Русск. Истор. Общества, т. 54, стр. 319, 323, 325.

и торжества, морскія и сухопутныя. Вдоль Южнаго берега, отъ Балаклавы, имъ пришлось ѣхать верхомъ, для чего были выставлены восемьдесятъ верховыхъ и пятьдесятъ вьючныхъ лошадей. Всѣ остановились въ Гурзуфѣ у гостепріимнаго хозяина, гдѣ и пробыли пять дней [1]). Конечно, новый домъ и малой ихъ части не могъ вмѣстить, и надо думать, что большинство сопутствующихъ помѣстились въ деревнѣ или въ палаткахъ, но все же это пока показываетъ, что домъ дѣйствительно былъ въ достаточной степени готовъ для пріема. Это если не первый, то во всякомъ случаѣ послѣдній разъ, что Ришелье былъ у себя на дачѣ; позже даже говорили, что онъ ею никогда не пользовался. Послѣ этой увеселительной поѣздки насталъ тяжкій 1812 годъ и усиленныя работы по администраціи края и спасенію его отъ чумы, обнаружившейся въ Одессѣ и въ Крыму; затѣмъ послѣдовали неурожай и жестокая зима. Усиленныя заботы по принятію мѣръ отъ всѣхъ этихъ бѣдъ не дали Ришелье какой-либо возможности посѣтить свой домъ, а потомъ наступилъ и его отъѣздъ за границу, осенью 1814 года. Человѣкъ онъ былъ щедрый, очень добрый, любезный и гостепріимный, а такъ какъ его Гурзуфскій домъ оказывался на всемъ Южномъ берегу единственнымъ въ европейскомъ смыслѣ, то довольно естественно было, что, не живя тамъ самъ, онъ его предоставилъ какъ бы для общаго пользованія: въ немъ останавливались всѣ проѣзжіе, тогда очень рѣдкіе, такъ что домъ сталъ чѣмъ то въ родѣ заѣзжаго. Нѣкоторыхъ посѣтителей назову дальше, а здѣсь замѣчу, что этотъ обычай неизбѣжнаго гостепріимства, усвоенный надолго потомъ и Воронцовымъ [2]), да и вообще крупными владѣльцами, сдѣлалъ то, что по всему Южному берегу все и вездѣ, въ то время и долго послѣ, было для всѣхъ открыто и свободно посѣщаемо, не исключая и Императорскихъ имѣній. Имъ же вполнѣ объясняется, по-

1) C. de Rochechouart, Souvenirs, 147, 149.

2) Корфъ, Пребываніе въ Крыму — «Сынъ Отеч.» 1834, № 4,254: «Юрзуфъ... здѣсь всякій путешественникъ найдетъ все нужное для отдохновенія и удобства жизни, — и все это безденежно».

чему Раевскіе остановились въ этомъ домѣ владѣльца, для чего не было нужды въ какомъ-либо особомъ разрѣшеніи хозяина, данномъ разъ на всегда и для всѣхъ, по крайней мѣрѣ, — лицъ высшаго круга общества. Этотъ домъ и возможность въ немъ поселиться былъ указанъ Раевскому, конечно, Бороздинымъ, у котораго хотя тоже и давно уже начали строить домъ неподалеку, въ Кучукъ-Ламбатѣ, но никакъ не могли его кончить [1]).

О томъ, каковъ былъ домъ Ришелье въ Гурзуфѣ, мы можемъ судить вполнѣ удовлетворительно по нѣсколькимъ старинным описаніямъ и рисункамъ. Прежде всѣхъ адъютантъ Ришелье къ описанію закладки дома прибавилъ, что онъ удивлялъ Татаръ, показался имъ великолѣпнымъ дворцомъ, подобнымъ дворцамъ ихъ бывшихъ хановъ; конечно, это восхваленіе довольно сомнительнаго достоинства [2]). Что-либо опредѣленно говорящею, первою по времени, является коротенькая замѣтка Броневскаго, брата посѣщеннаго Пушкинымъ въ Ѳеодосіи Владиміра Богдановича,— морскаго офицера, ѣздившаго въ 1815 годъ [3]). Онъ говоритъ: «Остановились мы у большого о двухъ этажахъ дома съ бельведеромъ, принадлежащаго Дюку де Ришелье. Хотя домъ не совсѣмъ еще отстроенъ, но вблизи низкихъ хижинъ кажется огромнымъ и великолѣпнымъ замкомъ. Главнымъ фасадомъ обращенъ онъ къ горамъ; съ другой стороны видно море. Мнѣ показалось сначала, что лучше бы главный фасадъ обратить къ морю; но, взошедши на балконъ и взглянувъ на окрестности, я согласился, что хозяинъ правъ». Знающимъ домъ въ Гурзуфѣ въ настоящее время это описаніе можетъ показаться не совсѣмъ вразумительнымъ, но дальнѣйшее выяснитъ, въ чемъ тутъ разница. Удивительно и въ этой замѣткѣ повтореніе того же сомнительнаго

---

1) Броневскій (Обозрѣніе Южнаго берега Тавриды, Тула. 1822, стр. 87) въ Кучукъ-Ламбатѣ видѣлъ домъ строющимся въ 1815, но Муравьевъ-Апостолъ (Путешествіе по Тавридѣ, стр. 142) еще и въ 1820 г. называетъ его неустроеннымъ.

2) C. de Rochechouart, Souvenirs, 114.

3) Броневскій, Обозрѣніе Южнаго берега, стр. 82.

пріема похвалы, что и Рошешуара — сравненіе дома съ татарскими хатами.

Въ слѣдующемъ, 1816 году проѣзжалъ по Южному берегу Великій Князь Николай Павловичъ и, разумѣется, останавливался въ этомъ же домѣ, за неимѣніемъ чего-либо иного. Черезъ двадцать слишкомъ лѣтъ, въ 1837 году, Императоръ Николай I вспоминалъ, чѣмъ были эти мѣста при его первомъ посѣщеніи: «Тогда на Южномъ берегу былъ всего одинъ домъ, и тотъ въ развалинахъ, недостроенный, принадлежавшій дюку Ришелье, и одна избушка генерала Бороздина»[1]). Государю не было надобности умалчивать о чемъ-либо или прикрашивать истину.

Четырьмя годами позже тамъ жили Раевскіе, а черезъ мѣсяцъ послѣ нихъ былъ Муравьевъ-Апостолъ, давшій длинное, очень точное и тоже не восторженное описаніе: «Увидѣли передъ собой замокъ въ какомъ то необыкновенномъ вкусѣ: это домъ Дюка Ришелье, которому и деревня принадлежитъ. Товарищи поѣхали далѣе, а мы здѣсь остались почевать».

«Замокъ этотъ доказываетъ, что хозяину не слѣдуетъ строить заочно, а можетъ быть и то, что самый отмѣнно хорошій человѣкъ можетъ имѣть отмѣнно дурной вкусъ въ архитектурѣ. Огромное зданіе состоитъ изъ крылецъ, переходовъ съ навѣсомъ вокругъ дома, а внутри изъ одной галлереи, занимающей все строеніе, исключая четырехъ небольшихъ комнатъ, по двѣ на каждомъ концѣ, въ которыхъ столько оконъ и дверей, что нѣтъ мѣста, гдѣ кровать поставить. Въ этомъ состоитъ все помѣщеніе, кромѣ большого кабинета надъ галлереею, подъ чердакомъ, въ который надобно съ трудомъ пролѣзть по узкой лѣстницѣ. Водившій меня дворникъ Татаринъ, не довольствуясь показаннымъ мнѣ, потащилъ меня еще и на чердакъ, на бельведеръ, для того

---

1) С. Юрьевичъ, Дорожныя письма — «Русск. Арх.» 1887, № 6, 185; Путешествіе В. К. Николая Павловича въ 1816—17 годахъ — «Русск. Арх.», № 6, 189; онъ былъ въ Гурзуфѣ около 1-го іюля.

только, чтобы не забыть ни одного уголка въ домѣ страстно имъ любимаго господина»[1]).

Есть и еще показаніе, хотя данное позже Раевскихъ, но годное и для ихъ времени, такъ какъ гурзуфскій домъ былъ все еще тѣмъ же. Англичанинъ Джонсъ (G. M. Jones), капитанъ королевскаго флота, посѣтивъ Гурзуфъ въ апрѣлѣ 1823 года, т. е., когда онъ только что былъ купленъ Воронцовымъ, ранѣе какихъ-либо передѣлокъ, описываетъ его такъ, какъ будто бы хозяинъ все еще Ришелье: «Онъ построилъ домъ, желая тамъ жить постоянно, и съ истиннымъ великодушіемъ приказалъ держать его открытымъ для помѣщенія всѣхъ путешественниковъ; и мы предполагали провести тамъ ночь, но нашли домъ столь сырымъ и лишеннымъ удобствъ, что предпочли помѣститься въ смиренной, но теплой татарской хатѣ, гдѣ были ласково приняты»[2]). Понятно, что Воронцову пришлось, вслѣдъ за тѣмъ, перестраивать такой домъ.

Наконецъ, есть свидѣтельство,— правда писанное еще позже и большимъ выдумщикомъ, Дюбуа, — но онъ разсказываетъ о прошломъ и, можно думать, о слышанномъ отъ очевидцевъ временъ Ришелье; вотъ его слова: «Домъ, построенный герцогомъ, былъ настоящій воздушный дворецъ, ибо весь состоялъ изъ лѣстницъ и галлерей, кромѣ двухъ или трехъ маленькихъ комнатъ, выдѣленныхъ въ серединѣ зданія. Видно, что владѣлецъ искалъ только воздуха и видовъ[3]).

Всѣ эти описанія даютъ надлежащее понятіе о качествахъ дома, весьма не высокихъ во всѣхъ отношеніяхъ; самъ же домъ изъ нихъ представляется не достаточно наглядно, но для поясненія разсказовъ имѣются нѣсколько рисунковъ тѣхъ временъ, вполнѣ вразумительныхъ.

---

1) Муравьевъ-Апостолъ, Путешествіе по Тавридѣ, С.-Пб. 1823, 153—154.
2) G. M. Jones, Travels in Russia etc., London. 1827, II, 236, 279.
3) Dubois-de-Montpéreux, Voyage autour du Caucase etc., VI, 36.

Одесская Городская Библіотека, наполняемая разными рѣдкостями ея попечителемъ и великимъ жертвователемъ, графомъ М. М. Толстымъ, получила отъ него въ даръ картину, заглазно купленную на аукціонѣ въ Бордо, какъ изображающую домъ Ришелье въ Одессѣ. По полученіи картины оказалось, что на ней дѣйствительно представленъ домъ Ришелье,—но не Одесскій, а Гурзуфскій, съ его столь извѣстнымъ видомъ на деревню и Аю-дагъ. Картина писана масляными красками, довольно старательно, посредственнымъ мастеромъ; на ея оборотѣ имѣется, на листкѣ приклеенной бумаги, надпись, чернилами, по-французски: «Домъ г. герцога Ришелье въ Одессѣ. Картина, присланная герцогомъ г-жѣ де Рошешуаръ. Картина найдена въ замкѣ де Вэръ, у г. барона де Бони, родственника г-жи де Рошешуаръ. Г. де Бони охотно уступилъ мнѣ эту историческую картину, показывающую созданіе Одессы»[1]). Надпись сдѣлана, конечно, владѣльцемъ картины, но неизвѣстно, кѣмъ именно, а по своему смыслу кажется подробной и правдивой. Картину писали, когда домъ былъ совершенно готовъ, т. е. не ранѣе 1812 года, но и не позже 1814, осенью котораго Ришелье уѣхалъ изъ Россіи. Г-жа де Рошешуаръ — его теща, герцогиня, которой онъ писалъ любезныя письма изъ Одессы и послалъ оттуда же картину, изображающую его дачу и видъ изъ нея. Только эта дама упоминается съ этимъ именемъ въ перечисленіи семейства Ришелье, въ концѣ 1814 года, его бывшимъ адъютантомъ[2]). Во всякомъ случаѣ нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что и послѣ картины, при жизни Ришелье, домъ въ Гурзуфѣ не подвергался никакимъ передѣлкамъ, а слѣдовательно эта картина, снимокъ съ которой прилагается, есть точное изображеніе дома, въ которомъ жилъ Пушкинъ съ Раевскими, и вида изъ него.

---

1) Мѣра картины 27 × 21 сантиметровъ; въ Одесской Библіотекѣ она находится въ залѣ имени графа М. М. Толстого, подъ № 11. Подлинная надпись такова: Maison de M[r] le Duc Richelieu à Odessa. Tableau envoyé par le Duc à Madame de Rochechouart. Tableau trouvé au château de Vayres chez M[r] le Baron de Bony parent de Madame de Rochechouart. Mr de Bony a bien voulu me céder ce tableau historique montrant la création d'Odessa.

2) C. de Rochechouart, Souvenirs, 367.

Рис. 3.

Этотъ рисунокъ вполнѣ уясняетъ вышеприведенныя слова Броневскаго: оказывается, что дорога къ дому и входъ въ него были тогда съ теперешней задней стороны дома, которую поэтому Броневскій и называетъ главнымъ фасадомъ. Это же дѣлаетъ понятнымъ, почему и картина рисована съ этой стороны: вмѣстѣ съ подъѣздомъ къ дому хотѣли на ней изобразить и видъ изъ него на деревню и на Аю-дагъ. Этимъ однимъ рисункомъ все еще домъ не вполнѣ выясняется: слѣдуетъ представить его видъ и съ другой стороны отъ моря, что̀ тоже сохранилось на старыхъ рисункахъ.

Общій видъ дома и Гурзуфа, во-первыхъ, находимъ у Кастельно, гдѣ все это рисовано не позже 1817 года. Вотъ снимокъ съ его рисунка (въ настоящую величину, рис. № 4).

На первомъ планѣ слѣва видѣнъ домъ Ришелье, имѣющій лишь отдаленное подобіе съ дѣйствительнымъ, даже и по напра-

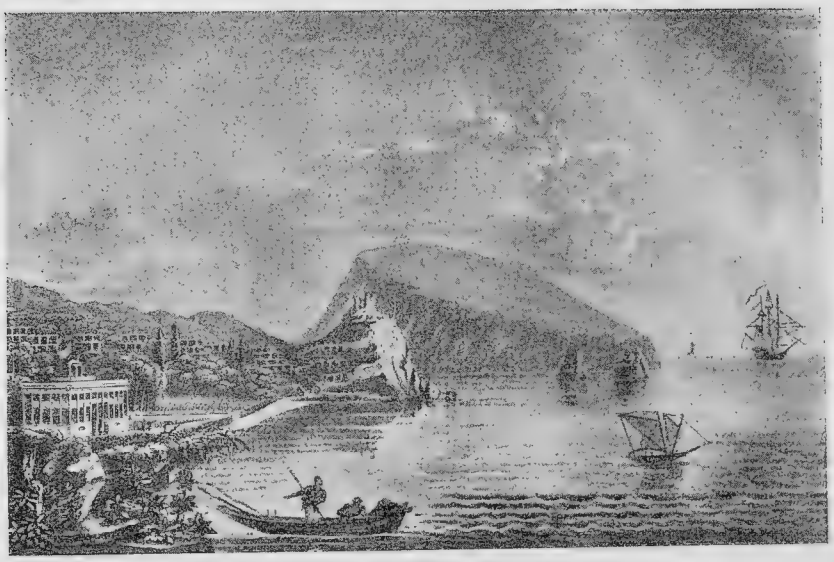


Рис. 4.

вленію въ отношеніи деревни и моря, но общій его смыслъ все тотъ же [1]).

Въ числѣ разныхъ заботъ Воронцова о Крымѣ было стремленіе познакомить общество съ его видами; поэтому онъ вызывалъ туда художниковъ (Мауреръ, Вольфъ, Чернецовы, Бассоли, Гроссъ), убѣждая издателей литографировать ихъ рисунки. Вслѣдствіе такого старанія было выпущено очень много отдѣльныхъ листовъ съ видами Южнаго берега. Всѣ они имѣли слабый успѣхъ, расходились плохо и исчезали съ большою быстротой, неизвѣстно куда [2]). Уже и въ 1848 году нѣкій профессоръ Л. жаловался на то, что не только купить, но и увидѣть эти рисунки

---

1) M-quis de Castelnau, Essai sur l'histoire de la Nouvelle Russie, Paris. 1820, III, 227.

2) Я зналъ книгопродавца, вынужденнаго значительную часть изданія, очень большого (въ пятьдесятъ листовъ) альбома сороковыхъ годовъ пустить на обертку книгъ, разсылаемыхъ по почтѣ. Теперь этотъ альбомъ извѣстенъ всего въ двухъ-трехъ экземплярахъ.

трудно, кромѣ библіотеки самого графа Воронцова, гдѣ они собраны всѣ [1]). Теперь всѣ они стали совершенной рѣдкостью — и даже въ библіотекѣ Воронцова ихъ мало. Впервые, насколько я знаю, были литографированы листы въ Лондонѣ и въ Вѣнѣ; всѣ они затѣмъ были собраны въ одинъ альбомъ, къ которому въ Одессѣ литографировали обложку [2]) въ 1836 году, но самые листы сдѣланы гораздо раньше,— думаю, не позже конца двадцатыхъ и начала тридцатыхъ годовъ; это видно изъ того, что о нѣкоторыхъ изъ этихъ рисунковъ упоминаетъ уже Бруннеръ въ 1831 году [3]). Этотъ альбомъ, полный, едва ли не въ единственномъ экземплярѣ, имѣется въ моей библіотекѣ; отдѣльные изъ него листы, иногда, попадались за границей. Одинъ изъ его рисунковъ представляю уменьшеннымъ вдвое (рис. 5).

Рис. 5.

1) Профессоръ Л., Желанія на пользу Тавриды — «Москвитянинъ» 1848 г., № 5, 72.

2) Collection de 16 vues de la Crimée, dessinées d'après nature et lithographiées par ordre de Son Excellence M. le Comte Woronzow, Odessa. 1836.

3) S. Brunner, Ausflug über Constantinopel nach Taurien im Sommer 1831, St. Gallen. 1833, S. 215.

Подъ нимъ подпись: Maison du Comte Woronzow à Joursouf. Côte meridionale de la Crimée. Изображенъ именно купленный у Ришелье домъ, со стороны моря.

Не менѣе рѣдкій листъ, съ изображеніемъ той же стороны Гурзуфскаго дома, былъ литографированъ въ началѣ 1840-хъ годовъ, по рисунку Н. Чернецова, сдѣланному въ 1835-6 году[1]); онъ также представляется уменьшеннымъ, въ два раза слишкомъ (рис. 6).

Рис. 6.

Послѣдніе два рисунка хотя дѣланы позже пребыванія Пушкина, но въ ихъ время внѣшность дома съ этой стороны еще не была измѣнена.

Указанныя выше описанія и приведенные рисунки даютъ полную возможность представить себѣ, чѣмъ былъ домъ во времена Раевскихъ, и что съ той поры сохранилось до сихъ поръ.

---

1) Рисунковъ Чернецова было литографировано много въ Одессѣ, Петербургѣ и Парижѣ; изъ нихъ мнѣ извѣстно всего 26, а было издано больше. Одесскія литографіи — безъ подписи художника, но всѣ съ гербомъ города.

Для пониманія послѣдняго всего лучше сравненіе, а потому дается видъ дома въ настоящее время, съ задней стороны,— встарь фасадной, для сравненія его съ картиной Ришелье (рис. 7).

Рис. 7.

Очень хотѣлось дать этотъ видъ дома именно съ той точки, съ которой онъ снятъ на картинѣ Ришелье, но это оказалось совершенно невозможнымъ: до такой степени заросъ домъ вокругъ большими деревьями; однако, собственно стѣны дома сзади и сбоку понятны, чего и достаточно для сравненія, изъ котораго съ ясностью выступаетъ весьма крупная разница: теперь домъ двухъэтажный и въ нижнемъ этажѣ, по задней, встарь фасадной и боковымъ сторонамъ много оконъ, въ верхній же этажъ не только нѣтъ входа изъ сада, но и дверь по срединѣ дома, съ окнами по сторонамъ, заложена. Очевидно, что при Ришелье только со стороны сада домъ имѣлъ видъ какъ бы двухъэтажнаго,

по сбоковъ и сзади онъ былъ врытъ въ землю и потому въ него свободно входили съ дороги, развѣ что было двѣ-три ступеньки. Отсюда слѣдуетъ, что теперешній нижній этажъ былъ просто подваломъ, совершенно безъ оконъ, и не могъ служить для жилья; его задняя и боковыя стѣны почти цѣликомъ были въ землѣ. Такое положеніе вещей подтверждается рисункомъ Кастельно (№ 4) и подробнымъ и точнымъ описаніемъ Муравьева-Апостола, который насчиталъ во всемъ домѣ только четыре жилыхъ комнаты въ одномъ этажѣ и сверхъ того комнату подъ крышей, на чердакѣ (столь любимая Французами мансарда), а ему показали рѣшительно все,— на чемъ онъ и настаиваетъ. Сравненіе стараго дома съ теперешнимъ, кромѣ указаннаго существеннаго отличія въ этажахъ, показываетъ, что галлерея была не только съ одной садовой стороны, но заворачивала и на боковыя стороны дома. Бельведеръ надъ крышей, о которомъ говоритъ Муравьевъ, показанъ на первыхъ рисункахъ Ришелье и Кастельно (№ 3 и 4), а помѣщенія подъ крышей, съ большими окнами въ видѣ слуховыхъ, показаны на всѣхъ рисункахъ и особенно хорошо на № 6, Чернецова.

По рисункамъ, описаніямъ и техническимъ соображеніямъ существующихъ стѣнъ не трудно возстановить планъ дома, какъ онъ былъ въ 1820 году:

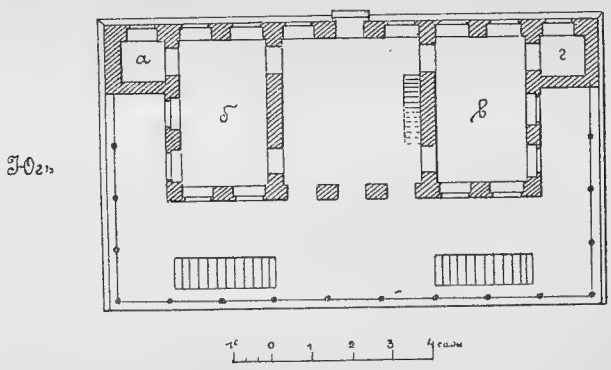


Рис. 8.

Глядя на такой планъ дома, нельзя не согласиться съ мнѣніемъ Муравьева-Апостола объ отмѣнно дурномъ вкусѣ хозяина въ архитектурѣ, подразумѣвая домашнее удобство. Если прибавить, что въ домѣ не было печей, да и строенъ онъ плохо,—къ тому же съ отсутствіемъ самыхъ необходимыхъ частей,—то не будетъ удивителенъ и англичанинъ, предпочитающій этому барскому дому простую татарскую хату.

Понятно, что графъ Воронцовъ, заглазно купившій такой домъ, увидѣвъ его, долженъ былъ заняться исправленіями и расширеніемъ, такъ какъ помѣститься въ четырехъ маленькихъ комнатахъ не только его многочисленнымъ гостямъ, но и ему самому было невозможно [1]). О томъ, что онъ перестраивалъ домъ, говорятъ и соображенія и показанія близкихъ къ нему лицъ [2]), но въ чемъ состояли перестройки, можно сказать лишь въ общихъ чертахъ. Судя по тому, что въ слѣдующемъ, 1824 году тамъ былъ большой съѣздъ гостей, можно полагать, что именно къ этому времени отъ боковыхъ и задней сторонъ дома была отрыта земля, а въ бывшемъ цоколѣ, съ частью фундамента, пробиты окна, и весь подвалъ обращенъ въ жилой этажъ; техническій слѣдъ такой работы, во всякомъ случаѣ сдѣланной послѣ Пушкина, видѣнъ и до сихъ поръ въ томъ, что стѣны нижняго этажа дома строены уклономъ внаружу, а это понятно для стѣнъ въ землѣ, но ничѣмъ не вызывалось въ стѣнѣ дома, если это былъ открытый этажъ; передняя садовая его стѣна, бывшая и оставшаяся открытой, не имѣла такого уклона, а сзади и сбоковъ онъ видѣнъ не только теперь (рис. 7), но его можно примѣтить и на картинѣ Ришелье (рис. 3). Кромѣ того, Воронцовъ,

---

1) Не всѣ его гости помѣщались въ самомъ домѣ: часть ихъ довольствовалась татарскими хатами въ деревнѣ (В. Туманскій, Стихотворенія и письма, стр. 255). Да и помѣщавшіеся въ домѣ тѣснились и спали на соломѣ (Olizar, Pamiętniki, 171).

2) П. П. Свиньинъ, Знакомства и встрѣчи на Южномъ берегу Тавриды — «Отеч. Зап.» 1825 г., № 66, 125.; С. Сафоновъ, Описаніе пребыванія Императорской Фамиліи въ Крыму въ 1837 г., Одесса. 1840, стр. 35.

конечно, улучшалъ домъ и внутри, но это не имѣетъ значенія для настоящаго вопроса; развѣ еще можно замѣтить, что галлереи сбоковъ были задѣланы между колоннъ и присоединены къ комнатамъ, а бельведеръ на крышѣ уничтоженъ, что видно на рис. 5.

Не смотря на всѣ передѣлки, Воронцову не нравился Гурзуфъ; онъ мелкими участками скупалъ Алупку, получилъ отъ графини Браницкой, своей тещи, въ даръ Марсанду и на нихъ обратилъ все свое строительное рвеніе. Гурзуфъ же приходилъ въ запущеніе и разореніе. Одинъ изъ путешественниковъ, швейцарецъ-врачъ Бруннеръ, ѣздившій въ Крыму въ 1831 году, очень хорошо это представилъ: «Д-ръ Рашевскій, врачъ Воронцова на Южномъ берегу, живущій въ Гурзуфѣ, въ покинутомъ дворцѣ своего Мецената, пригласилъ насъ осмотрѣть этотъ, какъ бы умышленно запущенный домъ, принадлежавшій ранѣе губернатору Ришелье... и Англійскій садъ, въ западномъ концѣ котораго стоитъ домъ съ просторной галлереей... Домъ въ имѣніи Воронцова, къ сожалѣнію, очень запущенъ и вообще плохой первоначальной постройки: такъ, напр., на сѣверной сторонѣ балки у стѣнъ замѣтно вышли изъ гнѣздъ, а вслѣдствіе сырости эта часть дома почти необитаема»[1]). Нѣсколько позже, въ 1833 году, въ такомъ же смыслѣ удивительной нелюбви Воронцова къ Гурзуфу говоритъ и Дюбуа[2]). Вскорѣ послѣ имѣніе это было куплено И. И. Фундуклеемъ, и тутъ же домъ, по свидѣтельству тѣхъ временъ, былъ вновь перестроенъ и, повидимому,— значительно, съ богатой отдѣлкой, хотя и нельзя указать точно, въ чемъ именно; въ 1837 г. хозяинъ принималъ въ немъ всю Императорскую фамилію[3]). Крыша съ ея большими слуховыми окнами и бывшимъ подъ нею помѣщеніемъ, однако, сохранилась долго, что можно примѣтить

---

1) Brunner, назв. соч., 215.

2) Dubois de Montpéreux, назв. соч., VI, 37.

3) (А + В) К., Очеркъ Южнаго берега Крыма — «Одесскій альманахъ на 1839 годъ», стр. 274; С. Сафоновъ, Описаніе пребыванія Имп. Фамиліи въ Крыму, Одесса. 1840, стр. 35; С. Юрьевичъ, Дорожныя письма — «Русскій Архивъ» 1887, № 6, стр. 188.

на рис. 6 и даже на рисункѣ Гурзуфа, сдѣланномъ передъ самою Крымской войной[1]).

Вскорѣ домъ сталъ вовсе плохъ въ самыхъ существенныхъ своихъ частяхъ, и въ 1861 г. И. И. Фундуклей его капитально перестроилъ, сдѣлавъ новую крышу и уничтоживъ бывшую мансарду-кабинетъ[2]). Деревянныя колонны галлереи (что онѣ были деревянныя, ясно видно по подлинной картинѣ, рис. 3), были замѣнены модными тогда чугунными, на подобіе сдѣланныхъ въ Алупкѣ, во дворцѣ. Видъ дома со стороны сада сталъ такимъ:[3])

Рис. 9.

Въ такомъ видѣ домъ сохранялся очень долго, лѣтъ до сорока, пока его галлерею не застеклили между колоннами, для предпо-

1) De Villeneuve, Album de la Tauride, Paris. 1853, VI, 37.

2) Щепетовъ, Гурзуфъ, Одесса. 1890, стр. 19.

3) Видъ дома съ этой стороны былъ очень распространенъ въ разныхъ фотографіяхъ, но надобно замѣтить, что данный по картинѣ Кондратенки (Пушкинъ, ред. Венгерова, II, 95), подписанный: «Домъ Ришелье, впослѣдствіи Губонина», есть фантазія художника; таковымъ домъ не былъ ни въ какую пору.

лагавшагося тамъ въ 1895 году пребыванія Великаго Князя Георгія Александровича, что измѣнило его видъ и снаружи, а внутри, по мелочамъ, его нѣсколько разъ передѣлывали по своему вкусу новые хозяева.

Послѣ всѣхъ передѣлокъ въ настоящее время планы этажей дома таковы:

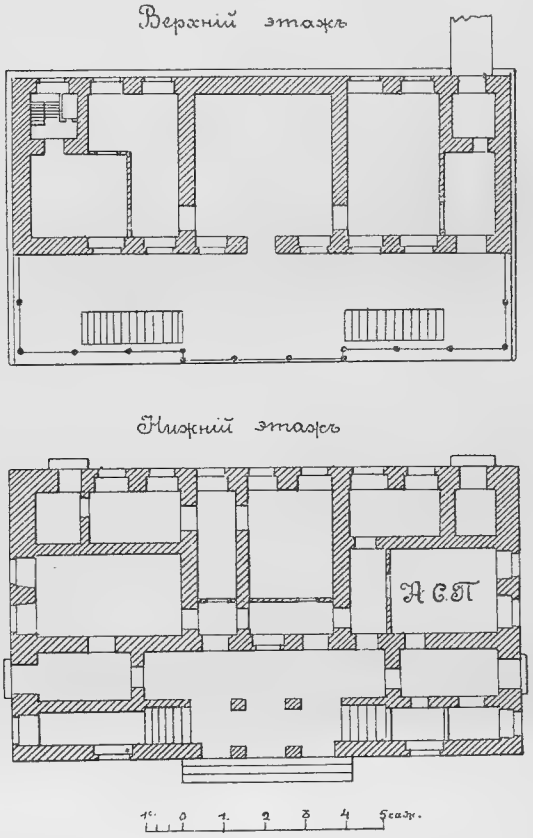


Рис. 10.

Чтобы пополнить представленіе о домѣ стараго времени, прилагаю еще видъ съ его галлереи въ 1831 г.; почти подобнымъ любовался и Пушкинъ (рис. 11)[1]).

1) Brunner, Ausflug über Constantinopel nach Taurien, St.-Gallen. 1833, S. 271.

Рис. 11.

Мнѣ кажется, что нѣкоторый интересъ представятъ даже и портреты всѣхъ владѣльцевъ Гурзуфа,— до послѣднихъ временъ окончательнаго обращенія барскаго помѣстья въ общественный курортъ.

Рис. 12.

Портретъ герцога Арм. Эм. Ришелье въ русскомъ генеральскомъ мундирѣ, съ вѣнской гравюры Мансфельда, около 1810 года, рис. Альтана.

Рис. 13.

Портретъ графа М. С. Воронцова, съ гравюры Дау, около 1820 года.

Рис. 14.

Портретъ Ивана Иваповича Фундуклея съ Вѣнской литографіи 1841 года, по рис. Кригубера.

Рис. 15.

Портретъ Петра Іоновича Губонина, съ фотографіи, около 1890 года.

Прошлое Гурзуфскаго дома и настоящее, близкое къ намъ представлены въ достаточной подробности, такъ что можно задаться и основнымъ вопросомъ, гдѣ въ этомъ домѣ помѣщался Пушкинъ? Яко бы его комнату показываютъ въ нижнемъ этажѣ рис. 10, подъ буквами А. С. П., но изъ всего сказаннаго выше понятно, что эта выдумка не только новѣйшая, но и невозможная, такъ какъ нижняго жилого этажа не было въ домѣ во время Пушкина вовсе. Даже и въ подвалѣ дома не было пространства, подобнаго этой комнатѣ, такъ какъ поперекъ ея проходила стѣна, поддерживавшая стѣну верхней комнаты (b, на рис. 8), которую выломали послѣ Пушкина. Всѣхъ участниковъ поѣздки Раевскихъ собралось въ Гурзуфѣ восемь женщинъ и трое мужчинъ, кромѣ прислуги; гдѣ и какъ они могли размѣститься въ четырехъ маленькихъ комнатахъ (рис. 8 а, б, в и г.), трудно себѣ вообразить,— особенно такихъ, гдѣ и кроватей негдѣ было поставить. Впрочемъ, слѣдуетъ вспомнить, что въ то далекое время представленія о житейскихъ удобствахъ были много проще нынѣш-

нихъ,— даже на самыхъ верхнихъ общественныхъ ступеняхъ. Существеннѣйшія удобства, прикровенность жизни каждаго, хотя бы въ самомъ тѣсномъ, но своемъ углѣ, безъ чего теперь и бѣдные люди почитаютъ невозможнымъ жить, тогда не составляли необходимости и съ жизнью по походному, даже на долгое время, мирились безъ затрудненій, особенно лѣтомъ. Но въ то же время нѣкоторая жеманная скромность соблюдалась безъ сравненія строже, чѣмъ теперь, и не даромъ Е. Н. Раевская не допускала мысли о томъ, что она могла давать въ Гурзуфѣ уроки англійскаго языка Пушкину, такъ какъ это было совершенно недопустимо въ ту пору,— по свѣтскимъ правиламъ отношеній между молодыми людьми. Отсюда позволительно заключить, что Пушкину не могло быть мѣста въ томъ же тѣсномъ и единственномъ этажѣ дома, гдѣ помѣщались всѣ женщины и барышни семьи Раевскихъ; для него, а съ нимъ, вѣроятно, и Н. Н. Раевскому младшему оставался только кабинетъ-мансарда на верху, подъ крышей. Некрасовъ въ «Русскихъ женщинахъ», отъ имени княгини М. Н. Волконской, настоятельно увѣряетъ: «Поэтъ на верху пріютился» или: «Окончивъ занятія, спускался онъ внизъ и съ нами дѣлился досугомъ». Даже и для рифмы не было надобности Некрасову посылать поэта на верхъ, да и какъ онъ могъ выдумать нѣчто такое, что не имѣло смысла въ извѣстномъ ему состояніи въ его время Гурзуфскаго дома, но совершенно точно соотвѣтствовало первичному расположенію помѣщеній, неизвѣстному Некрасову. Надо думать, что откуда-нибудь дошло до него чье-либо воспоминаніе (едва-ли отъ Маріи Николаевны, ничего подобнаго не говорящей въ своихъ Запискахъ), а всяческая вѣроятность говоритъ за совершенную точность этого воспоминанія и его воспроизведенія Некрасовымъ[1]). Слова Некрасова показываютъ также, что въ его время въ Гурзуфѣ еще не была извѣстна выдумка о комнатѣ нижняго этажа, въ которой будто бы жилъ Пушкинъ. Комната-мансарда, въ которой дѣйствительно помѣ-

1) Здѣсь Некрасовъ не подлежитъ упреку въ ошибкѣ (Брюсовъ, Пушкинъ въ Крыму, изд. Венгерова, II, 97).

щался Пушкинъ, существовала до 1861 года, послѣ котораго она исчезла вслѣдствіе совершенной перестройки дома и его крыши [1]).

Возможность существованія въ Гурзуфѣ *любимаго кипариса Пушкина* опредѣляется единственнымъ, несомнѣннымъ указаніемъ самого поэта, но гдѣ расло и растетъ-ли и до сихъ поръ это дерево? Здѣсь сдѣлаю маленькое отступленіе.

Кипарисъ — особенно замѣтное дерево, обращающее на себя вниманіе всякаго пріѣзжаго сѣверянина своею мрачною стройностью, узкимъ и плотнымъ ростомъ, темною, густою зеленью; особаго впечатлѣнія отъ этого дерева не избѣгнулъ и Пушкинъ. Теперь этими деревьями, можно сказать, переполненъ Южный берегъ Крыма, гдѣ они растутъ очень сильно, скоро и хорошо, при отсутствіи какого-либо ухода; размножаются они также съ величайшей простотой и легкостью, часто даже самосѣвомъ. Тѣмъ удивительнѣе въ такихъ условіяхъ, что это дерево, съ незапамятныхъ временъ распространенное съ своей родины (Гератъ, Кабулъ, Индъ), какъ священное, во всю переднюю Азію и бассейнъ Средиземнаго моря, даже въ близко-сосѣднія съ Крымомъ страны прибрежій Понта и Византіи (Константинополя), было вовсе неизвѣстно въ Крыму до его занятія Русскими. Здѣсь ранѣе не существовало ни единаго экземпляра этого долговѣчнаго, почти неистребимаго дерева. Это доказывается неимѣніемъ деревьевъ болѣе старыхъ, чѣмъ русскія времена; отсутствіемъ указанія этого дерева у Габлица, давшаго впервые подробные списки культурныхъ и дикихъ деревьевъ Крыма [2]), или у С. С. Боброва, старательно

---

1) П. И. Бартеневъ указывалъ, что въ домѣ нашлась старинная библіотека, изъ которой Пушкинъ добылъ и сталъ перечитывать Вольтера (Пушкинъ въ Южной Россіи — «Русск. Арх.» 1866, 1115 и 1139). Очень сомнѣваюсь, чтобы въ этомъ не конченномъ и полузаброшенномъ домѣ могло бы находиться нѣчто заслуживающее названія библіотеки, хотя бы въ простѣйшемъ пониманіи этого слова. Что-либо бывшее въ такомъ родѣ находилось, конечно, на верху, въ кабинетѣ-мансардѣ, почему и найдено было Пушкинымъ.

2) Габлицъ, Физическое описаніе Таврической области, С.-Пб. 1785, стр. 80—86 и 95—141.

вписывавшаго въ свои вирши имена всяческихъ растеній Тавриды [1]); наконецъ, прямыми разсказами о времени посадки первыхъ деревьевъ этой породы. Послѣ Габлица, лѣтъ черезъ десять, Палласъ уже упоминаетъ о нѣсколькихъ кипарисахъ,— но въ одной Алупкѣ, привезенныхъ, по его словамъ, изъ Константинополя [2]); онъ не говоритъ, кто и когда привозилъ и сажалъ. Затѣмъ кипарисы упомянуты,— и даже два молодыхъ деревца показаны на рисункѣ,— Сумароковымъ, все въ той же Алупкѣ, въ началѣ XIX вѣка; нигдѣ болѣе онъ ихъ не указываетъ, да и въ Алупкѣ это тѣ самыя два дерева, что и понынѣ растутъ передъ дворцомъ [3]). Онъ же въ общемъ смыслѣ, но ошибочно прибавилъ, что Потемкинъ выписывалъ для той же Алупки разныя растенія, а это дало поводъ нѣсколько позже, въ 1815 году, Броневскому писать, что ему сказывали, будто эти самые кипарисы посажены Потемкинымъ [4]); вскорѣ послѣ, въ путеводителѣ Монтандона, то же самое утверждается, какъ точное [5]), тѣмъ болѣе, что въ альбомѣ съ 16 видами, тогда же изданномъ владѣльцемъ Алупки, эти кипарисы изображены съ совершенно утвердительной надписью: «Cyprés plantés par le Prince Potemkin à Aloupka» [6]). Въ 1837 году хозяинъ Алупки говорилъ о томъ же своимъ высокопоставленнымъ гостямъ — всей Императорской Фамиліи [7]). Современемъ это извѣстіе расширилось и стало непреложнымъ,— поэтому нынѣ всѣ твердо вѣрятъ, что кипарисы были посажены въ Алупкѣ и даже не однимъ Потемкинымъ, но и Императрицей Екатериною II: такъ ихъ и называютъ. Это легковѣріе всего болѣе основано на совершенномъ отсутствіи заботливости о вѣрномъ пониманіи прошлаго.

---

1) С. Бобровъ, Таврида, Николаевъ. 1798; Его-же Херсонида, С.-Пб. 1804.

2) P. Pallas, Bemerkungen auf einer Reise in die südl. Staathaltersch. in den Jahren 1793 — 4. Leipzig, 1801, II, 156.

3) Сумароковъ, Путешествіе по всему Крыму въ 1799 г., Москва. 1800, 103; Его-же, Досуги Крымскаго судьи, С.-Пб. 1805, II, 199, рис. 24.

4) Броневскій, Обозрѣніе Южнаго берега, 60.

5) Montandon, Guide du voyageur en Crimée, Odessa. 1836, 136.

6) Collection de 16 vues de la Crimée, Odessa. 1836.

7) С. Юрьевичъ, Дорожныя письма — «Русск. Арх.» 1887 г., № 6, 305.

По поводу многочисленныхъ подобныхъ извращеній самыхъ недавнихъ событій не разъ приходилось думать, сколько надобно у насъ времени, чтобы любую выдумку обратить въ непреложную истину? Оказывалось поразительно мало: менѣе одного поколѣнія, и нигдѣ, быть можетъ, такъ рѣзко не выступаетъ мѣткость опредѣленія великаго поэта, говорившаго, что «мы лѣнивы и не любопытны». Въ настоящемъ мелочномъ вопросѣ, вызывая тѣни Потемкина и Екатерины, никто не пожелалъ вспомнить, что не только Императрица Екатерина, но даже и Потемкинъ никогда не были на Южномъ берегу Крыма, а «Великолѣпный князь Тавриды», какъ говорено выше, вовсе его не зналъ. Да, наконецъ, если бы онъ вздумалъ сажать тамъ деревья или разводить какія-либо растенія, то, конечно, сдѣлалъ бы это не въ маленькомъ татарскомъ садикѣ и не ограничился бы двумя кипарисами. Дѣло стояло совсѣмъ иначе, и у насъ есть подробный о томъ разсказъ Кондараки. Онъ, лѣтъ тридцать тому назадъ, очень много писалъ о Крымѣ, а также издалъ исправленныя Записки своихъ дѣда и отца, въ которыхъ его дѣдъ говоритъ о посадкѣ имъ этихъ самыхъ кипарисовъ въ Алупкѣ. Надо замѣтить, что Кондараки не останавливался передъ любой выдумкой, и его семейныя записки переполнены самыми неимовѣрными измышленіями, явно прибавленными имъ самимъ, но въ настоящемъ случаѣ есть достаточное основаніе вѣрить тому, что имъ разсказано отъ имени дѣда: какъ тотъ поселился въ Алупкѣ, а на другой годъ съѣздилъ въ Трапезунтъ и вывезъ оттуда три дерева тонкокожаго миндаля, два отростка фигъ и пять кипарисовъ, посадивъ ихъ подлѣ своего домика въ Алупкѣ; этотъ домъ съ садомъ впослѣдствіи проданъ былъ графу Воронцову[1]). Такой разсказъ подтверждается и иными обстоятельствами. Во-первыхъ, на вышеуказанномъ рисункѣ Сумарокова домикъ, подлѣ котораго видны два молодень-

1) Кондараки, Въ память столѣтія Крыма, Москва. 1883, гл. IX (Первые годы нашего владычества въ Крыму), стр. 145—146, 156, 187—188. По смыслу всего, это было около 1786 года.

кихъ кипариса,— не татарской постройки, а европейской, тогда Татарамъ незнакомой; во-вторыхъ, въ числѣ документовъ на земельныя владѣнія Алупки есть купчая 1825 года на пріобрѣтеніе отъ Софіи Васильевны Кондараки того самаго участка земли, на которомъ растутъ эти кипарисы; всѣмъ этимъ въ точности подтверждается разсказъ Кондараки, да и всѣ его подробности своеобразны и правдивы.

Вотъ эти самые кипарисы, по возрасту, могутъ считаться родоначальниками всѣхъ нынѣ растущихъ въ Крыму. Во всякомъ случаѣ, во времена Ришелье эти деревья были очень рѣдки, и на первомъ рисункѣ дома Ришелье (№ 3) ихъ еще нигдѣ не видно; надо думать, что къ нему въ садъ они попали позже времени картины, съ которой сдѣланъ этотъ рисунокъ,— всего вѣроятнѣе, черезъ посредство имъ же заведеннаго Никитскаго казеннаго Сада[1]). Не многимъ позже Пушкина, еще на памяти его времени у живущихъ въ Гурзуфѣ,— въ 1850 году, его описывалъ очень знающій Крымскія дѣла Домбровскій: «Кипарисы здѣсь превосходны; въ особенности одинъ экземпляръ, едва ли не современникъ перваго пріобрѣтателя дачи дюка де-Ришелье, по необыкновенному росту можно назвать первымъ на Южномъ берегу»[2]). Изъ этихъ словъ видно, что уже и тогда не только не знали, который кипарисъ Пушкина, но даже сомнѣвались, чтобы сохранилось какое-либо дерево его временъ. Это сомнѣніе, однако, напрасно, и о существованіи кипарисовъ въ Гурзуфѣ свидѣтельствуетъ самъ Пушкинъ и то же утверждаютъ старые рисунки. На первомъ рисункѣ послѣ Пушкина, № 5, отчетливо показаны три

---

1) Никитскій Садъ основанъ и первыя въ немъ садовыя работы начаты ровно сто лѣтъ тому назадъ (А. Скальковскій, Исторія Новороссійскаго края, Одесса. 1838, II, стр. 177). Уже въ 1815 году Садъ могъ отпускать молодые кипарисы и, конечно, прежде всего посадилъ ихъ на дачѣ своего основателя, не забывавшаго его и въ Парижѣ, оттуда посылалъ онъ черенки растеній для Никиты (Письмо въ Одессу отъ Февраля 1816 года — «Сборн. Имп. Русск. Ист. Общ.», т. 54, стр. 467).

2) Домбровскій, Обозрѣніе Южнаго берега Крыма — «Новороссійскій Календарь», Одесса. 1850, стр. 20.

дерева кипарисовъ у самаго входа въ домъ: одинъ справа и два слѣва (не надо ихъ смѣшивать съ пирамидальными тополями); несомнѣнно они же и на слѣдующемъ по времени рисункѣ, № 6, а на близкомъ къ намъ по времени, № 9, на тѣхъ же трехъ мѣстахъ мы видимъ уже огромныя деревья. Судя по мѣрѣ дома, на рисункѣ 5 (конца 1820-хъ годовъ), эти молодыя еще деревья были 7—8 аршинъ вышины, т. е. въ возрастѣ около пятнадцати лѣтъ,— стало быть, мы основательно можемъ утверждать, что именно они и были тѣми деревцами, одно изъ которыхъ попало въ любимцы къ Пушкину; оно расло «въ двухъ шагахъ отъ дома», по словамъ поэта, именно такъ, какъ и эти деревья. Теперь Пушкинскій кипарисъ показываютъ шагахъ въ пятидесяти отъ дома; конечно, слова Пушкина о двухъ шагахъ можно понимать и не съ математическою точностью, но все же разница слишкомъ велика. На рис. 5, гдѣ показаны три кипариса, растущихъ у дома, вовсе нѣтъ нынѣ признаваемаго за Пушкинскій, а по смыслу мѣстности, изображенной на рисункѣ, онъ долженъ бы быть видѣнъ нѣсколько выше и правѣе воротъ. Наконецъ, есть и еще соображеніе, говорящее противъ нынѣ дѣлаемаго пріурочиванія. Кипарисовъ двѣ породы, съ переходами отъ одной къ другой: одна узкая, пирамидальная, растетъ медленнѣе; другая, развѣсистая, растетъ быстрѣе; средній изъ трехъ кипарисовъ на рисункахъ близокъ къ послѣдней, а остальные пирамидальные[1]). Окружность этихъ деревьевъ внизу въ настоящее время: средняго—1,76 метровъ, а боковыхъ пирамидальныхъ—1,45 и 1,36 метровъ; окружность же выдаваемаго за Пушкинскій всего 1,23 метра. Въ 1870 году окружность одного изъ пирамидальныхъ близъ дома была въ 1,10 метра[2]). Первымъ тремъ теперь почти точно по сто лѣтъ; послѣдній долженъ быть моложе лѣтъ на пятнадцать-двадцать. Наибольшій изъ старѣйшихъ кипарисовъ Алупки имѣетъ 1,87 метровъ въ окружности.

1) Въ ряду этихъ старыхъ деревьевъ, сравнительно недавно, подсажены еще 2—3 кипариса; они значительно меньше и легко отличимы отъ старыхъ.

2) Remy, Die Krim, Odessa. 1872, 167.

Все приведенное даетъ право утверждать, что выдаваемый за Пушкинскій кипарисъ посаженъ значительно позже времени поэта, но три кипариса у самаго дома — несомнѣнные его современники; одинъ изъ нихъ и былъ его любимцемъ; разумѣется, нѣтъ никакой возможности точно опредѣлить, который именно, но всего вѣроятнѣе, что таковымъ былъ крайній лѣвый, если смотрѣть на домъ со стороны сада; говорю это потому, что, сидя подъ этимъ деревомъ, кругозоръ былъ болѣе обширенъ, и море, столь любимое поэтомъ, ничѣмъ не закрывалось, а сидящій не находился на самомъ проходѣ въ домъ и, значитъ, ни онъ никому не мѣшалъ, ни его не стѣсняли проходящіе. Теперь это дерево оплетено вѣтками большой глицинiи, что во время ея цвѣта очень красиво, но кипарисъ можетъ погибнутъ отъ такого совмѣстительства, и глицинію слѣдовало бы вырѣзать.

Передъ домомъ владѣльца въ Гурзуфѣ, нѣсколько въ сторонѣ отъ него, растетъ большой, развѣсистый платанъ (единственный въ этой части сада); подъ нимъ издавна любятъ отдыхать посѣтители, а путеводители увѣряютъ, что то же дѣлалъ и Пушкинъ. Очень неудачная выдумка. На рисункахъ 5, 6 и 11 это дерево должно бы быть видно и быть большимъ, такъ какъ во время этихъ рисунковъ ему было бы около двадцати лѣтъ, а платаны растутъ очень быстро; но подобнаго дерева на нихъ не видно. Впрочемъ, эти нѣсколько условныя соображенія излишни, такъ какъ имѣется точное показаніе, когда и кѣмъ именно посажено то дерево, о которомъ идетъ рѣчь. Тотъ же Домбровскій въ 1850 году писалъ о Гурзуфѣ: «Передъ балкономъ помѣщичьяго дома вамъ укажутъ на величественный чинаръ (т. е. платанъ), лѣтъ двѣнадцать тому назадъ (т. е. около 1838 года) посаженный собственными руками хозяина дачи (т. е. И. И. Фундуклеемъ); онъ имѣетъ болѣе 70 футовъ въ высоту»[1]). Это показаніе — вполнѣ точное и ясное, не оставляющее мѣста сомнѣніямъ. Высоту пла-

1) Домбровскій, Обзоръ Южнаго берега Крыма — «Новороссійскій Календарь», Одесса. 1850, стр. 20.

тана, опредѣляя ее на глазъ, Домбровскій, конечно, преувеличилъ, такъ какъ и теперь, черезъ шестьдесятъ лѣтъ послѣ его, она достигаетъ только 78 футовъ, по точному измѣренію. Окружность этого дерева теперь 2,84 метра; въ 1870 г. она было 1,60 метровъ[1]). Этотъ обмѣръ подтверждаетъ точность свѣдѣнія Домбровскаго. На Южномъ берегу есть платаны временъ Ришелье и Пушкина — въ Никитскомъ Саду; ихъ окружность до 4,10 м., т. е. безъ сравненія больше, чѣмъ въ Гурзуфѣ[2]). Фотографію Гурзуфскаго платана представляю; она снята ранею весной, когда деревья еще безъ листьевъ; тутъ же, слѣва, — часть кипариса Пушкинскихъ временъ.

Рис. 16.

1) Remy, Die Krim, Odessa. 1872, 167.

2) И этой породы деревьевъ не было въ Крыму до русскихъ временъ; указываемыя въ Никитѣ — самыя старыя: имъ близко ста лѣтъ; они введены въ культуру Никитскимъ Садомъ.

Не слѣдуетъ удивляться тому, что въ Гурзуфѣ забыли, кто сажалъ какое дерево: это обычное явленіе на Южномъ берегу, гдѣ въ Алупкѣ, и даже въ Императорской Оріандѣ, забыты деревья, посаженныя Императрицей Александрой Ѳеодоровной, Наслѣдникомъ Александромъ Николаевичемъ (впослѣдствіи Имп. Александръ II), княгиней Е. К. Воронцовой, маршаломъ Мармономъ и другими.

Для лучшаго уясненія нынѣшняго состоянія Пушкинскаго дома и тѣхъ деревьевъ, о которыхъ только что говорилось, представляю видъ дома сбоку, со стороны моря, снятый въ настоящее время (рис. 17).

Рис. 17.

На немъ примѣтны оба этажа дома, застекленная галлерея и деревья вокругъ. Три среднихъ кипариса — временъ Пушкина, а справа, на краю вида, нѣсколько вѣтвей платана, приписываемаго тому же времени. Сравнивъ со старыми видами (рис. 3, 5 и 6),

видно, какъ много измѣнилась мѣстность вокругъ дома устройствомъ террасныхъ стѣнокъ и отрывкой земли.

Скала Пушкина — самоновѣйшее прозваніе той скалы въ Гурзуфѣ, на которой еще примѣтны остатки древней крѣпости[1]); не могу сообразить, въ чемъ тутъ можетъ быть какая бы то ни было связь съ памятью Пушкина. Конечно, эта скала составляетъ наиболѣе примѣтную особенность Гурзуфа; на нее обыкновенно всѣ лазятъ, — что дѣлается очень скоро никакой трудности не представляетъ; возможно, что туда взбирался и Пушкинъ, о чемъ, однако, никакихъ свѣдѣній нѣтъ и не было. Иного отношенія Пушкина къ этой скалѣ не могу придумать. На старинныхъ рисункахъ (№ 2, 3, 4, 5, 6 и 11) эта скала изображена въ серединѣ, достаточно удовлетворительно, такъ что можно и не давать ея особаго рисунка.

Пещера Пушкина — тоже совершенно новое прозваніе, также не находящее себѣ никакого основанія въ старинѣ[2]). Находится она довольно далеко отъ Гурзуфа, въ сосѣднемъ имѣніи Соукъ-су, и попасть въ нее можно только на лодкѣ, съ моря. Рыбачьи лодки всегда бывали: возможна, слѣдовательно, поѣздка туда и Пушкина; однако, о томъ не только нѣтъ какихъ-либо извѣстій, но и самое предположеніе мало вѣроятно. Вотъ видъ изъ нея (рис. 18).

---

1) В. Брюсовъ, Пушкинъ въ Крыму, изд. Венгерова, II, 99, рис. Едва-ли не здѣсь впервые посвящена эта скала памяти Пушкина.

2) В. Брюсовъ, Пушкинъ въ Крыму, изд. Венгерова, II, 100, рис. И это посвященіе вижу здѣсь впервые. На приложенной тамъ фототипіи, надъ входомъ въ пещеру, на скалѣ, виднѣется развалина башни; для будущаго не лишне замѣтить, что это грубая поддѣлка подъ древность, сдѣланная покойнымъ владѣльцемъ Соукъ-су, лѣтъ двѣнадцать тому назадъ; того и гляди — и она попадетъ въ археологическія разысканія съ комментаріями гуляющихъ туристовъ...

Рис. 18.

Эта пещера стала извѣстной сравнительно поздно: о ней свѣдѣнія въ литературѣ,— разумѣется, безъ малѣйшаго намека на Пушкина,— появляются не скоро, а у старыхъ путешественниковъ ничего не говорится. Нѣкая П. И—ъ первая разсказываетъ, въ 1837 году, о поѣздкѣ туда, какъ о чемъ то неизвѣстномъ; скоро вслѣдъ за тѣмъ появилось и еще нѣсколько упоминаній [1]). Не

1) П. И—ъ, Прогулки по Крыму — «Библ. для Чтенія» 1837 г., т. 24, стр. 73—74; (А + В) К, Очерки Южнаго берега — «Одесскій Альманахъ» 1839, стр. 274; Домбровскій, Обозрѣніе Южнаго берега — «Новороссійскій Календарь» 1850, стр. 19.

думаю, чтобы она была извѣстна и посѣщаема во время Пушкина. Самъ онъ о своей жизни въ Гурзуфѣ поэтически говорилъ:

Тамъ нѣкогда въ горахъ, сердечной думы полный,
Надъ моремъ я влачилъ задумчивую лѣнь;

а много позже — и уже съ прозаическою точностью — писалъ: «Въ Юрзуфѣ жилъ я сиднемъ, купался въ морѣ и объѣдался виноградомъ». Эти слова надобно понимать въ буквальномъ смыслѣ, потому что и дальше, говоря о подробностяхъ, онъ вспомнилъ лишь кипарисъ, а упоминая о своихъ равнодушіи и безпечности неаполитанскаго Lazzaroni, замѣчаетъ: «Вотъ все, что пребываніе въ Юрзуфѣ оставило у меня въ памяти». Послѣ такихъ признаній, столь жизненныхъ и понятныхъ, ни о какихъ разысканіяхъ или поѣздкахъ, дѣланныхъ Пушкинымъ куда бы то ни было изъ Гурзуфа, не должно быть и рѣчи. Къ упоминаемой здѣсь пещерѣ относили отрывки стиховъ («Пріютъ любви» и «У моря подъ скалой»), въ которыхъ говорится о какой-то пещерѣ [1]). Мнѣ кажется такое пріуроченіе невѣроятнымъ: пещера въ Соукъ-су далека отъ людныхъ мѣстъ, попасть въ нее можно только въ лодкѣ, которую нельзя отпустить, потому что въ пещерѣ — ни стать, ни сѣсть; это только навѣсъ скалъ надъ глубокой водой. При такихъ условіяхъ едва ли возможно назвать ее «пріютомъ любви». Писаны эти отрывки стихотвореній въ 1824 году и относятся къ скаламъ Одесскихъ береговъ, гдѣ, съ нѣкоторой поэтической прикрасой, найдутся описываемые въ отрывкахъ уголки на берегу моря, болѣе доступные влюбленнымъ.

Ко всѣмъ этимъ предметамъ, посвященнымъ памяти Пушкина, можно прибавить и еще одинъ,— съ бо́льшимъ правомъ уже и потому, что на него указано самимъ поэтомъ. Недавно изданъ превосходный портретъ, на которомъ Пушкинъ изобразилъ са-

---

1) Бѣлоусовъ, Дорогія мѣста, Москва. 1909, стр. 52.

мого себя опирающимся на стѣнку деревенскаго фонтана въ Гурзуфѣ [1]). Здѣсь всегда фонтанъ былъ одинъ, на томъ же мѣстѣ (рис. 19).

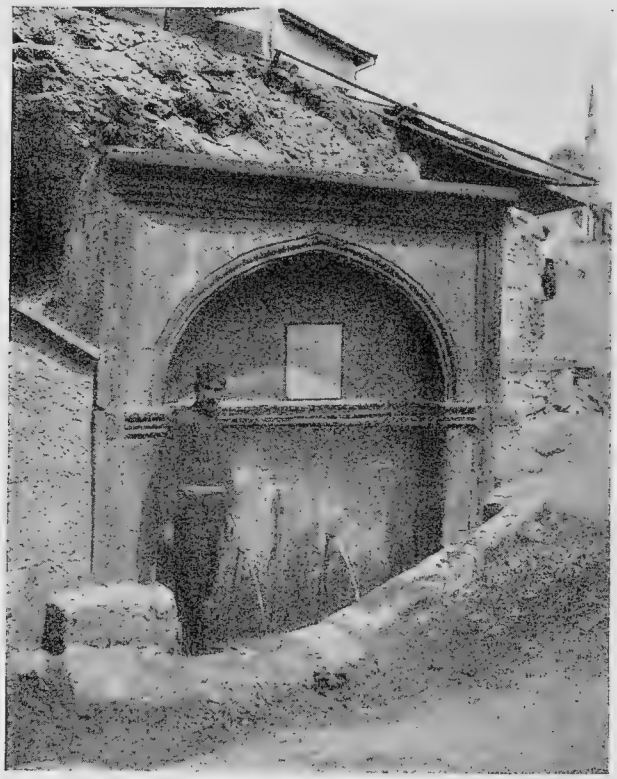


Рис. 19.

---

1) Соч. Пушкина, ред. Венгерова, II, 103. Тутъ же, на стр. 93, данъ снимокъ вида Гурзуфа съ рѣдкой литографіи Чернецова, изъ того же ряда, что и здѣсь рис. 6. На этой литографіи фонтанъ не виденъ: онъ справа подъ татарскими хатами перваго плана. Слѣдуетъ замѣтить, что и эта литографія, и парная ей (стр. 89) не 1820-хъ годовъ, какъ подъ ними написано: онѣ рисованы въ 1835—6 годахъ, а печатаны позже 1840 г. Позволю себѣ указать и еще поправку къ подписямъ подъ рисунками этого же тома; подъ стр. 280-й помѣщенъ рисунокъ, подъ которымъ значится: «Генуезская башня у входа въ Одесскій портъ»; должно быть не «у входа», а просто «въ портѣ», и не въ Одесскомъ, а въ Ѳеодосійскомъ.

На этомъ фонтанѣ есть надпись, съ разными благочестивыми изреченіями и именами его устроителей. Оказывается, что онъ былъ сдѣланъ въ 1758 году Абдулъ-Рахманомъ, сыномъ Эль-хаджъ Али-аги и Мустафой-эфенди, сыномъ Абдулъ-Рахманъ-заде; исправленъ въ 1837 году моллою Дервишемъ, сыномъ Усейнъ-эфенди. Общій его видъ не точно похожъ на рисованный Пушкинымъ, что, безъ сомнѣнія, происходитъ отъ упрощенія рисунка Пушкина, не показавшаго, напр., никакой надписи на фонтанѣ, а таковая была безъ сомнѣнія: это всегда дѣлается на всѣхъ фонтанахъ Востока, и если бы ея не было, то она не могла бы быть повторена при исправленіи фонтана. Возможно, что въ это время въ фонтанѣ были сдѣланы небольшія измѣненія. Во всякомъ случаѣ, вблизи этого фонтана, думая о немъ, набрасывалъ Пушкинъ свой портретъ.

Итакъ, *память о Пушкинѣ въ Гурзуфѣ нигдѣ и ни въ чемъ не сохранилась*, какъ и слѣдовало ожидать; ее можно пріурочить только къ кипарису, но и то руководствуясь лишь словами самого поэта, а не на основѣ мѣстной памяти. Пожалуй, еще и деревенскій фонтанъ имѣетъ нѣкоторую связь съ памятью о Пушкинѣ, а прочее указываемое въ этомъ смыслѣ занесено почитателями поэта извнѣ, безъ самомалѣйшаго основанія. Здѣсь полный просторъ нашему воображенію, но не исторической правдѣ.

Можетъ быть такое заключеніе этихъ изысканій покажется досаднымъ; сознаюсь, что во мнѣ родилось то же чувство, но надобны ли мелочные, вещественные знаки памяти о томъ, кто говорилъ:

Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный,
Къ нему не заростетъ народная тропа,

и по чьему слову такъ и сталось.

А. Бертье-Делагардъ.

Мартъ 1912 года.
Г. Ялта.

Письма О. С. Павлищевой къ мужу, Н. И. Павлищеву, въ 1835 г.[1]).

1.

Mercredi. [Первая половина августа 1835 г. Остроленка].

Je n'ai pu Vous écrire de Poultousk, mon bon ami: j'y suis arrivée tard et l'ai quitté à trois heures du matin. Maintenant je suis à dix verstes d'Ostrolenka. En y arrivant, j'enverrai à la poste; Dieu sait, si cette lettre Vous parviendra jamais.

Grâce à Dieu le petit[2]) est plus tranquille: il a assez bien passé la nuit, par terre entre moi et Natalia[3]),— et ce matin il a dormi trois bonnes heures en voiture; mais il est si pâle et si maigre même depuis hier que cela ne me console presque pas et pour mon malheur dans la kartchma où je me suis arrêtée il s'est trouvé une charitable femme qui prétend que Lolo a le *marasme*. Je n'osais jusqu'à présent m'arrêter à cette idée qui me venait parfois; à présent j'ai peine à retenir mes larmes, quand je le regarde,— surtout quand il dort: il est effrayant de pâleur; il mange très peu, la voiture lui donne toujours des inquiétudes; au reste l'ennui y est pour beaucoup, je crois,— car dès qu'il en sort, il s'occupe de tout comme par le passé.

---

1) См. «Пушкинъ и его современники», вып. XV, стр. 43—136. Печатаются съ подлинниковъ, доставленныхъ въ редакцію Л. Н. Павлищевымъ. *Ред.*

2) Левъ Николаевичъ Павлищевъ, родившійся 8-го октября 1834 года. Ольга Сергѣевна повезла его въ августѣ 1835 года изъ Варшавы въ Петербургъ по настоятельному требованію опасно больной Надежды Осиповны Пушкиной, желавшей увидѣть и благословить внука. *Л. П.*

3) Нянька его. *Л. П.*

Вообрази, меня увѣрили, что почты нѣтъ *письменной* до Ковны, и я сію минуту только узнала, что это вздоръ. Лошадей запрягаютъ, пора убираться. Я очень довольна ямщикомъ и даже Петрушкой покамѣсть. Сегодня думаю ночевать въ Ломжѣ, если не далѣе.—

Si nous allons de ce train, j'espère que dans 10 jours je serai à Riga, pourvu que le petit aille bien; je m'embarrasse peu du reste, je vous l'avoue. — Je ne puis m'occuper de rien: toute la nuit et jusqu'à présent j'ai eu les yeux ouverts, comme un lièvre, et n' ai pas du tout sommeil. Adieu, mon Ange, portez Vous bien Je Vous écrirai toutes les fois que cela me sera possible. Mes amitiés à nos bonnes connaissances. — Je remercie M-r Sophiano [1]) pour les plumes qu'il m'a taillées: elles sont bonnes et je m'en suis moi-même, apperçue à mon écriture, si je ne me dépechai point, comme Vous pouvez le voir. — Bonjour, quand m'écrirez Vous? — Pourquoi ne Vous ai-je pas prié de m'adresser une lettre — Riga, à la poste restante? Faites cela,— peut être en aurez vous encore le temps. Je suis devenue très active depuis que je suis seule; jusqu'à présent le ménage va assez bien. Je Vous enverrai le compte de mes dépenses journalières durant la route — теперь время нѣтъ. Прощай ещё разъ. — Madame Bartousevitch est-elle venue me voir Mardi? *Moi*, ne Vous y trompez pas. Je suppose qu'elle ne me croyait pas partie.

На оборотѣ: Милостивому Государю Николаю Ивановичу Павлищеву. Въ Варшавѣ. A Monsieur Pavlisczev à Varsovie. Помѣта карандашомъ Н. И. Павлищева: «16/28 Août 1835»; на адресѣ штемпель: Ostrolęka.

---

1) Петръ Христофоровичъ Софіано служилъ тогда чиновникомъ особыхъ порученій въ дипломатической Канцеляріи Намѣстника — Генералъ-Фельдмаршала Паскевича. Онъ получилъ тамъ въ 1837 году депешу о дуэли и кончинѣ Пушкина и первый извѣстилъ о томъ мужа Ольги Сергѣевны, явившись къ нему ночью. Онъ былъ также членомъ Совѣта Народнаго Просвѣщенія въ Царствѣ Польскомъ и членомъ Экзаменаціоннаго Комитета. *Л. П.*

2.

[Первая половина августа 1835 г. Августовъ].

Je n'aurai peut être pas le temps de Vous écrire de Kovno, mon bon ami, où je crois arriver demain; je voyage vite, comme Vous voyez, mais le petit me donne beaucoup d'inquiétudes: ses angoisses ont fait place à une tristesse, une apathie qui me fend le coeur, et il est devenu si maigre et si pâle depuis mardi qu'il est méconnaissable; partout où je m'arrête on me demande de quoi il est malade; il sommeille continuellement, ne mange presque rien; cette nuit je l'ai veillé seul: j'ai laissé Natalia dormir ailleurs; elle est toute défaite à force de le soigner. Pourquoi me suis-je depêchée de partir: il aurait fallu attendre son entier rétablissement... Vraiment il a le marasme, что нибудь въ нутри гниетъ; son foi est attaqué,— les dents ne peuvent pas opérer un changement aussi visible et dans si peu de temps; mon bon ami, je suis bien triste, je n'ai qu'une idée fixe — c'est de perdre ce pauvre enfant qui était si gai, si bien portant, si plein de vie! Les sangsçues lui ont fait du mal, pas d'autre cause, ce sang si précieux qu'on lui a tiré. Ah! Dites tout cela à Leuvestam[1]).

Je crois que je serai le dixième jour à Riga; je suis contente du cocher et de Pierre[2]) aussi. Bonjour, écrivez moi à Riga de grâce à la poste restante. À l'instant je pars, je passe par une ville, où je remettrai cette lettre.

На оборотѣ: Милостивому Государю Николаю Ивановичу Павлищеву. Въ Варшавѣ. A M-r Pavlisczev à Varsovie. *Штемпель:* Augustov.

---

1) Докторъ въ Варшавѣ. *Л. П.*

2) Петръ — крѣпостной Пушкиныхъ, служившій у Павлищевыхъ въ качествѣ камердинера. *Л. П.*

3.

Dimanche. Ковно. Midi [20-го августа 1835 г.].

Vous devez être bien inquiet, cher ami, si Vous avez reçu ma dernière lettre: je l'ai écrite pour me soulager le coeur, mais je me suis répentie de Vous l'avoir envoyée. Je n'ose rien espérer encore, pourtant le petit paraît être mieux...; il m'a souri aujourd'hui, mais jusqu'à présent il ne mange absolument rien: il rejette tout ce qu'on lui donne, même son eau d'orge, quand elle est un peu épaisse.—Авось это зубы, а не сухотка. Il dort assez bien en voiture. Mon Dieu, s'il allait tout à fait bien,—je serais tout à fait tranquille, je n'aurais plus ces idées noires, qui ne me quittent presque plus maintenant; je ne ferais pas même attention à sa veine sur le nez.— Si Vous m'aviez vue ces jours-ci, mon bon ami! Mais je suis contente que Vous n'avez pas été témoin de mes affreuses inquiétudes, de mes larmes, de mon désespoir; Vous auriez vu peut être de l'exagération, vous m'eussiez, parlé raison, et Vous auriez par là augmenté mes tourments. À chaque instant je croyais le voir mourir sur mes bras; la nuit je prêtais l'oreille à sa réspiration, doutant de son existence.—Je crois que je n'avais pas figure humaine; mes femmes ont partagé mon chagrin, elles ont pleuré aussi; mais grâce à Dieu, il va mieux, quoique toujours faible et triste; vraiment ce sont ses dents, peut être; sa lèvre supérieure est très enflée, il met ses doigts dans la bouche. Je ne vous ai pas dit encore que je suis enfiin de l'autre côté de la rivière. Mr Lvoff, l'inspecteur ou je ne sais comment on l'appelle, est un homme insoutenable: il veut tout voir, il a fait mettre tout sans dessus dessous, mes éffets étaient au beau milieu de la rue, par terre. Heureusement que le temps est beau. Mais devinez son chef-d'oeuvre: il me demande, combien j'ai d'argent avec moi, si j'ai des assignants? Je lui dis que *oui*. «Вотъ это и не хорошо, *покажите*». Je fus obligée de lui étaler

mon trésor; il a compté et recompté,—il a pris le papier que Vous m'avez écrit pour m'en mettre au fait, et a fini par me rendre le tout d'un air capable et digne. Cela m'aurait amusée une autre fois, mais le petit demandait à boire, là, dans la rue, et je ne pouvais rien. Encore, figurez Vous qu'il m'a fait ouvrir tous mes petits tiroirs, a regardé Vos lettres; en vérité c'était à mourir de rire.— Là se trouvait une dame qui était presque dans le même cas; je dis *presque*, parcequ'elle allait de l'autre côté; elle en était indignée. Nous avons fait d'abord connaissance pour le plaisir de gronder; elle était accompagnée de 2 messieurs *très comme il faut*, et elle toute pimpante et boucllée — une femme d'une 40 d'années et parlant français, comme une italienne, mais je la crois polonaise; elle m'a beaucoup plue; elle m'invitait à venir chez elle à mon retour, mais j'ai oubliée dans quelle ville elle demeurait.— Ce n'est pas le plus intéressant encore. Monsieur Кондратіевъ Vous fait ses compliments: il se trouve avec son régiment ici; il a su qui j'étais et s'est présenté sans façon, comme un bon et ancien camarade d'école à Vous.— Il paraît être un très bon enfant; je l'ai reçu avec plaisir, car je voyais qu'il n'était venu que pour parler de Vous. Еще что тебѣ сказать? *Леля* коровамъ опять сталъ сейчасъ радоваться; проситъ бульону, то есть кричитъ на супъ, который мнѣ подали; двѣ, три ложки выпилъ.—

Прощай, я спѣшу ужасно и рада, что за рѣкой; кучеромъ очень довольна; онъ, однако, выпросилъ у меня пятьдесятъ рублей и божится, что будетъ въ десять дней въ Ригѣ. Прощай, кланяйся знакомымъ. Je Vous embrasse bien tendrement, mon bon ami.

Почта Н. И. Павлищева: $\frac{20\ \text{Août}}{1\ \text{Sept.}}$ 1835.—Jeudi 22/3.

4.

Jeudi matin [22-го августа 1835 г. Митава].

Me voilà à Mitau. J'attends avec impatience le moment d'arriver à Riga pour prendre des chevaux de poste. Le petit ne va pas plus mal, mais il n'est pas bien: il ne mange absolument rien,—il ne se nourrit que de boissons et il avale quatre à cinq cüillers de bouillon, voilà tout; mais il est assez tranquille en voiture, toujours triste, bien faible et maigre,—maigre que cela fait mal à voir. En vérité je perds quelquefois entièrement la tête.

Comme je voudrais être auprès de mes parents! Le temps me paraît d'une lougueur affreuse, pourtant c'est bien demain le 10-me jour de mon départ; le cocher aurait envie de me mener jusqu'à Pétersbourg, mais moi je n'ai nulle envie: il a fait crever son meilleur cheval, en lui donnant à boire, lorsqu'il était échauffé, et ensuite il ne s'est pas soucié d'appeler un *Канавалъ;* c'était avant hier; le cheval tombait à tout moment, et il le faisait relever à coups de bâton; a peine arrivé à une station, le pauvre animal ne se releva plus; il m'a acheté un autre, mais tous les 4 ne valent pas le diable par le sable et les montagnes que nous allons avoir. Онъ меня однако со всемъ этимъ разсмѣшилъ. Я ему сказала: «*Твоя лошадь до Риги не дойдетъ*».—«*А Богъ то на что?*» fut sa réponse. C'est tout à fait russe.

J'espère dans 6 jours être à Pétersbourg, même en m'arrêtant la nuit; je ne veux pas perdre un instant à Riga, j'enverrai tout de suite prendre la подорожная. Ici j'ai revu une ancienne connaissance—M-r Wittenheim; sa femme est à la campagne, sa visite m'a fait plaisir, il m'a consolé au sujet du petit. À propos: il a fait une dent, mais l'autre à côté n'a pas encore paru,—j'espère que tout son mal ne provient que de là, son teint s'est éclairci un peu.—

Adieu, mon bon ami, il faut envoyer à la poste pour faire faire maintes et maintes choses, hâter les gens qui ne font que

manger, et puis dormir en voiture. Pierre se conduit très bien, je lui ai dit que si je suis contente de lui, je ne ferai pas de plaintes à mon père; on peut le prendre par la douceur. Enfin c'est un bon garçon,— il est d'une gaieté folle; j'aime mieux ça, je Vous l'avoue, que les phisionomies sournoises des domestiques. Bonjour.

На оборотѣ: Его Высокоблагородію Николаю Ивановичу Павлищеву. Въ Варшавѣ. À Monsieur Pavlistcheff, Sous-Secrétaire d'état près le Conseil d'Etat à Varsovie. *Почта Н. И. Павлищева:* expédiée jeudi, c. à d. $\frac{22 \text{ Août}}{3 \text{ Septembre}}$ 1835, reçu lundi ce 26/7.

5.

Le 31 Août [1835. Pavlovsk] [1]).

Je suis ici depuis le 28. Lolo va mieux, mais ce qu'il a souffert jusqu'à Riga, c'est terrible. À Mitau je fus obligée d'envoyer auprès une sage-femme, elle lui a fait du bien... Je ne savais plus que faire. Comme j'étais malheureuse!.. Grâce à Dieu c'est passé. Je suis enfin avec les miens, caressée, choyée avec mon enfant, comme vous pouvez le croire. Je demeure dans la maison même, j'ai deux petites chambres, c'est tout ce qu'il me faut, et maintenant j'aurais été tout à fait tranquille, si ce n'était la mauvaise santé de ma mère [2]) que j'ai trouvée changée au delà de tout ce que je pouvais m'imaginer; elle dit qu'elle va bien, mais son état de faiblesse m'alarme beaucoup. Hier Alexandre avec sa femme [3]) est venu me voir. Ils ne vont plus à la campagne de Nigni, comme Monsieur se le proposait, car Madame ne veut pas en entendre parler, et lui se contente d'aller faire un séjour de quelques *jours* à Trigorsk, et elle ne bougera pas de Pétersbourg. Il me charge de vous dire, mon bon ami, en quoi voulez vous faire consister la

1) Ольга Сергѣевна остановилась у своихъ родителей. *Л. П.*
2) Надежда Осиповна Пушкина.
3) Александръ Сергѣевичъ и Наталья Николаевна Пушкины.

довѣренность, чтобы черновую написалъ и прислалъ, что онъ согласиться на все. Между тѣмъ, тебя предупреждаетъ, что если ты хочешь на пашню, то трудъ лишній будетъ и толку мало[1]); земли на его части слишкомъ недостаточно, то лучше ихъ[2]) оставить на оброкѣ. — Тамъ новый управитель — *Пеньковской.* Онъ ему уже объ насъ писалъ, et Vous n'avez qu'à écrire vos ordres à ce monsieur, quand il Vous plaira: въ *Арзамасъ по Сибирскому тракту въ село Абрамово для доставленія въ Болдино Е. Б. Іосифу Матвѣевичу Пеньковскому.* C'est l'intendant de mon père, auquel Alexandre a confié aussi tout le bien. Mon père vient de me dire qu'il lui a écrit qu'il m'envoie ce qui me revient— да это безтолково что-то. Братъ вчера мнѣ сказалъ, что Пеньковской ожидаетъ *моихъ приказаній*, а я тебѣ поручаю писать ему, что̀ благо тебѣ разсудитъ (sic), или мнѣ напиши, что ты хочешь, чтобы я ему приказывала,— me comprenez-Vous? — À peine puis-je lier deux idées de suite, cher ami; я въ чаду ужасномъ, пишу на окошкѣ въ гостинной entre mon père et ma mère; l'enfant crie dans ma chambre, et la poste va partir dans une heure. Je dois envoyer à Zarskoe. À propos: Alexandre a vendu le fermoir un de ces jours pour 850 roubles; il me remettra l'argent. Soyez donc sans inquiétude quant à mes affaires pécuniaires; mes parens sant bien gênés dans les leurs. Je veux leur être à charge le moins possible. Ici je suis très bien, mais ils ne pourront pas prolonger leur séjour au delà de la mi-Septembre, quoique le temps soit superbe; on doit s'attendre à un changement, et la maison ne sera pas alors habitable.

Bonjour. La poste prochaine je Vous écrirai plus de détails au sujet de mon voyage et de tout.

Je ne me suis arrêtée à Riga que quelques heures; la poste était fermée, et je suis sûre que j'avais une lettre de Vous.

---

1) Дѣло касается переписки Н. И. Павлищева съ Пушкинымъ объ управленіи селомъ Михайловскимъ. *Л. П.*

2) Крестьянъ этого села.

6.

Ce 12 Septembre [1835. Pavlovsk].

Votre lettre du 28 est parvenue ici en mon absence: j'étais allée à Pétersbourg pour une couple de jours à la prière de Madame *Pouchkine-ex-Enings*[1]), laquelle, ayant appris mon arrivée, accourut sur le champ se jeter à corps perdu dans mes bras, accompagnée des comtesses Ivelitch et de Madame Yasicoff; elle me tourmenta si fort pour obtenir ma promesse de venir le soir même avec elle chez elle, que, malgré le peu d'envie que j'en avais, je fus forcée de m'y décider et de me placer tant bien que mal la cinquième dans sa voiture. C'était lundi; jeudi nous retournames ensemble, et Papa m'a remit Votre *incluse*, sans me dire un mot de la lettre; le soir je demandais à Maman ce que Vous leur écriviez; elle me dit là-dessus: *Разве ты письма не читала — завтра я тебѣ его покажу*, et le lendemain et le surlendemain elle n'en fit rien; aujourd'hui je reviens à la charge: *Оно у отца*, fut sa réponse. Papa avait l'air triste, avait la figure plus longue qu'à l'ordinaire, de sorte que je n'avais pas jugé à propos de lui en parler; par conséquent, cher ami, je ne saurais Vous dire *l'effet* que fit Votre épître.

Lolo se porte infiniment mieux, mais il est très enrhumé; sa quatrième dent n'a pas encore percé. On le trouve très gentil, il n'est pas sauvage du tout, et a pris en affection les grands parens. Maman trouve qu'il Vous ressemble beaucoup en profil, qu'il a Votre front et Votre bouche. Pas moins elle l'aime beaucoup et répète que de tous ses petits enfants il est et sera toujours son favori. À propos: Alexandre[2]) est parti pour Trigorskoe et veut y rester 3 mois; il m'a remis les 800 roubles du fermoir; mainte-

1) Какая это Пушкина, намъ неизвѣстно. *Ред.*
2) Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ.

nant Vous n'avez qu'à Vous adresser à M-r *Пеньковской*, qui, dit-on, est un parfait honnête homme; il dirige tous les biens de mon Père et d'après ce qu'Alexandre lui a écrit, il attend nos ordres, c'est à dire les Vôtres et les miens. — Quant à la procuration — fabriquez la et envoyez la: братъ [1]) подпишетъ свое имя, вотъ и все. C'est lui qui m'a chargé de Vous le dire; а черновую пришли, однако,— cela sera plus délicat, n'est-ce pas? — Ce qu'il y aurait de mieux, cela serait de Vous aboucher; venez cet hiver: nos intérêts l'exigent; il y aurait toujours du mic-mac par écrit avec mon cher frère qui n'a jamais la patience d'achever une lettre; c'est Maman qui me l'a assuré et je le crois.

Vous m'écrivez que Vous avez reçu 3 lettres de moi. Je Vous en ai écrit quatre: en route de Plotsk, d'une autre petite ville, de Kovno et de Mitau; l'une d'elles était désolante, mais celle de Kovno était gaie et longue: Lolo allait mieux ce jour-là.

Il n'est pas question d'aller à Moscou, au moins on n'en souffle pas le mot. J'ai de la répugnance d'aborder ce sujet; je ne voudrais pas apprendre que c'est pour moi qu'ils [2]) ne bougent pas de Pétersbourg; au reste je pense qu'ils n'auraient pas l'argent nécessaire pour entreprendre ce voyage. Jusqu'à présent on ne songe pas à chercher un logement en ville pour cette raison. Пеньковской leur en promet pourtant pour le 1 Oct. — Вообрази, что въ прошломъ году имѣніе описывали пять разъ! Ma mère a la bile répandue, — c'est sa maladie; tantôt elle va mieux, tantôt plus mal. Maintenant elle ne pense qu'à Léon [3]), qui de nouveau est militaire grâce au baron Rosen, qui n'a rien fait pour lui, en dépit de ses belles promesses à mon Père. Léon s'imagine qu'on l'a désservi auprès de lui, et le voilà guerroyant contre les montagnards à l'heure qu'il est. Cela vaut mieux que de rester oisif. Il ne s'amuse pas autant qu'à Varsovie.

---

1) А. С. Пушкинъ.
2) Родители О. С. Павлищевой.
3) Левъ Сергѣевичъ Пушкинъ.

A présent je m'en vais Vous donner quelques détails sur moi. J'ai oublié de Vous dire dans ma première lettre qu'arrivée à Pétersbourg je m'arrêtais dans la maison Varvarine pour nourrir les gens et louer des chevaux. Je me fis amener une petite calèche et seule, sans domestique, je pris les devants. En moins de deux heures *à la lettre* j'étais à *Pavlovsk* et je ne trouvais ni mon père, ni ma mère à la maison. Le premier objet que j'embrassais — ce fut mon ex-adorateur Vitoftoff, qui conduisait son éternel cabriolet devant la fenêtre. Il poussa un cri, en m'appercevant, et sauta à bas en jeune homme de 15 ans; nous nous embrassâmes comme des pauvres,— ce qui m'est arrivé au reste bon nombre de fois ici avec maint et maint individus de mes anciennes connaissances, entre autre les Chévitch; ni la mère, ni la fille n'ont changé à mon égard; elles m'ont revue la première fois depuis mon mariage, toujours amicales et démonstratives au suprême degrés. J'ai retrouvé encore la famille Titoff[1]),—Mademoiselle Annette[2]) toute aux anges d'avoir pour mari un jeune homme et un benêt; c'est un certain Ismailoff, parent à nous[3]), — et puis une Madame Ocounef, née Крюковъ; nous avions onze et douze ans à notre dernière entrevue; c'était une bonne musicienne, mais elle a abandonné la musique pour faire le bel esprit et de profondes révérences; son mari est un colonel militaire, cantonnant ici, faisant la cour à droite et gauche; pour le moment c'est à moi qu'il fait la cour, passant et repassant devant la fenêtre et faisant le gentil de toutes les manières pour me plaire à ce qu'il prétend; cela amuse beaucoup Maman. Nous dînons aujourd'hui chez eux; je n'ai pu me soustraire à leure invitation en dépit d'un pied malade que j'ai en pantoufle. Je fus obligée d'aller aussi chez madame Archaroff, —

---

1) Изъ Титовыхъ Николай Алексѣевичъ былъ авторомъ многихъ извѣстныхъ въ то время русскихъ романсовъ. *Л. П.*

2) Сестра его—Анна Алексѣевна Измайлова (род. 4-го марта 1794, ум. 10-го августа 1858 г., погребена въ Павловскѣ), дочь генералъ-маіора. *Ред.*

3) Родная по отцу тетка Сергѣя Михайловича Измайлова—Анна Васильевна Измайлова (ум. 1827) была замужемъ за дядей О. С. Павлищевой — Николаемъ Львовичемъ Пушкинымъ. *Ред.*

добрая старушка, которая меня облабызала и заслюнила. De mon plein gré j'ai été voir la pauvre madame *Kuhulbekert*[1]), laquelle, après avoir reconduit sa fille *Glinka*, est restée toute seule ici. Son fils *Guillaume* a, dit-on, le marasme et s'éteint tout à fait; sa fille *Julie* est placée comme demoiselle de compagnie chez la comtesse *Polier*, qui se marie tout de bon enfin à un italien—pas Comte, mais très riche, *Boutera*; elle reçoit les félicitations[2]). Son fils Schouvalof en a été si affligé qu'il est parti pour le Caucase et s'est fait militaire.

Теперь новость за новостью: *Michel Glinka*[3]) est marié a une demoiselle Ivanoff, jeune personne sans fortune et sans éducation, pas du tout jolie et qui déteste la musique par dessus le marché. Cela n'a pas empêché *Glinka* de composer pour elle un morceau de musique de toute beauté, que j'ai entendu exécuter chez Madame Pouchkine (toujours l'ex-Enings) par le jeune *Dorgomychsky*[4]),— vous le connaissez, je crois: c'est un génie maintenant, mais si disgrâcié de la nature qu'avec un caractère tant soit peu gai on ne saurait le voir et surtout l'entendre parler sans avoir envie de rire—il a une voix de masque tout à fait. C'est lui qui m'a parlé du fameux mariage de *son ami*, qui, j'espère, est un pendant à celui de Korsac[5]); faites lui en part et félicitez le de ma part avec sa Капитанова.

A présent je vous dirai, comment j'ai employé mon temps à Pétersbourg. Nous y arrivâmes à onze heures du soir. Alexandrine[6]) fit servir le thé dans le cabinet de son mari, lequel était

---

1) Т. е. Кюхельбекеръ, мать декабриста Вильгельма Карловича Кюхельбекера.

2) См. о ней «Русскій Біографическій Словарь», т. *II*., стр. 465.

3) Знаменитый композиторъ.

4) Знаменитый композиторъ.

5) А. А. Римскій-Корсаковъ, землякъ Глинки и его товарищъ по Университетскому Пансіону, — юмористическій поэтъ. Проживалъ тогда въ Варшавѣ, гдѣ преподавалъ русскій языкъ въ четырехъ-классномъ училищѣ и женился на полькѣ; поляки всегда, говоря о ней, называли ее «*Пани Капитанова*», такъ какъ Корсаковъ былъ титулярнымъ совѣтникомъ. *Л. П.*

6) Пушкина-ex-Enings (см. выше).

allé pour quelques jours à Novgorod, et j'ai choisi ce cabinet pour ma chambre à coucher. Nous restâmes à causer jusqu'à deux heures du matin avant de nous séparer et à sept heures du matin nous étions déjà levées: j'avais l'intention de faire quelques courses. Alexandrine à toute force voulait que je me serve de son équipage, mais je l'ai priée en grâce de me dispenser de son carosse et de sa valétaille. À 10 heures je me fis amener une petite calèche couverte et au moment de sortir je vis entrer Catherine Ivelitch, toute ésoufflée, qui me demandait s'y placer avec moi pour que je la conduise chez sa cousine Кокошкинъ, en attendant mes visites. Je commençais par Alexandre[1]), qui loge à côté. Nous le trouvâmes sur le perron avec des paperasses sous le bras. Когда онъ узрѣлъ Ивеличеву со мной, то чуть въ обморокъ не упалъ и насила выговорилъ: «Et Vous, *Comtesse?*» L'autre par bonté d'âme se hâte de le rassurer, en disant: «Je vais chez les Кокошкинъ». Тутъ онъ обрадовался, воротился со мной, представилъ своимъ женамъ: теперь у него цѣлыхъ три, какъ тебѣ извѣстно[2]). Elles sont belles, ses-belles soeurs, mais elle ne sont rien en comparaison de Natalie, que j'ai trouvée très embellie: elle a un joli teint maintenant et engraisse un peu; c'est la seule chose qui lui manquait. Je n'ai pas voulu dîner chez eux de crainte de m'ennuyer; je ne restais qu'une demi-heure et sous pretexte de courir les boutiques je m'embarquais de chez eux chez Annette Paskevitch (qui n'est plus belle, car elle a beaucoup vieillie), ensuite chez Mad. Княжнинъ. De là je suis allée faire des emplettes indispensables, comme par exemple *l'arrowroot*, dont on m'a conseillé de nourrir absolument l'enfant, et puis l'herbe d'Averine et puis encore autre chose. Nous dînâmes en 3 chez Alex. P.[3]). M-lle Paskevitch nous survint l'après dîner. Madame Négri, née Ipsilanti,

---

1) Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ.

2) У Пушкина проживали двѣ его свояченицы: Екатерина и Александра Николаевны Гончаровы. Первая впослѣдствіи вышла за его убійцу — Дантеса-Гекерена, а вторая — за барона Фризенгофа. *Л. П.*

3) Александрина Пушкина. *Л. П.*

avec son mari et ses drogues qu'elle avalait tous les quarts d'heure, et puis une princesse Mourouzi, née Stourza, passèrent la soirée. Cette dernière est une femme de 26 à 27 ans, qu'on trouve très jolie; elle est dans le goût Moldave: très brune, des sourcils arqués, très noires aussi, et des yeux un peu à fleur de tête...

Le lendemin Alexandrine eut du monde à dîner et toujours des femmes dans la matinée. J'allais encore aux boutiques, ayant oublié d'acheter plusieures choses, et puis chez M-lle Zebricoff, qui n'est plus M-lle Zebricoff, mais bien Madame Olimpieff [1]). Personne, hors Vitoftoff, ne fut aussi demonstratif; son mari [2]) aussi m'a serré la main si franchement, si cordialement, que cela m'a prévenu en sa faveur. C'est un veuf, père de 4 enfans, jeune encore, pas mal du tout, однако совѣршенный *Професоръ*. Ils sont bien logés dans une maison de la couronne au Gymnase. Natalie a beaucoup maigri, et ses boutons ne lui sont pas passés; elle a fait une fausse couche dont elle ne peut se remettre. Je crois qu'elle a bien fait de se marier au reste.

Le soir la société de Madame Pouchkine s'augmenta de la Princesse Mourouzi, de deux Princes Mourouzi, de Dargomychsky et d'un jeune officier, dont je n'ai pas demandé le nom. Toutes les dames avaient leur ouvrage, excepté moi, la maîtresse de la maison et Cath. Ivelitch. J'ai revu là M-me Chreuder et ses deux filles qui m'ont donné des nouvelles de l'ex-baronne Delvig [3]). Elles m'ont dit qu'elle était toute heureuse d'être à la campagne avec sa belle-mère et ses belles-soeurs. Mais le fait est qu'elle vit comme chien et loup avec son mari, et que lui, sous prétexte de visiter les malades, court de village en village et reste des mois entiers absent; il revient et de rage sa femme devient grosse, et de nouveau il s'en va. Это мнѣ братъ сказалъ.

---

1) Жена извѣстнаго педагога.

2) Алимпіевъ.

3) Вдова поэта А. А. Дельвига, Софья Михайловна, рожд. Салтыкова, вышедшая въ то время замужъ за брата поэта Боратынскаго.

Son frère Hercule[1]) se marie à la Princesse Abamelek,— dit-on *délicieuse*. — A propos: la beauté de Pavlovsky est une demoiselle Pouchkine, demoiselle d'honneur[2]); elle demeure chez les Chevitch, elle est bien jolie, ainsi que sa soeur. Son père a voulu nous les amener; au reste elle vient de faire une grande bêtise: elle a refusé Vénévitinoff qui l'a demandé en mariage à deux reprises; il est riche, joli garçon, bon enfant; on dit qu'elle est occupée d'un autre, qui ne pense pas à elle; elle est tout à fait sans fortune et n'a aucun avenir; aussi son père l'a-t-il grondé d'importance; on espère que ce mariage se fera au reste, tant bien que mal, mais le jeune homme a pris son parti à ce qu'il paraît: il est à Pétersbourg et ne vient plus ici. — Encore une ancienne connaissance qui m'arrive—une demoiselle Korsakoff, dont j'avais oublié l'existence. Что бы мнѣ тебѣ еще сказать? Je ne veux pas laisser de blanc, au reste je ne Vous promets pas de Vous écrire chaque fois d'aussi longues lettres, car primo, je me suis prise d'avance,—cette lettre ne partira qu'après demain, et puis j'avais tant de nouvelles à Vous dire. À propos de nouvelles: Sa Majesté a donné la clef des champs à la Comtesse Samoïloff à condition qu'elle ne mette pas le pied ni à Moscou, ni à Pétersbourg. Elle s'est avisée il n'y a pas longtemps de donner une fête de village à sa Славянка, à l'instar de celle de la Maison Blanche de Paul de Kock; il y avait un mât de cocagne, auquel était suspendu un Сарафанъ et un Павойникъ; figurez-Vous qu'une femme de 45 ans, grosse et laide a remporté le prix! Cela amusa beaucoup la Comtesse, comme Vous pouvez le croire, ainsi que sa société, mais le mari de cette héroïne la rossa d'importance et jeta le tout au feu. «Ты острамила себя и меня на цѣлый вѣкъ, вотъ тебѣ и сарафанъ, и павойникъ!» La Comtesse en fit donner un autre, et *lui signifia l'ordre* de le porter comme prix de son adresse. On dit que messieurs les militaires qui sont

---

1) Другой братъ поэта — Ираклій Абрамовичъ Боратынскій, женатый на воспѣтой Пушкинымъ княжнѣ Аннѣ Давыдовнѣ Абамелекъ.

2) Фрейлина Екатерина Петровна Мусина-Пушкина? *Ред.*

allés sans permission à cette fête furent mis aux arrêts le lendemain. La Comtesse Samoïloff se porte très bien et elle est très gaie, par conséquant; c'est douteux que le Prince Serge[1]) puisse hériter de la fortune qu'elle lui lègue. Elle a une jeune Italienne chez elle, à laquelle elle donne un million, — c'est plus certain; elle n'a que quatorze ans. Madame Chreuder qui l'a vue à un bal, m'a dit qu'elle est d'une vivacité singulière et tout à fait originale, mais elle n'est pas jolie. Je ne me fie pas du reste au goût de madame Chreuder. Ses filles sont de laides allemandes, son ainée est si (нрзб.) et si blonde et pâle que c'est dommage, car elle a de l'esprit.

Mille choses à Sophiano; il me fera toujours plaisir en m'écrivant; mais pourquoi veut-il que je lui écrive moi, puisqu'il lit toutes mes lettres? D'ailleurs je n'ai rien de particulier à lui dire. Je ne crois pas que Monsieur Lochtine[2]) veuille m'écrire et m'écrive, et moi je suis paresseuse, — и я пишу только тебѣ. À propos: отыскались у брата[3]) 20 экземпляровъ твоего «*Лирическаго Альбома*»[4]); я хотѣла ихъ промѣнять на книги, но мнѣ никто даже «Ледянаго дома» не даетъ, а онъ стоитъ только 1 р. съ картинками,—итого, цѣнятъ меньше рубля.

Encore une histoire tragique: on a trouvé chez le coiffeur Heliot la tête tranchée d'une jeune personne qu'il fesait passer pour sa cousine. On l'a surpris dans la contemplation de cette tête. Il a eu le talent de se justifier et de prouver que c'est elle-

---

1) Кажется ея племянникъ. *Л. П.*

2) Николай Андреевичъ Лохтинъ. На его внучкѣ Варварѣ Алексѣевнѣ Мельниковой былъ женатъ покойный сынъ Пушкина — Григорій Александровичъ. *Л. П.*

3) Александра Сергѣевича.

4) М. И. Глинка издалъ въ сотрудничествѣ съ Н. И. Павлищевымъ въ 1829 году *Лирическій Альбомъ*; тамъ, кромѣ сочиненій издателей, помѣщены пьесы и романсы Норова, Вielьгорскаго, Штерича и другихъ, а также пѣсня «*Вилія*» изъ поэмы Мицкевича «*Валленродъ*» въ переводѣ на русскій языкъ, положенная на музыку тещей Мицкевича — піанисткой Шимановской, дававшей концерты въ Петербургѣ. *Л. П.*

même qui a fait ce chef d'oeuvre de dextérité!!!... Il me fesait toujours l'effet d'un assassin. Je me propose d'aller chez lui sous pretexte d'acheter de la pommade qui fait disparaître les cheveux gris (il en vend) et lui parler de cette histoire.

Il faut que je Vous parle encore un peu de Lolo. Il a beaucoup d'esprit, comme je Vous l'ai dit, et puis il est singe à mourir de rire: il contrefait tout le monde. Il a été deux fois chez ses petits cousins [1]) et en revenant de là il a raconté, comment le petit Sacha [2]) a battu Macha [3]) et comment celle-ci a pleuré; большой говорунъ; il aime le monde, il n'est pas sauvage du tout; mais son favori—c'est Vénévitinoff et Tolstoy; il aime qu'on s'occuppe de lui. Ивеличевой онъ надоѣлъ и она мнѣ сказала: «Твой Леля ни дать, ни взять твоя покойница Душинька [4]): онъ хочетъ, чтобы имъ занимались». C'est un peu vrai. Къ Паскевичевой онъ на руки пошелъ тотчасъ. À propos: Alexandre [5]) ne la trouve pas du tout changée et lui fait la cour tout comme auparavant.

Семенъ Исаковичъ [6]) s'est fait intendant des biens d'un prince Golitzine à Voronège.

Demandez au prince Volconsky ce que s'est devenu M-r Voldemar, le pupile de sa soeur: le prince Alexandre Mestchersky m'a prié (нрзб.) de m'en informer. Mestchersky est un excellent... (нрзб.) l'arriver plusieures fois depuis 9 ans; il avait alors 18; il m'a reconnu sur le champ dans la rue, mais lui fut obligé de se nommer; il a endossé l'uniforme de hussard et porte lunettes. Il vient presque tous les jours chez nous,—въ Образцовомъ полку. Теперь здѣсь надобно тебѣ признаться, что я забыла въ Ригѣ послать

---

1) Дѣти А. С. Пушкина. *Л. П.*

2) Старшій сынъ его, Александръ Александровичъ, нынѣ генералъ-отъ-кавалеріи и Почетный Опекунъ; проживаетъ въ Москвѣ. *Л. П.*

3) Старшая дочь Александра Сергѣевича — Марья Александровна. Пожалована въ 1852 году фрейлиной, а въ 1860-мъ вышла замужъ за нынѣ покойнаго генерала Леонида Николаевича Гартунга. *Л. П.*

4) Любимая собачка Ольги Сергѣевны. *Л. П.*

5) А. С. Пушкинъ.

6) Ганнибалъ.

за письмомъ, а потому не знаю, что ты и Софіано мнѣ писали. Лелѣ было лутче — и я спѣшила ѣхать.

Sobolevsky est à Moscou; il prétend, что Кукольникова трагедіи — точно Кукольныя Комедіи.

7.

Ce 4 Octobre [1835. Pavlovsk].

Je ne Vous écrirai pas beaucoup cette fois-ci, mon bon ami: j'ai un mal de tête affreux,— mais comment remettre à la poste prochaine? Cela Vous donnerait peut être de l'inquiétude.

Je savais que Papa Vous avait envoyé, pour ainsi dire, la copie de la lettre d'Alexandre [1]), mais il paraît que Vous l'avez mal compris. D'après ce qu'il m'a dit, il ne demande pas mieux que de Vous donner les pleins pouvoirs, hormi, s'entend, *la vente du bien qui n'est pas à lui*; mais il ne saurait Vous donner une procuration avant de savoir en quoi Vous voulez la faire consister; il y souscrira avec plaisir, comme je Vous l'ai dit. Je Vous repeterai cependant que Vous ferez mieux de Vous arranger de vive voix. Venez cet hiver, mais hâtez-Vous au reste lentement. Alexandre est à présent à Trigorsky; il y séjournera probablement tout le mois de Novembre; Vous ne sauriez rester, si Vous venez comme courrier, plus de 28 jours,— n'est ce pas? Tâchez donc de ne pas être envoyé avec vos *dépêches* avant le mois de Décembre. Il est sûr et certain que nous n'irons pas à Moscou: l'argent manquera d'abord, comme à l'ordinaire, et il en faut pour aller et pour y arriver; et puis la santé de Maman ne lui permettra pas d'entreprendre ce voyage en hiver: elle est de nouveau plus mal et puis ils sont décidés de prendre un logement pour six mois à Pétersbourg.— Comment arranger tout ceci avec leur projet de se trimbaler d'une capitale à l'autre et puis à la campagne l'été qui vient? En un mot, je puis Vous assurer que nous reste-

1) А. С. Пушкинъ; это письмо его не извѣстно.

rons ici jusqu'au mois de Mai. Tout ce qui peut arriver d'extraordinaire c'est que mon Père peut avoir tout à coup l'idée de prendre une place dans la diligence et partir pour Moscou, c'est à dire de là à Nijni, mais vraiment cela sera extraordinaire, quoiqu'on en parle déjà.

J'ai été encore en ville tant pour moi que pour chercher un logement; je crois en avoir trouvé un qui nous conviendra — à la Кирочная, dans la maison qu'occupe Madame Simansky. On demande mille sept cent par an, et on le cède par mois aussi, mais pour deux cent. Maman se transporte dès demain en ville pour se décider et s'arrête chez madame Княжнинъ.

Jusqu'à présent le temps a été superbe,— un temps du mois de Juin à la lettre; personne ne songeait à quitter Pavlovsky: on étouffait en ville à la lettre. Mais depuis deux jours il pleut continuellement, la boue est terrible ici, et puis l'air commence à être un peu froid; nous sommes enfermés — moi et maman et Lolo, qui devient très gentil et qui se rappelle de Varsovie d'une manière singulière. Quand il est triste, pour le distraire j'appelle *Михаилова? Крючекъ*, — et si je lui dis: *Левка, слышишь ты?* — il se met à pleurnicher. Une autre fois cela le fait rêver et puis causer et sourire, et surtout la cuisinière *Михайлова* est son plus doux souvenir. Adieu, mon bon ami, je vois à peine ce que je Vous écris: je souffre mort et martyre... et puis je suis triste: j'ai toujours présente à ma pensée la pauvre Netty [1]), qui vient de mourir à la suite de ses couches; elle était si heureuse et désirait tant être mère! La femme de son frère Pierre [2]) est morte aussi cet été en couches.— La pauvre Nadéjda Гавриил. [3]) est, dit-on, inconso-

---

1) Анна Ивановна Трувеллеръ, рожд. Вульфъ, коей Пушкинъ посвятилъ шутливые стихи (1828): «За Netty сердцемъ я летаю»... (О ней см. въ статьѣ Б. Л. Модзалевскаго: Поѣздка въ Тригорское — «Пушкинъ и его современники», вып. I). *Л. И.* Она скончалась 26-го сентября 1835 г. и погребена въ Сергіевской пустыни (Петерб. Некрополь, т. IV, стр. 297). *Ред.*

2) Петръ Ивановичъ Вульфъ (см. тамъ же). *Л. И.*

3) Вульфъ, дочь Гавріила Петровича Вульфъ (см. тамъ-же). *Л. И.*

lable. C'est avant hier que je l'ai sû par M-me Veidemeyer qui sait tout, et à l'instant M-me Kern[1]) vient de l'écrire à Maman.

La jolie Florentine est condamnée, celle-ci — tout le monde prétend que les médecins l'on tuée; elle en a trois!!! Pauvre petite femme! elle a demandé (нрзб.) elle a voulu absolument recevoir. Je remercie M-r Sophiano pour ses roses *incluses*; il voudra bien m'excuser si j'attendrai une meilleure disposition d'esprit pour lui répondre. Marcoff se porte bien,—M-r Anitchkoff le long nez me l'a dit. Je n'ai pas eu le temps de l'engager de venir chez moi, mais je le ferai si tôt que je le pourrai...

8.

11 Octobre [1835. Pavlovsk].

Depuis 5 jours je suis seule à Pavlovsky: les miens sont allés à Pétersbourg se décider pour un logement. Apparement qu'aucun de ceux que j'avais vus ne leur convient. Ma mère s'est arrêté chez M-me Княжнинъ, mon père — chez le Comte Tolstoy; ils m'ont écrit par le cocher qui les a conduits, qu'ils ont reçu une lettre de Léon[2]), qui les a boulversés. Je suppose qu'il leur parle de ses dettes, ce qu'il n'aurait plus dû faire à l'heure qu'il est: je crains que la mauvaise santé de maman n'en pâtisse, et Alexandre[3]) n'est pas là pour la rassurer (il a au moins ce talent quelquefois).

Hier j'ai reçu Votre lettre avec l'article *pour la «Пчела»*. Ce n'est pas à mon père que je m'adresserai pour la faire insérer, mais à madame Veïdemeyer[4]) qui est en relation, je crois, avec cette racaille littéraire de l'*Abeille du Nord*, dont je ne connais aucun individu. Si elle ne l'est point, elle s'adressera à quel-

---

1) Анна Петровна Кернъ, по второму браку Маркова-Виноградская *Л. П.*

2) Левъ Сергѣевичъ Пушкинъ тогда служилъ на Кавказѣ. *Л. П.*

3) Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ.

4) Татьяна Семеновна Вейдемейеръ, рожденная княжна Херхеулидзева, сверстница и подруга Ольги Сергѣевны.

qu'un de sûr, car elle fera tout pour moi. À mon arrivée à Pétersbourg mon premier soin sera d'aller chez elle, munie de la palinodie, qu'au reste je n'ai pas jugée à propos de copier, car je trouve Votre écriture plus lisible que la mienne et puis je n'ai pas eu la curiosité même de la lire,— ne Vous en formalisez point, mon cher ami,— cela m'a paru trop long et trop peu intéressant.—

Je vous ai dit dernièrement de quoi je souffrais; je n'en suis pas encore entièrement débarrassée, et j'ai souffert l'incroyable,— cette maladie est si ridicule, que je n'osais m'en plaindre de peur de faire rire à mes défauts. M-r Vitoftoff a eu pourtant pitié de moi: il m'a donné l'adresse d'une femme, qui Vous en guerrie pour la vie à raison de quarante roubles. On dit qu'elle est privilégiée, et que messieurs les médicins ne soufflent pas le mot.

À propos: il a paru dans l'arène un marchand de tabac *Орѣшкинъ* qui guerit les maux d'yeux d'une manière incroyable. Онъ вылечиваетъ даже отъ темной воды — и все одинѣми и тѣми же каплями, которыя самъ онъ пускаетъ въ глаза. У него назначенныя часы и всѣгда толпа больныхъ,— разбогатѣлъ онъ до нельзя, купилъ великолѣпный домъ; лечить ему, такъ, какъ и Аверину, дозволяется, сколько душѣ угодно. Графиня Буксевена [1]) пріѣзжала нарочно изъ Ревеля лечиться у него; она была уже слѣпа четыре мѣсяца, а онъ ее вылечилъ совершенно въ теченіи двухъ недѣль. Il a débarassé M-me Simansky d'un cataracte, qui l'avait rendue entièrement borgne plusieurs mois, elle n'en conserve pas un soupçon maintenant; en un mot il fait fureur et merveilles, tandis que *Lerch* [2]) vient de rendre aveugles 25 soldats du régiment Образцовый, qui se trouve ici, à Pavlovsky, leur ayant mal à propos apliqué des sang-sçues sur les paupières. Les pauvres gens, dit on, ont failli le mettre en pièces; il en a rendu seize borgnes, ceux-là se comptent si heureux qu'ils sautent de joie. Leur géné-

1) Т. е. Буксгевденъ. *Л. П.*
2) Докторъ, окулистъ. *Л. П.*

ral Mr Lanskoy[1]) était absent; il est très aimé de ses soldats. À son retour les malheureux l'entouraient, en poussant des cris de désespoir: «Отецъ нашъ! мы тебя не видимъ, ты бы насъ не допустилъ до такого несчастія»! Il en a été si affecté, qu'il en est tombé malade. C'est affreux, et toujours c'est cette maudite mode de tirer du sang. Il[2]) était bon oculiste, quand cela ne lui venait pas en tête; on prétend qu'il ne se trouvera pas bien de ce haut fait. *Lolo*[3]) se porte bien, mais il est toujours maigre et pâle; tout le monde est de l'avis ici que les sang-sçues en sont cause,— jusqu'au médecin de maman; который головой покачалъ. J'espère au reste qu'il reprendra; il devient très gentil,— поётъ пѣсни, молится Богу и дразнитъ Витовтова, какъ тотъ верьхомъ ѣздитъ: плеча подыметъ и начнетъ скакать, и все понимаетъ. Il est très nerveux le pauve enfant, il est d'une sensibilité au dessus de son âge: на него косо посмотрѣть нельзя; quand il pleure, il sanglotte et soupire; il adore Наталья[4]), elle est bien avec lui en revanche; elle est très impertinente avec moi и умничаетъ. Quant à monsieur Pierre[5]), en dépit de l'adoration que lui porte aussi Lolo, j'ai envie de lui donner un passeport,— s'entend si Vous êtes de cet avis. Ce qui me retient c'est que cela ne lui conviendra que trop, et je suis mécontente de lui; il s'est enivré en route deux fois au point qu'on le porta sur le siège. Ici il n'y a pas de cabarets; en revanche une fois, l'ayant envoyé à Царское, il y est resté toute la journée; je n'ose plus l'envoyer nulle part.— Quand je suis allée à Pétersbourg, j'ai pris *Saint-Nigdouille*,— maman appelle ainsi Никиту Кудряваго[6]),—да онъ все лутче другихъ, хоть и говорятъ

---

1) Командиръ Образцоваго полка — впослѣдствіи генералъ-отъ-кавалеріи и членъ Военнаго Совѣта Павелъ Петровичъ Ланской, — братъ Петра Петровича Ланского, второго мужа Натальи Николаевны Пушкиной. *Л. П.*

2) Докторъ Лерхъ.

3) Левъ Николаевичъ Павлищевъ.

4) Нянька его, бывшая крѣпостная, выкупленная Ольгой Сергѣевной. *Л. П.*

5) Камердинеръ Павлищевыхъ, изъ крѣпостныхъ Сергѣя Львовича Пушкина. *Л. П.*

6) Камердинеръ и крѣпостной его же. *Л. П.*

что онъ деньги со стола кралъ у брата Александра и Льва.— Léon[1]) a pris avec lui le frère d'Annушка,—un garçon de 16 ans, dont maman fait un grand éloge; c'était un bon enfant il y a de cela 3 ans. Помнишь, мнѣ все его хотѣлось,— но мнѣ бы его не дали. Льву ничего мать отказать не можетъ.

La poste part demain, mais j'attend le retour de Papa pour Vous envoyer cette lettre, afin d'y inserrer notre adresse de Pétersbourg. M-r Ocouneff prétend que je Vous écris trop souvent et surtout trop longuement, que cela doit Vous ennuyer; il m'a trouvée dans cette occupation et leva les épaules, en appercevant cette épître. Sa femme, comme de raison, est d'un autre avis. Elle m'accable à la lettre de son amitié: il faut absolument qu'elle me voit tous les jours,—et pour son bonheur nous demeurons presque vis à vis. J'ai vu chez elle M-r *Tchorba*, que je n'ai pas reconnue et que je ne me souviens pas du tout avoir vu chez nous qui plus est. Il est peu agréable pour ne pas dire tout à fait désagréable, — за то я съ нимъ спорила однажды часа три, et depuis il me plaît encore moins.

Voici une petite lettre pour Sophiano. La C-sse Samoïloff a-t-elle passé par Varsovie? En a fait-elle des siennes, s'est-elle mise sur le siège à côté de son cocher avec une pipe à la bouche et en bonnet d'homme sur sa tête bouclée et ébouriffée? Она презабавная; je la crois un peu folle. Здѣсь она иная: ѣздитъ, разумѣется, за городомъ, и то хорошо! Elle a déjà placé le million au Lombard pour la jeune personne.

Vous me parlez d'Аничковъ[2]) et rien de Jomini. Ne serait-il pas encore de retour? J'attendrai Anitchkoff avec bien de l'impatience. Rappelez-moi au souvenir de tous les nôtres, mon bon ami,— surtout à celui de M-r Pribitkoff, Freitag, Frankowsky[3])

---

1) Левъ Сергѣевичъ Пушкинъ.

2) Владиміръ Ивановичъ Аничковъ, бывшій боевой товарищъ Льва Сергѣевича Пушкина, адъютантъ генералъ-фельдмаршала Паскевича.

3) Генералъ Фрейтагъ — герой Кавказской войны, а полковникъ Франковскій — кампаній 1813—1814 годовъ.

et M-me Bartousevitch. Pourquoi n'avoir pas tenté de l'aller voir et de la trouver toute prude qu'elle peut être? Je suis sûre que cela lui aurait fait plaisir; à présent sans doute elle est à Brest. Et M-me Rogalsky, et M-lle Rebinder — les avez-Vous vues?

Nous sommes au 13, et mon père non seulement n'est pas revenu, mais on ne me souffle pas mot, on ne me donne pas signe de vie. Le peu d'argent qu'on a laissé est dépensé, et c'est moi qui bon gré mal gré dois subvenir à toutes les dépenses: acheter du bois, régaler les domestiques etc. Ma mère m'a fait un emprunt de 150 roubles, cela ne saurait se borner à si peu de chose vu le train des affaires; je Vous avoue que cela ne m'arrange pas pour le moment; de grâce écrivez à Penkovsky qu'il Vous envoie à Vous les revenus et pas à moi ici. À Votre tour Vous m'enverrez ce que bon Vous semblera: j'ai mes raisons pour cela. A propos: on vient de me dire qu'Alexandre[1]) a reçu 30.000 de Sa Majesté de Kalich; c'est Плетневъ[2]) qui l'a ébruité; cela doit être vrai. Alexandre m'a fait à moi un mystère de cette bonne fortune. A propos de Плетневъ; je l'ai vu: онъ толстъ, важенъ и глупъ; жена его у нѣмки выучилась по-французски; это мнѣ объявилъ братъ.

Il faut Vous dire, mon bon ami, que j'ai déjà entamé les 800 roubles: j'ai payé les gens, j'ai payé Avérine, Natalia, à laquelle je devais depuis si longtemps les 100 florins, et puis j'achète mainte et mainte choses pour Lolo,— comme: l'esprit de vin, huile de lampe et le sucre qui est monté a 1 rouble et demi,— on dit que cela sera encore plus cher. Les харчевыя sont à 9 roubles par tête. Figurez-Vous qu'une livre de sucre pour le seul Lolo et M-lle Natalie ne m'a duré que deux jours! Au reste j'espère avoir été volée, et c'est à quoi je mettrai bon ordre dorénavant. Je me suis arrangée avec une blanchisseuse de la maison pour dix par mois, mais elle a lavé si mal, qu'en ville j'aurai recours à une

1) Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ.
2) Петръ Александровичъ Плетневъ.

autre; pour ce prix je peux toujours en avoir une meilleure. Vous me dites, mon cher, que Vous avez trouvé une bonne place à l'ex-bonne, grand bien lui fasse; mais le fait est qu'elle à été aux genoux de Петрушка la veille de mon départ, et lui offrait 200 florins pour l'engager à prendre dans la pharmacie une purge et un vomitif, afin d'en régaler dans de la bière *Groucha* pour que je laisse cette dernière à Varsovie et la prenne à sa place. Je suis fâchée que je ne l'ai pas sû alors, et puis il y a beaucoup de choses égarées. Les soupçons de mes femmes de chambre retombent sur elle. Entre autre mon voile a disparu de dessus la table au moment de me mettre en voiture, il n'y avait qu'elle et Михайлова[1]) que je sais pour une honnête femme. Un jupon de flanelle a été tiré de la maille et puis de la mousseline. Au reste, si Vous la rencontrez, ne lui dites rien: il ne faut jamais accuser sans certitude. Le premier trait est noir — il faut en convenir.

Bonjour, cher et bon ami. Грустно мнѣ иногда; ради Бога, пріѣзжай повидаться зимой, нужно переговорить также съ братомъ тебѣ. Право нужно.

Si Vous voyez Madame Lachtine, dites lui que je fus obligée de découdre les mouchoirs pour prouver qu'ils ne sont pas de la contrebande... Mes compliments aux nôtres à Pry[bytkoff], Freytag, Sophiano. Je n'ai pas reçu de lettre de lui...

M-lle Tanéeff est morte le jour qui était fixé pour son mariage; elle était promise à un jeune homme de 20 ans, beau et riche, fou amoureux d'elle, au désespoir de l'avoir perdue. C'est M-me Bézobrazoff qui me l'a dit, c'est donc très sûr. M-me Bézobrazoff est tout de suite venue me voir, dès qu'elle a sû mon arrivée, de Zarskoe-Selo, et puis elle est revenue sans attendre ma visite. Cela m'a fort plû et je tiens à son amitié. C'est une charmante femme. Elle va demeurer à Kronstadt, son marie est de nouveau militaire.

---

1) Кормилица Льва Николаевича Павлищева. Оставалась прислугой у его родителей до отъѣзда Ольги Сергѣевны въ Петербургъ. *Л. П.*

À propos: la Comtesse Meline est accouchée après une stérilité de douze à 13 ans. C'est madame Bézobrazoff qui me l'a dit et cela doit être vrai.

Пиши мнѣ à la poste restante. Nous sommes au 16 et la maison n'est pas louée. On ne m'a écrit que pour me le dire et puis que Léon se trouve dans une grande nécessité d'argent, à quoi j'ai répondu qu'ils auront beau lui envoyer des millions,—Léon se trouvera le lendemain de nouveau dans une grande nécessité. Ma mère en est malade; mon père a payé 20.000 pour lui dans le courant de l'année; il est trop bon, ayant engagé ses derniers paysans.

9.

Ce 24 Octobre [1835. Pétersbourg].

Je suis arrivée le 16 de Pavlofsky et j'ai trouvé Maman[1]) bien malade chez Madame *Княжнинъ*, au lit, n'ayant presque pas la force de se faire entendre, tourmentée par messieurs les médecins *Rauch* et *Spaski*. Ce dernier m'a tout de suite dit, qu'il ne répondait plus pour sa vie. Vous sentez bien que si j'y avais ajoutais foi, dans quelle état j'eusse été moi même; mais heureusement il s'empresse de me dire que la maladie de ma mère durait depuis l'année *1807!!*, car c'est alors que pour la première fois elle a eu la bile répandue. Cela m'a paru si ridicule, ainsi qu'à Madame Княжнинъ et au Comte Tolstoy, qui s'y trouvait et ensuite à toutes les personnes, auxquelles je répète cette bêtise, que j'écoute Spaski tout comme s'il battait la campagne dans une fièvre chaude. *Rauch* est un peu plus consolant: il dit que la maladie de ma mère est chronique, que jamais elle ne saurait être radicalement guerrie. Cependant, elle va infiniment mieux depuis trois jours; ses forces et l'appetit lui reviennent visiblement, elle

1) Н. О. Пушкина.

retient au moins ce qu'elle avale, tandis que son estomac ne pouvait rien supporter,— pas même les médecines qu'on lui prescrivaient: elle les rendait sur le champ; c'était un bénéfice de la nature, car ces messieurs finirent par lui prescrire que ce qu'elle leur demandait — des drogues uniquement pour lui rafraîchire la bouche.—A présent, c'est à dire depuis trois jours, à ma prière, à celle de madame Novosiltzoff et de deux autres personnes encore, elle a consenti à prendre les fameuses pastilles de Markeloff, dont je me souviens Vous en avoir parlé. Le comte Tolstoy a été chez lui pour lui parler de la marche de la maladie, et M-r Markeloff,— avec beaucoup d'empressement et de confiance,— lui envoya ses pastilles.

C'est grâce à la lettre de Léon[1]) que Maman a eu cette rechute; il[1]) prétend, qu'il est dans la plus grande misère, que pour remettre sa lettre à la poste il a eu recours à une démarche humiliante etc. Il ne compte pour rien les 20.000 roubles qu'on a payé pour lui, et outre ceci mes parents lui envoyaient ce qu'ils pouvaient; mais loin d'être dans la misère, il vit à Tiflis, comme quelqu'un qui aurait dix milles roubles à dépenser. M-r Rosseti qui est arrivé de là, l'a dit à ma belle-soeur[2]). Et ma pauvre Mère qui a failli mourir! Sitôt qu'elle a lu cette lettre, elle est devenue toute jaune et a eu un accès de fièvre qui l'obligea de se mettre au lit et le jour même elle a commencé à rendre le peu de chose qu'elle avalait. Cela a duré depuis le 8 jusqu'au 18,— le jour de notre déménagement. On l'a transporté sur un fauteuil pour la placer dans la voiture, où on l'a couchée; c'était à deux pas de chez M-me Княжнинъ. *Вотъ адресъ:* У Шести Лавочной, на углу Графскаго переулка въ домѣ *Какушкина*. La maison n'est pas fameuse, comme toutes celles du quartier, en bois; elle est petite, assez incommode grâce à la quantité des domestiques dont mon père ne peut pas s'en séparer. Но выгода та, что до

1) Левъ Сергѣевичъ Пушкинъ.
2) Наталья Николаевна, жена А. С. Пушкина.

Декабря онъ только заплатитъ двѣсти рублей. Этотъ домъ здали въ годъ за 1.400. Maman n'a pu même la voir; elle ne connaît que sa chambre à coucher. Je suis assez bien avec Lolo[1]) dans la même chambre, mais elle est grande. Lolo fait les délices de tout le monde; il a de l'esprit, comme un petit diable, ce dont on apperçoit d'autant plus qu'il n'a pas l'air d'avoir 8 mois. L'enfant de ma belle-soeur qui n'en a que 6 est plus grand et plus gros. Sobolevsky[2]) est de retour: il a été chez moi, car j'étais encore seule ici le 17. Il m'a dit comment et pourquoi Alex.[3]) a reçu les 30.000 roubles.

M-me Novossiltzeff, qui a été condamnée par les médecins, a été parfaitement guerrie. Elle venère Markeloff, comme moi Averine. En un mot, Maman va mieux depuis qu'elle a fait usage. Spaski,— qui m'avait dit que si Maman se rétablirait, que ce n'est qu'à sa bonne constitution et au bon Dieu qu'elle en serait redevable — est tout surpris maintenant, et je Vous jure qu'il en a l'air mécontent. Je les déteste ces médecins.

Vous pouvez Vous figurer dans quel état se trouve mon Père avec ses idées noires, и къ тому же денегъ нѣтъ. Et il est pire qu'une femme: au lieu de se donner du mouvement, d'agir, il se contente de pleurer. En vérité je ne savais que faire,—j'ai donné tout ce que j'ai pu et c'est comme rien,— grâce à l'ordre de la maison, à la friponnerie des gens, en comparaison desquels Петрушка à la lettre est un Ange. Ils[4]) ont reçu mille roubles de la campagne et au bout d'une semaine ils n'ont plus rien, sans avoir payé rien que 400 pour la maison. Quant à mes dépenses que je ne puis pas réduire, ci-joint un petit compte. Lolo ne leur coûte pas le sou et mes gens aussi, de sorte qu'à la lettre je n'ai que la chambre et un couvert pour moi.

---

1) Л. Н. Павлищевъ.
2) Сергѣй Александровичъ.
3) А. С. Пушкинъ.
4) Родители Ольги Сергѣевны.

Alexandre[1]) est de retour depuis hier, car il s'est ennuyé à périr à Trigorskoe. M-me Ossipoff est toujours souffrante et Annette[2]) pleure sa cousine Netty[3]), à Golobovo[4]). M-me Vrevsky est sans cesse entourée de ses enfants, qui ne font que crier et brailler du matin au soir, и онъ[1]) говоритъ: «Повѣрить не можешь, что за скучноїй домъ».—Alexendre, qui croit à Spaski comme les Juifs au Messie qui doit leur arriver, répète tout ce qu'il dit et prétend que ma Mère est très mal, mais ce n'est pas vrai c'est lui seul qui le dit: tout le monde s'aperçoit de l'heureux changement qui s'est opéré et qui continue.

Mes dépenses par mois pour Lolo et et les gens:

Молоко	9	руб.	60	к.
Спиртъ	8	»	40	»
Масло ламповое	3	»	12	»
Сахаръ	9	»	30	»
Арарутъ и травка	7	»	50	»
Прачка	12	»	—	»
Харчевые	27	»	—	»
Жалованье	27	»	50	»
Какао	—	»	80	»
Итого	105	руб.	22	к.

Pensez un peu au reste, au strict nécessaire, comme: soulier, chapeau, habit et les dépenses imprévues et la poste et de temps en temps une voiture (mes parents n'ont pas d'équipage).—Moins de 2.500 impossible!

Dites moi donc, comment avez-Vous décidé avec Пенковскій[5])? que Vous écrit-il?

---

1) А. С. Пушкинъ.
2) Анна Николаевна Вульфъ.
3) А. Н. Трувеллеръ; см. выше, стр. 174.
4) Голубово — имѣніе Вревскихъ.
5) Управляющій въ Болдинѣ.

Adieu, mon bon ami, j'espère que Vous m'avez écrit. De grâce écrivez moi règulièrement,— c'est mieux que souvent. Ma belle-soeur a remis au Prince Viasemsky Votre Palinodie pour la faire insérer. J'espère que Vous la lirez bientôt dans sa Gazette[1]).

10.

Ce 9 Novembre 1835. [Pétersbourg].

J'ai reçu Vos deux lettres, mon bon ami. Anitchkof m'a apporté la première, l'autre je l'ai fait chercher le jour même de son arrivée. — Ecrivez moi toujours par la poste restante: de cette manière j'aurai de vos nouvelles à point nommé et deux et quelque fois trois jours plutôt. —

Maman va infiniment mieux, mais elle n'a pas encore la force de quitter son lit; les médecins attribuent le mieux à son excellente constitution, ils ne sauraient le faire autrement, car elle ne prend absolument aucun remède, si ce n'est les pastilles de Markelof, dont ces messieurs s'en moquent, n'osant les interdire. Il paraît, mon bon ami, que dans ma dernière j'ai prévu plusieures de Vos questions. Je Vous disais, où et comment nous étions logés; les nuits de Lolo sont tranquilles, si ce n'est qu'il se réveille à plusieures reprises; il pleure, quand il ne me voit pas à ses côtés, ce qui fait que je dors bien peu, ne pouvant me rendormir sur le champ, comme font M-lles Natalia et Grouchka, qui par dessus le marché ronflent comme des goujats. Je m'en ressens souvent, mais j'aime mieux m'en ressentir que de coucher dans une autre chambre. Il devient très gentil Lolo, il m'adore, il me nomme à tout moment (Mama) и тебя помнитъ. Всякое утро цѣлуетъ твой портретъ и не только портретъ — бубноваго короля, когда Наталья ему скажетъ: *это пана*, il ne manque jamais alors de le porter à ses lèvres. Depuis hier il a fait encore deux dents très

1) «Сѣверная Пчела».

facilement, il en a maintenant six en tout. Je le fais promener à pied tous les jours; nous avons déjà le traînage, la Neva est prise depuis plusieurs jours, mais je crois que cet hiver ne nous restera pas: il est trop prématuré et nous est venu subitement; avant hier il a plu et le lendemain nous avions une gêlée de cinq dégrès. À Moscou cela va jusqu'à 16 à ce qu'on nous écrit.

Je ne vais nulle part; je ne sors que de bon matin pour prendre l'air et rentrer avant midi. Tant que Maman sera malade, j'aurai conscience de faire autrement. Quant à mes affaires pécuniaires je ne Vous cacherai point que je suis tout à fait à sec; il ne me reste que vingt roubles (мѣдью) pour tout potage; j'ai prêté a mon père 225 qu'il ne m'a pas rendus et qu'il ne me rendra pas selon toutes les probabilités, car depuis il a reçu mille trois cents et ne m'en a pas soufflé le mot. Maman l'ignore entièrement: elle m'aurait rendu cet argent, — jamais je n'aurai le courage de le redemander à mon père, mais en revanche j'aurai celui de ne plus lui en donner, je Vous le promets. Je ne voudrais pas faire d'emprunt, j'engagerai mon collier, si on me donne 200, je tâcherai que cela puisse me suffire jusqu'au mois de Janvier. Alex.[1]) me doit encore 50 qu'il a oublié de me remettre en me donnant 800 pour le fermoir; il m'en a parlé au reste. Sa femme est grosse de nouveau[2]). Вообрази что па нее на бѣдняжку напали, отчего и почему мать у ней не остановилась по пріѣздѣ изъ Павловскаго? Le fait est que ma Mère ne croyait pas tomber malade et rester chez M-me Княжнинъ 15 jours, et qu'à la place de ma belle soeur j'en aurais fait tout autant: jamais je ne l'aurait engagé à déménager chez moi pour être logée moins commodément; leur maison est grande, c'est vrai, mais mal distribuée, et puis ses deux soeurs et 3 enfants, et puis encore Alex. comment l'aurait il trouvé, lui, qui était absent, et puis ma mère ne l'aurait pas voulu.

---

1) А. С. Пушкинъ.

2) 23-го мая 1836 г. у Пушкиныхъ родилась младшая дочь—Наталья Александровна, впослѣдствіи графиня Меренбергъ.

M-me Княжнинъ est son amie depuis l'enfance; cela vaut mieux qu'une bru et c'est tout simple et ma belle-soeur n'est pas hypocrite,— maman l'aurait gênée, c'est même tout simple. De là on est venu à se récrier, pourquoi elle[1]) avait une loge au spectacle et qu'elle était si élégante, tandis que les parents de son mari se trouvaient dans de si mauvais draps, — en un mot on a trouvé très piquant de la gronder. On nous gronde aussi, comme de raison: Alexandre est un monstre et moi — une fille dénaturée!! M-me Veidemeyer l'autre jour me dit: «Au nom de Dieu, soyez sur Vos gardes en parlant de Vos parents: и такъ говорятъ, что ты *непочтительная дочь*». Au reste nous avons de bons défenseurs — M-me Karamsine a pris l'autre jour notre parti contre M-me Schewitch qui prétendait que mon père était *le père Goriot*, mais, — dit-elle, — avec la différence que *Goriot* a tout donné à ses enfants et que celui-ci a mangé tout son bien. Au reste Alex. et sa femme ne manquent pas de partisans. Знаешь, что еще говорятъ въ другомъ родѣ? — Что ты управляешь имѣніемъ; говорятъ еще, что отецъ насъ отдѣлилъ, что Александръ подарилъ сверхъ того *мнѣ* les deux cents paysans que mon père lui a donné à son mariage. — Дай Богъ ихъ устами да мёдъ пить, но это никогда не будетъ. Я не говорю объ Александрѣ: это было бы глупо и несправедливо съ его стороны. Онъ отецъ семейства и жена ему ближе меня. Mais pensez donc un peu à tous ces cancans! C'est que mon père ne fait que se plaindre, pleurer et soupirer à tout venant et à toute passant. Quand on lui demande de l'argent pour du bois et du sucre, il se frappe le front et s'écrie: «*Чтò вы ко мнѣ приступаете? Я несчастный человѣкъ!*» Il a poussé cette exclamation devant moi et je Vous avoue que cela m'a un peu divertie, car j'ai d'abord songé à ses 1200 paysans de Nijni. —

Je Vous attendrai avec la plus vive impatience, mon bon ami; tâchez de venir absolument cet hiver, je Vous réponds qu'on Vous

---

1) Наталья Николаевна Пушкина.

recevra à bras ouverts. Ma mère même paraît Vous aimer; elle me parle souvent de Vous, me demande ce que Vous m'écrivez; un de ses matins elle m'a dit qu'elle Vous a vu en rêve et par dessus le marché elle Vous fait faire toujours ses compliments. —

Votre Palinodie va être insérée incessament. Вяземскій l'a fait parvenir à Gretch[1]) (car il ne se fréquentent point). C'est Vénévitinoff que j'avais prié de s'en informer, qui me l'a dit hier. — Quant à Votre critique, on dit qu'elle est venue un peu tard: M-r Брамбеусъ[2]) est entièrement tombé, on n'en parle même plus; c'est dommage. À propos: devinez ce que fait Annette Kern?—elle traduit, mais qui croyez-Vous?—*George Sand!!* Non pour son bon plaisir, mais pour faire de l'argent! Elle a prié Alexandre de dire un mot en sa faveur à Smirdine, mais Alexandre est sans façon, quand il s'agit de refuser. Il lui a dit qu'il ne connaît pas du tout Smirdine[3]). Pas moins elle est dans l'espoir d'avoir au moins cinq cents roubles pour «*André*» qu'elle a achevé. Maman par amour pour Léon a voulu absolument la voir. En conséquence je lui ai écrit et elle est venue. C'est une bonne et aimable femme, elle est à plaindre,—voilà tout. M-me Баратынская ex-Delvig est cassée par son mari: онъ ее чубукомъ бьетъ безпрестанно. Это Левъ Баратынскій сказывалъ, когда былъ здѣсь. Elle est malheureuse, comme les pierres. Прощай! Богъ знаетъ, когда я увижу Маркова, мнѣ совѣстно за нимъ посылать — семь верстъ киселя ѣсть. — Татьяна Талызина тебѣ кланяется, она совсѣмъ не перемѣнилась. Пушкина моя больна (Alexandrine): чирій на... и забавно, что она мнѣ въ этомъ не призналась. Elle m'a assuré qu'elle a la fièvre. Hier à dix heures je suis allée la voir. Elle est au lit. C'est Cather. Ivélitch qui m'a dit qu'elle a eu... au...

---

1) Гречъ издавалъ вмѣстѣ съ Булгаринымъ «Сѣверную Пчелу». *Л. П.*

2) «*Баронъ Брамбеусъ*» — псевдонимъ Сенковскаго. Н. И. Павлищевъ критиковалъ тогда въ статьѣ «Брамбеусъ и Юная Словесность» его «Большой выходъ у сатаны». *Л. П.*

3) Ср. въ письмѣ Пушкина къ женѣ отъ конца сентября 1835 г. (Переписка, Акад. изд., т. III, стр. 234). *Ред.*

J'allais oublier de vous dire que mon père s'est plaint de Vous à Madame Ocipoff. C'est Alexandre [1]) qui me l'a dit. Vous rappelez vous d'une de Vos lettres, dans laquelle Vous me disiez à propos des affaires: *comment contrôler les rentrées de la campagne qui Vous parviendront par les mains d'un tiers?* N'ayant pas pesé cette phrase j'ai donné à lire cette lettre à mon père, qui m'avait demandé ce que Vous m'écriviez. Figurez-Vous qu'il s'en est extrèmement formalisé! Sa figure s'est tout à fait changée; il ne m'a rien dit, mais il a écrit à M-me Ocipoff mot pour mot cette phrase, et avec plusieurs points d'exclamation: «*et ce tiers c'est moi!!! moi, qui me refuse tant!*» Il n'a pas pourtant ajouté «*pour mes enfants*». Dorénavant je serai plus sur mes gardes, et voilà pourquoi je voudrais que Vous adressiez vos lettres à la poste restante. Reflexion faite, je garde M-r Pierre. Il m'a demandé pardon, il m'a juré ses grands Dieux de se conduire bien. Je l'ai fait, je lui ai donné ses gages pour ce mois, — lui ai donné par dessus le marché pour des chemises, en un mot j'ai essayé de le prendre par la douceur, et effectivement depuis un mois il se conduit parfaitement bien, et puis Dieu préserve d'avoir recours à un des domestiques de la maison: ce sont des diables incarnés, fripons, voleurs, impertinents, et puis ils ne feront rien sans que je les paye. Il faudra que je fasse endosser la livrée à un autre, si ce n'est à M-r Pierre; je peux me passer d'équipage, mais impossible de me passer d'un laquais et mon père se fâche, когда онъ всю челядь не видитъ на лицо: «*Да гдѣ тотъ, да гдѣ этотъ? да кто его послалъ*»? etc. Vous trouverez peut être mes 800 roubles disparus bien vite — c'est vrai, mais ayant payé Аверинъ 60, ma femme de chambre 60, je me suis équipée ainsi que Lolo, je me suis aprovisionée de bas de flanelle, j'ai fait deux robes d'étoffe (une noire), chacune d'elle n'allant par 75, un chapeau etc. J'ai été obligée d'acheter une armoire et une comode, j'ai payé pour la voiture. . .

---

1) А. С. Пушкинъ.

Annette Kern переводитъ Занда, а Ивеличева за деньги переписываетъ ноты и на эти деньги нанимаетъ ложу всякой разъ, когда даютъ «Фенелу»...

11.

Ce 22 Novembre [1835. Pétersbourg].

J'ai reçu toutes Vos lettres, mon bon ami, — soyez tranquille, et l'incluse de l'avant dernière a fait un très bon effet. Il faut Vous dire que le jour même que je l'ai reçue, mon père devait toucher une somme de mille quatre cents que son intendant venait de lui envoyer, qu'en apprenant cette bonne nouvelle il me remit ce matin cent roubles des deux cents vingt-cinq qu'il me devait d'un air extrèmement content. Il est vrai qu'il le fit à la prière de Maman, à ce que j'appris par sa femme de chambre,—Maman qui, par parenthèse, ignorait ce qu'il avait en fait d'argent. Là-dessus Votre lettre arrive et celle de l'intendant, je lui remets l'incluse; la physionomie de mon père s'allonge et il se recrie sur Votre idée de m'envoyer l'argent par un banquier. Par bonheur Alexandre [1]) survint dans ce moment, — mon père le prit à part pour lui montrer la lettre de l'intendant et frappant dessus: «*Qu'est ce que c'est que cela, qu'est ce que cela veut dire? Je ne comprends pas*». Je n'entendis que cela, car je me retirai dans une autre chambre lui donner le champ libre. Je les entendis discuter, Alexandre avec beaucoup de chaleur et après l'avoir quitté il vint à moi et me dit: «il y a neuf cents roubles pour Vous, mais on ne Vous donnera rien, car mon père, malgré que je le lui prouvais, s'obstine à soutenir que c'est pour Léon [2]). А мужъ твой виноватъ: если бы онъ написалъ прежде Пеньковскому, деньги были бы у него». Ma mère de son lit entendit parler affaire et la voilà qui s'effraye, elle craint une scène. M-me Княжнинъ, qui

1) А. С. Пушкинъ.
2) Левъ Сергѣевичъ Пушкинъ.

était là, arrive sur la pointe des pieds: «*Au nom du Ciel, plus doucement, Votre mère va se trouver mal!*» Nous allons auprès d'elle; Alexandre, pour *la rassurer*, lui dit qu'il n'était question que de la somme qu'on venait de m'envoyer de la campagne, et là-dessus prend son chapeau et s'en va. Toute la journée mon père fut triste et ne me souffla pas le mot, mais le soir, au moment, où je me retirais, il me suivit, tenant son portefeuille, et me dit: «Il y a aussi de l'argent pour toi à ce que dit Alexandre; prends au moins une partie». Mon premier mouvement fut de repousser ce qu'il me donnait, et je lui répondis que si cela le gênait, que pour rien au monde je ne l'accepterai, que je ne lui demanderai que ce qu'il me restait à devoir.—«Mais... cela... ne me gène... pas du tout. Мат. Мих.[1]) m'a envoyé l'autre jour 1000 roub.» (et c'est vrai, je me souviens Vous avoir écrit que papa avait reçu de l'argent,—c'étoit une galanterie de mon Oncle Sontzoff; je l'ignorais alors). Cependant mon père remis tout l'argent dans sa poche; le lendemain il ne m'en parla point; mais le surlendemain je m'armais de courage, le voyant de bonne humeur, et je réclamais les cent vint cinq, qu'il me devait; il me dit alors: «Mais prends cinq cents, je t'en prie; *l'intendant écrira à ton mari* qu'il t'a envoyé l'argent». Je ne fis plus de façon alors et me voilà avec un argent, sur lequel je ne comptais plus du tout; le reste fut envoyé à Léon (500 roubles) avec une lettre assez cavalière pour ne pas dire dure. Maman n'a pas vu cette fameuse lettre que mon père est venu me lire. — Какъ это тебѣ все кажеться, а право иногда онъ мнѣ очень жалокъ. Старикъ хотя и не *Отецъ Горіо:* всегда нуждается въ деньгахъ, а ихъ любитъ; à ce que j'ai appris, il est volé, pillé de tous côtés; его челядь саранча сущая. Вообрази: 15 человѣкъ!...

Vous me dites, mon bon ami, de corriger mon écriture[2]); eй

---

1) Зять Сергѣя Львовича Пушкина — камергеръ Матвѣй Михайловичъ Сонцовъ.

2) Дѣйствительно, торопливый почеркъ О. С. Павлищевой иногда едва поддается чтенію. *Ред.*

Богу, не могу писать долго и хорошо; перо притупляется, а я спѣшу. Je n'écris par assez vite à mon gré: je crains de perdre le fil de mes idées, ou plutôt mes idées devancent le mouvement de ma plume, такъ что досадно. — Не присылай же теперь мнѣ денегъ, покуда я у тебя ихъ просить не буду; у меня больше четырехъ сотъ рублей, и ты ошибаешся, если воображаешь, что мнѣ нужно каждый мѣсяцъ по триста: очень достаточно двухъ-сотъ кругломъ щетомъ, а если вѣсной мы поѣдемъ въ деревню — и того слишкомъ много: je ne fréquenterai aucune société, où il y aurait grande toilette à faire et puis je suis si deshabituée des sorties, que jusqu'à présent je n'ai été nulle part à la lettre, à l'exception d'une visite de condoléance que j'ai faite aux Маркеловъ, Волковъ, Политковскихъ à l'occasion de la mort de Florentine, à l'enterrement de laquelle je fus invitée et où je ne suis pas allée. Ayant loué alors une voiture, j'en ai profité pour aller voir M-me Simansky, les Talizine et M-me Vichnevsky, la belle, que Vous trouviez laide et qui est très enlaidie, il est vrai, pour le moment, mais qui est toujours très bien. Son mari[1]) a une place de 4,000 roubles; ils sont très bien logés pour 700, près du pont Anitckoff et paraissent à leur aise — c'est qu'ils ont de l'ordre et de l'économie, en dépit de 3 enfants. Leur soeur Lise arrive de Moscou pour demeurer avec eux. —

Je vois au reste toutes mes connaissances chez nous: M-me Timoféef ex-Vorontzoff, celle qui m'aimait tant, est ici; elle vient presque tous les jours. M-me Yakovlef arrive aussi bientôt. M-me Harlinska, à ce que m'a dit Боголюбовъ, viendra au mois de Février. En revanche M-me Княжнинъ part pour Vitebsk auprès de sa fille: le Prince Хованскій est placé là auprès de son Oncle. — Dourassof[2]) est à Orenbourg, — c'est M-r Serdobine qui me l'a dit et qui m'a chargé de le rappeler à Votre souvenir.

---

1) Николай Гавриловичъ Вишневскій; былъ въ 1850-хъ годахъ управляющимъ Рязанской Казенной Палатой. *Л. П.*

2) Товарищъ по Лицейскому Пансіону Н. И. Павлищева. *Л. П.*

Quant à Марковъ[1]), j'avois envoyé chez lui — il était malade et je ne l'ai pas vu. — En revanche Gaïus(?) a été hier me voir; я ему очень обрадовалась; il n'est pas resté 10 minutes, mais il m'a promis de revenir. Je ne vois pas du tout Anitchkof. Jomini est ici depuis 2 ou 3 semaines; je n'ai rien entendu de son mariage, c'est une fable, j'en suis sûre.

Je m'étonne que Votre Palinodie n'est pas encore insérée; elle est bien sûr chez Gretch[2]). Ecrivez lui, si Vous tenez si fort à cela, au reste je doute que cela puisse donner de la célébrité à un petit médecin qui n'est pas ici,—nous, qui avons Arend[3]). Il peut donner de bonnes espérances, mais est-ce beaucoup? pense-t-on à l'âge d'un chirurgien et d'ailleurs la gravelle n'est pas une maladie à la mode,— ne Vous fâchez pas, mon ami,—Vous savez que je déteste les médecins. A propos: Maman va infiniment mieux: elle quitte quelquefois le lit, et les médecins l'avaient condamnée! Les pastilles de Markelof l'ont ressuscitée.—

Lolo devient gentil et capricieux en même temps; je lui donne de bonnes tapes. Alexandre donne le fouet à son garçon[4]), qui n'a que deux ans; il rosse sa Macha[5]) de même; au reste il est tendre père. — Знаешь что? Онъ[6]) очень порядочный и дѣла понимаетъ, хотя и не дѣловой. Il paraît de nouveau m'aimer beaucoup и Лелю[7]) моего очень любитъ и ласкаетъ. Sa femme et ses belles soeurs[8]) sont de fort aimables et bonnes personnes, je les aime beaucoup, mais figurez Vous que je n'ai pas été une seule

---

1) Товарищъ по Лицейскому Пансіону Н. И. Павлищева, извѣстный композиторъ-гитаристъ. *Л. П.*

2) Редакторъ «Сѣверной Пчелы».

3) Лейбъ-медикъ Арендтъ.

4) Старшій сынъ поэта — Александръ Александровичъ Пушкинъ.

5) Старшая дочь поэта — Марья Александровна, нынѣ вдова генерала Леонида Николаевича Гартинга.

6) Пушкинъ.

7) Левъ Николаевичъ Павлищевъ.

8) Наталья Николаевна Пушкина и ея сестры — Александра и Екатерина Николаевны Гончаровы.

fois chez eux encore! Je me l'étais proposé il y a de cela 8 jours et depuis le temps est si détestable, que je ne prends plus l'air: il pleut tous les jours à verse, la neige est partie, plus de traîneaux, une boue dans notre fameux quartier, — tout comme à Varsovie. Je déteste cette partie de la ville,— точно деревня Псковская.

Maman n'a pas vu le logement, autrement elle ne serait pas déménagée; elle parle déjà de sous-louer la maison; jamais nous n'étions si mal logés.

Что бы еще тебѣ сказать? да... вообрази, что Вейдемееръ выбрила себѣ лобъ, — pour l'avoir plus élevé; elle a cinq ans de moins depuis que je l'ai vue! C'est inconcevable à une femme d'esprit! M-lle Карамзинъ[1]) aussi, dit-on, a fait quelque chose de semblable: celle-ci s'est arrachée les sourcils qu'elle avait si larges, — maman qui l'a vue, prétend que cela l'a enlaidie — une fille de 36 ans! aussi fort spirituelle! Съ ума обѣ сошли. À propos: Rossillon se marie à la Comtesse Medem, — une demoiselle de 35 ans. C'est elle qui m'étonne: il est si insignifiant, si désagréable. Je l'ai vu, il est toujours le même; ему не больше, какъ 25 лѣтъ, да глупъ и бѣденъ, напыщенъ баронствомъ своимъ. Il fera au reste sa carrière maintenant; il n'est pas riche, mais on le poussera. Sobolevsky[2]) vient souvent nous voir. Alex.[3]) ne peut pas vivre sans lui. Il est fort aimable et original, mais il ne plait pas aux femmes, aux dames du grand monde, il ne leur fait pas la cour... (нрзб.); il écrit son voyage en vers, очень смѣшно. Если бы не такъ много я тебѣ писала, я бы о немъ поговорила. Клапяйся всѣмъ нашимъ. Что Корсакъ?[4]) Прощай, другъ мой, пиши мнѣ въ домъ: письмо дошло скоро.— Viendrez-Vous? — j'en doute. Леля тебя узнаетъ, память удивительная у него на все. M-me Simanski trouve qu'il a trop d'esprit: «Embêtez le, de grâce, il ne s'en portera que mieux», — elle me dit.

---

1) Дочь историографа Софья Николаевна. *Л. И.*
2) Сергѣй Александровичъ Соболевскій.
3) А. С. Пушкинъ.
4) См. выше.

Voici une nouvelle tragique: la danseuse Peïssard, la meillieur à présent, — s'étant brouillée avec son mari pour son amant, elle alla se refugier chez ce dernier et celui-ci, voulant la mettre à la raison, elle se jeta par la fenêtre et se cassa la jambe. Monsieur Arend[1]) prétent qu'au bout d'un an elle dansera de nouveau. Puisqu'il le dit, c'est sûr.

L'opéra est, dit-on, parfait. Il faut que j'aille à voir cela un jour. J'ai refusé deux fois à M-r... (неразбор.).

12.

Ce 6 Décembre [1835. Pétersbourg].

Pourquoi ne m'avez-Vous pas écrit cette fois, mon bon ami, Vous, qui êtes toujours si exacte? Cela me donne de l'inquiétude. Je Vous crois malade au point de ne pouvoir pas m'écrire, mais en ce cas Vous auriez mieux fait de me donner de Vos nouvelles par quelqu'un d'autre: j'aurais été, je crois, plus tranquille; c'est que moi-même je suis souffrante sans être au lit, Dieu merci; pourtant la poitrine me fait mal au point que je ne suis guère en état quelquefois de proférer un mot. — Je ne vais plus dans la chambre de l'enfant: je m'en ressentais trop, et je passe la nuit dans le salon; la maison est très incommode: pas un coin, si je tombe tout à fait malade,— mais cela va mieux. Какой же ты человѣкъ: что бы тебѣ написать мнѣ хотя немного pour me consoler! Je m'éfforce de penser que Vous m'avez écrit par occasion; au nom de Dieu, ne le faites pas, ne m'écrivez jamais par occasion!

Il y a 15 jours qu'Anitchkoff était venu me voir un beau matin, mais il ne m'a pas trouvée à la maison; Markoff a été 3 fois depuis ma dernière lettre à Vous; il m'a dit Vous avoir écrit. Je lui ai fait cadeau de Votre «Album Lyrique», il me

1) Лейбъ-медикъ.

l'a demandé! Lolo s'est pris d'affection pour lui dès qu'il l'a vu; il me semble qu'il l'a pris pour Vous d'abord; il a voulu être absolument sur ses bras et l'embrasser et lui montrer tout ce qu'il savait faire. И Витовтова дразнилъ, и пѣсни пѣлъ, и щелкалъ, и въ ладоши хлопалъ, и все говорилъ, что знаетъ, т. е. *Мама*, *Дитя*, *чай-бака* (собака). Il ne sait pas dire encore «papa» malgré la peine que moi et Natalia nous nous donnons pour le lui apprendre; за то онъ твой портретъ очень знаетъ, цѣлуетъ, ручкой кланяется ему и подчиваетъ всѣмъ, что у него въ рукахъ — и хлѣбомъ, и игрушками. — Il a été très malade un de ces jours, le pauvre enfant: il a eu une espèce de convulsions toute la nuit et c'est depuis tout ce temps que je me sens plus mal; je n'ose plus même sortir pour prendre l'air. — C'est toujours le travail de la dentition, mais je me garde de lui donner des remèdes et cela lui a passé entièrement; jamais je n'aurai recours à ces maudits médecins.

À propos: Maman[1]) va tout a fait bien; elle est faible encore, mais je la trouve mieux qu'à mon arrivée: elle a de l'appetit, du sommeil, elle n'est plus jaune; on prétent que ce monsieur Markeloff a trouvé *l'agent de la nature,* — en tout cas c'est un être très mystique et mystérieux et dont les pastilles font des effets merveilleux.

Je Vous ai écrit beaucoup dernièrement; je ne pourrai le faire aujourd'hui; d'ailleurs Votre silence ne m'arrange pas trop à bavarder et je griffonne plus qu'à l'ordinaire: c'est toujours, quand je suis triste et agitée.

Alexandre[2]) va partir pour Moscou pour y rester 2 mois et plus, à ce qu'il croit. Il prétend qu'il doit y aller pour fouiller dans les Archives. Vous savez qu'il écrit l'histoire de Pierre le Grand. —

---

1) Надежда Осиповна Пушкина хотя и чувствовала себя въ декабрѣ 1835 лучше, но прожила только до марта слѣдующаго 1836 года. *Л. П.*

2) А. С. Пушкинъ.

Et Vous, mon bon ami, qu'écrivez-Vous, en avez-Vous le temps? Avez-Vous toujours le projet de venir me voir? Il aurait fallu que Vous vinssiez tant qu'Alex.[1]) est encore ici ou bien à son retour. Je crois qu'il ne partira pas avant le mois de Janvier et qu'il sera de retour avant *Mars*, а можетъ быть и совсѣмъ раздумаетъ ѣхать.

À propos: Кушелева бываетъ у насъ; очень развернулась; elle est devenue tout à fait mondaine: elle a une loge à l'opéra, elle s'est inscrite à l'Assemblée, elle lit Balzac et Soulié — et pourtant elle n'en est pas plus aimable, — toujours sa belle denture, son joli petit pied et sa figure insipide. Son mari a fait un héritage de 700 paysans; ils ne se voyent plus, elle en est enchantée. Elle m'engage de sortir avec elle, d'aller avec elle aux bals masqués le carnaval!! Je lui promets tout ce qu'elle veut; en attendant je ne vais nulle part. On dit que les assemblées seront très brillantes, — a famille Impériale s'y trouvera toujours; on est membre à raison de 100 roubles et on a le droit d'y aller tous les jours, — c'est comme le Club Anglais; pour vingt roubles on va aux 6 bals qui auront lieu durant l'hiver; les demoiselles ne payent que le 10 pour les six s'entend.

Ma belle-soeur[2]) et ses soeurs sortent tous les jours; je les vois peu; je n'ai pas été encore chez elles, car je n'ai été nulle part. En me promenant les matins, je passe quelquefois chez les intimes. Marie Gaevsky ex-Vécélovky a été me voir; j'ai été de même chez elle, elle est assez bien mariée. On dit que son mari et une grosse bête, mais cela ne lui nuit pas, je crois. Elle a deux enfants à elle et deux à son mari qui étoit veuf. M-lle Vitoftoff a manqué d'épouser un affranchi, mais un peintre-académicien; la noce a été interrompue à cause de cette découverte la veille du mariage. Elle ne me l'a pas dit, mais je le tiens d'une personne sûre.

---

1) А. С. Пушкинъ.
2) Н. Н. Пушкина.

Adieu, cher ami, de grâce écrivez moi; si Vous ne le pouvez pas par hazard, chargez quelqu'un: Sophiano, Kruze[1]) par exemple ou qui Vous voudrez. J'ai les nerfs si dérangés que je n'ai que des idées noires!

Mon bon ami, quand vous viendrez, vous vous arrêterez chez Victor Княжнинъ; je Vous ai dit que nous étions logés assez à l'étroit et Vous seriez bien gêné chez nous. Mais Княжнинъ est à deux pas, et c'est sa Maman qui a eu l'idée de me le proposer. Elle part après-demain et son fils occuppe toute la maison. Vous y serez à Votre aise, Vous fumerez tant que Vous voudrez et Vous viendrez passer la journée avec moi, dîner chez nous; Maman a eu aussi cette idée. Знаешь что? Она тебя кажется любитъ, кромѣ шутокъ. Est-ce que cela Vous arrange? Victor ne demandera pas mieux,—il n'y a pas de façon à faire avec lui, sa mère a trop d'amitié pour moi. Ce cher garçon est bête, il joue et perd tout son argent, et c'est Markoff qui en profite, à ce que Mad. Княжнинъ vient de me dire; encore il y a quelqu'un qui m'a fait entendre qu'il serait charmé de vous avoir: c'est Sobolevsky. Il vient de louer un logement pas loin de chez nous et l'occuppe seul. Si vous vous arrêterez chez Victor, vous serez plus près et mieux, je crois. Nous verrons,— главное будешь-ли? Votre silence, —je ne sais pourquoi,—me donne plus d'inquiétudes, que je ne puis le dire,— c'est que vous êtes si exacte toujours! De grâce ne m'écrivez jamais par occasion, je les deteste ces occasions, et surtout si Vous avez eu la lumineuse idée de m'ecrire par le *рыжій*[2]). J'espère que non, qu'il n'a pas eu même l'audace de Vous demander une lettre pour moi: il n'oserait me regarder en face; je m'étonne qu'il soit revenu chez Vous encore... Я тебя видѣла во снѣ, что ты все отъ меня отворачиваешься, говорить не хочешь...

Помѣта Н. И. Павлищева: reçu 15/27 Décem.

---

1) Александръ Мартыновичъ Крузе былъ впослѣдствіи Директоромъ Банка въ Варшавѣ, а тогда служилъ въ Канцеляріи Намѣстника Паскевича. *Л. П.*

2) Кто это, не знаемъ. *Л. П.*

13.

Ce 20 Décembre [1835. Pétersbourg].

Mon bon ami, je n'ai pu trouver un moment pour parler affaire à Alexandre[1]). Je n'ai pas voulu le faire en présence des grands parens et chaque fois qu'il venait, c'était lorsque nous étions à table. Il assistait à notre dîner et s'en allait aussitôt après. — Natalie[2]) n'étant venue qu'une fois dans le courant de cette semaine, je n'ai pu lui en parler non plus; leur écrire eut été en pure perte; mais comme je n'enverrai cette lettre que demain, je ne la fermerai point: Alexandre viendra, j'espère, dans la journée et je ne choisirai plus le moment pour lui raconter ce que Vous m'écrivez.

Comme Votre lettre par Janette[3]) m'a fait plaisir! Il est venu me l'apporter le jour que je Vous ai écrit des jérémiades, autant que je m'en souviens; j'étais dérangée, — voilà pourquoi j'avais des idées noires; à présent tout est passé, Lolo[4]) se porte bien, il a fait encore une dent et moi je ne souffre plus de la poitrine. Je sors même à pied, en dépit de 18, de 20 et de 24 degrés de froid! Cela me fait du bien; ces froids sont terribles, cela dure depuis 8 jours, mais les spectacles, les bals, les fêtes vont toujours leur train, — chose qui ne me regarde pas du reste. À propos: j'ai d'abord envoyé Votre lettre à Markoff, mais je suis bien fâchée que c'est lui que Vous chargez de nos affaires pécuniaires: il est si paresseux et il demeure si loin! Le principal c'est que vraiment il est trop paresseux. Будто ты его не знаешь? «*Да ка-къ-же,—да я бы-и-радъ-бы-лъ, да то, да сё*»; я его отъсюда слышу и вижу.

---

1) А. С. Пушкинъ.
2) Наталья Николаевна Пушкина.
3) Жанетъ — интендантскій чиновникъ въ Варшавѣ.
4) Л. Н. Павлищевъ.

Il n'était pas à la maison, c'est son *Papa* qui a pris la lettre; depuis il n'a pas été me voir. Sobolevsky s'en serait mieux acquitté; il est d'ailleurs au courant de toutes *nos affaire de famille:* Alexandre[1]) n'a rien de caché pour lui et grâce à lui il lisait les lettres que Vous lui écriviez. Souvent la patience lui en manquait, alors Sobolevsky se donnait la peine d'achever de les lui lire et le forçait a y faire attention; cela lui est arrivé deux fois à ce qu'il m'a dit. Il m'a fait rire l'autre jour très sérieusement: il me demande une grâce — c'était de lui prêter les 900 r., que mon père a dû me donner.

J'espère, mon cher ami, que Vous avez reçu ma lettre, où je Vous disais qu'à Votre arrivée Vous aurez un pied à terre chez Victor *Княжнинъ*, que demeure tout près de chez nous. Il Vous attend *avec impatience* à ce qu'il m'a dit, car il *a peur* de loger tout seul. Sa mère est partie. Marcoff est un de *ses intimes* — il lui perd son argent. Anitchkoff a été chez moi sans me trouver, j'en suis fâchée.

Léon[2]) écrit des lettres qu'Alexandre[3]) ne remet plus et qu'il ne se fait plus scrupule de décacheter d'après mon conseil. Il[4]) est toujours à Tiflis, — pas encore militaire; опредѣляется въ Линейный Козачій полкъ et en attendant *donne des dîners.* Какъ это тебѣ кажеться? Вообрази, что онъ сдѣсь взялъ *первый номеръ* въ домѣ Энгельгарда, за который онъ платилъ *двѣсти рублей въ недѣлю*, и давалъ завтраки Графу Самойлову! Александръ говоритъ, что изъ рукъ вонъ, не на что не было похоже. —

Que Vous dirai-je encore, mon cher ami? Je mène une vie de recluse tant par nécessité que par goût et paresse. Je me suis soustraite à plusieures invitations de mes amies, rien que pour des *Conversazione*, non seulement des soirées, où je croyais rencontrer du monde; et puis j'ai conscience de quitter souvent Maman; je

1) А. С. Пушкинъ.
2) Левъ Сергѣевичъ Пушкинъ.
3) А. С. Пушкинъ.
4) Л. С. Пушкинъ.

lui fais la lecture, quand nous n'avons personne, — et puis, comme j'ai pris l'habitude de sortir le matin, je suis toute contente de ne plus bouger le soir. J'ai passé pourtant une soirée chez Annette [1]), qui tient salon dans ses appartements; j'y ai trouvé du monde, mais un monde qui me convenait; je me reposais moralement chez elle, j'ai causé beaucoup, retrouvais ma gaieté d'autrefois. Je vois souvent M-me Pouchkine, — mais les matins et chez nous; elle espère que Vous aimerez son mari; я сама думаю, что ты съ нимъ сойдешся; il a tout à fait Vos goûts: и клеитъ, и точетъ, и сидитъ дома, jamais oisif; je l'aime beaucoup. A propos: Lermantoff ne s'est pas marié par amour, mais il aime beaucoup maintenant sa femme, qui dit-on (hélas!) est tout-à-fait sotte, — pas jolie. La première était mieux, — celle-ci n'a que 18 ans; elle a une jolie fortune, une mère, un père, mais elle en revanche n'aimé rien au monde excepté la *размазня:* ni parures, ni bals; elle ne fait que dormir et se taire; Владиміръ Николаевичъ a tout le ménage sur les bras, il lui verse même le thé dans sa tasse et lui attache *la serviette* (à la lettre); il l'a mené au bal bon gré mal gré, elle y danse sans plaisir, — voici ce qu'on m'a dit d'elle. C'est la Politkovsky et Lise Vich[nefsky] et la belle Vichnefsky, que Vous *trouviez laide*, qui m'ont fait son portrait. — J'ai rencontré l'aimable *Рачинскій* à la Perspective; j'avais un voile, j'allais vite, j'ai fait semblant de ne pas le voir; il m'a accosté pour gronder Varsovie et ses habitans. «*Cela m'étonne que vous ayez à vous en plaindre*», — lui dis-je et c'est tout ce que je lui dis; il m'a suivie en silence une centaine de pas въ медвѣжьей ужасной шубѣ и въ сѣдыхъ бакенбардахъ. Mais Dieu merci, je n'ai pas vu encore Rogalsky.

Александръ [2]) былъ, по обыкновенью, не надолго, къ томужъ съ двумя женами [3]) и въ дистракціи; все, что могла отъ него до-

---

1) Кернъ?

2) А. С. Пушкинъ.

3) Ольга Сергѣевна такъ назвала въ шутку свояченицъ Пушкина Гончаровыхъ, проживавшихъ въ его домѣ. *Л. П.*

бится,— то, что — точно такъ, какъ ты полагалъ: 1600 déduction faite des intérêts au Lombard que l'intendant *est tenu de payer* pour vous en épargner les embarras; il[1]) prétent qu'il en a reçu ses ordres là-dessus; par conséquent l'argent que vous recevrez sera clair et net pour nous. Ce n'est pas grand chose, mais c'est toujours quelque chose. — Повтори, однако, это Г-ну Пеньковскому: гдѣ-жъ, въ самомъ дѣлѣ, хлопотать тебѣ изъ Варшавы объ уплатѣ! Il se peut d'ailleurs qu'Alexandre ait rêvé de lui avoir donné ses ordres et qu'il ne l'a pas encore fait. Il est extrèmement distrait: il pense trop à son ménage, à sa marmaille et à la toilette de sa femme.

Savez-Vous, mon cher, que c'est aujourd'hui le fameux jour de ma naissance? Tout le monde s'en est rappellé à mon grand déplaisir, — excepté Alexandre. Je fus obligée, pour faire un peu la cour à Maman, d'aller à la messe. En revanche, de là, tant pour me distraire que pour éviter des prières qui devaient avoir lieu dans la maison, je suis allée en traineaux chez la C[omtesse] Ivelitch et l'ai amenée dîner chez nous. Lise Vichnevsky a passé aussi la journée avec moi. Mon père avait la mine assez longue, maman aussi n'était pas dans son assiette ordinaire, et le tout parce que j'avais dit que je déteste le jour de ma naissance; je le suppose au moins d'après ce qu'on m'a répondu là-dessus. — J'ai eu des présents: une couverture chaude, un ridicule et un ruban, — et tout cela avec galanterie paternelle.

Je Vous ai donné une fausse nouvelle dernièrement au sujet de Jomini: on m'avait dit qu'il était ici, mais il est toujours à l'étranger et souffrant. Ceci on le tient d'Anitchkoff; s'il était mort, on l'aurait sû. Ce que madame Loguinoff vous a dit est très vrai. Je ne l'ai vu que deux fois dans ma vie; l'année de grâce 1821, — c'était chez l'oncle *Иванъ Адамовичъ*[2]). Je n'ai pas fait

---

1) Пеньковскій, управляющій въ Болдинѣ.

2) Иванъ Адамовичъ Роткирхъ, двоюродный братъ Надежды Осиповны Пушкиной,— внукъ Ибрагима Петровича Ганнибала *Л. П.*

sa connaissance alors, car elle m'a parue désagréable — кислое лице и блѣдные глаза. Mais j'ai fait connaissance de sa soeur cadette — Дашинька — qui était charmante dans les temps: jolie, gaie elle n'avait pas 16 ans, je crois, mais délicieuse et spirituelle. Ты это, однако, ей не проговорись, ради Бога,— elle me détestera. A dire vrai, je ne suis pas fâchée de n'être pas tenue maintenant de lui faire des visites. Я рада, что и Стороженковыхъ избавилась и даже — грѣха не утаю,— и Рогальскихъ. А Лохтина что же не пишетъ, а я право не начну: что мнѣ ей писать? Скажи это ей и кланяйся очень. Всему *Бабью*, такъ, какъ ты говоришь.

Vous faites bien de ne pas aller chez les Kossakofsky, puisqu'il ne Vous rend pas la visite. Alexandre[2]) dit qu'il est bien sot, et ce qui le prouve c'est que, figurez Vous, qu'il a fait jouer aux Français sa bête de pièce, — son charmant vaudeville. Le théâtre était rempli, toute l'*aristocratie* y a assisté et les étrangers, que c'était une honte (j'emploie les termes d'Alex.). Quant à sa femme, elle n'aime pas Alexandre; elle s'est avisée de lui parler de ses vers et comme il repondait sèchement, elle lui dit d'un ton railleur: «*Savez Vous, Monsieur, que Votre Godounoff peut paraître intéressant en Russie?*» — «*Madame, tant comme Vous pouvez passer pour une jolie femme dans la maison de Madame Votre Mère*». Съ тѣхъ поръ она равнодушно на него смотрѣть не могла.

À propos de vers: я читала стихи Бенедиктова; есть вещи прекрасныя, но и безвкусія довольно. Показались ли они у васъ? «Ледяной Домъ» вовсе не хорошъ. Et toujours du plagiat, — и Юго[3]), и Скотизмъ[4]),— мочи нѣтъ! Что̀ собственное,— то mauvais goût.

---

1) Варвара Петровна Лохтина была бабкой жены младшаго сына Александра Сергѣевича Пушкина — покойнаго Григорія Александровича.

2) Пушкинъ.

3) Т. е., Викторъ Гюго.

4) Т. е., вліяніе В. Скотта.

Koslovsky souffre toujours beaucoup. C'est Sobolevsky qui va le voir qui me l'a dit.

Прощай душа, будь здоровъ. Прибыткову, Фрейтагу, Франковскому, Софіанѣ, Крузе, Прибыльскому кланяйся.

Помѣта Н. И. Павлищева: Expédié le 21, reçu le 29.

Сообщ. Л. Н. Павлищевъ.

Ганнибалы.

Новыя данныя для ихъ біографій.

Ни Славянскій Ладо, ни Греческій
Гименей не долюбливали Пушкиныхъ и
Ганнибаловыхъ.

Такъ отмѣтилъ кто-то характерную черту несчастныхъ браковъ въ семьяхъ предковъ Пушкина какъ съ отцовской, такъ и съ материнской стороны.

У Пушкиныхъ дѣло не доходило до суда, между тѣмъ, какъ въ семьѣ Ганнибаловъ, во второй половинѣ XVIII столѣтія, извѣстны три громкіе процесса, при чемъ почти каждый изъ судившихся супруговъ прибѣгалъ къ заступничеству и милосердію Престола.

I.

А. П. Ганнибалъ.

Бракоразводный процессъ родоначальника Ганнибаловъ, Абрама Петровича Ганнибала, крестника Петра Великаго, довольно хорошо извѣстенъ и подробно разобранъ С. И. Опатовичемъ[1]); краткій очеркъ семейной драмы Абрама Петровича мы находимъ также и въ статьѣ Б. Л. Модзалевскаго «Родъ Пушкина»[2]).

Не касаясь, поэтому, подробностной его біографіи, уже достаточно извѣстныхъ, мы приведемъ здѣсь лишь новые документы объ Абрамѣ Петровичѣ, разысканные нами лично въ Государ-

1) «Русская Старина» 1877 г., т. XVIII, стр. 69—78.
2) Собраніе сочиненій Пушкина, подъ ред. С. А. Венгерова, т. I.

ственномъ Архивѣ, а также любезно сообщенные намъ Б. Л. Модзалевскимъ изъ Архива Конференціи Императорской Академіи Наукъ.

Въ 1717 г. Абрамъ Петровичъ, оставленный Петромъ Великимъ во Франціи для изученія инженерныхъ наукъ, какъ и другіе молодые люди, посланные Петромъ за-границу, терпѣлъ большую нужду. Государь былъ занятъ въ то время процессомъ Царевича Алексѣя, и судьба его заграничныхъ питомцевъ отступила на дальній планъ. Ученикамъ отпускали мало денегъ, да и тѣ запаздывали, и молодые люди жили впроголодь; имъ не изъ чего было платить учителямъ, не на что было покупать книгъ, инструментовъ... Деньги заграничнымъ ученикамъ пересылались черезъ Савву Рагузинскаго, и, повидимому учениковъ обсчитывали при промѣнѣ, да кромѣ того Джонъ Ло наводнилъ тогда Францію бумажными деньгами. Ганнибалъ и его товарищи неоднократно писали и Царю, и кабинетъ-министру Макарову, жалуясь на свое бѣдственное положеніе.

Такъ, напр., товарищъ Ганнибала — ученикъ Алексѣй Юровъ писалъ Макарову:

. . . «ныне деньги перемѣнилися и в цѣнѣ подъялись и мы от определешного своего жалованья теряемъ по четыреста гульденовъ и на все цена прибавилась безмѣрная; прошу васъ, моего милостиваго государя, приказать ко мне отписать, какими деньгами изволите платить за насъ Саве Рагузинъскому: ежели рублями за ефимокъ, то бы намъ всякой ефимокъ былъ по четыре ливъра и по пяти копеекъ или слишкомъ, а онъ намъ дасть по три ливъра за ефимокъ, такъже и къ Саве прошу отписать о семъ; а я чаю, что Царское Величество приказалъ намъ определить ефимками Галанъскими, а не французскими малыми» . . .

Къ этому письму Юровъ и Ганнибалъ приложили слѣдующее прошеніе къ Царю, прибавивъ въ письмѣ къ Макарову, что «ежели изволите заблагоразсудить, то прошу подпести, а ежели не хорашо, прошу его и разодрать»[1]).

---

1) Госуд. Архивъ, Кабинетъ Петра Великаго, Входящія письма 1718 г., книга 4, № 38, л. 93.

Всемилостивѣйшій Царь Государь

По многомъ нашемъ слѣзномъ вопле паки Ваше Величество трудить кровно принуждены о прибавке вашего Государева жалования. Истинно, Всемилостивѣйшій Государь, мучимъся совестию нашею, чтобъ за такою нашею бедностию не упустить времени; умилосердися, Всемилостивейшій Государь, утверди высокою вашею Государевою милостию то, за что ухватились, дабы из рукъ намъ не упустить. Мы видимъ, колико милионъ душъ питаются милостивымъ призрѣнiемъ Вашего Величества и все радуются, какъ и мы оною милостию воспитанны; порадуй, Всемилостивейшій Государь, истинно скорбящихъ, повели прибавить вашего Государева жалованья, а намъ Сава Рагузинъскій здесъ даетъ черезъ своего кореспонденъта толко по 200 рублевъ, которыми не токмо пропитатися, ни от долговъ себя защитить невозможно.

Всемилостивейшій Государь
Вашего Величества всенижайшіе рабы
Алексѣй Юровъ, Абрамъ.

Декабрь 24 1718 г.
Из Парижа.

Матеріальное положеніе заграничныхъ учениковъ временно улучшалось, — имъ высылали деньги, но затѣмъ опять слѣдовали ихъ слезныя посланія о помощи.

Въ Государственномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ есть семь собственноручныхъ писемъ Абрама Ганнибала отъ 1722 года къ кабинетъ-министру Макарову. Выдержки изъ этихъ писемъ были напечатаны у М. Д. Хмырова [1]), но цѣликомъ они нигдѣ не появлялись; изъ нихъ видно, что къ заботамъ о деньгахъ у Абрама Петровича примѣшивалось еще горячее желаніе остаться на годъ во Франціи для окончанія курса въ Инженерной Школѣ въ Мецѣ, основанной по мысли знаменитаго Вобана.

Когда въ январѣ 1722 года Русскій посланникъ князь В. Л. Долгорукій объявилъ ученикамъ, посланнымъ во Францію,

---

1) М. Д. Хмыровъ. Историческія статьи. Генералъ-аншефъ Аврамъ Петровичъ Ганнибалъ, стр. 10, 11, 12, 13.

указъ Императора о возвращеніи въ Россію весною того же года, Абрамъ Петровичъ обратился къ кабинетъ-министру Макарову съ просьбою ходатайствовать передъ Императоромъ о дозволеніи ему остаться еще на годъ во Франціи.

Въ своихъ трехъ, быстро слѣдовавшихъ одно за другимъ письмахъ Ганнибалъ излагалъ также и свое финансовое положеніе, и боязнь передъ морскимъ путешествіемъ.

Парижъ 16/5 февр. 1722 г.[1]).

Государь мой милостивый,

Светлейши князь обявилъ всемъ сдесъ указъ Его Императорское Величества, да бы намъ ехать на весну в Питербурхъ. Но я готовъ исполнять волю Его Величества, токмо прошу васъ, моего государя, доложить Императорскому Величеству, что я не морской человечикъ; вы сами, мой Государь, изволите ведать, какъ я былъ на море храбръ, а поне пуще отвыкъ. Моя смерть будетъ, ежели не покажутъ надо мною милосердие Божеское, понеже светлейши князь сказалъ, что моремъ ехать всемъ. Ежели Императорское Величество ничего не пожалуетъ, чем бы намъ доехать в Питербурхъ сухимъ путемъ, то радъ и готовъ пешкомъ итти.

P. S. прошу донести Цесарскому Величеству, что я былъ в службе здесъ порутчикомъ инженерскимъ, в которомъ полку я служилъ полтора года ученикомъ. Понеже сделали здесъ школу новую для молодыхъ инженеровъ въ 1720 году, в которую школу не принимали иностранныхъ, кроме техъ, которые примутъ службу французскую, но я надеялся, что не будетъ противно Его Величеству, что я принялъ службу для лутчего учение, нежели Его Величество изволитъ повелитъ мне пребыть сей годъ для ученне, понеже мы зделали сами без мастеровъ городъ для ученне атаковъ разныхъ, также и для подкоповъ.

Ежели вы разсудите за благо сие мое прошение, чтобъ меня оставитъ на годъ здесъ, также чтобъ не противно было Его Величеству, то прошу васъ, моего милостиваго государя и отца, чтобы доложить.

Ежели вы призрите, что будетъ противно Его Величеству мое прошение, то не изволте упоминать: я готовъ ехать с темъ, что могу знать и что училъ, токмо прошу Христа ради и Богородицы, чтобъ моремъ не ехатъ.

---

1) Госуд. Архивъ, Кабинетъ Петра Великаго, II Отд., книга 59, л. 82 и 83.

О школе, о которомъ я вамъ доносилъ, — и она не здесъ, около Парижа, — токмо сто милъ в ростояни от Парижа. По ко мне писали, чтобъ пріехатъ в Парижъ, — и я сегодня пріехалъ.

Светлейши князь указъ обявилъ, чтобъ ехатъ в Питербурхъ; я чаю что Его Светлость писаль к двору об моемъ прошени, чтобъ меня оставитъ на годъ здесъ.

Ежели вы предвидите, что сие будетъ противно Императорскому Величеству, вы меня поволите по своей оттеческо милосердие меня охранить от гневу Его Величества и чтобъ не упоминать ничего об моемъ прошеши, что я просилъ, чтобъ здесъ остатся.

Мой Милостивый Государь

батюшка Алексѣй Василевичъ, хотя единую строчку прикажи отписатъ сюда х кому изволите, что будетъ обо мнѣ указъ и чтобъ мнѣ не упоздатъ от другихъ [1]).

вашъ все послушны
и верны слуга Абрамъ.

Не дожидаясь отвѣта, Абрамъ Петровичъ черезъ десять дней послѣ перваго письма пишетъ опять Макарову:

Парижъ 27/16 февр. 1722 г. [2]).

Мой Милостивый Государь
Алексѣй Василевичъ.

Доношу вамъ, моему государю, что Его Светлостъ князъ Долгоруки мнѣ указъ Его Императорского Величества обявилъ, чтобъ мнѣ ехатъ в Питербурхъ в нынешнею весну и чтобъ моремъ ехатъ, а не сухимъ путемъ. Изволте разсудить, мой Милостивой Государь, какой я человекъ морской, — истенно не могу, хотя моя мука в семъ была известна, но ныне и пуще отвыкъ, нежели в то время. Того для прошу васъ, моего государя, доложить Его Императорскому Величеству, чтобъ повелелъ мнѣ хотя малое что на проездъ пожаловалъ, чемъ бы мне можно доехатъ в Питербурхъ, изволте ведать, что истенно, мой государь, лучте я пешкомъ пойду, нежели моремъ ехатъ, и ослушнымъ себя противу указу Его Ве-

1) Выдержки изъ этого письма (съ ошибками) см. у М. Д. Хмырова, въ назв. соч., стр. 11 и 12.

2) Госуд. Архивъ, Кабинетъ Петра Великаго, Отд. II, книга 59, л. 84 и 85.

личества показать не могу, такожде прошу васъ, моего милостиваго государя, Его Императорскому Величеству донести, что я в службе уже отъ 1720-го году былъ волентиромъ инженерскимъ, а ныне порутчикомъ и то прошедшее время учился я токмо теории и практике ничего не имелъ, а службу того ради принялъ, понеже Его Королевское Величество указалъ зделать школу для молодыхъ инженеровъ въ 1720 году, и я оную оказию профитовалъ, понеже в оную школу не принимали иностранныхъ, кроме разве кто службу принять хотелъ во Франции, и я того ради сие сделалъ, дабы мнѣ лучше было обучится.

Ежели Его Императорское Величество повелитъ мнѣ еще пребыть здесъ нынешной годъ, чтобъ мнѣ видетъ хотя малую практику, понеже в оной школе инженерской нарочно зделали городъ земленой, которому будемъ в нынешнемъ году приступъ делать, шанцы вести, подкопы копать и протчае, что із практике принадлежитъ знать. Прошу васъ, моего государя, приказать мнѣ отповедъ дать, чтобъ мнѣ время не утратить, живучи здесъ, понеже я приехалъ в Парижъ из моего гарнизона, которой от Парижа 100 милъ растояния. Ежели Его Величество мнѣ повелитъ еще учится нонешной годъ для окончания оной практике и какъ скоро получу от васъ, моего государя, ответъ, тогда поеду в Питербурхъ или опять в гарнизонъ, где былъ.

И ежели же вы изволите сие мое малое прошение заблаго разсмотреть, то прошу васъ, моего милостиваго государя, надо мною милость показать, Его Величеству об моемъ симъ намерени представить, чтобъ мнѣ еще годъ здесъ остатся для оной практике, а буде вы сие усмотрите, что Его Императорское Величества намереш конечное, чтобъ я ехалъ в Питербурхъ, то прошу васъ, моего Милостиваго Государя, о семъ не докладоватъ, понеже я поеду с темъ, что знаю, толко ежели возможно о деньгахъ доложитъ, чемъ бы было мне сухимъ путемъ доехатъ и дорогой питатся, и я надеюся, что Его Величество по своему отеческому милосердию меня не оставитъ. И у меня надежды никакой боле нетъ, кроме Бога и Его Величества, а учение мое и житие всемъ рускимъ здесъ известно и особливо ведаетъ господинъ Зотовъ и Туволковъ, когда они были в Париже, то во истенно, что я никуда по неделе и по двѣ с двора моего не выходилъ и старался об ученіи моемъ, какъ возмогъ, и чего не могъ выучить, истенно не от нерадения моего, но токмо разве за недостаткомъ моего разума, а более за деньгами: деньги здесъ даютъ много знать.

Мой Милостивый Государь, вашъ всепокорный

слуга Абрамъ.

Но отвѣта на эти два письма не послѣдовало, и Ганнибалъ вновь обращается къ Макарову, стараясь выяснить ему, почему онъ съ товарищами попалъ въ такое бѣдственное положеніе, и,— желая, очевидно, добиться отсрочки возвращенія въ Россію, — говоритъ о своемъ рвеніи къ ученію.

Парижъ, марта 5, 1722 г. [1]).

Мой Милостивой Государь
Алексѣй Василевичъ,

Доношу вамъ, моему государю, что Его Светлостъ князъ Долгоруки мне указъ Его Императорское Величества обявилъ, чтобъ мне ехатъ в Питербурхъ в нынешнемъ весну и чтобъ моремъ ехатъ, а не сухимъ путемъ, такожде намъ сказалъ, чтобъ не надеется на жалование 1722 годе и токмо 200 гулденовъ на поездку до Голанди, которые сделаетъ русскими денгами 29 рублевъ. И вотъ разсуди, государь мой, что мы здесь все въ долгу не от мотовства, но от бумажныхъ денгахъ, о чемъ вы, я чаю, известны черезъ графа Мусина-Пушкина, какое здесъ житие было здешними денгами, и ежели бы здесь не былъ Платонъ Иванович [2]), то бы я умеръ с голоду: онъ меня по своей милости не оставилъ, что обедалъ и уженалъ при немъ по вся дни. Которые жалованья получили отъ васъ, намъ выдали здесъ бумагами, которые ни во что пропали, болшая частъ еще у меня остался, что ни во что нигодятся. Для уверение я к вамъ привезу, ежели Богъ позволитъ. Мой Милостовый Государь, я надеюся, что Его Императорское Величество оставитъ меня не прикажетъ, понеже по отездѣ своемъ изволилъ намъ съ Алексѣемъ Юровымъ изъ устъ своихъ сказатъ, что ежели мы будемъ моты или в тюрму попадемъ, то бы намъ не иметъ никакого милости отъ Его Величества для наше выкупки, потомъ изволилъ сказать, ежели мы будемъ прилежно учится, также чтобъ иметъ доброе житие, то я васъ не оставлю се. И я вамъ, мой государъ, доношу, что всемъ рускимъ известно, какое я имелъ старание к моеи ученш: искалъ всякое оказие, где бы можно лучте учится, также и принялъ службу, чтобъ лучте знатъ мое дело, где не примали никакого иностранныхъ, кроме техъ, которые службу примутъ во Франци, то ли я выслужилъ, живучи при Его Вели-

1) Государств. Архивъ, Кабинетъ Петра Великаго, Отд. II, кн. 59, л. 86 и 87.
2) Графъ Мусинъ-Пушкинъ.

честве 17 летъ, выгоняютъ отсюда, какъ собакъ, без денегъ, хотя бы на подемъ не давали, да пожаловали бы дать нашу жалованья годовое: я бы с темъ поехалъ, ежели недостанетъ, то бы милостину сталъ бы просить дорогой, а моремъ не поѣду, воля Его Величества.

Князь Долгоруки сказалъ мнѣ, ежели я не доучился, чтобъ мнѣ остатся здесъ для учение, чтобъ доучится, но я боюся, ежели в будущемъ году также указъ придетъ, чтобъ выгонять, какъ скотинъ, без денегъ, то я пропаду, какъ собака, лучге я таперь поеду к одному концу—выграть или пропастъ, нѣжели угодно будетъ Его Величеству, чтобъ мнѣ здесъ остатся годъ, то какъ я имелъ честь к вамъ писатъ в моихъ въ 2-хъ писмахъ, то прошу пожаловатъ приказать мнѣ отписатъ. Истенно доношу вамъ, моему государю, что я не терялъ время и государевыхъ денегъ напрасно не проживалъ, какъ другие делаютъ. Прошу васъ, моего милостиваго государя и отца, донести Его Императорскому Величеству о моемъ нижайшемъ прошени Христа ради и Богородицы, понеже я к вамъ пишу третие писмо, чтобъ вамъ напомнить почаще.

Милостивый Государъ

вашъ моего Государя верный слуга Абрамъ.

Христа ради, мой Милостивой государъ, прикажите прислать жалования на 1722 годъ, истенно бумажные денги французские умарили с голоду, что поятъ и кормятъ в долгъ. Ежели не верите, то я вамъ привезу половину жалования, которое вы изволили прислать на 1721 годъ[1]).

Князь Долгорукій со своей стороны поддерживалъ въ письмѣ къ Макарову разумное желаніе учениковъ «доучиться» избраннымъ для нихъ наукамъ.

. . .«Прежде сего,—пишетъ посолъ кабинетъ-секретарю[2]): изволилъ ты ко мнѣ писать, чтобъ разнаго народа, которые присланы сюда для разныхъ наукъ, отправить въ отечество. Я о томъ мыслилъ и за потребно разсудилъ мнѣшие мое донѣсти, которые здесь учатца теологіи, я мню

1) Выдержки изъ этого письма (съ ошибками) напечатаны у М. Д. Хмырова, стр. 11 и 12.

2) Государств. Архивъ, Кабинетъ Петра Вел., II Отд., книга 59, л. 1018.

напрасно толко от нихъ убытокъ, которой от начала до нынѣ понѣсенъ: той наукѣ могли бъ выучитца и въ Россіи, не вывозя денегъ в здешние краи і, конечно, надлежитъ ихъ вѣсною отправить... Которые учатца другимъ наукамъ, державъ ихъ столько лѣтъ в здешнихъ краяхъ и понещи убытокъ, а выслать ихъ недоучасъ, онѣ будутъ ни ученики, ни мастеры, толко напрасно пропадетъ убытокъ, которой отъ нихъ понесенъ, того для не повѣлитъ ли Его Императорское Величество дать имъ время тѣ ихъ науки здесь окончать, какъ Аврамъ мнѣ сказалъ, что ему нужно отъ сего времѣни еще годъ жить, чтобъ гораздо видѣть практику... Парижъ, 9 марта 1722 г.».

Несмотря на сочувственное отношеніе князя Долгорукаго къ учебному рвенію русскихъ молодыхъ людей, онъ не находилъ нужнымъ или, скорѣе, не могъ оказывать имъ матеріальной поддержки: въ Государственномъ Архивѣ есть нѣсколько его писемъ къ Макарову и прошеній къ Императору, гдѣ посолъ самъ хлопочетъ о высылкѣ причитающагося ему содержанія.

Ганнибалъ сгоралъ отъ петерпѣнія, не получая отвѣта на свои письма, и вновь умолялъ Макарова о высылкѣ денегъ.

Парижъ, 6/24 март. 1722 г. [1]).

Милостивый Государь,

Прошу васъ, моего государя, дабы приказали намъ перевести наша жалованія, понеже годъ нашъ уже давно окончился, а мы в нущую долгъ входимъ отъ 1721-го году от непорядку здешныхъ денегъ бумажныхъ и за дороговизною и доле себя пробавить невозможно; того ради васъ, моего государя, прошу, чтобъ доложить Его Цесарскому Величеству, дабы повелелъ намъ пожаловатъ наша жалованія на сей 1722 году.

Уведомилися мы черезъ писмо матере Г-на Юрова, что она к нему пишетъ о денгахъ, о которомъ вы изволили ей сказовать, что посланы 3000 рублевъ, которое переведены князю Долгорукому на табло, изъ которыхъ вы приказали 2000 рублевъ намъ выдатъ, но онъ, князь Долгоруки, сказалъ, что сие не на жалованія, и ежели от васъ писмо к нему не будетъ, сказалъ, что не выдастъ жалованія: того ради, мой

1) Государств. Архивъ, Кабинетъ Петра Великаго, II Отд., книга 59, л. 88.

Милостивый Государь, я васъ прошу, чтобъ меня не оставить в моей нужде крайней и чтобъ мнѣ пожаловалъ Его Императорское Величество жалованія на сей годъ 1722 для расплаты моихъ долговъ, а ежели Его Величество весма намеренъ, чтобъ я ехалъ, то прошу васъ, моего государя, отписать къ Его Светлости, князю Долгорукому, чтобъ мнѣ далъ на проездъ, также чемъ бы было питатся дорогою, а что я долженъ сверхъ моего жалованія 1722 году,—и то невеликое дело: толко 200 рублевъ, потому надеюся, что Его Императорское Величество повелитъ меня оплатитъ.

вашъ моего милостиваго государя

покорный слуга Абрамъ.

Пятое письмо Ганнибала къ Макарову—отъ 29/18-го марта 1722 г.[1]) и шестое — отъ 5/25-го апрѣля 1722 г.[2]) являются повтореніемъ предыдущаго письма и даже написаны въ тѣхъ же выраженіяхъ.

Наконецъ въ Петербургѣ сжалились надъ судьбой заграничныхъ учениковъ: мольбы ихъ были услышаны, и имъ выслано было просимое жалованіе за 1722 годъ. Въ Государственномъ Архивѣ намъ попался слѣдующій документъ, изъ котораго видно, что приказъ о переводѣ денегъ въ Парижъ состоялся уже въ концѣ января 1722 г., ученики же получили ихъ только въ апрѣлѣ.

Вотъ копія съ ассигнаціи о переводѣ въ Парижъ на жалованье ученикамъ Юрову съ товарищами 1550 рублей[3]):

1722, Генваря въ 30 день.

Перевесть из соляныхъ денегъ в Парижъ на жалованье нынѣшнего 1722 года обретающимся тамъ ученикамъ Алексѣю Юрову, Авраму Арапу, Гавриле Резанову по 400 рублей человѣку, Степану Коровину 350 рублей, итого 1550 рублей (выдать).

---

1) Государств. Архивъ, Кабинетъ Петра Великаго, II Отд., книга 59, л. 89.
2) Ibid., л. 90.
3) Государств. Архивъ, Кабинетъ Петра Великаго, Отд. I, книга 53, л. 319.

Потомъ рукою секретарскою: тѣ деньги перевесть къ послу князю Василью Лукичу Долгорукову, дабы онъ теми деньгами долги ихъ платилъ и выслалъ бы ихъ по указу напередъ или съ собою вывесъ въ Питербурхъ.

Въ апрѣлѣ 1722 г. Ганнибалъ получилъ, наконецъ, деньги, хотя и въ недостаточномъ количествѣ, такъ какъ онъ задолжалъ, много потерявъ на бумажныхъ деньгахъ, и въ письмѣ къ Макарову, вмѣстѣ съ благодарностью за полученное жалованье, просилъ его ходатайствовать передъ Императоромъ объ уплатѣ его, Абрама, долговъ.

Парижъ 22/11 апр. 1722 г.[1]).

Мой Милостивой Государъ,

Я зело благодарствую вамъ, моему Милостивому Государю, что приказали перевестъ денегъ мнѣ, которые мы получили сего 11-го дня сего месяца, также, чтобъ мнѣ ехать съ Его Светлостию въ Питербурхъ, да прошу васъ моего государя, чтобъ приказали доложить Его Величеству, чтобъ приказалъ за меня заплатить долгъ, которой я имею — 250 рублевъ, о которыхъ я имелъ честъ писать вамъ, моему государю в моихъ писмахъ многожды; истинно, мой милостивой государъ, что и здешные жители разорилися, какъ намъ бы можно от того спастится, — понеже жалования, которое мы получили прошлаго 1721 году на бумагахъ, которые все пропали ни за что болшая половина. Изволте разсудить, мой государъ, что я былъ принужденъ жить весь годъ 1721 в долгъ, также сверхъ жалования нажилъ 250 рублевъ долгу, к тому же дороговизна превелика была в то время, я чаю съ 400 рублевъ невозможно было прожить, ежели вы повелите мнѣ вѣрить в томъ. Которое жалования я получилъ на 1722 году, я заплатилъ мое долги прошлогодичные 1721 году, еще осталося на мнѣ 250 рублевъ или 1750 гульденовъ французскихъ. Пожалуй, мой Милостивой Государь, прикажи надо мною показать милостъ свою, чтобъ я не былъ оставленъ, а что мнѣ велено ехать съ Его Светлостию, и о томъ прошу васъ, моего государя, чтобъ к нему отписать, пока онъ изволитъ здесь жить в Париже, чтобъ меня приказалъ

---

1) Государств. Архивъ, Кабинетъ Петра Великаго, Разр. IX. Отд. II, книга 59, л. 91 и 92.

поить и кормить у себя, чтобъ мнѣ опять в долгъ не входить, понеже я не имею за душою единую копейку, а онъ сказалъ: хотя де с голоду умирайте—у меня вамъ нету хлѣбу, а мнѣ де на то указу нетъ, чтобъ васъ кормить; также, чтобъ в дороге насъ не оставилъ, чтобъ насъ приказалъ вести на своихъ и кормить дорогою, чтобъ с голоду не помереть.

Прошу васъ, моего Милостиваго Государя для Христа и Богородицы, чтобъ приказали доложить Его Императорскому Величеству, чтобъ было прислано к нему князю Долгорукому указать по моей прошеши в сей грамотке, чтобъ мнѣ опять в долги не зайти и чтобъ не пропастъ от добрыхъ люде, какъ Мичуринъ и Лахчинскій въ Англи, о чемъ я васъ моего государя всегдашны (вырвано)

и остаюся вамъ моему милостивому Государю
верный и покорный слуга

Абрамъ [1]).

По возвращеніи въ Петербургъ Абрамъ Петровичъ вступилъ въ исполненіе своихъ прежнихъ обязанностей при Государѣ, получивъ въ свое завѣдываніе и весь кабинетъ Царя: «Мнѣ не безъизвѣстно, писала Императрица Екатерина II Ганнибалу въ сентябрѣ 1765 г. [2]), «что многіе чертежи въ сохраненіи вашемъ находилися въ то время, когда блаженныя памяти Государь Петръ Великій по способности вашей употреблялъ васъ по многимъ дѣламъ, почему я думаю, что вы, сохраняя память сего Великаго Государя и своей тогдашней при немъ службы, сберегли въ своихъ рукахъ всѣ любопытства достойныя бумаги»... «Прежде сего счастіе имѣлъ», отвѣчалъ Абрамъ Петровичъ Имп. Екатеринѣ: «при блаженны и вечны достойныя памяти Государя Петра Великаго в смотреніе моемъ иметь собственной Его Величества кабинетъ, въ которомъ все чертежи, прожекты и библіотека имѣлось»... [3]).

---

1) Выдержки изъ этого письма напечатаны у М. Д. Хмырова, стр. 13.

2) Н. Гастфрейндъ, Письма Абрама Ганнибала, стр. 12 и 13. Оригиналъ въ Государств. Архивъ.

3) Н. Гастфрейндъ. Письма Абрама Ганнибала, стр. 12 и 13. Оригиналы этихъ писемъ въ Государств. Архивѣ.

По возвращеніи въ Россію Ганнибалъ обратился къ Царю съ челобитной о принятіи его на службу и представилъ свидѣтельство на званіе капитана Французской арміи. На прошеніи этомъ Императоръ собственноручно написалъ: «дать чинъ», а затѣмъ опредѣлилъ Ганнибала порутчикомъ въ бомбардирскую роту Преображенскаго полка.

Въ Государственномъ Архивѣ сохранилась копія указа Государя князю А. Д. Меншикову по поводу этого назначенія[1]):

К ево светл. князю.

Записано

Господину подполковнику

Абраму (арапу), который во Франціи служилъ капитаномъ и привезъ свидѣтелство, того ради опредѣлите ево порутчикомъ бомбардирскую роту къ инженерамъ, которыхъ изъ молодыхъ въ кондукторы надлежитъ собрать корпоральство изъ нашихъ полковъ и ихъ дѣтей, которыя тому обучаютца.

Петръ.

Питербургъ.
4 Февраля
1724.

Едва только счастье улыбнулось Ганнибалу, поставивъ его на видное мѣсто — ближайшимъ слугою Великаго Преобразователя, какъ Царя не стало... Его кончина была крушеніемъ всей судьбы Абрама Петровича: онъ утратилъ все — своего царственнаго покровителя, къ которому былъ горячо привязанъ, свое положеніе, возможность примѣнять на дѣлѣ и съ пользою свои познанія и способности... Онъ долженъ былъ тогда сильно почувствовать свое одиночество на чужой сторонѣ и сталъ искать поддержки среди своихъ прежнихъ друзей, группировавшихся вокругъ княгини А. П. Волконской, рожденной Бестужевой, гофъ-

1) Государств. Архивъ, Кабинетъ Петра Великаго, Разр. IX, Отд. I, книга 63, л. 446.

дамы Императрицы Екатерины I; въ числѣ ихъ были братья ея Бестужевы-Рюмины, С. А. Мавринъ, И. А. Черкасовъ, Е. И. Пашковъ, Ис. П. Веселовскій и другіе Каждый изъ членовъ кружка имѣлъ свое прозвище: Панталонъ (М. П. Бестужевъ), Козелъ (А. П. Бестужевъ—будущій канцлеръ), Бѣлуга, Макавей, Колокольчикъ или Разговоръ Ивановичъ (Пашковъ). Дружескій кружокъ былъ въ то же время и кружкомъ политическимъ: всѣ члены его были врагами Меншикова и строили козни ненавистному временщику при содѣйствіи Цесарскаго посланника, графа Рабутина; Австрія желала видѣть на престолѣ Россіи внука Петра I, Царевича Петра Алексѣевича, а не Царевну Елисавету Петровну. Абрамъ Петровичъ былъ, повидимому, дѣятельнымъ членомъ этого кружка. Намекъ на это мы видимъ въ постскриптумѣ письма А. П. Бестужева къ сестрѣ своей, княгинѣ А. П. Волконской: «P. S. Шкатулка, которую у васъ А. П. оставилъ, извольте не умедля сжечь, ибо оная сгнила и устарѣла и болѣе въ оной пользы нѣтъ. Копенгагенъ, Іюля 15, 1727 г.»[1]).

По всей вѣроятности въ вышеупомянутой шкатулкѣ хранились какіе-нибудь могущія компрометировать друзей бумаги, и Абрамъ Петровичъ былъ чѣмъ-то въ родѣ секретаря въ дружескомъ кружкѣ.

Дальше мы увидимъ, какъ на допросѣ княгиня Волконская объяснила этотъ постскриптумъ въ письмѣ своего брата.

Планы ихъ были разрушены Меншиковымъ: члены кружка пострадали за сношенія съ иностраннымъ посломъ, и прежде всѣхъ княгиня Волконская и Ганнибалъ: княгиня была сослана на жительство въ Москву, а Абрамъ Петровичъ командированъ въ Казань для перестройки тамошней крѣпости; приказъ о его назначеніи въ Казань былъ отданъ отъ имени Императора на

---

1) Оригиналъ письма въ Государств. Архивѣ; оно напечатано въ статьѣ С. Н. Шубинскаго: Княгиня А. П. Волконская и ея друзья — «Истор. Вѣстн.» 1904 г., декабрь, стр. 942.

другой же день его восшествія на престолъ, 8-го мая 1727 года. Меншиковъ, карая своихъ враговъ, въ то же время спѣшилъ удалить отъ юнаго Царя лично ему извѣстныхъ людей, боясь ихъ на него вліянія.

Вскорѣ по прибытіи въ Казань Ганнибалъ получилъ отъ Меншикова приказъ ѣхать въ Тобольскъ—для постройки крѣпости по указанію губернатора, князя Долгорукова. Выѣхавъ изъ Казани 27-го іюня 1727 г., Абрамъ Петровичъ прибылъ въ Тобольскъ 30-го іюля 1727 г., а 3-го августа былъ отправленъ княземъ Долгоруковымъ на Китайскую границу — къ чрезвычайному посланнику графу Владиславичу-Рагузинскому, для постройки Селенгинской крѣпости [1]). Ганнибалъ не ожидалъ опалы: это видно изъ писемъ его къ княгинѣ Волконской; онъ просилъ ее написать Ивану Антоновичу Черкасову, чтобы тотъ скорѣе выслалъ ему въ Сибирь оставленныя у него деньги, такъ какъ онъ сильно нуждается: очевидно, Абрамъ Петровичъ, въ надеждѣ на скорое возвращеніе, захватилъ съ собою незначительную сумму.

Въ Государственномъ Архивѣ есть три письма А. П. Ганнибала къ княгинѣ А. П. Волконской: первое изъ Казани, отъ 27-го іюня 1727 г., другія два изъ Томска—отъ 25-го октября и отъ 15-го ноября 1727 г. Первое и третье письмо напечатаны въ статьѣ С. Н. Шубинскаго [2]).

Во всѣхъ этихъ письмахъ повторяется просьба о томъ, чтобы друзья хлопотали о его возвращеніи и писали къ нему.

---

1) Даты взяты изъ статьи Б. Л. Модзалевскаго: «Родъ Пушкина» — Соч. Пушкина, ред. Венгерова, стр. 16.

2) С. Н. Шубинскій: Княгиня А. П. Волконская и ея друзья — «Истор. Вѣстн.» 1904 г., декабрь, стр. 938. Въ первомъ письмѣ у Шубинскаго есть незначительные пропуски: 1) послѣ слова «Тамеса» (въ оригиналѣ въ первомъ письмѣ Томеса, въ третьемъ — тоже Тамеса) въ оригиналѣ слѣдуетъ: «который содержитъ манифактуру полотняною поддевичиемъ, квартира на дворе бывшаго Абрама Лопухина — и мнѣ зѣло печально» и т. д.; 2) послѣ словъ: «или к Саве Рагузинскому» слѣдуютъ слова: «понеже я посланъ на границу Китайскую к Саве Рагузинскому»; 3) «веселя моихъ пріятелей»—въ оригиналѣ: «непріятелей».

Милостивая Государыня[1])

Княгиня Аграфена Петровна,

Весма я надеюся, что вы получили мое два писма из Казани отъ 28-го дня июня, а что я от васъ не получилъ ни единаго,— и тому не удивляюся. Можетъ бытъ оттого, что я такъ отдалился или уже лишенъ вашей милости, которую я на себя носилъ, хотя то естъ правда, однакожъ надеюся, что вы таковы не будете, какъ другие друзия: хотя добро небудете делатъ, но зло небудете желатъ; однакожъ я всегда в томъ пребываю и в той надежде пишу, яко и прежде, первое, чтобъ Иванъ Антоновичъ[2]) ко мнѣ денги прислалъ, второе ко мнѣ отписатъ хотя единую писмо, 3) ищи способу, чтобъ притти в милостъ к генералисимусу, 4) пошли человѣка своего в Питербурхъ к Александре Борисовичу с писмами, хотя почаще, чтобъ онъ, какъ возможно ему будетъ, чтобъ паметовалъ об насъ; такожде пишите к Цесаревне Анне Петровне, 5) и к моимъ друзиямъ, чтобъ насъ не забыли в своей милости и что у меня толко надежды на нихъ. 6) Ежели будетъ Коронация Его Величества, чтобъ старатся всячески, понеже время будетъ к тому удобное, толко чтобъ хто об насъ спомнилъ Его Величеству и Великой Княжне, 7) ежели вамъ будетъ невозможно приступитъ к Великой Княжне, но нихто вамъ не запретитъ, я чаю, к Цесаревнамъ, имъ напомнить надобно, а оне Великой Княжне, а Великая Княжна Его Величеству. 8) а ежели то будетъ паче чаения моего, что васъ не допустятъ, то я надеюся что Ея Высочество Церевна Анна Ивановна будетъ к тому времени, чрезъ Ея Высочество можете делать. 9) Ежели Степанъ Ѳедоровичъ Апраксинъ приехалъ, его можете просить, чтобъ виделся с моимъ другомъ, с кемъ я имелъ новую дружбу в Питербурхе, надлежитъ его просить такожде. Пожалуй дай знатъ моимъ друзиямъ сердешнымъ и чтобъ старалися об насъ для возвращени. Я ныне поехалъ из Тоболска на Китайскую границу для строения тамошной крепости. Постарайся о всехъ вышеписанныхъ, чтобъ былъ присланъ указъ к Саве Рагузинскому, дабы меня взялъ с собою в Питербурхъ, какъ назадъ поедетъ. Пожалуй отпиши хотя единую грамотку, чтобъ я ведалъ, где наши друзия и что делается с ними. Хотя в Тоболскъ отпиши к Семену Маврину: онъ ко мнѣ пришлетъ. Проехали в Питербурхъ два куръера от Савы

---

1) Государств. Архивъ. Дѣло о придворныхъ интригахъ княгини А. П. Волконской и ея знакомыхъ вмѣстѣ съ перепискою ихъ, 1728 г., VI, № 162, л. 467 и 468.

2) Баронъ Черкасовъ.

Рагузинскаго, которые к намъ назадъ скоро отправлены будутъ: можете с ними писать ко мнѣ, верно дойдутъ, посилайте к Саве Рагузинскому на дворъ проведовать, нету ли ездаковъ, а его дворъ от васъ недалече—на Покровке. Пожалуй, Милостивая Государыня, не забывай своихъ старыхъ друзей и помогай, сколко вамъ будетъ возможно, какъ для себя, такъ и для насъ; вы сами извесны — очень страждемъ, ежели насъ забудутъ, то будетъ мнѣ зѣло прискорбно до сметри; лутче на себя самъ руку наложитъ, нежели пропадатъ в напрасленномъ в правде, нежели от неприятеле такихъ, которые нами взысканы, за то наше достодеяние зломъ воздаютъ. Пожалуй, которые писма при семъ до васъ посылаю, роздатъ ежели кто на Москвѣ, а ежели хто в Питербурхе, то васъ прошу ежели хто поедетъ верно вамъ, чтобъ вручилъ из рукъ в руки по подписе, кому надлежатъ, толко чтобъ вы были весма сведома, где оне обретаются. Я зело сумнѣваюся объ Иване Антоновиче, не послан ли и онъ бедно куда, что ко мнѣ посяместъ денги не присылаетъ, от чего Боже его сохрани, толко слухъ здесъ идетъ, что онъ определенъ в Синодъ обersекретаремъ и посланъ к Москвѣ для переписки Патриарше ризницы, тому я верю, лишь куда дале не было.

Вашъ моей Государыне
покорный слуга и рапъ
А. Петровъ.

Изъ Томска 25 октябрь
1727.

Прошу отдать мой поклонъ Василию Ивановичу Машкову, хотя нарошно пошли к нему; писма которые, я хотелъ к вамъ послатъ, не посылаю, но послалъ в Питербурхъ».

На одномъ изъ писемъ А. П. Ганнибала къ княгинѣ Волконской слѣдующій адресъ: «Государыне моей княгине Аграфене Петровне Ея Сиятелству Волконской. На Лубянке Устретинская улица, въ Москве»[1]).

Матеріальное положеніе и самого Ганнибала, и находившихся при немъ деньщиковъ было незавидное; объ этомъ свидѣтельствуетъ какъ напечатанное у Хмырова (назв. соч., стр. 20) донесеніе Ганнибала въ Иркутскую Губернаторскую Канцелярію

1) Письмо запечатано черной печатью, на обломкахъ которой можно различить человѣческую фигуру съ приподнятой головой, играющую на лирѣ.

отъ 1728 г., такъ и печатаемое ниже донесеніе[1]) князя Долгорукова изъ Сибири:

Его Імператорскому Величеству Самодержцу Всероссійскому всеподданѣйшее доношеніе из Сибирской губерніі

В указѣ Вашего Імператорскаго Величества из Верховного Тайного Совѣта, писанномъ іюля 17, а в Тоболску полученномъ августа 17 чисєлъ сего 1728 года под номеромъ 450, написано о посылке посланнаго порутчика Аврама Петрова для строенія на Китайской границе по прежде определенному чертежу крѣпости.

И посилѣ онаго Вашего Імператорского Величества указу оной порутчикъ Аврамъ Петровъ іс Тоболска на Китайскую границу отправленъ сего августа 21 дня и по прошенію ево, Петрова для вышепомянутой посылки и для далного разстоянія и необходимыхъ ево нуждъ выдано ему, Петрову из Тоболской рентереи денегъ сто рублевъ, а оные денги даны ему, Петрову для крайней ево нужды и далного пути на пропитаніе, понеже ему, Петрову жалованья никакого и по присланномъ Вашего Імператорского величества указомъ не определено, а доношеніемъ оной Петровъ обявилъ, что определенного жалованія онъ, Петровъ не получалъ с прошлого 1727 году с майской трети, отчего пришелъ во всеконечную скудость и питатся нечемъ, і впредь будучи у оного дѣла жалованье ему, Петрову по ево трактаменту повелено ль будетъ давать, о томъ ожидаемъ Вашего Імператорского Величества повелителного указу. К поданію в Верховномъ Таиномъ Совете.

Князь Михала Долгоруковъ
Іванъ Болтинъ
Секретарь Козма Баженовъ.

Августа 21 дня
1728 года.
А. № 385.

Кащелярістъ Ѳедоръ Неволинъ.

Друзья Абрама Петровича, не подвергшіеся опалѣ, старались всѣми силами возвратить его изъ ссылки; больше всѣхъ хлопоталъ А. П. Бестужевъ-Рюминъ, тогда посланникъ въ Даніи.

---

1) Государств. Архивъ, XVI, № 68, 1728—1730. Донесенія въ Верховный Тайный Совѣтъ изъ Сибирской губерніи, л. 263.

Не зная еще о разразившейся надъ сестрой своей и друзьями ея грозѣ, Алексѣй Петровичъ писалъ 23-го мая 1727 г.[1]) княгинѣ А. П. Волконской, поздравляя ее съ восшествіемъ на престолъ Петра II и видя въ этомъ событіи благопріятный для Россіи поворотъ въ дѣлахъ: «Подожмутъ оные хвостъ, пишетъ онъ, которые домогались завоеванные Шведскіе провинціи отъ Россійской Имперіи оторвать къ вечному на весь свѣтъ поруганію Россійской націи»... Затѣмъ все письмо наполнено совѣтами дѣйствовать черезъ графа Рабутина, чтобъ княгиня Волконская была назначена гофмейстериной при Великой Княжнѣ, а Ганнибалъ и Веселовскій «достойнейше награждены».

Паденіе князя Меншикова было встрѣчено съ радостію всѣми членами кружка княгини Волконской: казалось, они были близки къ достиженію своихъ цѣлей; но къ ихъ несчастію Австрійскій посолъ графъ Рабутинъ умеръ въ Петербургѣ, и до прибытія его замѣстителя трудно было что-либо сдѣлать какъ для сосланныхъ въ Сибирь, такъ и для удаленныхъ изъ Петербурга.

Объ этомъ А. П. Бестужевъ-Рюминъ увѣдомлялъ сестру въ письмѣ отъ 10-го октября 1727 г., обѣщая ей «неусыпно стараться» о смягченіи участи друзей: «...не умедля пространно васъ увѣдомлю, коимъ образомъ, сокрипковавъ собственный мой интересъ, а всехъ васъ і коегождо особливо во известномъ месте накрепко рекомендовалъ, такъ какъ вы все таки въ великомъ кредите содержены. Которымъ приятелямъ и сердешнымъ друзямъ нашимъ сообщи сие мое писмо, с приложеннымъ подъ № 2 дупликатомъ, мой сердечно всеуниженный поклонъ имъ обявить прошу і притомъ ихъ, сердечныхъ друзей нашихъ Семена Аѳанасьевича, Аврама Петровича і Исака Павловича обнадежить накрепко, что какъ я в благополучіи верным другомъ ихъ былъ, такъ и в приключившемся ихъ нещастіи не токмо неотменно, но толь наї-

---

1) Госуд. Архивъ М. И. Д. XI, № 220, 1727 г. Письма А. П. Бестужева-Рюмина къ его сестрѣ княгинѣ Агр. Петр. Волконской, на 11 листахъ, л. 10.

паче, в чемъ засвидетелствую самимъ Всевѣдущимъ ї по истинне с охотою собственный мой интересъ для благополучия ихъ сокрификовалъ, а что понесенно всеусердные труды мои в ползу ихъ в самомъ дѣйстве еще не оказались, ї тому притчиною краткость времени и скоропостижная смерть графа Рабутина»...

Но ни хлопоты друзей, ни паденіе Меншикова не облегчили участи Ганнибала; надъ нимъ стряслась даже новая бѣда: подъ давленіемъ временщиковъ Долгорукихъ Верховный Тайный Совѣтъ 22-го декабря 1729 года указалъ арестовать А. П. Ганнибала и доставить его подъ конвоемъ въ Томскъ, при чемъ было приказано произвести у него въ Селенгинскѣ тщательный обыскъ и, запечатавъ всѣ его бумаги, отослать ихъ въ Петербургъ [1]).

Въ Архивѣ Конференціи Императорской Академіи Наукъ хранится любопытный документъ — рукописная тетрадь съ слѣдующимъ заголовкомъ: «Копія с летописца, полученноя от Иркуцкой Канцеляріи канцеляриста Ивана Беляева, а в немъ понумеру тридцать восемь страницъ» [2]).

Въ тетради этой записаны различныя событія въ Иркутскѣ: сообщается о пріѣзжающихъ и отъѣзжающихъ лицахъ и т. под., и между ними три раза встрѣчается имя А. П. Ганнибала:

1) 1726

Прибылъ по указу отправленноі для строенія Селенгинской крепости банбардирской роты порутчикъ Аврамъ Петровъ арапъ, которой и отбылъ, какъ Байкалъ лдомъ покрылся, в Селенгинскъ.

2) 1727, в іюне м̄це.

Прибылъ изъ Селенгинска Бонбардирской роты порутчикъ Аврамъ Петровъ, которой отпущенъ от граоа Савы Владиславича до Тоболска, которой въ томъ же мѣсяце отбылъ водою въ Тоболскъ.

3) 1729 в январе м̄це прибылъ изъ Тоболска отправленой для взятья изъ Селенгинска под арестомъ порутчика Аврама Петрова прапорщикъ

---

1) Указъ этотъ напечатанъ у Н. Гастфрейнда: Письма Абрама Ганнибала: Копія съ резолюціи, состоявшейся въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ 27-го декабря 1729 г., стр 11.

2) Сообщено мнѣ Б. Л. Модзалевскимъ.

Заворовъ, который ездилъ в Селенгинскъ и оного поручика арестовалъ и по арестованіи прибылъ с нимъ в Ыркуцкъ, а из Ыркуцка отбылъ с нимъ в Томъскъ.

Даты, приведенныя въ этой тетради, не соотвѣтствуютъ дѣйствительности: переписчикъ тетради, очевидно, ошибся, выставляя годы; это усматривается и изъ того, что въ первой записи объ Ганнибалѣ было сначала написано 1727, а затѣмъ цифра 7 передѣлана на 6; надо принять, что и вторая запись должна быть отнесена не къ 1727, а къ 1728 году, а третья къ 1730, такъ какъ резолюція объ арестѣ Ганнибала состоялась въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ 22-го декабря 1729 г. Въ статьѣ Б. Л. Модзалевскаго [1]), какъ мы видѣли, значится такъ: 27-го іюня 1727 г. Ганнибалъ выѣхалъ изъ Казани, 30-го іюля 1727 г. прибылъ въ Тобольскъ, 3-го августа 1727 г. былъ отправленъ къ Владиславичу-Рагузинскому, въ январѣ 1728 г. былъ въ Иркутскѣ, а затѣмъ въ Тобольскѣ, отпущенный Владиславичемъ съ границы; въ тетради же пребываніе Абрама Петровича въ Иркутскѣ по дорогѣ въ Тобольскъ отнесено къ іюню, что, можетъ быть, точнѣе, такъ какъ въ тетради отмѣчено, что Ганнибалъ отбылъ водою, чего нельзя было сдѣлать въ январѣ.

Третья запись о Ганнибалѣ имѣетъ значеніе для его біографіи: до сихъ поръ, кажется, еще не было извѣстно, что указъ объ арестѣ А. П. Ганнибала былъ приведенъ въ исполненіе.

Верховный Тайный Совѣтъ, захвативъ переписку членовъ кружка княгини А. П. Волконской, потребовалъ ихъ къ допросу.

Въ слѣдствіи по этому дѣлу насъ интересуетъ только то, что касается Ганнибала, и ниже мы приводимъ лишь выдержки изъ документовъ [2]).

---

1) Б. Л. Модзалевскій, Родъ Пушкина — Сочиненія Пушкина, т. I, стр. 16.
2) Государственный Архивъ, разр. VI, д. № 162, 1728 г.

№ 1.

Вопросные пункты и допросъ княгини Агр. Волконской.

Допросъ іюля 15-го 1728 г.

В письмахъ брата твоего А. Бестужева изъ Копенгагена отъ 1727 г.:

2) Шкатулка Аврама Петрова, о которой онъ Алексѣй писалъ, чтобъ ты сожгла, гдѣ ныне и с чемъ она была?[1]).

Шкатулкой называетъ Аврама Петрова писмо, которое братъ сѣ писалъ к нему цыфирью, чтобъ то писмо взять у него и зжечь, которое она и взяла, а что в немъ написано, не знаетъ їключа на то писмо у нея нѣтъ, да ї Аврамъ Петровъ при полученіи того писма ключа не получилъ же.

4) Въ 4-мъ, октября 10-го: Увѣдомле, комъ образомъ «овсѣхъ васъ в ызвѣстномъ мѣсте накрѣпко рекомендовалъ и в какомъ вы тамъ в великомъ кредите содержаны и о семъ пріятелямъ и друзямъ сообщи»: комъ образомъ о всѣхъ васъ и о комъ именно и в какомъ извѣстномъ мѣсте, и кѣмъ накрѣпко рекомендовалъ, и у ково ты и с кѣмъ и гдѣ тако и в какомъ великомъ кредите содержаны и о томъ пріятелямъ и друзіямъ вашимъ кому ты сообщала[2]).

в ызвѣстномъ мѣсте рекомендованы в Вѣне, а друзія Мавринъ и Аврамъ, а не сообщала никому, для того, что ихъ здѣсь нѣтъ.

в писмахъ Аврама Петрова 1727 году[3]).

въ 1-мъ ис Казани іюня 24-го, чтобъ послать копію с указу к нашему Колоколчику или к Разговору

Колоколчикъ или разговоръ іановичъ — Егоръ Пашковъ, а Козе и панталону, то чаетъ она писано о

---

1) 6-й листъ, на оборотѣ.
2) Листъ 6-й на оборотѣ.
3) Листъ 8.

Ивановичу, такожде к Козе и Панталону, кто оные по имянамъ?

братьяхъ еѣ Алексѣе ї Михаиле для того, что они при отѣзде своемъ просили еѣ, чтобъ она к нимъ о посылке ево писала.

въ 2-мъ пс Томска, окт. 25.

1) Пишите къ моимъ друзиямъ, чтобъ насъ не забыли; кто друзья его?

Друзья его выше писаные.

2) просить Степана Апраксина, чтобъ видѣлся с моимъ другомъ, с кѣмъ я имѣлъ новую дружбу в Петербурхе: с кѣмъ онъ новую дружбу имѣлъ?

Авраму новой другъ Рабутинъ.

въ 3-мъ пс Томска, ноября 15.

1) не живи праздно, какъ другие наши друзия: кто имянъ ваши друзия и в чемъ живутъ праздно и в какую силу то писано, чтобъ жить непраздно?

чтобъ жить непраздно — просить и ïмѣть старание о свободе ево, а другие друзия ево праздны живутъ Егоръ Пашковъ и Черкасовъ в томъ, что они не стараютца об немъ.

Я чаю друзия мои[1]) уже вѣдаютъ объ нашемъ нещастіи что вы мнѣ обѣщали здѣлать, пожалуй не запамятуй, чтобъ Панталонъ и Козелъ приложили свое старание; и кто имяны друзия ево и что обѣщала ему здѣлать и здѣлала-ль. Икто имянъ Панталонъ и Козелъ и о чемъ имъ приложить старание?

Друзиями пишетъ братьевъ, а обѣщала она писать к нимъ ї Панталономъ и Козломъ называетъ их же, а старание бъ имѣть в Вѣне.

в цѣдулке: ежели можете достать оказию, чтобъ вамъ можно видѣтца с тѣмъ человѣкомъ, с кѣмъ я имѣлъ новое знакомство в Петербурхе; с кѣмъ онъ имянемъ ї какое имѣлъ знакомство и для чего с нимъ велѣлъ видѣтца.

Новой его Аврама знакомецъ Рабутинъ.

---

1) Листъ 8 на оборотѣ.

№ 2.

Вопросные пункты и допросъ Ивана Кречетникова.

Въ писмахъ къ Ивану Черкасову [1]).

6. О Мавринѣ и о Аврамѣ надежды нѣтъ, а особливо о Мавринѣ не угодно, чтобъ и напоминать имя его: в чемъ и какой об нихъ надежды нѣтъ и кому не угодно напомнить имя Маврина?

О Мавринѣ и о Аврамѣ писалъ про себя по дружбѣ ихъ с нимъ Черкасовымъ, вѣдая, что они сосланы, і о имяни Маврина поминать для того ему было ї неугодно.

№ 3.

Вопросные пункты и допросъ Егора Пашкова [2]).

в цыдулке от тебя к Ивану Черкасову писано:

1) О Семенѣ Мавринѣ ї Авраме Петрове всѣ старики и молодые, которои доброй совѣсти, желаютъ ихъ взять, — кто по именемъ старики і молодые то желаютъ і почемъ ты про то вѣдаешь?

4) Натурально можно вамъ разсудить, какой приятель Мавринъ ї Аврамъ Леволду ї помянутой клеотуре бѣсовской. Повидимому ї без нихъ пропадутъ а ежели они будутъ, то ї скорѣе пропадутъ: кто їмяны бѣсовская клеотура и кто и отъ чего пропадутъ? [3])

1728 майя въ 2 д. въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ при собраніи Егоръ Пашковъ по нижеслѣдующимъ пунктамъ допрашиваемъ а в допросе сказалъ:

О сожелѣніи Маврина і Аврама Петрова, что старики и молодые, которые доброй совести, желаютъ ихъ взять, писалъ объ оныхъ пріятелехъ для того, что они имѣли себѣ многихъ приятелей, какъ ї старыхъ людей, такъ ї молодыхъ.

Креатурой бѣсовской называетъ онъ в писмѣ Леволда да Анну для того, что всѣмъ извѣстно, а паче и самому Его імператорскому величеству, какая ихъ была служба к его величеству при жизни Блаженные памяти Государыня Імператрицы іпри дворе ихъ здѣлалъ Меншиковъ для себя.

---

1) Листъ 18.
2) Листъ 23.
3) Листъ 23 на оборотѣ.

5) Однако, несмотря на ихъ замыслы худые, неустанно старатца, чтобъ взять в Москву. Гдѣ старатся и чии и в чемъ какие худые замыслы?

6) однимъ словомъ сказать, что старики слабы, а молодые отъ зависти всѣ пропадаютъ. А намъ бѣднымъ нигдѣ за ихъ несогласиемъ ничево здѣлать невозможно ї не у ково: кто старики и в чемъ слабы ї молодые с какой зависти пропадаютъ?

во 2-мъ, октября 4 д. [1]).

1) о Мавриие и о Аврамѣ прилежно старайся, какимъ бы случаемъ ихъ взять, ї кажетца, что многие об нихъ сожалѣютъ, а говорить никто не хочетъ за поврежденіемъ себя: У кого ты объ нихъ старался и кто многие об нихъ сожалѣютъ и за какимъ себя повреждениемъ говорить не хотятъ?

Сказано выше.

Въ 4-мъ, октября 16-го д. [2]).

1) О свободѣ Маврина ї Аврама старался сколко гдѣ могъ, толко такъ бѣдные обнесены, какъ больше быть нельзя, однакожъ еще надежда немалая, надлѣжитъ еще умѣшкать до времяни. Гдѣ ты об нихъ старался ї в чемъ и кемъ они обнесены и какая еще надежда немалая была, и до какого времени надлѣжало еще умѣшкать *ї от кого рекомендация Маврину и Аврааму, что гораздо легче?*

Сказано выше.

старание объ нихъ—Мавриие и о Аврамѣ онъ имѣлъ і нынѣ объ нихъ по дружбѣ стараетца у всѣхъ, у кого можетъ для того, что они сосланы без вины.

У Маврина ї у Аврама многие были приятели їз старыхъ и їз молодыхъ людей, из нихъ одни ослабѣли, а другие по несчастию їхъ, Маврина ї Аврама по зависти оставили и позабыли.

1) Листъ 25.
2) Листъ 26.

№ 3.

Вопросные пункты и допросъ Егора Пашкова.

Пункты къ вопросу противъ писемъ его к княгине Волконской в письмѣ изъ СПитербурха сент. 25 1727 году писалъ ты [1]):

3) о Семене Маврине и об Авраме старался, чтобъ ихъ взять изъ ссылки, да не могу чрезъ кого учинить: всѣ проклятые злы на нихъ какъ собаки. Чрезъ кого то старание имѣлъ и кто на нихъ злы?

О томъ сказано в первомъ допросе, а злы до нихъ Леволдъ і Анна, от которыхъ они по просбѣ ихъ отъ князя Меншикова и сосланы.

1728 г., 28-го мая, княгинѣ Волконской и ея друзьямъ былъ вынесенъ суровый приговоръ: княгиню сослали въ монастырь, Пашкова и Нелединскаго отставили отъ должности, Веселовскаго сослали въ Гилянь, Кутузова заключили въ тюрьму, Кречетникова лишили придворнаго званія и разжаловали въ прапорщики, а Черкасова послали въ Астрахань—завѣдывать провіантскимъ дѣломъ.

Какъ мы видѣли, А. П. Ганнибалъ былъ арестованъ и отвезенъ въ Томскъ въ январѣ 1730 г.; къ его счастью, арестъ его длился не очень долго: съ воцареніемъ Императрицы Анны Іоанновны власть его враговъ Долгорукихъ пала, и Ганнибалъ былъ переведенъ маіоромъ въ Тобольскій гарнизонъ, а всѣ отобранныя у него бумаги было приказано ему возвратить. Въ Государственномъ Архивѣ сохранилось объ этомъ слѣдующее донесеніе изъ Сибири [2]).

Ея імператорскому величеству самодержице всероссійской всеподданѣйшеѣ доношение ізсибирской Губернії. № 1833.

В указѣ Вашего Імператорского Величества из Верховного Тайного Совѣта, писанномъ февраля 25, а въ Тоболску полученномъ марта 13

---

1) Листъ 30 на оборотѣ.

2) Государственный Архивъ, XVI, № 68, 1728—1730. Дѣло о донесеніи въ Верховный Тайный Совѣтъ изъ Сибирской губерніи, л. 23.

чиселъ сего 1730 году, подъ № 36 в Сибирскую Губернію, написано о бытіи отъ бонбандиръ порутчику Аврааму Петрову в Тоболскомъ Гварнизонѣ мазоромъ і освободѣ его їс Томска из за караулу и о возвратѣ ему отобранныхъ у него писемъ.

И по силѣ оного вашего їмператорскаго величества указу о свободѣ оного порутчика Петрова ис Томска из за караулу і о бытіи ему в Тоболске Вашего Імператорского Величества указъ в Томскъ посланъ с нарочнопосланнымъ солдатомъ сего марта 14 дня. К поданію в Верховномъ Тайномъ Совѣте.

Іванъ Болтинъ
Секретарь Козма Баженовъ
Канцелярістъ Ѳедоръ Неволинъ.

Марта 18 дня
1730. № 134.

Легко можно себѣ представить, каково было тогда Ганнибалу жить въ Сибири, и что значило для молодого человѣка, прожившаго нѣсколько лѣтъ во Франціи и въ Петербургѣ, очутиться въ этой, тогда совершенно дикой странѣ, безъ образованнаго общества, безъ друзей и даже безъ книгъ!

Когда былъ отданъ приказъ объ арестѣ Ганнибала, было описано и передано въ Библіотеку Академіи Наукъ собраніе книгъ, ему принадлежавшихъ; собраніе это, заключавшее въ себѣ около четырехсотъ томовъ книгъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что Ганнибалъ не былъ узкимъ спеціалистомъ, а интересовался самыми разнообразными проявленіями человѣческой мысли. Вотъ каталогъ библіотеки Ганнибала, сохранившійся въ Архивѣ Конференціи Императорской Академіи Наукъ и сообщенный намъ Б. Л. Модзалевскимъ.

Реэстръ книгамъ

Генерала Ганнибала, коп въ 1730 вступили въ Императорскую Библіотеку, а по возвращеніи его изъ ссылки въ 1742 году послѣ напечатанія каталога, по его требованію, ему обратно отданы.

Classes	Nro	
H. Univers.	79—80.	Bossuet, Histoire universelle. 2 Tomes. 1707.
	81—82.	Pratique de la Memoire universelle. 1719. 2 T.
	83—87.	Geographie universelle par de la Croix. T. 1—5.
H. Graeca.	31—33.	Histoire de la guerre de Peleponese. T. 1—3. 1714.
	67.	Histoire d'Alexandre le Grand par Q. Curce. 1709. 2 T.
H. Romana	57.	Histoire Romaine depuis la fondation. 1716.
	58.	„ des deux Triumvirats. Amst. 1715.
H. Galliae	38.	Le Sacre et Couronnement du Roi de France. 1620.
H. M. Britan.	68—70.	Histoire der revolutions d'Angleterre p. le P. d'Orleans. 3 T.
	79.	Histoire de Cromwel. Utrecht. 1692.
H. Belgii	12—14.	Histoire de la guerre de Flandre par Strada. T. 1 — 3.
	22—23.	Histoire de Hollande par Neufville. Paris. 1702.
H. Hispan.	50.	Histoire de la vie du Cardinal Ximenes. 1704.
H. Eccles.	93—94.	Histoire des iconoclastes. Par. 1683. 2 T.
	106—120.	Histoire des Juifs par Basnage. 1716. T. I—XV.
	138.	Moeurs des Chretiens par Fleury. Par. 1713.
	139.	„ des Israelites par Fleury. 1712.
H. German.	83—86.	Histoire de l'Empire. T. 1—4. 1715.
	104.	La vie de l'Empereur Charles V. Amst. 1704.
E. Exotica.	39—41.	Voyage de Lucas. 1714. T. 1—3.
	47—48.	Voyages de Lahontant. 2 Vol. 1718.
	49—50.	Histoire de la Conquete du Mexique. Par. 1714. 2 T.
	72—81.	Voyages de Chardin en Perse. Vol. 1—9. 1711.
	115.	Voyage de Struys en Moscovie. T. 1. 1719.
Epistolog.	110.	Lettres de Rabutin C. de Bussy. 2 Vol.
	196.	Lettres de Fontenelle. 1716.
	202.	Lettres d'amour d'une Religieuse Portugaise. 1701.
	205.	Mercure galant.
Lexicogr.	200.	Veneroni, Maitre Italien. 1713.
	201.	„ , de la pronontiation de la Langue franç. 1703.

Classes	Nro	
Mathemat.	7.	Dictionair Mathematique par Ozanam. 1691. 4°.
	43—44.	Ozanam, Recreations mathematiques. 1694. 2 Tomes.
	24—28.	Ozanam, Cours de Mathematique. 1693. 5 Tomes.
	49.	„ Nouvelle Geometrie practique. 1693.
	86.	Les Elemens d'Euclides. Paris. 1709.
	140.	Les Elemens de Geometrie par Mess. de Port Royal. 1711.
	200.	Practique d'Arithmetique par Claire Combe. 1702.
Archit. Mil.	7.	L'art universelle des Fortifications p. Bitainvieu. 4°.
	24.	Ingenieur François. 1696.
	50.	Pratique de la guerre par Malthus. 1681.
	74.	L'Experience de l'architecture militaire. 1685.
	81.	L'Art de la guerre. 1672.
Politici	75.	Le Prince par Machiavel. 1714.
	142.	L'Homme de Cour par Gracian. 1710.
	174.	Le Testament politique par Colbert. 1694.
	221.	Le Testament politique par Louvois. 1706.
	289.	Nouveaux Interets des Princes de l'Europe. 1686.
	347.	Les devoirs de la Vie domestique.
	354.	Les Caracteres du faux et du veritable Amour. 1716.
Critici	81.	Apophtegmes des Anciens. 1664.
	96—101.	L'Espion dans les Cours des Princes Chretiens. T. 1—6.
	132—35.	Le Spectateur 1722. T. I—IV.
	164—66.	Explication des fables par Banier. T. 1—3.
	201—202.	Oeuvres de Cyrano Bergerac. 1709. 2 Tomes.
	281—89.	Memoires des Hommes illustres par Brantome. 9 T.
	348—50.	Lucein de la traduction de Mr. d'Ablancourt. 3 T.
	271.	Les Galanteries Angloises. 1700.
Philosoph.	40—41.	Rohault. Traité de la Physique. T. I. II. 1705.
	209—210.	Malebranche. De la recherche de la Verité. 1721. T. 1—4.
	211—212.	Malebranche. Entretiens sur la Metaphysique. 1711. 2 T.

Classes	Nro	
H. Litter.	321.	Des Enfans celebres par leurs Ecrits. 1688.
	329—30.	Histoire des 7 sages par Larrey. 2 T. 1714.
Poetae	264—65.	Oeuvres de Racine. 1713. 2 T.
	266—67.	Les metamorphoses d'Ovide. 1718. 2 Tomes.
	309—13.	Le Theatre de P. Corneille. Vol. 1—5.
	386.	Histoitre poetique par Gautruche. 1705.
	396.	Les Prophetics de Nostradami. Lyon.
Geneal.	7—9.	Les Maisons Souveraines de l'Europe par Buffier.
	14—17.	Les Souverains du Monde. 1721. T. I—IV.

Книги Абрама Петровича, какъ видно изъ заголовка Реэстра, по возвращеніи его изъ ссылки, когда онъ уже былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ оберъ-комендантомъ въ Ревель, были ему возвращены.

Въ Архивѣ Конференціи Академіи Наукъ есть еще указаніе на то, что еще въ 1726 г. у А. П. Ганнибала были взяты книги для Библіотеки Ея Императорскаго Величества, и что онъ получилъ за нихъ 200 рублей[1]). Вотъ два документа, касающіеся этого дѣла:

1) По указу Ея Императорскаго Величества велѣно капитану лейтенанту отъ гвардіи Преображенскаго полка, Авраму Петрову, за его книги, которыя взяты въ библіотеку Ея Императорскаго Величества, выдать денегъ двѣсти рублевъ, съ росписко̀ю, и на щетъ академическій поставить.

Санктъ-Питербурхъ. 1726 г. марта 26. Laurent Blumentrost.

2) 26 марта 1726 г.

По указу Ея Имп. Величества выдано капитану-лейтенанту отъ гвардіи Преображенского полку Аврааму Петрову за книги его, которыя взяты въ библіотеку Ея Имп. Величества денегъ двѣсти рублевъ—200. «выше писанные денги двесте рублевъ Абрамъ Петровъ принелъ и росписался»[3]).

---

1) «Матеріалы для исторіи Имп. Акад. Наукъ, т. I, С.-Пб. 1885, стр. 184; Архивъ Конференціи Имп. Академіи Наукъ, кн. 417, № 57. Сообщено Б. Л. Модзалевскимъ.

2) ib., книга 1027, л. 14 об. Сообщено Б. Л. Модзалевскимъ.

3) Собственноручная росписка.

Остается не выясненнымъ, были-ли это тѣ книги, которыя значатся въ вышеприведенномъ каталогѣ и которыя, какъ видно изъ писемъ Шумахера къ Ганнибалу, тоже были оцѣнены въ 200 рублей, — или же на реэстрѣ книгъ Ганнибала неправильно выставленъ 1730 годъ.

Можно еще предположить, что Ганнибалъ сначала, въ 1726 г., передалъ въ Императорскую Библіотеку часть своихъ книгъ, а остальныя были взяты туда уже послѣ отъѣзда Абрама Петровича въ Казань и Сибирь.

По поводу книгъ, перечисленныхъ въ реэстрѣ, между Совѣтникомъ Академической Канцеляріи и библіотекаремъ Академической Библіотеки І. Д. Шумахеромъ и Ганнибаломъ въ 1742 году возникла цѣлая переписка. Въ Архивѣ Конференціи Императорской Академіи Наукъ есть только одно письмо Абрама Петровича къ Шумахеру [1]), за то сохранились черновики нѣсколькихъ отвѣтныхъ писемъ Шумахера, адресованныхъ Ганнибалу въ Ревель. Они сообщены мнѣ также Б. Л. Модзалевскимъ. Книги Ганнибала, у него взятыя, были переданы въ Императорскую Библіотеку вмѣстѣ съ каталогомъ, при чемъ за нихъ было уплачено 200 рублей, какъ это видно изъ слѣдующаго письма Шумахера.

Quoique nous ayons fait une recherche la plus soigneuse pour deterrer le catalogue de Vos livres, nous n'avons pû encore réussir. Nous le cherchons encore et nous le trouverons, je suis sûr, si Monsieur de Blumentrost ne l'a gardé. Car je me souviens de l'avoir vû et j'ay crû le trouver parmi nos catalogues ou parmi les actes de la Chancellerie. Peutêtre, Monsieur, que vous en avez Copie? Mais qu'on le trouve ou qu'on ne le trouve pas, vous ne perdrez rien. Dans le dernier cas je feray une collection des livres pour deux cent Roubles qui egaleront bien ceux que l'Académie avoit de vous.

Je suis avec beaucoup de considération. . .

D. 6-t. Aprill 1742.

An Herrn General-Major und Ober-Commendanten Hannibal à Revall. P. Posto durch Calachnikoff [2]).

---

1) Архивъ Конференціи Имп. Академіи Наукъ, кн. 65, л. 57. 2) Тамъ-же, исход. письма, кн. № 16, письма 1742 г., л. 19—20.

Неизвѣстно, согласился-ли Абрамъ Петровичъ вмѣсто своихъ книгъ получить библіотеку, составленную Шумахеромъ, или былъ, наконецъ, найденъ его каталогъ, но только черезъ два мѣсяца послѣ перваго письма библіотекарь Академіи увѣдомлялъ Ганнибала, что книги будутъ ему посланы по почтѣ: между Ревелемъ и Петербургомъ ходили въ то время почтовыя кареты. На жалобу Абрама Петровича о неправильной доставкѣ газеты («Петербургскія Вѣдомости») Шумахеръ увѣдомлялъ его о томъ, что имъ приняты мѣры чтобы газета впредь доставлялась ему аккуратно:

Monsieur.

J'ay prié M-r le Directeur des Postes d'Asch de me vouloir avertir, quand des voitures arriveront icy de Revall, pour avoir le plaisir de vous envoyer les livres en retour. En attendant, Monsieur, je me donne l'honneur de vous présenter le catalogue de ceux qui sont empaquetés avec la notte de ceux qui manquent. Pour la Gazette, s'etoit la faute de celuy qui en est chargé. J'ay reiteré les ordres de vous l'envoyer regulièrement sous peine d'être chatié. Voila tout ce que j'y peux faire. Au reste je suis avec beaucoup de consideration...

A St. Pétersbourg
Ce 19 Juin 1742

An Herrn General-Major und Ober Commendanten von Hannibal à Revall. P. Posto [1]).

Шумахеръ относился съ величайшею любезностію къ Ганнибалу и хлопоталъ о пополненіи его библіотеки, выписывая изъ Голландіи книги, которыхъ нельзя было найти въ Петербургѣ. Повидимому, Абрамъ Петровичъ не могъ получить обратно изъ Библіотеки всѣхъ бывшихъ у него книгъ или желалъ обмѣнять ихъ на другія. По крайней мѣрѣ книги, значащіяся въ приложенномъ къ третьему письму Шумахера спискѣ, не находятся въ извѣстномъ уже намъ каталогѣ Абрама Петровича.

---

1) Архивъ Конференціи Имп. Академіи Наукъ, исход. письма, кн. 16, письма за 1742 г., стр. 57.

Пересылка книгъ сопряжена была съ нѣкоторыми затрудненіями: почтовыя кареты, предназначенныя главнымъ образомъ для пассажировъ, не всегда могли вмѣстить объемистые тюки съ книгами.

3-го іюля 1742 г. И. Д. Шумахеръ писалъ А. П. Ганнибалу:

Monsieur,

Je crois de Vous faire plaisir quand je Vous manderay que le facteur de l'Académie ait trouvé dans son magazin encore les livres marqués dans le billet cy-joint. Les autres viendront d'Hollande comme j'ay eû l'honneur de Vous marquer dans ma précedente. Si le Voiturier Stahl habitant de Reval n'avoit pas été obligé d'y transporter le Prof. Tier, il auroit se charger de Vos livres. Mais il nous a promis de le faire après son retour. En cas que Vous le voyez, Monsieur, je Vous prie d'en parler à luy-même. Je suis avec beaucoup de considération...

St. Petersburg d. 3—t. Juil 1742.

P.S. Discours sur le Gouvernement, 8°, Vol. 1—3.
Avantures de Neoptolome. 8°.
Traité du Nivellement. 8°.

An Herrn General Major und Ober-Commendanten von Hannibal à Revall.

P. Posto[1]).

Въ концѣ іюля послѣднія книги были отправлены въ Ревель, и Шумахеръ просилъ Ганнибала уплатить 200 рублей книгопродавцу-коммиссіонеру Академіи, которому поручено было пріобрѣсти тѣ же книги и для Императорской Библіотеки.

Vous trouverez par la quittance cy-jointe de Jurgen Jurgenschen que j'ay m'acquitté de ma promesse d'une maniére que j'espere que Vous en serez content. Je souhaite seulement que tout vous soit remis bien conditionné. Si Vous trouvez moyen, Monsieur, de faire payer les deux cent Roubles au facteur de la Libraire de l'Académie qui est chargé d'acheter les mêmes livres, pour la Biblioth., je vous seray bien obligé. Au reste,

1) Архивъ Конференціи Имп. Академіи Наукъ, исход. письма, кн. № 16, письма 1742 г., стр. 66.

Monsieur, si vous jugez que je puisse vous être utile icy en quelque chóse, ordonnez, s. v. p.,—vous me trouverez toujour pret, étant avec beaucoup de considération...

A St. Pétersbourg, ce 22 Juill. 1742.

Avec un Cass., sig. M. H.

An Herrn General-Major und Ober Commendanten von Hannibal à Revall [1]).

По полученіи книгъ Абрамъ Петровичъ убѣдился, что въ числѣ ихъ недоставало еще нѣсколькихъ сочиненій, почему и послалъ списокъ ихъ Шумахеру съ просьбою ему ихъ доставить.

Шумахеръ съ обычною любезностію увѣдомлялъ Ганнибала, что требуемыя имъ книги уже выписаны:

Monsieur,

Comme j'ay deja donné ordre de faire venir les livres qui Vous manquent selon Votre dernière notte, j'espère que Vous aurez la bonté, Monsieur, d'honneur (sic) la lettre de change, donnée en faveur de M-r Asch, Directeur des Postes, à Votre charge. Si Vous me trouvez capable de Vous servir en d'autres occasions, je Vous prie, Monsieur, de me charger de vos ordres. Je suis avec beaucoup de consideration...

D. 11 Setptbr. 1742

An H. Hannibal à Reval. [2])

Переписка о библіотекѣ Ганнибала заканчивается этимъ письмомъ Шумахера. Очевидно, Абрамъ Петровичъ остался вполнѣ удовлетворенъ подборомъ присланныхъ ему книгъ.

Но между возвращеніемъ Ганнибала изъ Сибири и этими его хлопотами о библіотекѣ прошло около двѣнадцати лѣтъ,—можетъ быть, самыхъ тяжелыхъ въ его жизни. Несчастная женитьба его, въ 1731 г., на Евдокіи Андреевнѣ Діоперъ причинила ему много горя. Вскорѣ послѣ свадьбы Абрамъ Петровичъ былъ откомандированъ въ Перновъ для обученія кондукторовъ математикѣ и

1) Архивъ Конференціи Имп. Академіи Наукъ, исход. письма, кн. № 16, письма 1742 г., стр. 78.

2) Архивъ Конференціи Имп. Академіи Наукъ, исход. письма, кн. № 16, письма 1742 г., стр. 98.

черченію. Измѣна жены была причиной трагедіи, разыгравшейся въ семьѣ Ганнибала. Сначала онъ училъ жену по Домострою, когда же эти мѣры не принесли желательнаго результата, онъ всячески истязалъ ее, продержалъ ее 5 лѣтъ въ тюрьмѣ, обвиняя ее съ сообщникомъ не только въ измѣнѣ, но и въ намѣреніи отравить его [1]).

Авторы, писавшіе о Ганнибалахъ, приписываютъ обыкновенно характеризующую ихъ будто бы жестокость африканскому ихъ происхожденію. Едва-ли это справедливо: читая хроники чисто русскихъ семей, записки и воспоминанія о крѣпостномъ правѣ,— и не только первой половины XVIII, но даже и XIX столѣтія,— мы можемъ убѣдиться, что жестокость была свойственна нравамъ того времени, а не была исключительнымъ достояніемъ африканцевъ. Абрамъ Петровичъ, несмотря на свое происхожденіе, по духу былъ чисто русскимъ человѣкомъ; воспитанный Великимъ Петромъ, проведя въ его близости столько лѣтъ, Ганнибалъ и не могъ быть инымъ: не существуй въ Россіи обычая жестоко расправляться съ виновными членами семьи, подчиненными и крѣпостными, вѣроятно, и Ганнибалы не проявляли бы въ этихъ случаяхъ приписываемой имъ жестокости.

Въ тридцатыхъ годахъ XVIII в., подъ гнетомъ временщика Бирона, въ Россіи жилось тяжело. Ганнибалъ сталъ хлопотать объ отставкѣ, но получить ее было не легко: тогда всѣ обязаны были служить; къ счастью для Абрама Петровича ему покровительствовалъ тогда Минихъ, цѣнившій его, какъ способнаго и знающаго инженера, и содѣйствовалъ ему въ полученіи отставки въ 1733 г., по болѣзни: Абрамъ Петровичъ, принимавшій участіе въ войнѣ за Испанское наслѣдство въ рядахъ французскихъ войскъ, былъ раненъ въ голову и страдалъ головными болями.

По выходѣ въ отставку онъ поселился въ деревнѣ, въ окрестностяхъ Ревеля, гдѣ и провелъ около восьми лѣтъ, и въ 1736 году,

---

1) Б. Л. Модзалевскій, Родъ Пушкина — Собр. соч. Пушкина, подъ ред. С. А. Венгерова, стр. 18.

не дождавшись окончанія дѣла о разводѣ съ женою, женился на Христинѣ фонъ Шёберхъ.

Послѣ паденія Бирона А. П. Ганнибалъ вновь былъ принятъ на службу (въ январѣ 1741 г.) — подполковникомъ артиллеріи, съ назначеніемъ въ Ревельскій гарнизонъ. Въ этомъ же году вступила на престолъ Императрица Елисавета; она вспомнила о крестникѣ своего отца, произвела Ганнибала въ генералъ-маіоры изъ подполковниковъ и назначила его оберъ-комендантомъ Ревеля.

Дѣятельная натура Абрама Петровича требовала усиленной работы: онъ съ горячимъ рвеніемъ относился къ своимъ служебнымъ обязанностямъ: безпрестанно указывалъ начальству на совершаемыя въ Ревелѣ злоупотребленія, съ которыми энергично боролся; указывалъ на неотложныя нужды, на упадокъ дисциплины, однимъ словомъ — на разстройство военнаго дѣла; это дѣлало его, конечно, очень непріятнымъ въ глазахъ нѣкоторыхъ лицъ. Сослуживцы Ганнибала и его подчиненные, недовольные его требовательностью и постояннымъ стремленіемъ водворять законность въ той сферѣ, гдѣ до тѣхъ поръ царствовала распущенность и произволъ, — старались всячески уязвить Абрама Петровича. Такъ, напр., торжественное празднество, устроенное Ганнибаломъ въ Ревелѣ въ день коронаціи Императрицы Елисаветы Петровны (25-го апрѣля 1742 г.), Ревельскимъ кореспондентомъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» было приписано губернскому совѣтнику фонъ-Бреверну. Трудно предположить, чтобы это было сдѣлано по невѣдѣнію, а не изъ желанія досадить нелюбимому оберъ-коменданту.

Такъ какъ «С.-Петербургскія Вѣдомости» издавались при Академіи Наукъ, Абрамъ Петровичъ обратился къ Шумахеру съ слѣдующимъ протестомъ:

Высокоблагородны і высоко почтенны г-днъ Советникъ.

Присемъ посылаю до вашего высокоблагородія реляцію, что здесь происходила 25 числа апреля в высокоторжественны день Коронованія Ея Імператорского Величества, понѣже в Питербурскихъ авизныхъ подъ № 37-мъ об Ревелскихъ ведомостяхъ напечатано, якобы у Советника

Губѣрніи фон Бревера о полудни обретающияся здесь шляхетство и знатные гражданские служителі и городской магистратъ богато трактованы імъ Бреверомъ, і то напрасно, понѣже что происходилъ при здешнѣмъ городѣ кокой трактаментъ, то было у мѣня, а нѣ у Совѣтника Бревера, и того ради прошу васъ посылаемую реляцию при семъ приказать во авизи напѣчатать, а я остаюсь с моимъ почтеніемъ

Вашему Высокоблагородію
покорны слуга
А. Ганнибал.

Мая 17 дня
1742 году
Ревель.

Записавъ въ журналъ, оную реляцію внѣсть
в авизіи, а к генералу маэору Гдну Ганнибалу
послать письмо. І. Д. Шумахеръ[1]).

Подано мая 25 числа 1742 году № 487.

Шумахеръ, напечатавъ присланную Ганнибаломъ реляцію[2]) въ газетѣ, увѣрялъ его, что первая корреспонденція, появившаяся въ 37-мъ № «Вѣдомостей», была сообщена извѣстнымъ Академіи лицомъ:

Превосходительный г-динъ генералъ маіоръ и оберъ комендантъ
Г-дрь мой.

По желанію Вашего Превосходителства присланная ко мне для внесенія въ Санктъ Петербургскія Вѣдомости реляція о происъходившемъ въ Ревелѣ торжестве въ день высокого коронованія Ея Імператорскаго Величества напечатана по всему ея содержанію подъ № 42; что до прежняго Ревельскаго артикула касается, о которомъ ізволите въ своемъ писме миновать, бутто онъ внесенъ напрасно, то я могу Ваше Провосходительство уверить, что оной присланъ к намъ отъ достовернаго человека, чрезъ котораго мы [для Вѣдомостей] отъ многихъ летъ получали

---

1) Архивъ Конференціи Имп. Академіи Наукъ, дѣло 1742 г., кн. № 66, л. 445. Напечатано въ «Матеріалахъ для исторіи Имп. Академіи Наукъ», т. V, С.-Пб. 1889, стр. 139. Сообщено мнѣ Б. Л. Модзалевскимъ.

2) См. у М. Д. Хмырова. Историческія статьи. Генералъ-Аншефъ А. П. Ганнибалъ, стр. 38.

всегда верныя реляціи із Ревеля, между темъ, ежели бы о томъ, что ныне внесено, в надлежащѣе время въ Академію сообщено было, какъ мы того ожидали, то бы нынешнѣе желаніе еще тогда совершенно іспол-нится могло.

Пребываю съ должнымъ почтеніемъ

Вашего Превосходительства

покорный слуга.

Мая 25 дня
1742 [1]).

Въ іюлѣ того же года Ганнибалъ, торжественно отпраздно-вавъ день тезоименитства Принца Гольштейнъ-Готторпскаго, препроводилъ Шумахеру, вмѣстѣ съ письмомъ, и описаніе тор-жества для помѣщенія въ газетѣ. Но Академія Наукъ оказалась недостаточно компетентной въ области цензуры, которая и была передана Сенату. Шумахеръ, извѣщая объ этомъ Ганнибала, въ слѣдующемъ письмѣ обращалъ его вниманіе на скудость и безцвѣтность газеты со времени ея подчиненія цензурѣ Сената:

Monsieur.

J'ay bien reçue l'agreable lettre du 1 Juillet que Vous m'avez fait l'honneur de m'écrire touchant la celebration de la fête que Vous avez donnée a l'occasion du jour du Nom que porte S. A. R. Msgr le Duc de Holstein-Gottorp. J'en aurais fait mettre, Monsieur, un article dans la Gazette de la manière, comme Vous m'avez mandé de l'avoir celebrée, si l'Ukase du H. Senat emané depuis 15 jours ne m'en avoit pas empechée. On y defend à l'Académie sous peine d'imprimer la moindre chose qui regarde la Russie sans avoir été approuvé auparavant par le Compt. du Senat. Tous les articles que nous luy avons présentés depuis cet ordre pour les approuver, furent rejettez par luy, pretendant de ne pouvoir pas les approuver sans être informé luy-même de celuy qui les a communiqué. Ainsi, Monsieur, si Vous souhaitez de voir imprimé quelque chose de Vôtre part, choisissez le Canal sup. que je viens de Vous indiquer. Faites

1) Архивъ Конференціи Имп. Академіи Наукъ, дѣло 1742 г., кн. 66, л. 446. Напечатано въ «Матеріалахъ для исторіи Имп. Академіи Наукъ, т. V, С.-Пб. 1889, стр. 145. Сообщено мнѣ Б. Л. Модзалевскимъ.

reflexion sur la gazette imprimée depuis ce temps là et Vous la trouverez, Monsieur, bien maigre. Aurest je suis à Vous autant que dépendra de moy, ayant l'honneur d'être...

St. Petersburg, d. 6—t July 1742.

An H. General-Major und Ober-Commendant von Hannibal à Revall P. Posto [1]).

Письма Абрама Петровича изъ Ревеля развертываютъ передъ нами любопытную картину служебныхъ нравовъ того времени и ярко освѣщаютъ неутомимое стараніе Ганнибала вездѣ и во всемъ поддерживать законность. Письма его къ Ивану Антоновичу Черкасову изъ Ревеля, находящіяся въ Государственномъ Архивѣ, напечатаны Н. А. Гастфрейндомъ [2]), кромѣ одного изъ нихъ (1746 года), найденнаго нами среди переписки графа Ал. П. Бестужева-Рюмина съ Иваномъ Черкасовымъ, — единственнаго письма, гдѣ Абрамъ Петровичъ говоритъ о своихъ личныхъ, а не о служебныхъ дѣлахъ.

Милостивый Государь мой Иванъ Антоновичъ [3]).

Я Вашему Превосходителству по сіе время и по отѣзду моего не могъ смѣлости принять мои покорными служить, дабы Ваше Превосходителство за случившимися вамъ и без того суетами не обеспокоить, нынѣ же приялъ смелость донесть: дѣло мое по коммисіі разграниченія незнаемо по какому нещастію и понынѣ ни малого плода не їместъ, нынѣ же, какъ и сами изволите приметить, наступаетъ зимнее время, гдѣ и бес того претерпѣвалъ, за недостаткомъ к пропитанію, нужду, а нынѣ и колми паче того за зимнимъ временемъ последовать можетъ, того бы ради желалъ на зимнее время в деревишки мои уволнену быть, гдѣ бы по повозаводившему случаю хотя бы малое поправить что могъ, а какъ бы приспело время къ ѣзде на коммисію, тогда бы без всякихъ принужденей готовость мою я обявить не оставилъ, о чемъ я къ его высокографскому

1) Архивъ Конференціи Имп. Академіи Наукъ, исход. письма, кн. 16, письма 1742 г., стр. 69. Сообщено мнѣ Б. Л. Модзалевскимъ.

2) Н Гастфрейндъ. Письма Абрама Ганнибала.

3) Государственный Архивъ 1743—48 г. XI, № 234. Переписка гр. Ал. Петр. Бестужева-Рюмина съ бар. Иваномъ Черкасовымъ, на 199 листахъ, л. 161—168.

снятелству графу Алексѣю Петровичу[1]) съ прошеніемъ писалъ, в коемъ случае ї васъ, милостивого государя, прошу в той моей крашей бедности помочь, въ протчем же препоручая в вашу высокую милость, пребуду какъ и всегда со глубочайшимъ респектомъ

Вашего Превосходителства
Милостиваго Гасударя моего
Нижайшій слуга
А. Ганнибалъ.

Шкокфорсъ
12 октября
1746 г.

P. S. Ахти какая бѣда: въ приездъ мой сюда нашелъ было моего вѣрного брата и пророка Норемберха, коимъ мое здѣшнее скучное житье отъ времени до времени увеселялъ, но и того более двухъ месяцевъ лишился, знатно по ево меленсоличному разсужденію во Фридрихсъ гаме заключили, на которого мѣсто во всемъ ему подобного воздушного гадателя барона Попчодага (?) иметь удостоился было, но и тотъ възвертевшись в Стокгольмъ обещая вскоре возвратится уѣхалъ, и безъ обоихъ при скучномъ моемъ житие остался пешъ.

Ознакомившись со слѣдующимъ письмомъ графа Бестужева-Рюмина къ барону Черкасову, можно, пожалуй, сдѣлать предположеніе, не былъ-ли «вѣрный братъ и пророкъ Норемберхъ» — бригадиръ Пашковъ или кто-либо изъ его подчиненныхъ.

Превосходительный Баронъ.

Сего момента Степанъ Федоровичь, будучи у меня мнѣ сказывалъ, что отъ брегадира Пашкова репортъ полученъ, коимъ образомъ онъ и с галерами толко до Фридрихсгама дошелъ и яко ваше превосходительство из такого медлителнаго вояжа, не выдержавъ онъ, по его собственному допошенію, какъ толко два штурма слѣдовательно внять недель, имѣя доволно тихой погоды, способно в Ревель допти могъ бы, доволно примѣтить изволите, от кого сие штучки сграны; и хотя помянутой брегадиръ указа себѣ неспрашиваетъ, можетъ-ли онъ при нынешнемъ, уже поздомъ времяни путь свой далѣе продолжать (а не достигвши до Ревеля

1) Бестужеву-Рюмину.

въ Гелсингфорсе зимовать)[1]), то мнѣ однако за потребно быть видится не токмо на то не дозволять (і лучшемъ въ Фригс Гаме велеть зимовать), ибо онъ без сумнѣния по всѣмъ шведскимъ гаванямъ галеры свои разсѣялъ бы, а темъ доволно желаемой нѣкоторыми шведской крикъ и шумъ, которого попынѣ не находится, въ дѣйство произвелъ бы да и напрасные убытки причинилъ бы . . .[2]).

Ал. Бестужевъ-Рюминъ.

окт. 22 дня.
1746 г.

Непріязненное отношеніе окружающихъ къ Ганнибалу не могло не отозваться на его репутаціи. Его аттестовали, какъ человѣка неуживчиваго, перессорившагося со всѣмъ генералитетомъ Ревеля, не терпимымъ сослуживцами и подчиненными. Даже и впослѣдствіи, получая высшія назначенія, онъ все-таки не былъ поставленъ въ главѣ Инженернаго Вѣдомства, хотя въ этой своей спеціальности едва-ли имѣлъ въ то время соперниковъ.

Въ 1752 г. (25-го апрѣля) онъ былъ переименованъ въ генералъ-маіоры отъ фортификаціи, при чемъ ему было ввѣрено Управленіе инженерной частью во всей Россіи[3]), но съ большими ограниченіями: ему предоставлена была только искусственная строительная часть, т. е. разсмотрѣніе 1) годовыхъ отчетовъ о вновь строившихся и исправлявшихся крѣпостяхъ, 2) вѣдомостей изъ командъ о произведенныхъ работахъ, 3) проэктовъ со смѣтами. Экономическая и инспекторская части управленія были предоставлены Канцеляріи Главной артиллеріи и фортификаціи[4]). М. Д. Хмыровъ недоумѣваетъ, почему было создано такое ограниченіе: «быть можетъ, говоритъ онъ, горячаго и сварливаго «арапа»

---

1) Слова, поставленныя въ скобкахъ, — собственноручная приписка Бестужева.

2) Госуд. Арх. 1743—1748, XI, № 234. Переписка графа А. П. Бестужева-Рюмина съ бар. Ив. Черкасовымъ на 199 листахъ, л. 165.

3) Б. Л. Модзалевскій, «Родъ Пушкина», — Соч. Пушкина, изд. подъ ред. С. А. Венгерова, стр. 18.

4) М. Д. Хмыровъ, назв. соч., стр. 57.

недолюбливали высокопоставленныя лица, отъ которыхъ зависѣла рамка назначенія, полученнаго Ганнибаломъ». Это мнѣніе, конечно, справедливо: Ганнибалъ былъ неудобенъ тамъ, гдѣ дѣло касалось денежныхъ разсчетовъ, такъ какъ онъ защищалъ бы интересы казны и преслѣдовалъ бы ея грабителей... 25-го декабря 1755 г. А. П. былъ—пожалованъ въ генералъ-поручики, а уже 4-го іюля 1756 г. въ инженеръ-генералы. Онъ состоялъ Главнымъ Директоромъ Ладожскаго канала, Кронштадтскихъ и Рогервикскихъ строеній, а также членомъ Канцеляріи Главной артиллеріи и фортификаціи [1]). Въ 1757 г. (21-го мая) была учреждена осьми-членная «Коммиссія для разсмотрѣнія положенія Россійскихъ крѣпостей»: Ганнибалъ вошелъ въ нее вторымъ членомъ (первымъ былъ генералъ-аншефъ Ферморъ) [2]), 23-го октября того же 1759 года Ганнибалъ былъ пожалованъ въ генералъ-аншефы, а 30-го августа 1760 г. Императрица Елисавета возложила на него орденъ св. Александра Невскаго [3]). Наконецъ, въ 1762 году (9-го іюня) Ганнибалъ получилъ увольненіе отъ службы за старостію и поселился въ пожалованномъ ему Императрицей Елисаветой имѣніи—Суйда; онъ провелъ тамъ послѣднія 20 лѣтъ своей жизни.

Объ этихъ послѣднихъ годахъ его жизни ничего не извѣстно; не извѣстно, куда дѣлись его бумаги и библіотека, унаслѣдованная его старшимъ сыномъ Иваномъ, — героемъ Наварина и Чесмы. Абрамъ Петровичъ умеръ въ Суйдѣ и былъ похороненъ на кладбищѣ между селомъ Суйдой и селомъ Кобринымъ; могила его, какъ выяснилось послѣ нашей поѣздки на мѣсто, донынѣ не сохранилась, надгробная плита исчезла, да и самая кладбищенская церковь Воскресенія, выстроенная въ 1718 г. графомъ Апраксинымъ, была разобрана и перенесена въ 1848 году на ея нынѣшнее мѣсто, въ село Суйду. Въ церкви донынѣ хранятся

---

1) Б. Л. Модзалевскій, назв. соч., стр. 20.
2) М. Д. Хмыровъ, назв. соч., стр. 58.
3) М. Д. Хмырова, назв. соч., стр. 62.

пожертвованныя Абрамомъ Петровичемъ «Минеи», со слѣдующей записью внизу каждаго листа:

«1775 году, іюня 21 дня, его высокопъревосъходителство генералъ аншефъ и разныхъ орденовъ кавалеръ Авърамъ Петровичъ Ганнибалъ в Суйдовской мызе въ церковъ Воскресение Христово далъ въкладу сию книгу именуемую месячную минею».

Такихъ книгъ 12. Въ церкви есть еще напрестольный серебряный крестъ съ латинскими инициалами I. H. и датой 1783 года [1]), а также старинное Евангеліе 1701 г., но безъ всякихъ указаній на то, что оно принадлежало семьѣ Ганнибаловъ. 1783 годъ на крестѣ указываетъ, можетъ быть, настоящую дату смерти Абрама Петровича. Намъ не удалось точно установить ее по метрическимъ записямъ, такъ какъ въ Суйдинской церкви Воскресенія метрическія книги сохранились только съ 1825 года, да и въ С.-Петербургской Консисторіи, куда мы обратились съ просьбою помочь намъ въ этомъ вопросѣ, намъ отвѣтили, что метрическихъ книгъ Суйдинской церкви раньше 1819 года въ Консисторіи не имѣется.

Кромѣ этихъ книгъ, до насъ дошелъ еще образъ Нерукотвореннаго Спаса, принадлежавшій Абраму Петровичу Ганнибалу; образъ этотъ — не русскаго письма, написанъ на деревянной доскѣ; на оборотѣ имѣется слѣдующая странная надпись: «Привезенъ образъ изъ Италіи 1725 г. Абрамомъ Петровичемъ Ганнибаломъ». Надпись эта, конечно, сдѣлана послѣ смерти Абрама Петровича, такъ какъ не соотвѣтствуетъ дѣйствительности: Абрамъ Петровичъ никогда не былъ въ Италіи и вернулся въ Россію въ 1723 году; можетъ быть, вмѣсто Италіи должно стоять: Испаніи, гдѣ Ганнибалъ сражался въ рядахъ французскихъ войскъ. Образъ этотъ хранился у сыновей Исака Абрамовича въ Псковской губерніи, а съ 1851 г. находился у Семена Исако-

---

1) Крестъ этотъ подробно описанъ мною въ статьѣ напечатанной въ иллюстрированномъ приложеніи къ «Новому Времени» № 13129, отъ 29-го сентября 1912 г.

вича Ганнибала; въ его семьѣ сохранилось преданіе о томъ, что Петръ Великій благословилъ имъ своего крестника передъ своею смертью; такъ, по крайней мѣрѣ, передавалъ Семенъ Исаковичъ своей женѣ. Въ настоящее время образъ этотъ находится въ Петровской Галлереѣ при Имп. Академіи Наукъ.

Необыкновенная судьба А. П. Ганнибала и его недюжинная личность интересовали многихъ, а болѣе всѣхъ, конечно, его правнука—великаго Пушкина; онъ говорилъ, что прадѣдъ его слылъ человѣкомъ суровымъ, неумолимымъ; Бантышъ-Каменскій [1]) и Д. И. Языковъ [2]) писали, что Ганнибалъ былъ горячъ, ревнивъ и скупъ, а Гельбигъ [3]) утверждаетъ, что Абрамъ Петровичъ былъ отлично воспитанъ, имѣлъ свѣтлую голову, много прилежанія къ дѣлу, отличался способностями къ военнымъ наукамъ и умеръ философомъ.

А. Ганнибалъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

1) Д. Н. Бантышъ-Каменскій, Словарь достопамятныхъ людей Русской земли, изд. 1836 г.

2) Энциклопедическій Лексиконъ, изд. 1838.

3) Helbig, Russische Günstlinge, изд. 1809.

Пушкинъ и Пнинъ.

До сихъ поръ въ литературѣ о Пушкинѣ не рѣшенъ вопросъ о происхожденіи его популярнаго «Романса»: «Подъ вечеръ осени ненастной». Оригинальная тема, серьезное къ ней отношеніе и необычайная трактовка вопроса поэтомъ поставили одиноко эту загадочную по своему происхожденію пьесу среди отроческихъ произведеній Пушкина. Пушкинъ-лицеистъ — поэтъ легкаго, поверхностнаго отношенія къ жизни: онъ воспѣваетъ вино, женскую красоту и, какъ истый эпикуреецъ, каждаго готовъ спрашивать, какъ онъ спрашивалъ Батюшкова,— почему

Подъ тѣнью тополовъ душистыхъ,
Въ кругу красавицъ молодыхъ,
Заздравнымъ не стучишь фіаломъ,
Любовь и Вакха не поешь.

На этотъ разъ юная муза Пушкина измѣнила себѣ и, среди произведеній, дышащихъ беззаботностью, восторгами первой любви, создала «Романсъ», прозвучавшій рѣзкимъ диссонансомъ въ игривыхъ, граціозныхъ мотивахъ его творчества. Поэтъ спустился съ высотъ веселящагося Парнасса на землю, увидѣлъ горькую правду жизни и высказалъ ее. Хотя «любви нѣтъ болѣ щастья въ мірѣ», но есть и оборотная сторона — «тайный плодъ любви несчастной», страданія и униженія человѣческаго существа.

Своеобразная тема «Романса», не гармонирующая съ другими лицейскими стихотвореніями Пушкина, и отрочество поэта, писавшаго подъ тѣмъ или инымъ вліяніемъ, заставляютъ насъ предполагать, что Пушкинъ и здѣсь не былъ самостоятеленъ: онъ взялъ

тему изъ книги, а не изъ жизни. Трудно ожидать отъ юноши самостоятельнаго мнѣнія, какое онъ высказалъ въ «Романсѣ»: критика «закона неправеднаго, ужаснаго» подъ-стать только зрѣлому уму взрослаго человѣка; ему нуженъ былъ образецъ, готовый взглядъ, который бы онъ могъ облечь въ поэтическую форму и, такимъ образомъ, создать одно изъ гуманнѣйшихъ произведеній своего пера.

Взглядъ комментаторовъ до настоящаго времени мало останавливался на загадочномъ «Романсѣ», и предположенія, подъ какимъ вліяніемъ онъ могъ создаться[1]), совершенно не соотвѣтствуютъ духу Пушкинской пьесы. Особенное вниманіе удѣлилъ этому стихотворенію С. А. Венгеровъ въ своемъ изданіи, но о происхожденіи «Подъ вечеръ осени ненастной» онъ говоритъ лишь нѣсколько словъ: «весьма возможно, что на Пушкина произвелъ впечатлѣніе появившійся въ «Вѣстникѣ Европы» 1813 года (ч. LXX, 3) Милоновскій переводъ Шиллеровскаго стихотворенія и, преломившись въ его чуткой душѣ, натолкнулся на размышленія въ сферѣ незаконной любви»[2]). Переводъ Милонова имѣетъ отдаленное сходство съ оригиналомъ; это скорѣе пересказъ, чѣмъ переводъ. Приводимъ краткое содержаніе этого стихотворенія. Осужденная къ смерти за убійство прижитого ребенка дѣва-мать прощается съ міромъ и, считая себя «добычей ада», приходитъ въ отчаяніе; скрылись земныя радости, гаснетъ блескъ молодой жизни и золотыхъ надеждъ. Воспоминаніе о возлюбленномъ вызываетъ проклятія на устахъ обреченной къ смерти, которая обѣщается мстить своему невѣрному любовнику даже за гробомъ:

Пусть всегда въ твоемъ умѣ
Смерть Луизы бѣдной
И призракъ ея во тьмѣ
Предъ тобою блѣдный.

---

1) Романсъ написанъ въ 1814 г. и напечатанъ въ альманахѣ Бориса Федорова «Памятникъ отечественныхъ музъ на 1827 годъ» почти противъ желанія поэта, относившаго его къ слабымъ произведеніямъ своего отрочества.

2) Пушкинъ, ред. С. А. Венгерова, т. I, стр. 158.

Горе брошенной женщины, страхъ за судьбу ребенка толкаютъ ее въ отчаяніи на убійство. Она считаетъ себя преступницей, поправшей божескіе и человѣческіе законы, «грозный адъ — тамъ ея обитель». Грозный гласъ судей для нея справедливъ, онъ своимъ приговоромъ очистилъ ея злое сердце:

Едвинъ! милостивъ Творецъ
И небесна сила,
Казнь смягчаетъ злыхъ сердецъ:
Я тебя простила.

Въ концѣ слѣдуетъ мораль:

Ахъ, не льститесь красотой,
Дѣвы непорочны!
Красота — губитель мой
И удѣлъ непрочный.

Законъ оказался строгимъ, но справедливымъ по отношенію къ матери, дважды согрѣшившей. Она виновна, но не одна. Виноватъ и ея невѣрный другъ, котораго она укоряетъ:

Вѣроломный! страсти жаръ
Ни цвѣтуща младость,
Ни залогъ любви, сей даръ,
Львовъ и тигровъ радость —
Все отвергнулъ на земли,
Скорбь со мной оставивъ.
Ты летишь одинъ вдали,
Паруса расправивъ.

Шиллеръ—Милоновъ своимъ произведеніемъ выражаютъ негодованіе вѣроломнымъ отцамъ, пользующимся легкомысленностью женщины и толкающимъ ихъ на преступленіе. Здѣсь нѣтъ трогательнаго отношенія къ невинно страдающему, какое мы встрѣчаемъ въ «Романсѣ» Пушкина. Мать-убійца не жертва общественной несправедливости, а собственнаго легкомыслія и злого сердца.

Проф. П. В. Владимировъ высказываетъ свое мнѣніе о происхожденіи «Романса» въ болѣе категорической формѣ: «рѣзкій примѣръ подражанія Пушкина—въ извѣстномъ раннемъ «Романсѣ» 1814 года («Подъ вечеръ осени ненастной») Жуковскому. Въ 1813 г. въ «Вѣстникѣ Европы» Жуковскій напечаталъ «Пѣсню матери надъ колыбелью сына». Зависимость популярнаго полународнаго романса Пушкина отъ стихотворенія Жуковскаго (также переводнаго — «изъ Беркеня») заслуживаетъ особеннаго вниманія... Молодой Пушкинъ превзошелъ своего учителя и въ реализмѣ: онъ заставилъ свою дѣву-мать грубымъ образомъ разстаться съ тайнымъ плодомъ любви несчастной»[1]). Для сравненія приводимъ цѣликомъ эту пѣсню:

Засни, дитя! Сни, ангелъ мой!
Мнѣ душу рветъ твое стенанье!
Ужель! страдать и надъ тобой?
Ахъ! тяжко и одно страданье!

Когда отецъ твой обольстилъ
Меня любви своей мечтою,
Какъ ты, плѣнилъ онъ красотою,
Какъ ты, онъ простъ, невиненъ былъ
Ввѣрялось сердце безъ защиты —
Но онъ невѣренъ, сны забыты.
Засни, дита и т. д.

Когда покинешъ легкій сонъ,
Утѣшь меня улыбкой милой.
Увы! такой же сладкой силой
Повелѣвалъ душѣ и онъ.
Но сколь онъ зналъ, къ моей напасти,
Что все его покорно власти.
Засни, дитя и т. д.

---

1) Проф. П. В. Владимировъ. Пушкинъ и его предшественники въ русской литературѣ, стр. 62—63 — въ Сборникѣ Университета Св. Владимира. Памяти Пушкина, Кіевъ. 1899 г.

Мое онъ сердце распалилъ,
Чтобы сразить его измѣной,—
Но что жъ своею перемѣной
Онъ и его не измѣнилъ?
Моя тоска неутолима;
Люблю, хотя и не любима.
Засни, дитя и т. д.

Его краса въ твоихъ чертахъ;
Открытый видъ, живые взоры;
Его услышу разговоры
Я скоро на твоихъ устахъ.
Но, ахъ! красой очаровательl
Мой сынъ, не будь, какъ онъ, предатель.
Засни, дитя и т. д.

Въ слезахъ у люльки я твоей,—
А ты съ улыбкой почиваешь!
О дай, Творецъ, да не узнаешь
Печаль, подобную моей!
Отъ милыхъ горе нестерпимо!
Да пройдетъ страшный жребій мимо!
Засни, дитя и т. д.

Навѣкъ для насъ пустыня свѣтъ!
Къ надеждѣ намъ пути закрыты!
Когда единственнымъ забыты,
Намъ сердца здѣсь родного нѣтъ!
Не намъ веселіе земное;
Во всей природѣ мы лишь двое!
Засни, дитя и т. д.

Пойдемъ, мой сынъ, путемъ однимъ,
Двѣ жертвы рока злополучны!
О! будемъ въ мірѣ неразлучны:
Страданье сноснѣе двоимъ.
Я нѣжныхъ лѣтъ твоихъ хранитель!
Ты мнѣ на старость утѣшитель.
Засни, дитя и т. д.

На первый взглядъ мнѣніе профессора Владимирова кажется убѣдительнымъ. Пушкинъ въ отроческомъ возрастѣ находился подъ вліяніемъ Батюшкова и Жуковскаго, подражалъ имъ, черпалъ въ ихъ произведеніяхъ нужный ему матеріалъ и почти всегда превосходилъ своихъ талантливыхъ учителей. Поэтому сближеніе «Романса» съ «Пѣсней» Жуковскаго является вполнѣ естественнымъ и законнымъ.

Въ обоихъ произведеніяхъ выводятся дѣвы-матери, описывается несчастная доля покинутыхъ женщинъ и прижитыхъ ими младенцевъ.

Но вѣдь выводы діаметрально противоположны. Мать «Пѣсни» прежде всего плачетъ, какъ Шиллеровская дѣтоубійца, надъ личной своей судьбой и негодуетъ на «обольстителя» и «предателя». Онъ является источникомъ ея страданій и тоски, онъ похитилъ у нея любовь и обманулъ ее. Общественный приговоръ тутъ не имѣетъ рѣшающаго значенія: что стыдъ, позоръ, упреки и людская молва, «когда единственнымъ забыты»! Предъ нами проходитъ грустная идиллія, но нѣтъ беззащитнаго положенія обманутой женщины и «отвергаемаго законами» несчастнаго ребенка. Мать не протестуетъ, не негодуетъ на предразсудки толпы, а покорно склоняетъ свою голову предъ ударами судьбы и соглашается молчаливо нести крестъ неудачливо сложившейся жизни:

Пойдемъ, мой сынъ, путемъ однимъ,
Двѣ жертвы рока злополучны и пр.

Пушкинскій «Романсъ», наоборотъ, носитъ характеръ обвиненія, бросаемаго не отдѣльнымъ лицамъ, а обществу за его предразсудки и закону, несправедливому въ своихъ отношеніяхъ къ «дѣтямъ любви» и ихъ матерямъ. Пушкинъ ни словомъ не упоминаетъ объ отцахъ, нѣтъ въ его произведеніи ни укоровъ, ни жалобъ со стороны матери на вѣроломнаго друга. Мать не убиваетъ ребенка, но и не примиряется со своимъ положеніемъ. У нея нѣтъ силъ бороться съ людскимъ суевѣріемъ, и Пушкинъ заставляетъ ее подкинуть дитя чужимъ.

Авторъ ни словомъ не обмолвился, какъ онъ относится къ такому поступку, но, видимо, считаетъ его естественнымъ и единственнымъ заключеніемъ материнской драмы. Для матери есть уже наказаніе: она лишилась ребенка, но пусть и общество несетъ тяготу, если оно такъ несправедливо къ «плоду любви несчастной». Такова мораль «Романса». Поэтому существующія мнѣнія о происхожденіи «Романса» не могутъ насъ удовлетворить. Надо искать другой образецъ, съ другими взглядами, чѣмъ у Шиллера—Милонова и Беркеня—Жуковскаго.

Замѣтимъ, что оригинальныхъ печатныхъ русскихъ произведеній на тему о незаконной любви не было, а переводныя чуть ли не ограничивались тѣми двумя, о которыхъ только что мы говорили.

Впрочемъ, еще въ царствованіе Павла I представлялась въ цензуру комедія Коцебу «Сынъ любви», но была задержана со слѣдующей мотивировкой: «что токмо дѣти незаконныя суть дѣти любви, сіе несправедливо и не благопристойно»[1]).

Образцомъ для «Романса», на нашъ взглядъ, было письмо Пнина къ Александру I, озаглавленное: «Вопль невинности, отвергаемой законами».

Имя Пнина мало говоритъ уму и сердцу современнаго русскаго читателя; оно въ настоящее время основательно забыто, но забыто не заслуженно.

Иванъ Петровичъ Пнинъ (1773—1805)[2]) среди литературныхъ круговъ и читающей публики конца XVIII и начала XIX вв. пользовался большою популярностью и должнымъ успѣхомъ. Въ началѣ литературной дѣятельности своей Пнинъ былъ пропаган-

---

1) «Сынъ любви» Коцебу былъ изданъ въ первый разъ въ 1795 г.; въ 1803 г. было второе изданіе. Въ царствованіе Павла I, видимо, былъ не разрѣшенъ выпускъ 2-го изданія. См. Г. Н. Геннади, Словарь, т. II, 409 и прим. къ Сопикову (№ 3458).

2) Лучшая біографія Пнина написана Н. Даденковымъ (Иванъ Петровичъ Пнинъ. Опытъ его біографіи и обзоръ литературной дѣятельности, Нѣжинъ. 1912 г., 74 стр.). Наша статья была сдана въ редакцію до появленія статьи г. Даденкова.

дистомъ Радищевскихъ идей, носившихся въ воздухѣ и раздѣлявшихся молодымъ поколѣніемъ образованнаго общества; въ 1798 году онъ, вмѣстѣ съ А. Ѳ. Бестужевымъ, издавалъ «С.-Петербургскій Журналъ», который просуществовалъ только годъ и былъ лучшимъ періодическимъ органомъ въ царствованіе Павла I.

Пнинъ писалъ прозой и стихами. Въ поэзіи онъ былъ вѣрнымъ послѣдователемъ Радищевской музы, выражавшейся грубоватымъ, нескладнымъ языкомъ, но упорно пѣвшей о свободѣ, человѣческомъ достоинствѣ и людскомъ страданіи въ цѣпяхъ крѣпостного права. Муза Пнина служила обществу, разила пороки и искала истину. Книга «Опытъ о просвѣщеніи», вышедшая въ 1804 г. и конфискованная правительствомъ, дала Пнину славу свободолюбиваго писателя, а имя его сдѣлалось синонимомъ стойкости и чистоты убѣжденій. Молодой писатель былъ душой и вдохновителемъ кружка литературной молодежи, группировавшейся около «Вольнаго Общества любителей словесности, наукъ и художествъ», Президентомъ котораго Пнинъ былъ въ послѣдніе мѣсяцы своей жизни. Это былъ человѣкъ огромной духовной силы: «когда бъ онъ прожилъ еще хоть десять лѣтъ, то вѣрно бы принесъ много чести себѣ, нашему обществу и даже, можно сказать, нашему Отечеству», — говорилъ о немъ А. Е. Измайловъ на торжественномъ собраніи въ память И. П. Пнина.

Пнинъ былъ побочнымъ сыномъ князя Петра Ивановича Репнина, который далъ ему прекрасное воспитаніе, но послѣ смерти не оставилъ ему ничего изъ своего огромнаго состоянія. Пнинъ былъ очень опечаленъ и оскорбленъ этимъ обстоятельствомъ. Ложное положеніе незаконнорожденнаго и забывчивость отца побудили его написать Государю письмо, которое онъ озаглавилъ: «Вопль невинности, отвергаемой законами».

Письмо начинается стихотворнымъ обращеніемъ автора къ молодому Императору, а далѣе идетъ восторженное привѣтствіе Александру I, какихъ онъ въ то время и получалъ, и читалъ значительное количество. Въ яркихъ краскахъ, съ воодушевленіемъ описываетъ Пнинъ тяжелое положеніе незаконнорожденныхъ

дѣтей. «Для чего законодательство столь далеко отдалилось здѣсь отъ природы»,— спрашиваетъ Пнинъ. Пусть скажетъ свое вѣское слово Государь; его сердце «рѣшитъ, долженъ ли сынъ отвѣчать, по закопамъ-ли онъ рожденъ, или нѣтъ, и чрезъ то лишиться всѣхъ сыновнихъ правъ, отказываемыхъ ему уже до его рожденія». По мнѣнію Пнина «весь стыдъ и поношеніе» должны претерпѣвать не дѣти, а ихъ родители. Послѣднихъ нельзя лишать возможности усыновлять незаконныхъ дѣтей на одинаковыхъ условіяхъ съ законными; если же отецъ не захочетъ признать дѣтей, межъ тѣмъ, какъ матерью будетъ доказано, что онъ является ихъ отцомъ, законъ долженъ вступиться за брошенныхъ и принудить отца признать ихъ своими. Въ томъ же случаѣ, когда ни мать, ни дѣти не имѣютъ такихъ доказательствъ, дѣти въ правѣ свободно «избрать себѣ родъ состоянія, какой они пожелаютъ». «Симъ образомъ облегчится жребій ихъ, и законъ, оградя невинность сихъ несчастныхъ, поставитъ ихъ на одну черту съ прочими сынами Отечества, которое, открывъ имъ нѣдра, утѣшитъ ихъ и успокоитъ». Но «не ослабѣетъ ли чрезъ сіи постановленія супружество и не увеличится ли еще болѣе зло»? Рѣзко отзывается Пнинъ о такъ называемомъ законномъ бракѣ, этомъ «подломъ торгѣ богатства и тщеславія», «совокупленіи имѣній», а «не союзѣ людей».

Александръ I благосклонно принялъ письмо и удостоилъ Пнина награды.

Пнинъ придавалъ большое значеніе своему произведенію и лелѣялъ надежду, что его разсужденія повліяютъ на ходъ законодательства о незаконнорожденныхъ. «О, Государь», обращается онъ къ Александру I: «доброта Твоей души, сочлененная съ мудрою Твоею дѣятельностью, коея повсечасно даешь Ты намъ сладчайшія вкушать плоды, составляетъ единственную надежду, что ты склонишь человѣколюбивый слухъ свой къ симъ невинно несчастнымъ и даруешь имъ права». Нѣсколько разъ въ письмѣ онъ призываетъ Государя внимательно отнестись къ «невинно несчастнымъ», въ риторическихъ отступленіяхъ обращается къ

благости и доброму сердцу монарха и заканчиваетъ письмо слѣдующимъ призывомъ: «между всѣми Твоими, Государь, въ пользу поданныхъ попеченіями, во дни кроткаго и справедливаго Твоего правленія, ужель предразсудокъ, владычествовавшій въ невѣжественныя времена нашихъ предковъ, сей общества тиранъ, сіе чудовище, которое, подобно Минотавру, пожираетъ невинныхъ дѣтей, приносимыхъ ему въ жертву нечувствительными отцами, будетъ и между насъ сохранять свое владычество?... Спасти невинность, оградить ее законами, обуздать своевольство, воздержать отъ развращенія, заставить свято сохранить союзъ супружества и, наконецъ, употребить всѣ нужныя для достиженія сея великія цѣли мѣры, безъ сомнѣнія, достойно Твоего вниманія»...

Взглядъ Пнина на его «Вопль невинности» раздѣляли и друзья его по «Обществу». Въ рѣчахъ, произнесенныхъ на засѣданіи, посвященномъ Пнину, Д. И. Языковъ разсматривалъ письмо, какъ незаурядное литературное произведеніе и какъ важный законопроектъ: его «Вопль невинности» раздался громко во всѣхъ сердцахъ; онъ исторгнулъ слезы у чувствительныхъ и смягчилъ ожесточенныхъ; быть можетъ, онъ возвратитъ похищенныя права у невинныхъ и соорудитъ ему памятникъ тверже всякаго металла и камня». Сынъ знаменитаго Радищева, Н. А. Радищевъ славилъ Пнина уже стихами:

Невинность смѣло защищая,
Ты предразсудки попиралъ:
Но, самъ подъ игомъ ихъ страдая,
Не робкій голосъ возвышалъ
Къ отрадѣ тѣхъ существъ невинныхъ,
Не знающихъ родства, друзей,
Отцами, ближними гонимыхъ
Въ несчастной участи своей.

О такомъ актѣ гражданской доблести говоритъ и Батюшковъ въ стихахъ «На смерть Пнина»:

Пнинъ былъ согражданамъ полезенъ,
Перомъ отъ злой судьбы невинность защищалъ.

Содержаніе «Вопля невинности», мнѣніе друзей Пшина указываютъ, что произведеніе молодого писателя не носило личнаго характера. Пшинъ одинъ разъ только въ письмѣ упоминаетъ, что онъ «невинно несчастливъ», но нигдѣ не жалуется, ничего не проситъ лично для себя. «Вопль невинности» имѣетъ общественное значеніе и является размышленіемъ на тему о «незаконной любви», какъ и «Романсъ» Пушкина, отмѣтившаго соціальный непорядокъ, ложь и людской предразсудокъ.

Былъ ли популяренъ «Вопль невинности»?

Онъ не былъ напечатанъ при жизни Пшина[1]),— вѣроятно, по личнымъ соображеніямъ, но о немъ знала читающая публика: слова Языкова свидѣтельствуютъ, что «Вопль невинности раздался громко во всѣхъ сердцахъ». Надо думать, что не одни сердца друзей отозвались на искреннее, талантливое письмо, а вся читающая и интересующаяся литературой публика. Гречъ въ своихъ Запискахъ отмѣчаетъ это произведеніе Пшина[2]).

«Вопль», какъ критика нравовъ, не представлялъ по своимъ взглядамъ ничего оригинальнаго, но какъ протестъ, какъ разсужденіе о положеніи «отвергаемыхъ законами», онъ имѣлъ въ себѣ всю прелесть новизны; послѣднее обстоятельство отмѣчаетъ и Пшинъ: «Прости, Государь, дерзновенію моему: я, можетъ быть, первый отважился излить предъ престоломъ Твоимъ чувствованія отверженной природы».

Тяжелое положеніе незаконнорожденнаго и неудачи личной жизни вынудили Пшина высказаться о важномъ общественномъ недугѣ, предложить мѣры для устраненія соціальнаго зла и по-

---

1) «Вопль невинности» впервые былъ напечатанъ Е. В. Пѣтуховымъ въ «Историч. Вѣстникѣ» за 1889 годъ, іюль.

2) Намъ удалось у провинціальнаго букиниста найти современную копію «Вопля невинности». По сличенію съ рукописью Публичной Библіотеки оказалось, что нашъ экземпляръ является копіей съ копіи; иначе нельзя объяснить крупныя ошибки и варіанты, встрѣчающіеся въ нашей рукописи. Ясно, что письмо Пшина относилось къ такимъ произведеніямъ, которымъ интересовалось общество и которое усиленно распространялось въ спискахъ не какъ запретный плодъ, а какъ интересная новинка.

пытаться, чтобы эта тема стала предметомъ обсужденія законодательныхъ сферъ.

Пушкинъ, написавъ «Романсъ», не могъ преслѣдовать такихъ широкихъ цѣлей, да и не претендовалъ на это. Пнинъ своимъ произведеніемъ «исторгнулъ слезы у чувствительныхъ» и, вѣроятно, произвелъ сильное впечатлѣніе на молодого Пушкина при чтеніи, если слѣдствіемъ чтенія былъ отроческій «Подъ вечеръ осени ненастной». Въ концѣ концовъ оба произведенія сближаетъ общность цѣли: какъ то, такъ и другое представляютъ протестъ противъ вѣкового уклада нашей обыденной жизни и обывательскихъ взглядовъ.

Имя Пнина не могло быть безразличнымъ для Пушкина: Пнинъ былъ другомъ Радищева, а предъ послѣднимъ нашъ поэтъ благоговѣлъ и даже подражалъ его музѣ, будучи юношей. Возможно, что, въ связи съ изученіемъ Радищева, Пушкинъ узналъ и о Пнинѣ, какъ авторѣ запрещеннаго «Опыта о просвѣщеніи» и «Вопля невинности». Пнинъ не былъ забытъ добрый десятокъ лѣтъ послѣ смерти: такъ его стихи печатались въ 1815 и даже въ 1819 году въ журналахъ того времени. Не заключала ли «сафьянная тетрадь», полученная поэтомъ отъ миѳическаго «двоюроднаго брата, драгунскаго солдата», и Пнинскія произведенія, какъ «презрѣвшія печать» и распространявшіяся тогда въ спискахъ? Кромѣ того, Кошанскій былъ знакомъ съ Пнинымъ, встрѣчался съ нимъ въ домѣ М. Н. Муравьева, гдѣ тотъ и другой были своими людьми; можетъ быть, учитель лицеистовъ былъ виновникомъ знакомства Пушкина съ Пнинскими произведеніями и въ числѣ привозимыхъ имъ въ Лицей книгъ были стихи и проза Пнина.

А детальное сличеніе «Вопля невинности» съ Пушкинскимъ «Романсомъ» едва-ли можетъ оставить сомнѣніе въ томъ, что не по лѣтамъ серьезный протестъ юнаго лицеиста представляетъ поэтическій пересказъ нѣкоторыхъ мѣстъ пнинскаго произведенія. Пушкинъ воспользовался главной его мыслью. Онъ обратилъ вниманіе въ письмѣ на лирическія отступленія Пнина, подку-

пающія искренностью тона, возбуждающія жалость и состраданіе. Пушкинъ своимъ «Романсомъ» также хотѣлъ «исторгнуть слезы у чувствительныхъ и смягчить ожесточенныхъ». Прекраснымъ эпиграфомъ для стихотворенія поэта служили бы слова Пнина: «Природа! что стало съ тобой! куда дѣвались права твои! во что обратилось твое святилище!» Поэтъ воспользовался до нѣкоторой степени и языкомъ автора «Вопля невинности». Пнинъ постоянно пользуется эпитетами «невинный» и «несчастный», у Пушкина встрѣчаемъ тѣ же опредѣленія: «и тайный плодъ любви несчастной»; «не встрѣтишь завтра поцѣлуя несчастной матери твоей»; «позволь себя, несчастной»; «и на невинномъ семъ твореньѣ»; «несчастный, будешь грустной думой...»; «пока лѣта не отогнали невинной радости твоей» и т. д.

Если Пнинъ называетъ ребенка «плодомъ не позволенной закономъ страсти», то у Пушкина эта фраза укладывается въ стихъ, ставшій теперь классическимъ: «тайный плодъ любви несчастной».

Сравнимъ теперь отдѣльныя мѣста Пнинскаго письма съ «Романсомъ» Пушкина:

«Брошенный на сей свѣтъ съ печальной печатью своего происхожденія въ сиротствѣ, пишетъ Пнинъ: не находя вокругъ себя ничего, кромѣ ужасной пустыни; лишенный выгодъ, съ общественной жизнью сопряженныхъ, встрѣчая повсюду преграды, поставленные предразсудками, на коихъ самые закопы основаны; и въ томъ обществѣ, котораго я часть составляю, въ которомъ равное съ прочими имѣя право на мой покой и на мое счастіе, не находя, кромѣ горести и отчаянія, и быть въ безпрерывной борьбѣ съ общимъ мнѣніемъ, — есть, Государь! самое тяжкое наказаніе, достойное одного только злѣйшаго преступника».

Поэтическимъ переложеніемъ этихъ мыслей Пнина являются слѣдующіе стихи Пушкина:

Дадутъ покровъ тебѣ чужіе
И скажутъ: ты для насъ чужой!

Ты спросишь: гдѣ мои родные?
И не найдешь семьи родной!
Несчастный! будешь грустной думой
Томиться межъ другихъ дѣтей
И до конца съ душой угрюмой
Взирать на ласки матерей.
Повсюду странникъ одинокой,
Всегда судьбу свою кляня,
Услышишь ты упрекъ жестокой...
Прости, прости тогда меня.

То же самое, что и у Пипина. У Пипина дитя, выросши, ничего не найдетъ, «кромѣ ужасной пустыни», «кромѣ горести и отчаянія», встрѣтитъ «повсюду преграды, поставленные предразсудками» и будетъ «въ безпрерывной борьбѣ съ общимъ мнѣніемъ». Пушкинскій ребенокъ «не найдетъ семьи родной», станетъ «грустной думой томиться межъ другихъ дѣтей», «съ душой угрюмой взирать на ласки матерей»; въ жизни онъ «странникъ одинокой», клянущій свою судьбу и слышащій со стороны только «упрекъ жестокой».

Одно и то же. Варіантъ одной картины, одинаковаго положенія.

Продолжаемъ дальше. Если отецъ, воспитавъ незаконнорожденныхъ дѣтей, умираетъ, то «пораженная таковымъ ударомъ мать впадаетъ съ невинными жертвами своими въ бездну золъ. Чей долгъ въ семъ случаѣ призрѣть ихъ? Къ кому прибѣгнуть они должны? Къ законамъ?— они не примутъ ихъ жалобы... Но печальный опытъ доказываетъ, что сіи несчастныя существа, лишенныя всякой помощи, всего чаще влачатъ горестную жизнь, претерпѣвая язвительныя насмѣшки, довершающія ихъ нищету и отчаяніе. Какое сердце не тронется, смотря на сіи ужасныя картины, посрамляющія человѣчество!»

Подходящимъ мѣстомъ «Романса» является строфа:

Ты спишь!... позволь себя, несчастной,
Прижать къ груди въ послѣдній разъ.

Законъ неправедный, ужасный
Къ страданью осуждаетъ насъ.
Пока лѣта не отогнали
Невинной радости твоей,
Спи, милой! горькія печали
Не тронутъ дѣтства тихихъ дней!

Лейтмотивъ обоихъ произведеній одинъ и тотъ же: «законъ неправедный, ужасный, къ страданью осуждаетъ насъ». Въ Пнинскомъ письмѣ онъ повторяется нѣсколько разъ, во многихъ варіантахъ, каждый разъ съ новыми доказательствами и разсужденіями. Пнинъ и Пушкинъ мечтаютъ о томъ времени, когда «невинность, извлеченная изъ небытія, не будетъ больше жертвой поруганія,— сія невинность, лишенная даже средства къ своему защищенію и противъ коея прошедшія времена не устыдились вооружить самые законы».

Эпиграфомъ «Вопля невинности» Пнинъ поставилъ слова «Наказа»: «Родившійся требуетъ призрѣнія». Пушкинъ въ заключительной строфѣ «Романса» идетъ дальше. Заставивъ дѣву-мать разстаться со своимъ ребенкомъ, онъ какъ бы укоряетъ общество: ты своимъ отношеніемъ къ невинному дитяти и матери довело ихъ до этого ужаснаго конца; къ такого рода призрѣнію принуждена «блѣдна, трепещуща, уныла» обращаться несчастная женщина.

Но вдругъ за рощей освѣтила
Вблизи ей хижину луна.
Блѣдна, трепещуща, уныла
Къ дверямъ приближилась она,
Склонилась, тихо положила
Младенца на порогъ чужой, —
Со страхомъ очи отвратила
И скрылась въ темнотѣ ночной.

Вѣроятно, жалостливое отношеніе поэта къ обездоленнымъ и сдѣлало «Романсъ» популярнымъ въ народѣ.

Ни одно литературное произведеніе, тожественнаго содер-

жанія съ «Романсомъ», не можетъ соперничать съ нимъ въ своей популярности. Романсъ «Подъ вечеръ осени ненастной» давно уже переселился изъ гостиныхъ на деревенскій лужокъ и распѣвается тамъ на мотивъ народнаго же творчества. Каждый Пѣсенникъ имѣетъ на своихъ страницахъ «Романсъ» и изъ произведеній Пушкина онъ можетъ состязаться только съ его же «Черной шалью».

А. Поляковъ.

Изъ письма П. М. де-Роберти къ Ѳ. Н. Глинкѣ.

8-го Апрѣля 1831 года. Москва.

...Вчера узналъ я, что вы супругъ! Отъ всей души желаю, чтобы избранная Ваша подруга во всю жизнь была достойна великаго счастія, дарованнаго ей небомъ!..

Что новаго пропзвела бесѣда Ваша съ музами? Не забыли-ли Вы, соединясь съ земной музой, о ея небесныхъ сестрахъ? Нѣтъ! Такая невѣрность для васъ невозможна.

Пушкинъ что-то замолкъ, женясь. Постараюсь увидать здѣсь его супругу, чтобы посмотрѣть выборъ его поэтическаго вкуса. Говорятъ, жена его красавица, и сумасбродъ такъ отзывается: я женился, что бы имѣть дома свою *Мадонну!* [1]).

Бѣдный Дельвигъ умеръ! Искренно пожалѣлъ я о немъ, прочтя въ газетахъ въ Одессѣ о его смерти. Предъ отъѣздомъ я видѣлся съ нимъ; онъ надѣялся скораго разрѣшенія супруги своей и ждалъ милаго первенца. О, жалкая невѣрность благъ

---

1) Срв. письмо Пушкина къ Н. Н. Гончаровой отъ 30-го іюля 1830 г.: «Я утѣшаю себя, проводя цѣлые часы предъ бѣлокурой Мадонной, похожей на васъ, какъ двѣ капли воды: я купилъ бы ее, если бы она не стоила 40,000 руб.», а также извѣстный сонетъ: «Не множествомъ картинъ старинныхъ мастеровъ».

земныхъ! О, надежда, надежда, какъ ты играешь нами, бѣдными, бѣдными!»...

Въ примѣчаніи къ стихотворенію Ѳ. Н. Глинки «Воспоминаніе о піитической жизни Пушкина» есть еще ссылка на письмо П. М. де-Р—ти, содержавшее описаніе кончины Пушкина. Въ числѣ пяти писемъ П. М. де-Роберти къ Ѳ. Н. Глинкѣ, находящихся въ «Обществѣ любителей древней письменности», этого письма, къ сожалѣнію, не имѣется.

Сообщ. *А. К. Горскій.*

Библіографическая замѣтка о стихотвореніи Пушкина „Женихъ“.

Пушкинъ написалъ «Жениха» въ концѣ 1824 г. или въ началѣ 1825 г.[1]), а въ іюнѣ 1827 г. прислалъ его къ М. П. Погодину для помѣщенія въ издававшемся тогда Погодинымъ «Московскомъ Вѣстникѣ»[2]).

Въ «Московскомъ Вѣстникѣ» «Женихъ» былъ помѣщенъ въ томъ-же 1827 г., въ № XIII, ч. IV, на стр. 3—10, но первоначально онъ предназначался для предшествовавшей книжки — № XII части III-й, для которой и былъ уже набранъ, какъ то видно изъ хранящагося въ моей библіотекѣ корректурнаго экземпляра его, въ заголовкѣ котораго напечатано:

---

1) Пушкинъ, изд. Поливанова, т. II, стр. 143; Н. О. Лернеръ, Труды и дни Пушкина (конецъ 1824 г.); Пушкинъ, Соч., подъ ред. С. А. Венгерова, изд. Брокгаузъ-Ефрона, т. III, стр. 557.

2) Н. И. Барсуковъ. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 2, стр. 123: письмо Рожалина къ Погодину. Здѣсь стихотвореніе это названо, впрочемъ, не «Женихомъ», а по имени героини — «Наташей».

Московскій Вѣстникъ.

№ XII.

Изящная словесность.

Стихотворенія.

Женихъ.

(Простонародная сказка).

Въ корректурномъ оттискѣ «Женихъ» занимаетъ стр. 313—320, на которыхъ въ № XII, вышедшемъ въ свѣтъ, были напечатаны стихотворенія: «Желаніе» А. С. Хомякова, «Безпредѣльность» (изъ Шиллера) С. П. Шевырева, «Малороссійскія пѣсни», «Въ память Веневитинова» В. И. Туманскаго и начало прозаической статьи «Италіанцы».

Почему «Женихъ» не появился въ № XII, а былъ отложенъ до № XIII, я нигдѣ указаній не нашелъ, но фактъ первоначальнаго помѣщенія его въ № XII «Московскаго Вѣстника» представляетъ собою нѣкоторое библіографическое дополненіе къ исторіи «Жениха», хотя и не существенное, но все-таки интересное для всякаго пушкиніанца.

Шрифтъ корректурнаго оттиска «Жениха» одинаковъ со шрифтомъ тѣхъ стихотвореній, которыя были помѣщены на стр. 313—315 и 318-й № XII-го, вышедшаго въ свѣтъ, и отличается отъ шрифта, которымъ «Женихъ» напечатанъ въ № XIII; расположеніе-же 8-строчныхъ строфъ и раздѣленіе ихъ одна отъ другой звѣздочками одинаковы и тутъ и тамъ. Въ послѣдующихъ изданіяхъ звѣздочки эти были выкинуты, а строфы сначала еще отдѣлялись промежутками (изданіе 1838 г., т. IV, стр. 17 и изданіе Анненкова, т. III, стр. 407), впослѣдствіи-же весь текстъ печатался сплошь.

Въ корректурномъ оттискѣ попадаются опечатки, исправленныя въ № XIII; такъ, напр.: стихъ 33—«сѣмья»; стихъ 34—«голавою»; стихъ 41—«утра» (вмѣсто «утро»); стихъ 63—«нѣвѣста»; стихъ 81—«сѣмья»; стихъ 100—«всѣ» (вмѣсто «все»); стихъ 174—«чье» (вмѣсто «чьей»).

Кромѣ того, имѣются слѣдующіе варіанты въ текстѣ:

МОСКОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ.
№ XII.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

*Жених*ъ.

(Простонародная сказка).

Три дня купеческая дочь
Наташа пропадала;
Она на дворъ третью ночь
Безъ памяти прибѣжала.
Съ вопросами отецъ и мать
Къ Наташѣ стали приступать.
Наташа ихъ не слышитъ,
Дрожитъ и еле дышитъ.

*

Тужила мать, тужилъ отецъ,
И долго приступали,
И отступились наконецъ,
А тайны не узнали.
Наташа стала, какъ была,
Опять румяна, весела,
Опять пошла съ сестрами
Сидѣть за воротами.

На утра сваха къ нимъ на дворъ
Нежданная приходитъ,
Наташу хвалитъ, разговоръ
Съ отцомъ ей заводитъ:
„Порабъ невѣсту подъ вѣнецъ,
А на примѣтъ молодецъ,
И статной, и проворной,
Невздорной, незадорной.

*

Богатъ, уменъ, ни передъ кѣмъ
Не кланяется въ поясъ,
И какъ боярин между тѣмъ
Живетъ, не безпокоясь,
А подаритъ невѣстѣ вдругъ
И лисью шубу, и жемчугъ,
И перстни золотые,
И платья парчевыя.

*

Катался, видѣлъ онъ вчера
Ее за воротами.
Не по рукамъ ли, — да съ двора,
Да въ церковь съ образами?
Она сидитъ за пирогомъ,
Да рѣчь ведетъ обинякомъ, —
А бѣдная невѣста
Себѣ невидитъ мѣста.

*

стихъ	корректурнаго оттиска	въ № XIII	въ послѣдующихъ изданіяхъ сочиненій Пушкина, начиная съ изданія 1838 г.
46	*А на примѣтъ* молодецъ		*Собою парень* молодецъ
48	Невздорной, *незадорной,*	Не вздорной, *не зазорной,*	
51	*И* какъ боярынъ между тѣмъ	*А* какъ боярынъ между тѣмъ	
79	И *льется* изъ чаши	И *льетъ остатокъ* чаши	
93	Вотъ гости честные *пошли,*	Вотъ гости честные *пашли,*	
99	Заздравный ковшъ *идетъ кругомъ;*	Заздравный ковшъ *кругомъ пошолъ;*	
137	Вотъ крикъ и конскій топъ...	Вдругъ *слышу* крикъ и конскій топъ,	
138	*Я погасила свѣчку,*		*Подъѣхали къ крылечку,*
139	*Да* поскорѣе дверью хлопъ,		*Я* поскорѣе дверью хлопъ,
166	И вдругъ, *хватаясь* за косу,	И вдругъ *хватаетъ* за косу	
168	Ей праву *ручку* рубитъ.		Ей праву *руку* рубитъ.

Бумага корректурнаго оттиска — плотная, сѣроватая, отличается отъ бумаги, на которой печатался въ то время «Московскій Вѣстникъ»; на страницахъ 313, 314, 315 и 316 видны вертикальныя полосы, напачканныя типографской краской. Корректурныхъ поправокъ нигдѣ не имѣется. На оттискѣ — толстая обложка изъ склеенной бумаги—зеленой снаружи и бѣлой внутри.

Этотъ оттискъ, являющійся теперь, вѣроятно, уникомъ, я разыскалъ въ 1911 г. въ кладовой у одного Московскаго букиниста.

Прилагаемъ снимокъ со страницъ 313 и 315 этого корректурнаго оттиска.

Дим. Ульянинскій.

Подписка на сочиненія Пушкина въ Черниговской губерніи въ 1837 году[1]).

Дѣло о подпискѣ на сочиненія Пушкина въ предѣлахъ Черниговской губерніи въ 1837 году хранится нынѣ въ Дворянскомъ архивѣ подъ № 313 и состоитъ изъ 105 листовъ. Переписка, заключающаяся въ дѣлѣ, небезынтересна въ томъ отношеніи, что показываетъ результаты усилій опеки надъ дѣтьми и имуществомъ поэта распространить свѣдѣнія объ изданіи собранія его сочиненій въ Черниговской губерніи. Несмотря на то, что тогдашній губернскій предводитель дворянства Александръ Михайловичъ Марковичъ[2]) былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ и гуманнѣйшихъ людей края, живо интересовался литературой и искусствомъ и принялся дѣятельно распространять подписку среди дворянъ своей губерніи, — итоги ея, какъ увидимъ ниже, оказались весьма плачевными; очевидно, тогдашніе мѣстные дворяне за исключеніемъ весьма немногихъ отнеслись совершенно равнодушно къ самому изданію и цѣли его.

---

1) Краткое изложеніе этого дѣла напечатано Ю. В. Татищевымъ въ его брошюрѣ: Черниговскіе архивы, Харьковъ. 1901, стр. 8—9.

2) Впослѣдствіи онъ былъ по выбору вице-предсѣдателемъ Черниговскаго Комитета по улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ и представителемъ меньшинства того-же Комитета въ Редакціонныхъ Коммиссіяхъ; род. 1790, ум. въ 1865.

Дѣло открывается печатнымъ циркулярнымъ письмомъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ слѣдующаго содержанія:

Милостивый Государь

Александръ Михайловичъ,

Вашему Превосходительству извѣстно, что въ началѣ нынѣшняго года Россійская словесность лишилась одного изъ знаменитѣйшихъ талантовъ, ее украшавшихъ. Прежде-временная кончина Пушкина поразила горестію друзей Литтературы и Отечественной славы, и Государь Императоръ, первый покровитель всѣхъ высокихъ дарованій въ своемъ Государствѣ, изъявивъ особенное милостивое участіе въ судьбѣ покойнаго, осыпалъ Своими Монаршими щедротами оставленное имъ въ сиротствѣ семейство.

Для успленія Всемилостивѣйше дарованныхъ оному пособій, опека, учрежденная надъ малолѣтними дѣтьми умершаго Поэта, приступила съ соизволенія Его Императорскаго Величества къ изданію новаго полнаго собранія всѣхъ доселѣ напечатанныхъ сочиненій его. Публика уже извѣщена о семъ ею: по я съ своей стороны, зная, сколь много творенія хорошихъ писателей способствуютъ совершенствованію языка, образованію вкуса и вообще возвышенію чувства изящнаго, вмѣняю себѣ въ пріятную обязанность, согласно съ изъявленнымъ мнѣ желаніемъ опеки, покорнѣйше просить Ваше Превосходительство принять участіе въ раздачѣ билетовъ на собраніе сочиненій Пушкина всѣмъ любителямъ Литтературы, всѣмъ ревнителямъ просвѣщенія среди Дворянства, Вами предводимаго. Кажется, нельзя сомнѣваться, что Русскіе всѣхъ сословій, всегда на поприщѣ славы и добра одушевляемые примѣромъ своего Монарха, захотятъ и въ семъ случаѣ, почтивъ память великаго поэта, съ тѣмъ вмѣстѣ способствовать и обезпеченію благосостоянія сиротъ, дѣтей его.

Увѣренный въ благосклонномъ дѣятельномъ участіи Вашего Превосходительства въ семъ дѣлѣ, я поручилъ Канцеляріи моей

доставить къ Вамъ нѣсколько билетовъ на собраніе сочиненій А. С. Пушкина.

Имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію

Вашего Превосходительства покорнѣйшимъ слугою

Д. Блудовъ.

С.-Петербургъ.
22 мая 1837.
№ 95.

Его Пре—ву А. М.
Марковичу.

Письмо это было получено въ Черниговѣ 6-го іюня, а черезъ недѣлю были присланы Канцеляріей Министерства Внутреннихъ Дѣлъ 40 нумерованныхъ билетовъ съ просьбой сообщить какъ о полученіи билетовъ, такъ и о томъ, «не окажется ли сіе количество недостаточнымъ»; при этомъ сообщалось, что деньги за проданные билеты должны доставляться въ Канцелярію, «дабы не умножать переписку безъ нужды», въ три срока: 1-го сентября 1837, 1-го января и 1-го мая 1838 года. Затѣмъ были получены отъ той-же Канцеляріи 50 печатныхъ «Объявленій объ изданіи полныхъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ А. С. Пушкина въ пользу его семейства», подписанныхъ опекунами семьи поэта графомъ Г. А. Строгановымъ, графомъ М. Ю. Віельгорскимъ, В. А. Жуковскимъ и Н. И. Тарасенкомъ-Атрѣшковымъ и датированныя 10-мъ марта 1837 года. Въ этихъ объявленіяхъ указано было, что изданіе будетъ состоять изъ шести томовъ въ восьмую долю листа, приводилось содержаніе каждаго тома и сообщалась цѣна изданія. Послѣдняя была двоякой: 1) по подпискѣ, открытой срокомъ до 1-го октября 1837 года: на ординарной бумагѣ 25 р. асс., съ пересылкою 35 р. асс., на веленевой 40 р. асс., съ пересылкою 50 р. асс.; 2) по истеченіи срока подписки: на ординарной бумагѣ 35 р. асс., съ пересылкою 45 р. асс., на веленевой 50 р. асс., съ пересылкою 60 р. асс. Кромѣ того, подписчики извѣщались, что изданіе выйдетъ въ

началѣ 1838 года, будетъ имѣть портретъ поэта, біографическія о немъ извѣстія и снимокъ его почерка, и что наблюденіе за изданіемъ приняли на себя: В. А. Жуковскій, князь П. А. Вяземскій и П. А. Плетневъ. Съ требованіями надлежало обращаться: иногороднимъ—къ служащему въ Петербургскомъ Почтамтѣ надв. совѣтн. Петру Андреевичу Штеру, а жителямъ Петербурга—въ Газетную Экспедицію Почтамта.

Извѣщая Канцелярію Министерства Внутреннихъ Дѣлъ о полученіи билетовъ, А. М. Марковичъ сообщалъ, въ концѣ іюня, что на вопросъ, не будетъ-ли недостаточно билетовъ, «рѣшительно теперь отвѣчать нельзя, но кажется, что и эти раздать будетъ трудно: когда за полученіемъ мною по сему предмету отзыва Господина Министра я предлагалъ нѣкоторымъ случавшимся у меня особамъ взять билеты, то получалъ въ отвѣтъ, что онѣ давно уже на это изданіе подписались». Тѣмъ не менѣе, билеты были разосланы (по два и по три) во всѣ 15 уѣздовъ Черниговской губерніи, при чемъ А. М. Марковичъ въ письмахъ къ уѣзднымъ депутатамъ дворянства выражалъ надежду, что какъ самъ предводитель, такъ и другія лица въ его уѣздѣ «пожелаютъ имѣть столь занимательное сочиненіе» «знаменитаго нашего поэта А. С. Пушкина, издаваемое въ пользу его семейства».

Въ августѣ стали уже поступать отвѣтныя письма уѣздныхъ депутатовъ на имя А. М. Марковича.

Изъ Черниговскаго и Стародубскаго уѣздовъ сообщали, что на полученіе сочиненій Пушкина «никто не изъявилъ своего согласія»; по одному только подписному билету оставили себѣ депутаты дворянства этихъ уѣздовъ Н. М. Комаровскій и И. В. Лайкевичъ.

Депутатъ дворянства Козелецкаго уѣзда П. Шрамченко отвѣтилъ, что для раздачи билетовъ «на сочиненіе Г. Пушкина Г. дворянамъ въ уѣздѣ онъ выѣзжалъ и предлагалъ о взятіи таковыхъ билетовъ», но въ виду того, что сочиненія оказались уже у дворянъ, билеты остались нерозданными. Та-же участь постигла подписку и въ уѣздѣ Борзенскомъ.

Депутатъ дворянства Суражскаго уѣзда П. Ѳ. Ширай оставилъ билетъ для себя; то-же сдѣлано было и въ Мглинскомъ уѣздѣ А. В. Лишинымъ.

Наиболѣе отзывчивымъ на подписку оказался уѣздъ Глуховскій. Депутату этого уѣзда Игнатію Михайловичу Богаевскому удалось раздать оба присланные къ нему билета (штабсъ-ротмистру Николаю Ивановичу Иваненку и поручику Ивану Михайловичу Богаевскому), и Губернскій предводитель, пользуясь изъявленною Богаевскимъ «обязательною готовностью» раздать еще нѣсколько билетовъ, переслалъ ему вновь два билета, которые были также вскорѣ размѣщены (полковникъ Иванъ Петро-Берхъ и Порфирій Григорьевичъ Гудимъ-Левковичъ).

Въ Новгородъ-Сѣверскомъ уѣздѣ депутатъ Н. Д. Новиковъ раздалъ два присланные ему билета: помѣщику Глуховскаго уѣзда титул. совѣтнику Якову Степановичу Дорошенку и Новгородъ-Сѣверскому 2-ой гильдіи купцу Данилѣ Игнатьевичу Цапенщкому, а третій взялъ себѣ.

Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ билеты къ концу 1837 года оказались не только нерозданными, но депутаты даже ничего не отвѣтили на просьбу Губернскаго предводителя, и послѣднему пришлось въ декабрѣ обратиться къ нимъ съ напоминаніемъ о возвращеніи билетовъ или о сообщеніи результатовъ раздачи. Нѣкоторые депутаты поспѣшили отвѣтить, при чемъ оказалось, что въ Конотопскомъ уѣздѣ Н. А. Костенецкимъ билеты были вручены женѣ колл. сов. Ульянѣ Александр. Гамалѣевой, женѣ титул. сов. Анастасіи Степановнѣ Кандыбиной и «падворнаго совѣтника и кавалера Соболевскаго сыну Виктору Соболевскому»; четвертый билетъ взялъ затѣмъ еще колл. секретарь Петръ Петровичъ Скоронадскій. Изъ трехъ билетовъ, посланныхъ въ Нѣжинскій уѣздъ, депутатъ маіоръ Е. И. Величко отдалъ одинъ Ульянѣ Ѳедоровнѣ Шкляревичъ, другой взялъ себѣ, а третій возвратилъ. Депутатъ Сосницкаго уѣзда Иванъ Петровичъ Брежинскій сообщилъ, что онъ, получивъ «три билета на выписку по онымъ сочиненій знаменитаго поэта Александра Сергѣевича

Пушкина, издаваемыхъ въ пользу его семейства, заботился о приглашеніи Сосницкаго уѣзда Г. Г. дворянъ къ полученію ими тѣхъ билетовъ за назначенную цѣну, за каждый по 35 рублей, но при всемъ его стараніи едва только успѣлъ пригласить къ тому помѣщицу Харитину Андреевичу Иваненкову и губернскаго секретаря Ивана Никифоровича Бурачка»; «оставшійся безуспѣшно» одинъ билетъ Брежинскій вернулъ обратно. Въ Городнянскомъ уѣздѣ одинъ билетъ былъ оставленъ за собою депутатомъ этого уѣзда З. Туманскимъ, а два возвращены. Кромѣ того, одинъ подписной билетъ былъ оставленъ за Черниговской Губернской Библіотекой.

Однако, къ январю 1838 года не отвѣтили еще уѣзды: Кролевецкій, Остерскій и Новозыбковскій, и А. М. Марковичъ могъ увѣдомить Канцелярію Министра Внутреннихъ Дѣлъ, что до этого момента размѣщено всего лишь 17 билетовъ. Къ этому же времени изъ Канцеляріи была получена новая циркулярная бумага, въ которой сообщалось о возможности принятія подписки по ранѣе посланнымъ билетамъ и на экземпляры сочиненій на веленевой бумагѣ. Затѣмъ та-же Канцелярія сообщила о томъ, что изданіе начнетъ выходить по томамъ съ весны 1838 года; въ бумагѣ отъ 24-го іюня 1838 года та-же Канцелярія увѣдомила А. М. Марковича, что срокъ первоначальныхъ условій подписки продленъ по 1-е ноября, и что «производимое нынѣ изданіе сочиненій А. С. Пушкина, вмѣсто обѣщанныхъ шести, будетъ состоять изъ восьми томовъ, которые и раздадутся подписавшимся безъ всякаго увеличенія подписной цѣны».

Въ іюлѣ первые три тома сочиненій разсылались уже подписчикамъ, а между тѣмъ три указанные выше уѣзда молчали, и Губернскій предводитель вновь обратился къ депутатамъ этихъ уѣздовъ съ напоминаніемъ о необходимости отвѣта на два его отношенія; когда получились отвѣты, — изъ дѣла не видно.

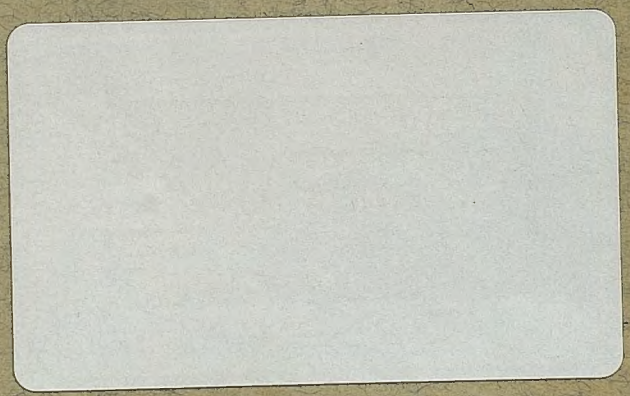
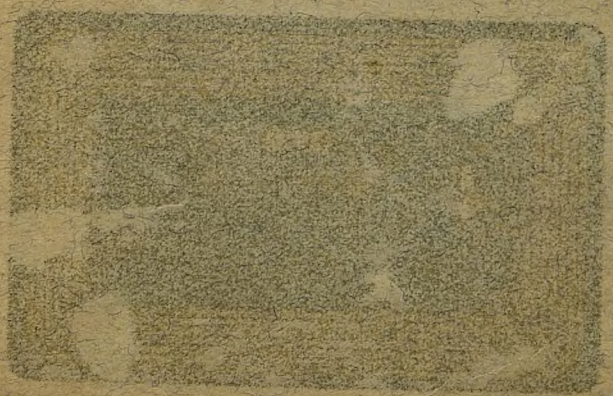
О послѣдней бумагѣ Канцеляріи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ Губернскій предводитель сообщилъ депутатамъ и просилъ

ихъ позаботиться о дальнѣйшемъ распространеніи подписки, но новыхъ подписчиковъ не явилось.

Остальные пять томовъ сочиненій Пушкина разсылались въ февралѣ 1839 года и были получены въ Черниговѣ черезъ Газетную Экспедицію Петербургскаго Почтамта.

10-го марта 1840 г. Канцелярія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ сообщила Черниговскому Губернскому предводителю дворянства о необходимости прислать разсчетъ по подпискѣ. Исполняя это предписаніе, Губернскій предводитель сообщилъ окончательный разсчетъ, изъ котораго видно, что подписка въ Черниговской губерніи дала такіе результаты: изъ 40 полученныхъ билетовъ роздано было 21, 15 возвращались обратно, 4 же не были доставлены въ Черниговъ и остались на рукахъ у депутатовъ.

В. Модзалевскій.

18 февраля 1912 г.
Черниговъ.

4765733